

№ 2(14). 2016

Берега

Калининград

Берега

Литературно-художественный и общественно-политический журнал

Цитата номера

Я — угрюмый и упрямый зодчий
Храма, восстающего во мгле.
Я возревновал о славе Отчей,
Как на небесах, и на земле.

Сердце будет пламенем палимо
Вплоть до дня, когда взойдут, ясны,
Стены Нового Иерусалима
На полях моей родной страны.

И тогда повеет ветер странный —
И прольётся с неба страшный свет:
Это Млечный Путь расцвёл неожиданно
Садом ослепительных планет.

Николай Гумилев

Апрель 2016 № 2 (14)
Калининград

Главный редактор: Лидия Владимировна Довыденко
Телефон: +7 9118630467
E-mail: dovidenko_L@mail.ru, <http://www.dovydenko.ru>

Редакционная коллегия:

Григорий Блехман — член Союза писателей России
Дмитрий Воронин — заместитель главного редактора, раздел «Проза»,
E-mail: pimin00@rambler.ru
Игорь Ерофеев — член Союза писателей России
Николай Иванов — член Союза писателей России, сопредседатель Правления
Союза писателей России
Александр Казинцев — член Союза писателей России, заместитель
главного редактора журнала «Наш современник»
Сергей Кириллов — писатель, поэт, публицист
Валентин Курбатов — член Союза писателей России, член Совета
по культуре при Президенте РФ
Александр Николашин — заместитель главного редактора, ответственный
редактор
Александр Новосельцев — член Союза писателей России
Андрей Растворцев — член Союза писателей России
Вадим Салеев — доктор философских наук, профессор, главный редактор
журнала «Артефакт» Белорусской государственной академии искусств
Светлана Супрунова — заместитель главного редактора по разделу «Поэзия»,
E-mail: suprunova60@rambler.ru
Владимир Шемшученко — член Союза писателей России

Журнал зарегистрирован
Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций по Калининградской области.
Свидетельство о регистрации ПИ № ТУ 39-00302 от 24 сентября 2014
Дата выхода номера в свет: 15 апреля 2016 года
Тираж: 1000 экз.
Адрес редакции, издателя: 236010, Калининград, ул. Белинского, 44-58
Учредитель: Довыденко Лидия Владимировна, адрес:
236010, Калининград, ул. Белинского, д. 44, кв. 58
Цена свободная
Издание предназначено для лиц от 12 +
Дизайн обложки — Анна Степанова
Фото на обложке Валентины Архиповской
Вёрстка — Елена Балантаева
Отпечатано в типографии ООО «График Артс»
г. Калининград, проспект Мира, 5, тел. 92-14-90, e-mail: 921490@mail.ru
При перепечатке материалов, в том числе использовании их в электронных СМИ,
ссылка на журнал «Берега» обязательна.
Редакция не несёт ответственности за содержание рекламных материалов,
может не разделять точку зрения опубликованных авторов.
Присланные материалы не рецензируются и не возвращаются.

Правила подачи материалов в журнал «Берега»

Материал, предлагаемый для публикации, должен являться оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях. Присылаемые рукописи должны быть сохранены документом Word (шрифт — Roman, кегль 14, межстрочный интервал — 1). Текст не форматировать, не подчеркивать, разрешается части текста выделять курсивом. Файл называть своей фамилией, в начале текста — краткие сведения об авторе — *курсивом*. Решение о публикации принимается редакционным советом журнала.

СОДЕРЖАНИЕ

Берега мужества

«История, как правило, — это не то, что происходило на самом деле...» Интервью главного редактора журнала «Берега» Лидии Довыденко с сопредседателем правления Союза писателей России Николаем Ивановым	6
Лидия Довыденко. Герой России — Павел Павлович Кретов. <i>Очерк</i>	13
Александр Можаяев. Последний нонешний денечек. <i>Рассказ</i>	19
Александр Морозов. <i>Стихи</i>	40
Екатерина Наговицына. Тонкая струна. <i>Рассказ</i>	45

Поэзия

Владимир Шемшученко. <i>Стихи</i>	51
Анатолий Аврутин. По русскому полю... <i>Стихи</i>	55
Николай Алешков. Вдоль Млечного Пути. <i>Стихи</i>	60
Елена Родченкова. Славянские ключи. <i>Стихи</i>	63
Сергей Балиев. <i>Стихи</i>	68

Проза

Юрий Серб. Маштаков и Ротлиф. <i>Повесть. Завершение. Начало в № 1 (13)-2016</i>	70
Валентина Беляева. Мальчик и Девочка. <i>Новелла</i>	94

Путевые заметки

Сергей Кириллов. Размышления по поводу, или путевые заметки	100
--	-----

Двинские берега

Любовь Шаповалова. День в декабре. <i>Лирическая зарисовка</i>	110
Евгений Матус. <i>Стихи</i>	112
Елена Пиликина. Эх, Шурочка. <i>Рассказ</i>	115

Литературные юбилеи. К 130-летию Николая Гумилева

Григорий Блехман. «Я моряк, поэт и воин»	118
---	-----

Берега культуры и искусства

Екатерина Федорова. «Для нас Ваше имя стояло рядом с именами художников той эпохи...» Круглый стол, заключающий Выставку «Прорыв», Музей театрального искусства имени А.А. Бахрушина, 16.02.2016. <i>Литературная запись</i>	128
Михаил Федоров. Юбилей Василия Панина. <i>Год кино</i>	139

Рус мир без границ

Оксана Карнович. «Маленькая русская из Медона». Переплетение судеб. <i>Интервью с князем Никитой Дмитриевичем Лобановым-Ростовским и Юрием Александровичем Трубниковым</i>	146
---	-----

Филологическая публицистика

Людмила Яцкевич. «Слова лежат в глубинах рек...»	159
---	-----

Критика

Марина Струкова. Между небом и мной... О поэзии Владимира Шемшученко	171
---	-----

Молодые берега

Анастасия Устинова. <i>Стихи</i>	175
Андрей Маменко. Сказка и ложь. <i>Эссе</i>	179
Александра Адылова. Улыбка. <i>Рассказ</i>	183

Бережок

Александра Сулова. <i>Стихи</i>	186
Иван Привалов. Самый западный день. <i>Рассказ</i>	189

Наши друзья

Советуем читать	192
-----------------------	-----

Калининград

Жилой комплекс **«Цветной Бульвар»**

Монтаж бронзового фонарищика. Скульптор Николай Фролов

Запишитесь на экскурсию по Цветному Бульвару
8 (4012) 37-99-96

Красота и тщательная планировка архитектурного ансамбля
из семи домов в стиле неоклассицизм,
особое внимание к житейским мелочам делают **«Цветной бульвар»**
жильем нового поколения.

Офис продаж:
Калининград, ул. Артиллерийская, 71.
(здание у стройплощадки комплекса)
Телефон: 8 (4012) 37-99-96
Email: cb39aip@gmail.com

Веб-сайт: <http://www.cb39.ru>
Местоположение:
ЖК «Цветной Бульвар», Артиллерийская ул. 71-83

Берега мужества

«История, как правило, — это не то, что происходило на самом деле...»

*Интервью главного редактора журнала «Берега» Лидии Довыденко
с писателем Николаем Ивановым*

Биографическая справка. Николай Федорович Иванов — сопредседатель правления Союза писателей России, драматург, автор 20 книг прозы. Лауреат литературных премий: «Сталинград», им. Н. Островского, М. Булгакова, ФСБ России, «Прохоровское поле», имени Юлиана Семенова в области экстремальной журналистики, конкурса журналистского мастерства «Слава России». Родился в 1956 году в деревне Страчево Брянской области. После окончания восьмого класса поступил в Московское суворовское военное училище. По его окончании продолжил учебу на факультете журналистики Львовского высшего военно-политического

училища. С 1977 года — в военной журналистике, начинал с корреспондента солдатской газеты в Воздушно-десантных войсках, закончил главным редактором журнала «Советский воин». Воевал в Афганистане, награжден орденом «За службу Родине в ВС СССР» III ст., медалью «За отвагу», знаком ЦК ВЛКСМ «Воинская доблесть». Имеет более 60 парашютных прыжков. Полковник. Как военный корреспондент, Николай Иванов побывал во многих «горячих точках». Довольно часто Иванов сам выходил на операции вместе с героями своих репортажей и книг. Одним из самых горьких и ярких впечатлений за период военных командировок, стал плен у чеченских боевиков, освобожден из которого через 4 месяца в результате спецоперации.

— Когда Вы были в чеченском плену, Вас там охранники называли то полковником, то Чеховым, имея в виду, что Вы писатель. А когда возникла мысль о писательстве? Чья-то судьба так вдохновила, что захотелось об этом написать? Каковы источники вдохновения? Когда Вы поняли, что Вы писатель?

— О-о-о, Чехов — это было хорошо. Если «Чехов, на выход», то бить не будут. Если вытаскивали наверх как «полковника», значит, или опять на расстрел, или просто будут бить. Азбука плена... А писатель Иванов родился из читателя Коли Иванова, который очень любил книги и читал их запоем. Кто-то восхищался сделанными машинками, самолетами, а я — книгами. Как это можно было написать? Так интересно? Старший брат как-то начал сочинять поэму о моих детских похождениях, потом он ушел в армию, а тетрадь осталась. Я ее отыскал, стал продолжать «свои» похождения. Не было ничего, кроме сюжета. Оттуда, наверное, уважение к сюжету в том числе при создании литературного произведения. Надо уважать читателя — чтобы ему было интересно, увлекательно читать тебя. ... Так что вдохновила на творчество, как ни странно, собственная судьба. Воображаемая.

— И чья судьба интереснее? Личная или та, из первой поэмы?

— Жизнь богаче любой фантазии. Она преподносит такие коллизии... Практически все мои книги имели документальный посыл — то ли ситуация, то ли судьба человека, то ли фраза...

— На сегодняшний день Вы автор двадцати книг прозы. Вы говорили, что в прозе Вам надежнее, чем в стихах, при любви и уважении к поэзии в прозе у вас там свои окопы, захваты, карты... И, безусловно, Ваши книги говорят о высоком профессионализме как военного журналиста, так и писателя. В чем секрет Вашего мастерства? У Вас были какие-то особенные учителя? Или все дело в Вашем интеллекте и обаянии личности?

— Давайте отставим последнюю фразу нарциссам: глядя только в зеркало, человек становится на цыпочки. А по жизни надо идти уверенным шагом во всю ступню. Учитель был, и его звали — Желан-

ние. Огромное желание научиться писать красиво, увлекательно. Во Львовском училище завел себе амбарную книгу, в которой на одной странице наклеивал понравившиеся мне материалы, рядом на странице делал разбор: насколько понравился заголовок, начало очерка, какие сравнения восхитили, как закончился материал. Писал и о том, что не понравилось. Препарировал все материалы, на которых останавливался взгляд. Возможно, этот журналистский прием позволил впоследствии работать над новеллами, в которых не то что слова — буквы лишней и неуместной не должно быть.

— **Краткость — сестра таланта...**

— Но враг гонорара! Так шутили во времена, когда поэтическая строчка стоила 3 рубля... Но особая моя благодарность всегда — это руководителю Псковской писательской организации Александру Александровичу Бологову. Я только приехал служить во Псков в десантную дивизию и однажды увидел вывеску организации. Набрался смелости (тельняшка на груди!) и зашел в здание. Представился. Сан Саныч попросил принести первые мои рукописные рассказы. Через день вернул и сказал: «Приноси завтра, но сократи на полторы страницы». Вот так учил сжимать пружину сюжета, выбрасывать лишнее.

— **А как рождаются такие захватывающие, динамичные сюжеты, где так много познавательного, глубокого психологизма, тончайшего проникновения в душевные движения героев? Что Вас вдохновляет?**

— В душе я, наверное, драматург. А там свои законы жанра: если один герой сказал «Да», то второй обязан сказать «Нет». И температура на страницах всегда должна быть выше 37 градусов, иначе человеку с его 36.6 станет не интересно. Уважаю читателя. Думаю о нем. Потому, как обыкновенный мастеровой, стараюсь складывать кирпичики в здании-произведении так, чтобы держать и в напряжении, и давать какую-то интересную информацию. Я люблю добывать информацию, мало кому известную. Для этого, конечно, приходится куда-то лететь, ехать. Сидя на диване, можно насочинять намного больше книжек, но... Оставим это диванным войскам. Как вы понимаете, выражение пошло после событий в Крыму, когда многие, лежа на диванах, руководили политикой, вводили и выводили войска... Я лучше сам поеду и посмотрю своими глазами, КАК и ПОЧЕМУ эти войска двигаются. А психология... Люблю героя ставить в безвыходную ситуацию. И выбираюсь из нее вместе с ним, порой, не зная концовки. Именно по психологии, поведенческим нормам, заданным в характере героя. Открою некий секрет — люблю заставлять героя делать поступки, за которые читателю становится стыдно, и он краснеет и восклицает: «Как же так? Не должен!». Но температура-то 37 и выше... Главное, что будет в итоге, в конце.

— **На фейсбуке на Вашей странице я увидела фотографию подаренных Вам фигурок медведей из разных материалов. Эти подарки в знак восхищения героем «Медведем» в Вашей книге «Черные берет»?**

— Абсолютно нет. Это мои брянские медведи. Как-то остановился в сувенирной лавке и вдруг увидел: попугаи, удавы, обезьяны, верблюды, слоны — на полке есть все, что угодно, вся мировая живность, кроме русского медведя. И это в каждом городе. Да что же это такое!!! Что обезьянничаем, что как попугаи-попугаи даже в сувенирном мире? В какой-то степени это был протест. Коллекция пополняется, уже начинают друзья дарить. Пока же самые лучшие Мишки из Томска — и гармонисты — они оттуда у меня, и охотники, и пивовары. Очень ценна керамическая фигурка из Питера «Маша и медведь». Стоят у меня за спиной в рабочем кабинете.

— **Будучи автором 18 книг, я бы могла рассказать истории некоторых своих произведений, после того, как они уже вышли в свет, что с ними происходило. Книжки обретают свои биографии, живут своей жизнью. А у Вас найдутся такие истории?**

— Историй множество. Самая занятная — с книгой «Наружка». Меня допустили к работе «семерочников» — тех, кто подсматривает и подслушивает. Филеры. Кстати, вся наша Лениниана в мемориальных досках на зданиях — она основана на филерских донесениях. После выхода моей «Наружки» был разговор на уровне Лубянки, потому что открыл некоторые секреты московского метро, имевшего на каждой станции свои передатчики, замаскированные под лепнины, статуи, люстры. Согласен, оперативная информация. Благо, стремительно развивалась мобильная связь, и подземные передатчики отошли в прошлое. А потом был Указ президента о гостайне, куда подпали и оперативные методы работы. И это правильно. Есть у Родины тайны, которые умирают вместе с солдатом.

— Самая новая Ваша книга «Новеллы цвета хаки». Хотя до этого я уже читала Ваши книги: «Операцию «Шторм» начать раньше», «Гроза над Гиндукушем», «Наружка», «Спецназ, который не вернется», некоторые новеллы, например, «Брянская повесть», потрясли величием и благородством героя, но заключительная новелла в сборнике, которая называется «Комбатанты», просто сбивает с ног, ошеломляет талантом автора. И Вы ведете курсы «Экстремальная журналистика». Вы встречаетесь с молодежью, которая навек запоминает Ваши курсы, а Вы навсегда в списке лучших учителей. Как родилась эта идея новеллы и экстремальных курсов? И что Вы скажете о молодежи, которую Вы обучаете?

— Люблю молодежь на своих курсах по экстремальной журналистике, потому что эти ребята готовы пробовать себя в горячих точках, экстремальных ситуациях (наводнения, землетрясения, пожары и проч.), а не крутиться в салных скандалах шоу-бизнеса и светских тусовок. В то же время считаю своим успехом преподавателя, если половина обучаемых после курсов скажут: «Нет, не мое, я на войну не поеду никогда». И это очень хорошо, потому что остаются профессионалы, а не туристы на войну. Комбатанты родились из реальных ситуаций, которые моделируем на курсах. Только и потребовалось перенести время плена в конец новеллы, а не в начало, как было на самом деле. Освоиться на этой кухне — когда что и за чем готовить и подавать к столу — как раз и есть обычная работа писателя.

— Книга «Вход в плен бесплатный, или расстрелять в ноябре» помогла Вам освободиться от нечеловеческого напряжения, от постоянной угрозы смерти, можно ли говорить о каком-то очищении, внутреннем освобождении от пережитого?

— Да. Из плена я вышел, лишь закончив книгу, то есть пережив ситуацию еще раз. После ее выхода вспоминать плен было не так ножево остро. Помню, в плену заболел зуб. Я его убаюкивал, потому что боевики предлагали его выбить прикладом (хотя я просил плоскогубцы, чтобы самому вырвать его). После освобождения в санатории Руза сразу к стоматологу. Увидев, что я боюсь старой допотопной бормашины, выключил ее и решительно указал на дверь: «Тут рядом деревня Петрищево и памятник Зое Космодемьянской. Иди, наберись мужества у человека, который был в плену». Он не знал, откуда я.

— И что дальше?

— Я остался сидеть в кресле. Говорю: «Включай свой агрегат времен Первой конной. Я тоже из плена»...

— Некоторое время назад на сайте Росписатель Вы писали: «Сейчас работаю над романом с условным названием «Реки помнят свои берега» — там многие события будут разворачиваться в нашем селе Страчево, в Суземском районе Брянской области». Как подвигается эта Ваша книга?

— Плохо. Нет, текстом я доволен вроде. Не доволен скоростью написания. Но это плач всех писателей. Однажды мы, военные писатели, спросили у В.Пикуля: откуда у него такая работоспособность? Он ответил, что от лени. Как только начнет писать новую книгу, так сразу лень ее продолжать. Вот и работал ночами, чтобы побыстрее от нее освободиться... А мы, выходит, не такие ленивые. В этом году планирую значительно продвинуться вперед в романе. Потому что нашел ситуацию, в которой моему герою действовать. Это читатели «Берегов» могут знать. Отрывок «Камерный полковник», который печатался у вас, — из романа.

— Меня удивила Ваша фраза опять же на Росписателе, что поэзия новейшей России сильнее прозы. Неужели так плохо с прозаиками? И кто же из поэтов заставил так высоко отозваться о поэзии?

— Не плохо с прозаиками, а хорошо с поэтами. Мощнейший всплеск в поэзии нерва дали события на Донбассе.

— Я хочу Вам задать вопрос, который может Вам не понравиться, и заранее прошу прощения. Вы можете на него не отвечать. Поэт Николай Гумилев после первых 10 дней на передовой в первую мировую войну написал своему другу Лозинскому: «Я чувствую себя перед опасностью, как старый пьяница перед бутылкой коньяка». Можете ли Вы о себе, человеке, который столько раз был у «бездны мрачной на краю», сказать, что тоже испытываете потребность в чувстве опасности? Этой потребностью заболевают многие, кто прошел через «горячие точки». Это лечится? Это интеллектом побеждается?

— Когда я перешел в журнал «Советский воин», то в командировки в Афган ездил только сам, не пуская других, потому что я реально оценивал свой опыт службы там. А насчет опьянения опасностью... Знаете, что удивляло всегда в горячих точках? Я встречал там практически одних и тех же людей. Армия огромна, а воевали практически одни и те же офицеры. Журналистов тысячи, а встречаешь в тесноте БМП Сашу Сладкова или Евгения Поддубного. И это хорошо. Уж где-где, а на острие событий должны работать проверенные и опытные люди. Умеющие войти в тему с колес. Меньше жертв, реальнее выполнение боевой задачи и уважительнее, насыщеннее репортажи. Тему-то все равно будет кто-то освещать. Лучше это сделаю я под пулями, чем кто-то, не выходя из редакции, высосет картинку, глядя в телевизор. История, как правило, — это не то, что происходило на самом деле, а как об этом написали или отсняли. Первую чеченскую компанию мы проиграли информационно, потому что наши телевизионщики того периода показывали уверенных, сытых, красивых бородачей, а по «несчастливым, убогим» солдатам лишь скользили камерой для контраста. Насмотревшись таких картинок, матери и рванулись на Кавказ, увозя сыновей домой при помощи правозащитников и некоторых депутатов эшелонами. Я хочу правды о военных страницах своей страны.

— **Но вроде бы пишут много о войне...**

— Много. Километры книжных полок. К сожалению, войну в книгах издатели, гонясь за короткими, быстрыми деньгами, поставили на поток. Бей и круши. Все «ворошиловские стрелки», стреляющие налево и направо без разбору. Я однажды сказал, что понимаю боевиков, которые отрезали нашим солдатам головы — потому что наш солдат в наших же книгах — это пьянь, рвань, стрелок во все, что движется без суда и следствия. Офицеры — идиоты, генералы — дебилы. А только в Чечне погибли сыновья семи генералов! В Чечне впервые после Великой Отечественной в процентном отношении стало больше офицеров, закрывающих своей грудью солдат — хотя по солдатской святости должно все же быть наоборот. Как сказал Омар Хаям: В окно смотрели двое. Один увидел грязь// Другой — листвы зеленой вязь, весну и небо голубое.//В окно смотрели двое.

— **Есть у Вас какие-то правила жизни, которых Вы держитесь непреклонно?**

— Не позволяй себе, чтобы на тебя смотрели с сочувствием и жалостью. Но более всего по мозгам ударило, когда за моим освобождением пошли оперативники и тоже пропали, потому что обмен мой назначили на ночь в горах. И их жены ходили и рыдали, обнимая березки в парке. А когда вернулись, они спросили мужей: «Что за человек Иванов? Стоило ли ради него рисковать?» Кто ты, полковник Иванов?

— **По-Вашему, три главные вещи для писателя?**

— Писатель должен уметь слушать. Кажется, это Чехов сказал. Конечно, видеть. И все это круто замешивать. Рутиня)))))). Есть еще четвертое — брать за шиворот свою Музу и усаживать вместе с собой за писательский стол.

— **Многие творческие люди довольно суеверны, например, А.Пушкин. Вы верите в приметы?**

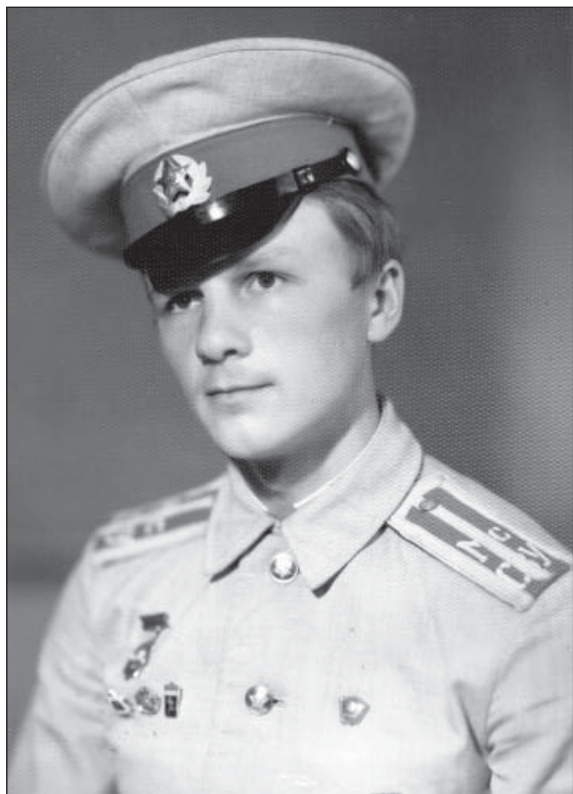
— В друзей надо верить. Первый мой боевой выход в Афгане я не спал всю ночь — боялся, что солдаты уснут, и нас просто вырежут на блок-посту... Потом уже меня самого командиры заказывали с собой в поход на боевые — я вроде мог заменять любого вышедшего из строя офицера. Тяжко в бою отдавать свои боеприпасы соседу, у которого кончился боезапас: а как будешь вырываться из окружения ты сам? Самым надежным солдатом, я считаю, является тот, которому командир доверяет нести фляжку с последним глотком воды.

— **Как бы Вы продолжили фразу: «У писателя вся жизнь...»**

— Думаете, скажу что-то высокое? У писателя вся жизнь — это стремление не наделать в своей работе глупостей, потому что слишком многим ты выставляешь на показ свое творение...

— **По Вашим пьесам идут спектакли в драмтеатрах. Расскажите о себе, как драматурге. Довелось ли самому участвовать в постановках?**

— В Брянске ставили «Белый танец». События на Кавказе. И вдруг оказалось, что НИКТО из труппы не служил в армии. Как они носили автоматы! Как они передвигались под обстрелом! Отдельная песня)). Пришлось самому покататься по сцене на репетициях, побросать автоматы из рук в руки, зашнуровать берцы... Но в целом, спектаклем остался очень доволен, он шел три года, пока не пришел новый директор театра. Тему армии изжили как класс. Даже театр Российской Армии

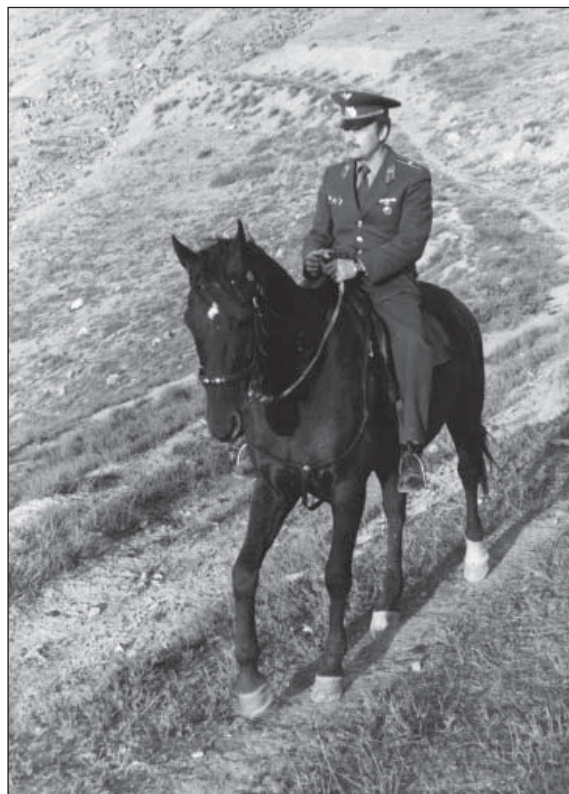
СВУ 1973 г.

ЛВВПУ 20 мая 1976 г. Стрельбище

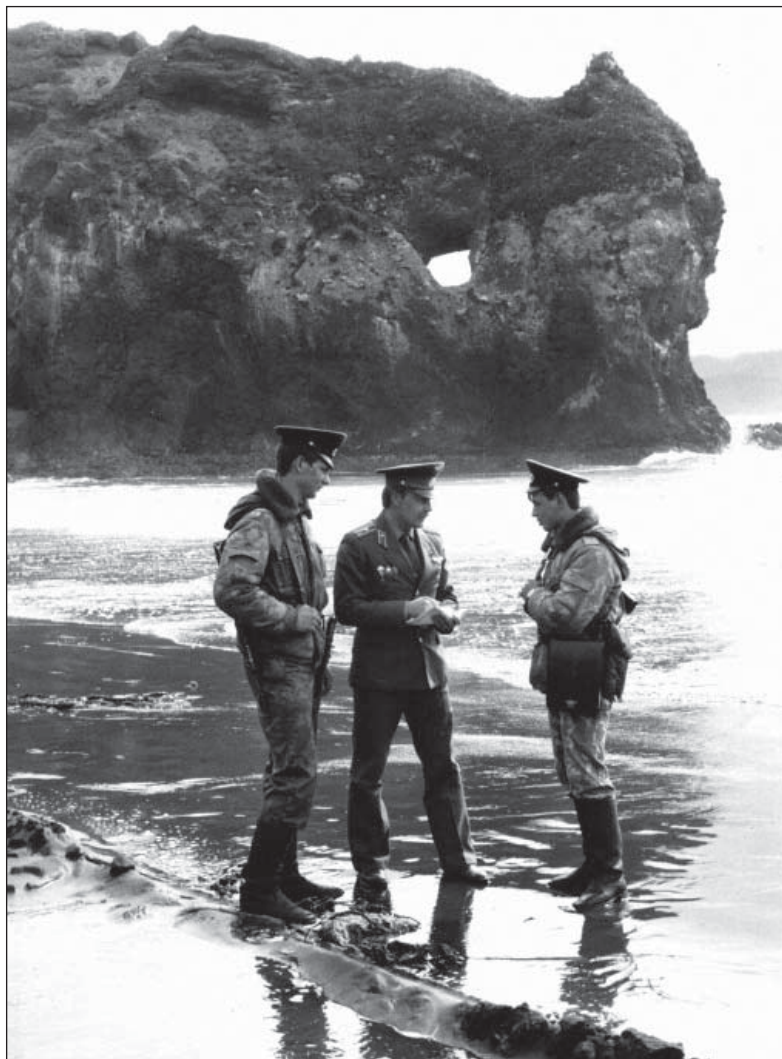

Саланг, Афганистан, 1986 г.

Ош, Киргизия. Кавалерийский эскадрон

*Курилы,
июль 1986 г.*

Псков, 1978 г.

сколько лет не ставит спектакли на военную тему. Десятки. Переключился на постановку спектаклей по произведениям школьной программы. Деньги, сборы... В этой вотчине много странного, но там царят иные интересы...

— **А мечтаете ли Вы об экранизации своих книг. Это было бы здорово, потому что в них просто захватывающие приключения, выходы из труднейших ситуаций.**

— Недавно вышел 12-серийный фильм «Городские шпионы». По моей «Наружке». Все серии написал сам. К сожалению, режиссер добавил соавтора. Тот из «семерочников» сделал обыкновенных ментов... Я отошел от такого кино. В этой индустрии от писателя мало что зависит. Точнее, надо быть готовым, соглашаясь на кино. Что это будет коллективный труд, в котором главный — далеко не ты. На Шукшинском кинофестивале на Алтае летом прошлого года вдруг выявили закономерность: лучшими признаются все же те киноленты, которые шли от литературного произведения, от Слова. Пример Бондарчука-отца с «Судьбой человека» и Бондарчука-сына со «Сталинградом» — яркое тому подтверждение.

— **Есть ли у Вас хобби, что-то Вы любите делать своими руками?**

— Уже два лета не выпускаю из рук топора. Словно генетическая память проснулась. Так что в родительском доме обихаживаю все. Этим летом освоил дело каменщика, сантехника, стекольщика, не говоря уже о плотницком деле, малярном. Само собой, вся деревенская работа вдруг стала по плечу — вспахать, скосить, засеять, собрать-сохранить урожай. Потому эти два лета так мало и написал. Хобби перебивало))). А люблю собирать грибы. Особенно черный груздь.

— **Как продвигается восстановление храма в Вашем родной деревне Страчево, где Вы принимаете активное участие?**

— Храмы сейчас восстанавливаются многие. Жаль, священников на все не хватает. В Брянске мне сказали — послали учиться в Москву 20 человек, вернулось лишь пять батюшек, остальные оседают в столице... А восстановление... Пока не осознали, что восстанавливать надо всем миром, ничего не получалось. Все сидели и ждали спонсора. А как начали собирать денежку по дворам, с каждого — кто сколько может — так сразу стали заглядывать в храм: а как работа движется. Сопричастность...

— **В заключение я хочу выразить Вам благодарность, что Вы дали согласие войти в редакционный совет журнала «Берега», за Ваши уникальные очерки о Крыме, за потрясающие новеллы, связанные с темой Украины и Новороссии, опубликованные на страницах «Берегов», пожелать Вам вдохновения и выхода новых книг.**

— Берега все же должны быть. И наш журнал «Берега», и берега, к которым мы плывем в этом житейском море...

*Беседовала главный редактор журнала «Берега»
Лидия Довыденко*

Берега мужества

Лидия Довыденко

Короткая биографическая справка. П.П. Кретов родился 7 декабря 1958 года в селе Тымовское Кировского района Сахалинской области. В 1980 году окончил Ейское высшее военное авиационное училище лётчиков им. В.М. Комарова. В 1980—1990-х годах служил в частях ВВС Балтийского флота. В 1993 году окончил Военно-морскую академию им. Н.Г. Кузнецова. После окончания академии переведён в ВВС Северного флота. В 1996 году назначен командиром 279-го отдельного корабельного истребительного полка морской авиации, дислоцированного в Североморске-3. С 1999 года — заместитель начальника отдела боевой подготовки ВВС Северного флота. В дальнейшем продолжил службу в ВВС Балтийского флота, был назначен начальником боевой подготовки ВВС Балтийского флота. С 2009 года — в отставке. Председатель Калининградского регионального отделения российской общественной организации Героев России и Советского Союза, член Общественной палаты Правительства Калининградской области.

Герой России — Павел Павлович Кретов

Очерк

Когда я пишу о ком-то, то стремлюсь к тому, чтобы люди знали и понимали, что рядом с нами живут сильные, душевные люди. Совершив героические поступки, они остаются в тени, и мы мало знаем о них. В основном, для многих людей источником информации остаётся телевидение, не стесняющееся выносить на всеобщее обозрение человеческую подлость, гнусность, низменные инстинкты.

Но нам необходимо знать, что в нашей жизни на самом деле есть место самоотверженным поступкам и доблести. И сегодня мой рассказ об удивительном человеке, скромном и мужественном калининградце Павле Кретове. Он первым из строевых лётчиков России совершил ночную посадку на палубу тяжёлого авианесущего крейсера «Адмирал флота Советского Союза Кузнецов» с последующим взлётом, за что был удостоен звания Героя Российской Федерации в 2000 году.

На вопрос, заданный Павлу Павловичу, о том, как он оказался в полку корабельных истребителей, он рассказал:

— Началось всё с 90-х годов, когда я был вовлечён в историю посадки самолёта на палубу авианосца. Накануне перестройки в Советском Союзе, в частности в Крыму, в районе города Саки, задумывалась советская «Силиконовая долина». Предполагалось, что в этом Центре будет работать 5000 человек. Филиалы его планировались в Киеве и Санкт-Петербурге. Но распад Советского Союза не позволил осуществиться этим планам.

Насмотревшись в Ютубе видеосъёмки посадки истребителей на палубу авианесущего крейсера «Адмирал Кузнецов», ознакомившись с историей крейсера и историей жизни учителя Павла Павловича — Героя России Т.А. Апакидзе, — я ловлю каждое слово Павла Павловича.

Центр боевой подготовки корабельной авиации был образован в 1988 году на базе 39-го Управления корабельной авиации (Саки-4) и просуществовал до 1993 года. Планировалось, что центр

будет заниматься подготовкой всех корабельных лётчиков страны: истребителей, штурмовиков и вертолётчиков. После перехода под юрисдикцию Украины центр входит в состав Ганиц (Феодосия), потом переподчиняется 5ВА (Одесса), а в конце 1993 года на его базе развёртывается командование морской авиации Украины. В её руках оказался уникальный корабельный тренажёр НИТКА. Лишь после присоединения Крыма российские лётчики смогли повести подготовку на уникальном корабельном тренажере НИТКА в Саках. Наземный имитирующий тренажёр корабельной авиации (НИТКА) — точная копия палубы тяжёлого авианесущего крейсера «Адмирал Кузнецов». Стальное лётное поле длиной 290 метров с трамплином и аэрофинишером — устройством для торможения самолёта. Специальные механизмы могут даже имитировать морскую качку, как на корабле.

В марте 1992 года в Минске проходила встреча глав государств СНГ. На эту встречу с обращением к президентам направился начальник воздушно-огневой и тактической подготовки 1063-го центра полковник Т.А. Апакидзе, на тот момент он был первым из двух строевых военных лётчиков, совершивших посадку на авианосец. Полковник Апакидзе пользовался огромнейшим авторитетом у подавляющей части офицеров центра, умел чётко и убедительно излагать свои мысли, имел дар красноречия. Он был предан корабельной авиации и понимал, что будущее её под угрозой. В то время в прессе шла массированная кампания по воздействию на сознание обывателей: мол, авианосцы нам не нужны, они очень дороги в эксплуатации, им нет места в военной доктрине России. В то время как в США тогда активно нарабатывались умения лётчиков-истребителей. Уезжая в Минск спасать авианосцы, Тимур Автандилович понимал, что эта поездка может дорого стоить ему: снятие с должности, отстранение от лётной работы и увольнение из рядов ВС, но и за корабельную авиацию кто-то ведь должен был постоять. Его не приняли ни в Минске, ни в Москве, ни президенты, ни министры обороны СНГ, но текст обращения он смог передать в нужные руки. С его обращением высокие должностные лица были знакомы.

— Наш коллектив, — вспоминает Павел Павлович, — который должен был быть частью центра научных разработок в Саках, оказался на Севере. Наш руководитель Тимур Автандилович Апакидзе прошёл на Севере вместе с нами долгий период восстановления или становления во второй раз. С середины 90-х годов мы приступили к полётам на корабль. Крейсер проходил второе рождение. Снова вовлекались все в этот процесс, когда и авианосец возрождался, и мы, лётчики, были настроены на результат. Хотя часть инженеров и документации осталась на Украине, мы теперь уже на Крайнем Севере, в Мурманской области, в более суровых условиях вновь начали нелёгкий путь. Апакидзе сыграл ключевую роль в сохранении авианосца «Адмирал Кузнецов» в составе Военно-Морского Флота России. Ведь в те годы у Российской Армии не было средств на содержание палубной авиации: на горючее для учебно-тренировочных полётов, на постройку новых машин, происходили сокращения личного состава. В тех условиях Т.А. Апакидзе поставили задачу: посадить эскадрилью самолётов на палубу, иначе авианосец должен был разделить участь своих недостроенных собратьев — пойти под нож. Постепенно мы освоили корабль, сходили на боевую службу в Средиземное море, прошли Атлантику и показали миру, что Россия может многое, а мы, корабельные лётчики, в состоянии достойно представлять интересы Родины в любом уголке мира.

14 октября 1995 года на тяжёлый авианесущий крейсер «Адмирал флота Советского Союза Кузнецов» была осуществлена 800-я посадка; её совершил на самолёте «Су-25 УТГ» командир смешанной авиадивизии полковник Т.А. Апакидзе. Мужество и героизм при освоении новой техники были отмечены награждением группы первых корабельных лётчиков авианосца Золотой Звездой Героя России.

В 1996 году отмечалось 300-летие Российского флота, которое ознаменовалось значительным событием в истории отечественного ВМФ. Несмотря на сложное финансовое положение, в котором оказался и флот, его командование успешно провело первый длительный поход в Средиземное море отряда боевых кораблей и вспомогательных судов ВМФ России в составе двенадцати кораблей и судов трёх флотов во главе с ТАВКР «Адмирал Флота Советского Союза Кузнецов». Мы, калининградцы, затаив дыхание, следили тогда за новостями, так как на маршруте перехода к ним присоединились сторожевой корабль «Пылкий» и легендарный танкер «Олёкма» Балтийского флота. Экипажи кораблей и судов отряда отрабатывали в Атлантике элементы совместного плавания,

проводились учения с применением корабельной авиации, организации поиска иностранных подводных лодок и слежения за ними; обнаружения, наблюдения и слежения за авианосными ударными группировками ВМС НАТО.

Тогда крейсер «Адмирал Флота Советского Союза Кузнецов» посетил у берегов Туниса командующий 6-м флотом ВМС США. Группа адмиралов и офицеров была приглашена на многоцелевой авианосец «Америка», пришедший для встречи с российскими кораблями из района своего боевого патрулирования в Адриатическом море. Там наши летчики В.Г. Пугачёв и Т.А. Апакидзе приняли участие в полётах с авианосца в качестве членов экипажей американских самолетов F-14 «Томкэт» и С-3А «Викинг». Этот поход подтвердил, что Россия может и должна вступить в четвёртый век своего регулярного флота, оставаясь великой морской державой.

Но вернёмся к нашему герою, ведь главным достоинством российского авианосца является его авиагруппа. В её составе находятся поистине уникальные самолёты и вертолёты. Прежде всего, это «Су-33» — единственный в мире тяжёлый истребитель, который может садиться на корабль и взлетать с него без катапульта.

— Следующим этапом, — продолжает свой рассказ Павел Павлович, — стало освоение авианосца ночью. И когда мы все посадки выполнили, завершился полномасштабный процесс принятия на вооружение этого корабля. Освоение ночных полётов и посадок на авианосец корабельного истребительного авиаполка поднимающиеся в небо грозные «Су-33» показывают всем, что порох у нас в пороховницах ещё не отсырел. И по окончании этих событий была награждена целая плеяда инженеров, техников, военнослужащих орденами, медалями, и три человека получили государственные премии. Среди награждённых Указом Президента РФ оказался и я, получив Героя России. Это звание — итог труда огромного коллектива людей: инженеров, конструкторов, лётчиков. Формулировка Указа: «за посадку самолёта на авианосец в ночное время». Но это стало уже обыденностью. Посадок было много. Учения — это когда уже всё апробировано, и ставится точка. Учения — это подведение итогов. А у нас был результат того, чего в России ещё никогда не было, в Советском Союзе тоже не было. Это новый шаг в самолётостроении и в кораблестроении. Новый этап, в котором моя задача — посадить самолёт на палубу корабля и взлететь с неё.

— Когда Вы в первый раз это сделали, что Вы чувствовали? Какое время года было, какое время суток? — интересуюсь я подробностями.

— В корабельной авиации говорить о чувствах очень сложно. Осторожность, также настороженность присутствуют всегда. Нет ничего сложнее, чем взлететь с корабля.

Дама с косой ходит совсем рядом, потому что это очень опасно, поэтому о чувствах можно подумать лишь потом. Я работал, а чувства приходят после сделанного. Эти чувства невозможно как-то передать, как-то охарактеризовать. Можно лишь попытаться сравнить, как я читал у одного американского лётчика, с радостью первого свидания с женщиной и спуска на велосипеде с крутой горки. Если это соединить всё вместе и умножить на сто, только тогда можно получить приблизительное понятие о том, какие чувства и переживания испытывает лётчик во время посадки на корабль. Медики нас всё время сопровождали, у нас были специальные приборчики, показывающие пульс, давление и т.д. Во время посадки пульс доходил до 150 ударов!

Все переживания приходили потом, а во время работы ты настраиваешься и отделяешь себя от всяких эмоций, от опасностей, страхов. Если ты поддашься эмоциям, ты не выполнишь задач. Я заставляю себя работать, а не чего-то ожидаю.

— А сколько времени отходите от пережитого? Как выражается это в настроении и самочувствии?

— Около месяца, а то и двух, всё прокручивается в сознании, сон нарушается, и снова и снова переживаешь посадку и взлёт. Потом плавно отпускает.

Это огромная психологическая нагрузка, потому что за короткий промежуток времени ты должен выполнить большое количество действий, и не просто выполнить, а чётко и правильно, в определённой последовательности, быстро, профессионально. Колоссальное психологическое напряжение! Действия должны быть исключительно верными и профессиональными.

— Расскажите, пожалуйста, как это было впервые.

— Это был октябрь, межсезонье на Севере, когда день переходит в ночь: полярная ночь ещё не пришла, но уже была близко. Время уже подходило к тому, что осень могла резко смениться зимой,

а погода в это время не бывает хорошей. Но погода была рабочей. Хотя волнение на море было, но небо было безоблачным. Рабочая погода, что способствовало выполнению задачи. Очень многое зависит от слаженности коллективов корабля и лётчика — это главное. Это было ночью, в 23 часа, были все готовы. Командир Апакидзе принимал решение, когда начинать полёты. Была поставлена задача: завершить процесс освоения авианосца выполнением ночных посадок. И мы это сделали, несмотря ни на что! Так было ознаменовано окончание тысячелетия.

Мы сделали огромное дело, оно могло произойти гораздо раньше, и если бы всё пошло по плану, по тому сценарию, который был задуман в Саках, то сегодня, возможно, международная ситуация была бы другой.

— Посадка на авианосец производится командой или лётчик в самолёте один?

— В самолёте-истребителе лётчик один.

— Повторили за Вами Ваш подвиг другие лётчики?

— И достаточно много... Сейчас молодые ребята делают это лучше нас, более профессионально. Бывшие подчинённые сейчас уже выше по профессионализму. Видимо, учили хорошо. Они радуют своим лётным мастерством.

— Чем-то запомнилось награждение в Кремле, в Георгиевском зале?

— Да, я там познакомился с Капустиным Женей. Он был танкистом, метко стрелял в Чечне, попал с первого снаряда, и у него не было потерь. Такой скромный парень, мне очень понравился.

— Как прокомментируете эпизод при присоединении Крыма, когда наши лётчики напугали американских, массово написавших рапорт об увольнении?

— Это показатель нашей готовности и американской. Они привыкли к комфортной жизни. И когда что-то выбивает их из комфорта, это приводит в замешательство. Но не надо обольщаться. Они свои недостатки быстро ликвидируют, улучшают технический и моральный уровни, они постоянно воюют с конца Второй мировой войны, у них опыт. Так что нельзя заниматься шапкозакидательством. Они постоянно тренируются. Военные люди — они постоянно в деле. У них другие подходы, и они быстро реагируют на свои оплошности. Тщательно подготовлены. Отпустили тех, кто попросился уйти, и пришли другие. Лёгких отношений с ними не предвидится.

— По участию в Сирии — Ваша оценка наших лётчиков.

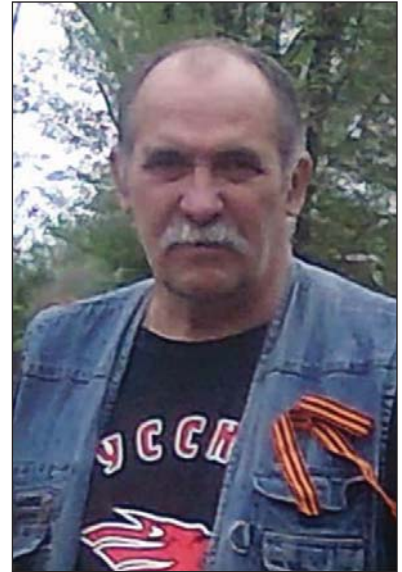
— Наши лётчики показывают хорошие результаты в готовности защиты России. Дальняя авиация участвовала в выполнении таких задач впервые. Если армия не воюет, то чаще нужно учения проводить. Не подвергать застою, не самоуспокаиваться. Как военный человек, отбросив политику, несущую жертвы, разрушения, боль, рассуждаю с позиции защиты интересов государства. Третья мировая война уже идёт давно, начавшись в Югославии. Пожар идёт. Война идёт за ресурсы, а мы богатейшие в мире в этом плане. У кого-то возникает желание поживиться. Все войны двигались на восток. Иллюзий питать не надо. Обстановка сложная.

Полковник запаса Павел Кретов — один из пионеров отечественной палубной авиации. Налетав в общей сложности свыше 2500 часов, он в совершенстве освоил 10 типов самолётов и внёс значительный вклад в развитие тактики воздушного боя истребителей «Су-27» и «Су-33». Всего за годы службы офицер осуществил 170 посадок на авианосец. За подвигом стоит тяжелейший труд, безграничное мужество в стремлении к цели, огромнейшие физические, психологические нагрузки до дрожи рук, до ватных ног. Опасность подстерегала на каждом шагу, риск аварий и катастроф ходил рядом. Приходилось и катапультироваться, были посадки на авианосец не с первого и не со второго захода. Но мудрый, вдумчивый наставник Апакидзе, его методики и разработки, точное и безукоризненное следование им, максимальная концентрация, молниеносная реакция, ювелирная точность, хладнокровие помогли Павлу Павловичу освоить ночные взлёты и посадки на корабль — сначала на «Су-25 УТГ», а затем на палубный истребитель «Су-33». Приходят новые поколения опытных лётчиков России, но нельзя забывать тех, кто первым с риском для жизни, своим интеллектом и мужеством проторил дорогу к величайшему прорыву в истории отечественной палубной авиации.

Берега мужества

Александр Можаяев

Родился в 1955 г. в Луганске. Живет в родовом хуторе Можаяевка Ростовской обл. Член СП России с 1997 г. Печатался в журналах: «Москва», «Наш современник», «Дон», «Воин России» и многих других.

Последний нынешний денёчек

Рассказ

В конце ноября, когда неожиданно завьюжило и стало не по-осеннему студено, Иван Власович занемог. У него вдруг стали ватными ноги, и по этой причине испортилась походка. Выйдя утром во двор, он неуклюже ковылял по мокрому рыхлому снегу, стараясь придумать себе какое-то неотложное дело. Но дел в эту пору было не много, а из неотложных только одно: нужно было срочно, до больших морозов, вытащить из воды и поднять на высокий берег лодку. Спотыкаясь, и борясь с невесть откуда подступившей одышкой, он спустился к реке. На фоне белого снега, она казалась зловеще-чёрной. Припорошённая снегом лодка всё ещё стояла в воде, и её успело уже сковать льдом. Она задержалась здесь из-за поздней рыбалки. Ещё на Воздвиженье Иван Власович ставил сети, и было много плотвы. В былые времена он рыбалил и в декабре, но всегда до прочного ледостава успевал достать «свою кормилицу» и оттащить в безопасное для неё место.

Неровной походкой Иван Власович подошёл к лодке, хотел сдвинуть её с места, но прибрежный лёд уже прочно держал её в своих объятиях. Тогда он залез в лодку, стал раскачивать её. Молодой, ещё не окрепший лёд пошёл волнами и отступил. Но и это не помогло, силы оставили старика, и как он ни тужился, лодка не хотела выползть на берег.

«Одному не управиться... — тяжело дыша, думал он. — Нужно б Серёгу и Лёху кликнуть...»

Раньше он поднимал лодку сам. Подкладывал под неё лёгкие сосновые бревнышки и, постоянно меняя их, вскатывал наверх. Сейчас же ноги его подкашивались, и кроме гулко-го стука в висках он ничего не слышал.

«Хотя б так, в холостой дойти...» — впервые подумалось ему. Он уже почти сдался, успокоился, стал различать посторонние звуки, это его и сгубило. Где-то наверху играла гармонь, и он угадал Лёхин голос:

Ах, эта девушка меня с ума свела,
Разбила морду мне, пинджак сняла...

— Ну, паразиты, опять хлещут!.. — в сердцах сказал Иван Власович и повернулся к лодке. Он что есть силы потянул её на себя, лодка качнулась, скрипнула, ещё поднатужился... Вдруг в глазах вспыхнула яркая молния, и сразу стало темно.

Нашли Иван Власовича лишь поздним вечером по следам на снегу. Раскинув руки, он лежал возле лодки, хрипло дышал и смотрел невидящими глазами в небо.

Больше двух месяцев он провалялся в станицанской больнице. То ли лечили его не так, то ли хворь оказалась крепкой, но намного лучше ему не стало.

— Ну, что говорят доктора? — спрашивала навещавшая его жена Мария, с которой он прожил без малого шестьдесят лет.

— А-а, что они понимают... — равнодушно махал рукой Иван Власович. — Сюда токо попади — живьём не выпустят...

Обеспокоенная, Мария подходила к врачу, но тот загнул такой мудреный диагноз, что перепуганная женщина так и не смогла ничего понять. Единственное, о чём она смутно догадывалась: с таким диагнозом долго не живут.

— Надо ж как его срубило!.. — жаловалась она куму Павлу. — Думала, сносу ему не будет, а он кувырк и свалился.

К Масленице, когда стужа пошла на убыль и все уже ждали скорой весны, Иван Власовича, не смотря на его худое состояние, отпустили из больницы домой, и близкие догадались: отправили умирать. В ожидании скорой кончины, все враз засуетились вокруг старика. Зачастил в гости кум Павло, полчанин Ивана Власовича, с которым с сорок девятого по пятьдесят третий год служили они на Западной Украине, гонялись по лесам за бандами недобитых эсесовцев. Мария вдруг вымыла окна и вне срока принялась освежать побелку.

— Что ты мордуешься по холоду?.. — задыхаясь, трудно говорил Иван Власович. — Дождалась бы тепла...

— По теплу других дел хватит... — уклончиво отвечала та. — Вон уж азовец подул, ни сегодня завтра поплывём...

Иван Власович вспомнил, что у реки осталась не поднятая наверх лодка. Он вдруг взволновался и, с трудом приподнявшись в постели, долго смотрел в окно. Всё было серым и сумрачным: и снег во дворе, и оттаявшие стожки, и небо, и вербы у реки, и поле с открывшейся стернёй, даже солнце было бледным, почти призрачным. Серой сумрачной лентой виднелась ещё не вскрывшаяся река. Южный ветер и дождь подъели и без того неглубокий снег, зачернела бегущая в Погореловку дорога. Там, в Погореловке, живёт свояченица Ивана Власовича Людмила, с которой у него много лет назад случилась недолгая связь. С тех пор Мария разладила с сестрой, и та, уехав в Погореловку, ни разу не переступала порог их дома, хотя повзрослевшие дети её Серёга и Лёха жили сейчас по соседству в дедовском доме, родичались и захаживали к ним ежедневно. Серёга был удивительно похож на Ивана Власовича, и это обстоятельство порождало в хуторе досужие разговоры.

Мария перехватила его взгляд и, вздохнув, усердней стала белить печь.

«Вот же окаянный, на ладан дышит, а всё туда ж смотрит...» — раздражённо думала она.

— Прибудет вода — унесёт лодку... — прервав её думы, с горечью произнёс Иван Власович.

— Не унесёт... Я её привяжу, — завершила Мария.

— А-а... — прокряхтел старик. — Растреплет о крыги в щепу...

«Нужно будет Лёшку с Серёжкой кликнуть, — подумала Мария. — Не угомонится, пока по его не будет...»

— Как там ребята?.. — угадав её мысли, спросил Иван Власович.

А что им сдеется?.. — не тая недовольства на своих племянников, отвечала Мария. — С утра Масленицу празднуют — водку жрут, да песни кричат...

Кряхтя и постанывая, старик поднялся с постели. Неуклюже цепляясь ногами за половики и опрокидывая на своем пути стулья, он добрался до лавки, где лежала его шапка и, затёртый до блеска, полушубок.

— Ты чего это?! — встрепенулась Мария.

— Выйду... огляжусь... — с хрипом выдохнул Иван Власович.

— Погодь, я проведу тебя... — суетясь, помогала она ему одеться.

— Сам!.. — строго качнул он головой и, споткнувшись о низкий порожек, едва не упал.

Тяжело дыша, он долго стоял на крыльце, собирался с силами. Хозяйским взглядом осмотрел двор. Заметил: снег из под кустов винограда выдуло февральскими ветрами, и теперь, если их не укрыть, первым же морозом порвёт корни. Сырой воздух был густ и звучен. Рядом, в родительском доме Марии, захлёбывалась дырявыми мехами гармонь.

Ах, эта девушка меня с ума свела,
Разбила морду мне, пинджак сняла...

Угадал он по голосу Лёху.

Последний nonешний денёчек
Гуляю с вами я, друзья... —

наперекор гармонии перекрикивал его Серёга.

«Лоботрясы...» — сердито подумал Иван Власович и, тяжело опираясь на палку, стал медленно спускаться к реке. Он заметил, что на быстрине появились первые промоины. Грязные обломки льда нависли над тёмной водой. Вмёрзшая в лёд, лодка стояла на прежнем месте.

Вдруг, недалеко от тернового куста, прямо над снегом он увидел столб мошкеры. Сначала он думал, что померещилось. Протёр глаза, присмотрелся, так и есть — мошкара.

«Подскочит вода — унесёт...» — переведя взгляд на лодку, тоскливо подумал он.

Обратный путь был в гору и силы быстро покинули старика. В глазах зарябило, и Иван Власович перестал замечать дорогу. С каждым шагом сердце всё сильнее трепыхалось в груди, как выброшенная на берег рыба: он отчаянно хватал открытым ртом воздух и уже успел пожалеть, что так опрометчиво спустился к реке, как вдруг услышал скрип и повизгивание не мазаных на осях колёс. Это Лёха с Серёгой спускаются на бричке к реке.

— Ну что, ополоснулся? — весело скалитесь Лёха. — Тётка Манька прислала, говорит: дядька Иван купаться пошёл. Я так и знал, что ты придуряешься. Работать не хочешь, вот и придумал хворь!..

По обыкновению Лёха развязный и хамоват, Серёга ж молчун. Его если не зазывать, слова от него не дождёшься.

Переводя дух, Иван Власович осмотрел бричку, тронул рукой сбрую. Постромки и гужины порасхлябились, ярмо клонилось набекрень.

— Эх, не хозяин ты, Лёшка... — хрипло произнес он. — Не хозяин...

— Зато у меня каждый день на пол-одиннадцатого, а у тебя на полшестого, — фамильярно гогочет тот.

«У тебя хоть кажен день и на полдень, а жинка ушла... Не хозяин...» — снова подумал он, но на этот раз, чтоб не задирать Лёху, ничего говорить не стал.

Не церемонясь, Лёха, подхватил на руки Иван Власовича, и легко усадив его на бричку рядом с Серёгой, для залихватского вида, сдвинул ему на ухо шапку.

Серёга легонько приобнял старика, на случай, если лошадь тронется резво, чтоб не дать ему свалиться.

— С Наташкой примирился? — поправляя шапку, спрашивает Серёгу Иван Власович.

Тот неопределённо пожимает плечами.

— Ты не дуркуй...

Серёга промолчал.

— Ну что, поскакали? — покручивая в руке вожжи, оборачивается Лёха.

— Пока ты тут с лошастью, лодку наверх встаните... — хрипло дышит Иван Власович.

— У меня кобыла не кована... — нехотя отзывается Лёха, которому неохота надолго прерывать начатый с Серёгой праздник. — Что с твоей лодкой станет...

«Не хозяин...» — с сочувствием оглядев кобылу, скорбно подумал старик. Ему вдруг живо представилось, что на кладбище Лёха будет вести его на этой расхлябанной бричке, и от этой мысли ему тут же стало стыдно и горько.

— Не хозяин!.. — уже у дома отстранив Лёху, вслух произнёс он, и чтоб не выслушивать его бесстыдных шуточек, тут же отвернулся и, пошатываясь, спешно закилял к крыльцу.

— Оттяну я твою лодку!.. — вслед ему прокричал Лёха. — Вот далась она ему... Завтра как-нибудь с Серёгой оттащим...

* * *

Наутро, как ни барахтался Иван Власович в постели — подняться не смог.

— Вот зачем было вчера надсаживаться, — строго отчитывала его Мария. — Ноги убил, теперь подняться не можешь...

— Лодку на берег подняли? — слабым голосом спрашивает Иван Власович.

— Подняли... — не скоро отвечает Мария.

— Унесёт на Донец лодку... — сокрушённо вздыхает старик.

— Да убрали твою лодку. Убрали... — уже уверенней врёт Мария.

Но Иван Власович знает, что его бессовестно обманывают, и от бессильной обиды он отворачивается к стене.

Под вечер пришёл проведать его кум Павло. В далёком пятьдесят шестом Иван Власович крестил его сына, с тех пор они не просто друзья, но и родня.

— Что там? Развезло?.. — кивнув на окно, спрашивает Иван Власович.

— До обеда квасило, а щас подтягивает морозцем, — сообщил Павло. — К утру обещают до двадцати... Так что сракопад впереди...

— У нас так, — соглашается Иван Власович. — С утра льёт, к обеду метёт, а на вечер куёт...

— Телевизор глядишь? — спрашивает кум Павло.

— Гляжу, только не слышу... В голове шумит — не пойму ничего... Что там, ещё чертуется бандерва в Киеве?

— Это чертобесиво не скоро закончится. Как бы до нас не докатилось...

— Нехай токо сунутся... Я им, блядам... — храбро сжимает кулак Иван Власович. — Помнишь, как мы им отваливали?!.

— Не добавили сволоту, теперь детям нашим хлебать... — сетует кум.

— Как там наш Атаман? — меняя разговор, спрашивает о крестнике Иван Власович.

— Слава Богу! — коротко отвечает Павло. — Сейчас вон лодку твою с Серёгой тащат...

— Тащут?! — встрепенулся старик. Он так обрадовался этой новости, что чуть ни свалился с постели. — Да мои ж золотые... — запричитал он.

— Ну, вспёрли твою лодку! — торжественно объявила, пришедшая со двора Мария. — Еле живые пошли... Как ты её сам ворочал?!.

— Так без ума нелегко... — соглашается Иван Власович, и тут же глаза его загораются, и он начинает рассказывать, каким хитрым макаром он каждую зиму вскатывал эту лодку.

* * *

К ночи разъяснело; в верхнем крае окна показалась луна, и по комнате поползли бледно-синеватые тени.

— Маруся... — робко позвал старик.

— Вот она я, — готовно озывается та. — Надо чего?

— Кум говорит: мороз на завтрево...

— Что ж тут дивного, чай не лето.

— Земля заклёкнет, будут ребята долбить, мучиться...

— О, Господи... Что тебе в голову лезет... — вздыхает Мария.

— Может, с утра отошлешь ребят, пусть загодя долбют...

— Да что ж ты не угомонишься никак?! — сердится Мария. — Кто ж живому копает?..

— Угомонюсь скоро... — по-детски обижается Иван Власович.

— Угомонишься — моя забота, так не оставим лежать.

Проходит ещё какое-то время.

— Маруся... — снова зовёт Иван Власович.

— Что?.. Что стряслось?.. — опять подхватывается она.

— Мороз на завтрево...

— Ну, мороз. Что с того? — не тая раздражения, с вызовом говорит жена.

— Надо б объедьями виноград прикрыть. Ахнет мороз, порвёт корни — опять неурод...

— Триста лет мак не родил, и голоду не было... — одеваясь, ворчит Мария.

— То так... — шепчет ей вслед Иван Власович. — Однако ж...

Он хотел сказать что-то убедительное, веское, но так и не нашёл нужных слов.

— Укрыла твой виноград, — войдя в дом, отчитывается Мария. — Какие ещё распоряжения?

С каждым днём всё слабел и слабел Иван Власович. Он давно уже не поднимался с постели, и все настойчиво стали ожидать его кончины. Но время шло, а он, вопреки ожиданиям, всё тянул и тянул.

* * *

В мае война подкатилась к самым окнам Ивана Власовича. Всё громче гремели орудийные залпы, от которых жалобно звенели стёкла.

— Бандерва? — кивал на окно Иван Власович.

— Бандерва... — кивала Мария. — В Погореловку лупят... Надо ж до чего дожились, в наши-то дни и по живым людям... Господи, последние времена... — крестясь, шептала она.

Сжимая кулаки, Иван Власович громко сопел, иногда Марии казалось, что он даже порывивает, и со страхом она крестилась. Забывшись, старик успокаивался, дыхание его становилось ровней, и он переставал замечать происходящее. Но очнувшись, вновь звал к себе Марию:

— Людмила не приходила? — спрашивал он.

— Приходила... — врала она. — Ты токо уснул и она на пороге...

— Что ж ты не взбудила?! — сердится он.

— Ты так сладко уснул — жалко было будить. И Людмила не велела.

— Ты не жалея, если кто явится — буди. Я тама досплю своё... — наказывал он.

На самом деле Иван Власович знает, что Людмила не приходила, да и не так-то просто сейчас прийти, когда война за рекой и все кордоны закрыты.

— Если вдруг придёт, не гони её, — просит старик.

— С чего ты придумал, что я её гнать буду... — сдержанно отвечает Мария.

— Помиришь с ней, чего уж теперь делить... А то может так статься, что ей уж и жить не в чем... Вон как ахают...

— Да я и не в сердцах на неё, — заверяет Мария. — Пусть бегут — всем места найдём — и Людмиле и Кудеяру её...

Часто среди ночи он звал Марию к себе и начинал давать важные, как ему казалось, распоряжения.

— Ты тада куму Павлу сетку трёхперстовку отдай...

— Когда «тада»? — передразнивала его Мария.

— Вот тада и отдашь!..

— Да я чи понимаю в них, какая из них чего...

— Ну, ту, что по осени ставил. Ты ишо лист помогала из неё выбирать... А лодку нехай Атаман заберёт...

— Ты ж ребятам её обещал... Серёжке...

— Атаману она нужней... Пьют ребята?..

— Вчера гомонели...

— Ты там, как это... За Лёхою пригляди. Чтоб он не дюже на поминах наедался, а то... Людям на смех...

— Пригляжу... — обещает Мария.

Утром, когда боль отступала, и Иван Власович, наконец, засыпал, к Марии приходила Павлова жена Полина.

— Ну, как он? — кивая на комнату больного, спрашивала она.

— В одной поре...

— Не лучшает?

— Жив и за то слава Богу...

— Ой, Полюшка, как захворал, таким несносным стал, — жаловалась Мария. — Такой командир! Попробуй не выполни его распоряжений — сердится...

Но через минуту она уже оправдывала Иван Власовича:

— Он жа до этой беды всё сам делал, я за ним ничего и не знала... А теперь, за что ни хватись — рушится без его рук... Как я без него останусь...

— Вот же досталось тебе!.. — сочувствует соседка. — Бельё скоко раз на день меняешь?..

— Под себя ни-ни-ни! — трясёт головой Мария. — От, как надумает по нужде — тужится, тужится, пока не досунется до края. Бухнется на пол, а там у него под койкою тазик... А назад поднимать — беда. Я ж его не подниму... Спасибо Серёга с Лёхой... Пьяные ль, тверёзные ль — в любую пору кликай — всегда прибегут. А нет — с другого боку Атаман ваш, тоже никогда не откажет... Кум Павло каждый вечер у нас... Начнёт рассказывать, что там деется, — кивает за реку Мария. — А этот хорохорится, кулачишками машет, и так матюхается, так матюхается... — сроду таких слов от него не слыхала...

Полина лишь сочувственно головой качает.

— А вчера слышу: вроде стогне дюжей. Я к нему, а он... Верись, Поля, песню горлом играет. Слов не разобрать, но головою в такт подмахивает. Меня увидал — умолк.

— Может вычухается ещё...

— Где там вычухается... Ноги уж захолонули... — всхлипывает Мария.

* * *

Ночью Атаману приснился скверный сон. Возможно, это был даже и не сон — какой-то странный фантом посетил его. Он проснулся оттого, что вдруг почувствовал на себе чей-то взгляд. В темноте стояло над ним какое-то тёмное существо. Оно не предпринимало никаких угрожающих действий, не тянуло к нему своих рук, даже лица его он не мог разглядеть, что было в нём: улыбка или оскал. Атаман только чувствовал на себе чужой взгляд, и уже от этого его охватила оторопь. Он хотел осенить себя крестным знаменем, но рука стала свинцово неподъёмной. Хотел что-то сказать, но на грудь словно взвалилась бетонная плита, и он не мог вдохнуть воздух, чтоб потом с выдохом что-то произнести. Задыхаясь, во все глаза он смотрел на странный призрак, ни в силах прогнать его. В конце концов, ему удалось вобрать в себя воздух.

— Господи, помилуй, — произнёс он чужим голосом и наконец, перекрестился.

Видение тут же пропало. Атаман осмотрелся: кроме сумрачных теней, которые бросали от себя шторы, ничего постороннего. Жена Виктория тихо сопит у стены. Атаман поднялся с постели, прошёлся по комнате, но никого не нашёл.

«Что за чертовщина...» — подумал он, снова укладываясь в постель и пытаясь заснуть. Но сон не шёл. Атаман знал, что по старым приметам, чтоб дурной сон не сбился, его нужно тут же рассказать кому-то. Но не будить же Викторию, чтоб рассказать ей весь этот бред, сна-то, по сути, и не было... Так и не уснув, Атаман проворочался до утра. Утром встал уставший и разбитый; настроение его было испорченно, и потому встретил он пришедшего к нему в условленное время Серёгу не очень радушно.

— Ну что, готов? — Атаман осмотрел Серёгу чужим сторонним взглядом. — Что-то ты быстро собрался, — осмотрел его худой рюкзачишко.

— Голому собраться — только подпоясаться, — ответил Серёга.

— Датый? — вновь придирчиво рассматривает его Атаман.

— Это вчерашние дрожжи...

— Гляди, там сухой закон — мигом завернут...

Серёга молча кивнул.

— Теперь от меня никуда! В любую минуту дадут команду, и мы выходим...

— Мне б попрощаться с тёткой и Власычем...

— Что ж ты вчера?..

— Да вчера я... Лучше на тверёзую...

— Тут рядом, сходи... — согласился Атаман.

— Я туда и обратно...

Атаман промолчал, но когда Серёга уже входил во двор Иван Власовича, крикнул:

— Ты там старику не говори, а то он...

«Ему, может, будет легче знать, что я «там», — подумал Серёга, но спорить не стал.

Всходя по ступенькам на открытую веранду, Серёга заметил, что крыльцо давно покосилось, скрипит и покачивается с каждым шагом. Он тронул руками стойки, глянул через перилу вниз. Так и есть, подгнили, надо бы заменить. Серёга подосадовал, что не занялся этим раньше, но тут же решил: как только вернётся — сразу же и починит.

— Тёта! Тёт... — позвал он, входя в дом.

— Тишь, тишь... — замахала та руками. — Спит...

— Да я это... Я попрощаться...

— Что?... Чего ты придумал?.. Куда?.. — растерянno запричитала тётка Мария.

— Туда... — Серёга кивнул на речку.

— О, Господи... Без тебя там не управятся?..

— Я ж казак...

— «Казак» — жопой назад... — передразнила тётка. — Убьют тебя там дурака...

— Так... Сколько той жизни, тётъ Мань... А что тут? Только водку жрать...

— Здесь бы ещё пожил...

— Разве ж это жизнь?..

— Какая ни есть, а всё ж веселей, чем под травой.

— Тоска...

Серёга уже направился к двери, как в другой комнате послышалось шевеление и раздался сильный голос Иван Власовича:

— Серёжка?.. Чего он тут говорит?..

— Объясни... Он не дослышит... — сказала Мария.

Некоторое время Серёга в замешательстве стоял на месте, но вдруг глаза его вспыхнули, лицо преобразилось и он стал удивительно похож на Лёху.

— До свиданья, дяди-тёти, уезжаю, хрен найдёте! — прокричал он, и тут же вышел из дома.

Несколько раз Атаман порывался рассказать Виктории свой дурной сон, но всё не знал с чего бы начать. К тому же в доме находились посторонние люди, которых ему сегодня надлежало переводить через линию. Кто его знает, как отнесутся они к подобной ерунде. Хорошо, коль посмеются, приняв его за человека лёгкого на суеверия, а если сами узрят в этой галиматье Бог знает чего... Нет, они должны идти за ним с холодными головами, не отягченными дурными мыслями. Атаман вслушался в их разговор. В доме ждали перехода пять человек. Люди разные, как по месту жительства, так и по роду занятий. Бородатый богатырь из Новосибирска Юрий Усов только внешне выглядел простоватым увальнем. У него живой взгляд и умные пронизательные глаза. Усов историк, кандидат наук. Профессиональное любопытство не даёт ему покоя, и он засыпает присутствующих своими вопросами.

— Вот ты, Афанасий, — обращается он к худенькому, отнюдь не ополченского вида парню. — Как ты дошёл до такой жизни?

— До какой «такой»?..

— Ну от армии ты в своё время откосил... Университет, девочки, тусовочки... И вдруг бац! — на войну!.. Небось, и мамка не знает?

— Зачем ей сейчас?.. Только с чего ты решил, что я от армии откосил?

— Да видок у тебя не армейский... — ещё раз оглядев хилую фигуру Афанасия, делает заключение Усов.

— Зато в него попасть тяжело, а в тебя с закрытыми глазами не промахнешься, — смеётся Африка.

Африка, это Виталий из Питера. Он долгие годы проработал в Эфиопии, имел там свой бизнес, но как только случилось одесское побоище, бросил всё и вернулся домой. В каком-то общественном центре ему дали адрес Атамана, и вот он здесь, вместе со всеми ждёт перехода.

— Чем больше шкаф, тем громче грохот... — задиристо добавляет Афанасий.

— Да, с этим не поспоришь, — миролюбиво соглашается Усов. — Шкаф падает громко... И всё же, что тебя привело сюда?

— Может тебе покажется высокопарным, но я здесь, чтоб защищать Россию. Служение Отечеству — единственно достойный удел русского человека, всё остальное — убогое прозябание и поиск оправданий своей никчемности.

— Сильно! — похвалил Усов. — А если об этом без пафоса?

— Если без пафоса?.. Я так подумал: как детям своим потом буду в глаза смотреть, если отсижусь...

— А ты не так уж и хлипок... — Усов впервые с восхищением смотрит на Афанасия.

— А ты, Африка? Что скажешь в своё оправдание? Как ты докатился сюда? Сидел бы под пальмами, ел кокосы... — продолжает свой допрос Усов.

— Тут без пафоса и не скажешь, — смеётся Африка. — Знаешь, я много размышлял об этом... ещё до войны. Об этом всегда думаешь... А тут, бах — в Одессе люди горят, а я под пальмой с кокосом в зубах... Это мой единственный шанс быть полезным Родине... Судьба... Потом до конца дней не простишь себе малодушия и никакие бананы тебя не излечат...

В комнате было ещё двое, они приехали вместе из Крыма. Маленькая, похожая на мальчишку, женщина и высокий, нескладно скроенный мужчина, с пышной шевелюрой и идущей в дисгармо-

нию с ней редкой рыжей бородкой. Его уже успели прозвать Хоттабычем. О себе Хоттабыч был не многословен, зато с восхищением говорил о своей спутнице.

— Муж Татьяны — известный в Крыму поэт, — рассказывал он. — Витька Сеницын. Не слышали?

О Витьке Сеницыне никто в комнате не слышал.

— Мы с ним друзья детства. Такие стихи пишет! Патриотические за Россию... Вот я вам сейчас... — Хоттабыч хмурится, пытается вспомнить.

— Не надо, — просит Татьяна. — Ты ж не умеешь читать.

— А-а, ладно... Так вот... Такие стихи... А как до дела дошло, давай, говорит подождём, куда вырুলит... А Татьяна собралась и...

— Понятно, — улыбается Усов. — Ну и кем вы себя представляете там? — спрашивает Татьяну.

— Она Мастер Спорта... инструктор по выживанию. Знаете, есть такое — ходят в горы без спичек, без... с голыми руками. И нужно там выжить, костёр распалить, без топора сделать жильё, добыть съестное... — с вдохновением рассказывает Хоттабыч.

— Мне легче там будет, чем любому из вас, — улыбается Татьяна. — Я ведь могу практически всё. Могу готовить, могу стирать, могу лечить, могу стрелять...

— А ты? — дошла очередь до Серёги.

— Я казак, — просто ответил тот.

— Убедительно...

Усов хотел ещё что-то добавить, но в это время во двор Атамана на большой скорости влетела газель. Все прильнули к окну. Там мелькали красные околыши, из газели быстро выгружали полные мешки. Наконец всё закончилось, казаки, пообнимавшись с Атаманом, вскочили в машину и так же быстро уехали. Повернувшись к окну, Атаман махнул рукой.

— Так, братцы ополченцы, нам несказанно повезло, — выходя со всеми во двор, весело говорил Усов. — Казаки Атаману медикаментов подкинули, так что будем сегодня переть килограмм тридцать-сорок на брата. Так, батька?

— Быстро к мешкам пришивайте лямки, — скомандовал Атаман. — Будет легче нести.

Все приступили к работе, Атаман в это время звонил кому-то, разговаривал эзоповым языком:

— Едут на свадьбу гости, ждут приглашения.

— А дары везут? — спрашивали на другом конце.

— Есть и дары. Средства от похмелья...

— Это хорошо! — отвечали Атаману. — У нас с этой «свадьбой» все «алкозельцеры» закончились...

За делом ополченцы стали обсуждать, кому, куда бы хотелось попасть. Африка и Усов рвались в Славянск, считая, что судьба Новороссии будет решаться там. Хоттабыч и Татьяна хотели попасть в Станицу Луганскую, и только один Афанасий рвался на Сапун-Гору, там могила его прадеда.

— Не спорьте, Атаман работает с Бетмэном и Мозговым, стало быть, нам к ним... — неожиданно заговорил молчавший до этого Серёга.

— А ты давно знаешь Атамана? — спросил его Усов.

— Знаю...

— Ну и как он?...

— Были времена, мог разом пятерых на уши поставить...

— Убедительно...

Время было за полдень, когда с той стороны дали добро.

— Батя говорит: лучшее время для перехода — утро, но выходим всегда под вечер, — усмехается Атаман.

— А если ночью? — предлагает Усов.

— Ночь не годится. Нацикам пиндосы приборы ночного видения подкинули. Они нас как слепых котят передавят. Днём-то мы с ними на равных...

Наконец все готовы. Жена Атамана перекрестила каждого.

— Ты б защитную панаму одел, — посоветовала мужу. — Сверкаешь своей лысиной — за три версты видно...

— Мне в шапке нельзя, — возражал Атаман. — Я в ней плохо слышу...

— Может, собаку возьмёшь?

— Я сам как собака...

— Хоть голос подаст...

— Нам лишнего шума не надо...

Вереницей по одному спустились в пойму, узкой тропкой пошли вдоль реки к броду.

— Может, на лодке переправимся? — предложил Атаману Серёга.

— Нет!.. — отвечал тот. — Лодка как бельмо будет торчать на том берегу. Запалим место...

Вдруг Атаман вскинул руку. Все стали. Впереди слышалась музыка, голоса, чей-то смех... Сладко пахло шашлыками...

— Это на нашей стороне... — прошептал Серёга.

— На нашей... — согласно кивнул Атаман. — Мало ли кто здесь под видом беженцев... Звякнут по телефону и прощай... Обойдём от греха...

Вслед за Атаманом все ушли с тропы, пролезли буреломом, вновь вышли к реке. Всё ещё было знойно, и навьюченный на каждом груз давал о себе знать. Тропа то спускалась к самой воде, то убегала ввысь и терялась между деревьев. Все ориентировались лишь на широкую спину Атамана. В молодости он обладал недюжинной силой, легко жонглировал двухпудовыми гирями. В здешних краях его хорошо знали и побаивались. Но многочисленные ранения и травмы с годами не прошли для него даром. Сейчас он заметно прихрамывал, и, морщась от боли, время от времени подёргивал плечом трижды сломанной правой руки. И всё же былая слава по-прежнему вселяла в него уверенность и заставляла верить в него других. Придя на место переправы, Атаман долго всматривался в противоположный берег. Он заметил, что красноголовый дятел спокойно крошит сухой ствол тополя, трясогузка скачет у воды — значит, поблизости никого нет. Наконец он обернулся к покорно ждущим его решения людям, сказал решительно:

— Будем переходить здесь!..

— Не нарвёмся на укропский погран наряд? — робко спросил Арсений, которого заметно начало потрёпывать.

— Погранцы здесь не ходят... Это до войны они шлялись повсюду, теперь бздят отойти от заставы. Пришлые нацики наскакивают, но они ещё плохо знают тропы...

— А если кто выпасет?..

— Я два раза к ряду по одной тропе не хожу... Ещё вопросы?

— А ты гарантируешь, что нас безоружных?..

— Я даже жене своей не гарантирую, что меня не пристрелят на переходе! — прервал его Атаман. — Так что если кто сомневается — возвращайтесь, никого не осужу.

— Атаман, — разряжая напряжение, весело заговорил Усов. — А правда, что в молодости ты мог сразу пять человек на уши поставить?

— Дурное дело не хитро... — уклончиво отвечал Атаман.

Он обернулся к присутствующим. Все стояли на месте, никто не ушёл.

— А теперь слушайте и запоминайте. Первое, — всем выключить телефоны. Никаких разговоров — звук по реке далеко катится... Раздеваемся догола... Оденетесь на той стороне. Дорога будет тяжёлой, натрете себе...

— Далеко идти? — спросил кто-то.

— Как повезёт... По разному... — неопределённо сказал Атаман.

— С меня не сводить глаз. Поднял руку вверх — стали. Резко опустил — падаем. Рука в сторону — сваливайте туда... Если меня убьют — река справа. Всем возвращаться... И смотрите под ноги, чтоб ни одна ветка не хрустнула...

«Как можно не сводить глаз с Атамана, и смотреть под ноги?» — весело подумал Серёга, но промолчал.

Атаман первым вступил в воду, перекрестился, и все следовавшие за ним, приняли это как команду, тоже перекрестились, — кто-то легко и привычно, кто-то неуклюже — видимо в первый раз. Перейдя реку, молча, оделись, взвалив на себя поклажу, след в след двинулись за Атаманом по узкой, едва различимой тропке. Тропа повторяла изгибы реки; там, где река шла прямо, и тропка была пряма, там, где река сворачивала вправо, она следовала за ней.

Неожиданно тропу перегородило упавшее на неё сухое дерево. Ещё вчера Атаман проходил здесь — дерева не было. Скорей всего его свалил ветер, но могло быть и так, что «укры» специально свалили его на тропу, оставили как метку; если дерево убрать, то будет понятно, что именно здесь, он проводит людей.

Серёга никогда не ходил этими тропами, но так, как был с этих мест, представлял, куда они могут вывести.

— Деда Павла знаешь? — шёпотом спросил Атаман. — Его ещё Блином кличут...

Серёга поморщился, вспоминая. Кличка Блин ему была знакома, но самого деда Павла он не помнил.

— Сразу за старым руслом, под горой — пятый дом... прошептал Атаман. — Если со мной что-то случится, людей выведешь ты... — не дожидаясь Серёгина согласия, сказал он как уже о решённом деле, и, свернув с тропы, с трудом продрался сквозь цепкий кустарник вокруг злополучного дерева. Теперь оно и для него будет знаком, — если завтра его уберут с тропы, значит здесь проходили чужие.

Последние слова Атамана ещё более усилили внутреннее волнение, захлестнувшее Серёгу. Атаман шёл уверенно и скоро, не оборачиваясь, ни придерживая шаг, словно забывши обо всех; ни одна ветка не хрустнет под его ногой. Там, где, казалось бы, нужно остановиться и оглядеться, он продолжает идти. И Серёга вдруг почувствовал себя ответственным за этот переход. Стук его сердца стал заглушать чужие шаги, и он боялся, что пропустит, не заметит что-то главное, и эти люди, идущие следом за ним, будут обречены уже только по его вине.

Удивительным образом Серёга умудрялся и смотреть под ноги, и не упускать из вида могучую Атаманову спину. Порой ему казалось, что он одновременно видит и справа, и слева, видит даже спиной. Видит, как обречённо идут шаг в шаг, доверившиеся Атаману люди. Вон впереди огромная покосившаяся верба заслонила собой тропу...

«Идеальное место для засады...» — успевает подумать он. И тут же, как из-под земли, вырос на тропе человек в камуфляже с биноклем на груди. Шляпа афганка затеняла его лицо. «Вот и нарвались... А всё потому, что бездумно доверились самоуверенному Атаману... Сейчас из-за вербы ударит длинная очередь и Атаман даже не успеет вскинуть руку, чтоб подать остальным знак тревоги. Какая глупая смерть...» — как в гипнотическом сне думает Серёга и даже не пытается спрыгнуть с тропы.

Наконец рука Атамана вздрогнула, стала приподниматься.

«Как странно, — думал Серёга, — одна и та же река, одна и та же земля, одни и те же хутора, один и тот же народ... Ещё недавно я ходил через эту реку по этой земле к матери и никому не приходило в голову даже спросить меня, зачем я здесь... Но теперь, по чьей-то прихоти, только за то, что мы перешли реку, нас запросто можно убивать...»

Атаман вскинул руки и обнял незнакомца.

— Что, Петруха, чисто? — спросил он.

— Чисто, — ответил тот.

Шумно выдохнув, Серёга утёр со лба пот. Почувствовал, что идущие сзади тоже выдохнули. Не оглядываясь, он видел, как и они утирают пот.

Некоторое время шли опушкой леса, справа далеко просматривалось заброшенное, поросшее бурьяном и мелким кустарником поле. Раньше здесь были колхозные огороды, о которых сейчас напоминали лишь глубокие магистрали, по которым когда-то пускалась вода для полива. Слева над своими гнёздами верещали копчики:

— Пи-пи-пи... Пи-пи-пи... — несло по округе.

Не поворачивая головы, Атаман скосил глаза в их сторону.

— Они всегда верещат тут, — заверил Петруха.

Атаман не ответил.

Тропа снова вильнула в лес. Здесь было не так знойно, но идти было тяжелей: густые ветви беспрестанно хватали путников за головы, плечи, вещмешки... Неожиданно деревья расступились, и тропа резко покатила вниз, и Серёга увидел заросшее камышом и осокой старое русло реки. Было тихо до жути — ни шороха, ни птичьего писка. Атаман вскинул руку — все замерли. Он долго вслушивался в тишину, наконец, взглянул на Петруху.

— Ты давно проходил здесь? — спросил шёпотом.

— Минут двадцать... Ну, с полчаса. Чисто...

Атаман поднёс к уху телефон и тут же опустил. Связи не было. Он вновь прислушался, даже потянул носом воздух.

— Чую... Зверем чую... — прошептал он, и всем стало не по себе.

Вдруг ему вспомнился ночной сон. «Это был не сон — явь! — догадался он. — Это моя смерть рассматривала меня!..»

— Валим!.. За мной... — выдохнул Атаман, и, взмахнув рукой, резко ушёл с тропы.

Все бросились за ним. Вслед отрывисто затрещали запоздалые выстрелы. Четверть часа, проламываясь сквозь заросли двухметровой крапивы, путаясь ногами в густой ежевике, обжигая руки и раздирая в кровь лица, бежали за Атаманом. Мешки стали неподъемно тяжёлыми, пот выедал глаза, и всем уж казалось, что это не кончится никогда.

Наконец ноги Атамана стали заплетаться, он дотянул до высокой вербы, и, упёршись в неё лбом, остановился, хрипло отдыхиваясь, покосился назад.

— Все? Никого не потеряли? — задыхаясь, заговорил он.

— Все... — оглядевшись, сказал Петруха.

Атаман вновь поднял телефон, усмехнулся.

— Здесь низинка — плохая связь, — заметил Петруха.

Атаман взглянул на него и нервно расхохотался.

— А я ведь чуял... Чуял... Как зверь чую в последнее время... Рация на мази?

— На мази... — ответил растерянный Петруха и тут же робко добавил:

— Батя велел только в крайнем случае выходить...

Атаман, молча забрал рацию.

— Батя, Батя, как слышишь? — всё ещё задыхаясь, заговорил он.

— Слышу, Атаман. Слышу... — прохрипела рация. — Что у тебя?

— Тесно стало жить в последнее время. Тесно и душно...

— Понял тебя...

— Буду уходить магистралями... Другого прохода нет...

— Гляди, на выходе простреливаются...

— Но ты же меня прикроешь?.. — хрипло рассмеялся Атаман.

Некоторое время рация молчала, наконец, послышался треск:

— Я тебя понял, Атаман!

Атаман обернулся к обречённо ждущим новых его распоряжений людям.

— Ещё чуток прогуляемся... — успокаивающе сказал он, и, взмахнув рукой, быстрым шагом пошёл сквозь терновые заросли.

Ничего не соображая и даже уже не пытаясь разобраться в происходящем, все покорно двинулись за Атаманом. Только один Петруха, ломаясь через заросли, норовил поравняться с ним.

— Атаман, Атаман... Куда ж ты?.. Магистральи справа... Там будет Батя... — беспомощно шептал он.

Но Атаман не слышал его.

Больно хлещут по лицам колючие ветки, жжёт крапива, раздирает ноги колючая ежевика, щиплют от пота раны, надсадные дыхания сливаются воедино, и вновь кажется, не будет конца этому пути. Вот Атаман врзается в заросли камыша — под ногами зачавкала, покрытая тиной, вода. С каждым шагом всё глубже, глубже... Уже по колена, по пояс... Вдруг камыши расступились и все увидели в полсотни шагов берег, сбегаящие по косогору хуторские огороды. Какой-то старик, опершись на палку, стоял у самой воды.

— Все на месте, никто не утонул?! — уже не таясь, весело спросил Атаман.

Никто не ответил. Выйдя на берег, все молча повалились на траву, и только Африка неожиданно рассмеялся.

— Что, дед Павло, дождался? — Атаман обнял старика.

— Насилу дождался... — качнул тот головой. — По вас пухкали?

— Ну?! Разве «пухкали»? — смеётся Атаман.

— Да ну тебя... — сердится дед Павло. — Такой же брехун, как и Батя... Только Петруха со

двора, тут едрёт твою такое пошло... Один за другим джипы с чертями, и все на тропу... Я телефон хватить — ни гу-гу. Бегом к соседке, и у ей не работает... Чуть с ума не сошёл...

— А Батя? На магистралях?.. — спросил старика Петруха.

— Да что он дурак?.. Вон, разлётся под виноградом как медведь, вас дожидается.

— Чё брешешь, дед Павло?.. Я Атамана прикрываю у магистралей!.. — весёлый голос под виноградом.

— Вот едрёт твою. А? — в сердцах кивает в его сторону дед Павло. — Племяша отправил, и хоть бы сердце у него ёкнуло...

— А чего ему ёкать — племяш с Атаманом... — раздвинув плети, Батя вылез на простор, повёл плечами — хрустнули кости. По-медвежьи обнял Атамана. — Ну, как я тебя прикрыл?!

— Да кабы не ты, и не знаю как бы я... — подыгрывает Атаман. Они знакомы давно и понимают друг друга с одних лишь им известным намёков.

— Тесно, говоришь, стало?

— Тесно... А я зверем почувал...

— Дядь... Батя... Я всё проверял — чисто было... — на глазах Петрухи блеснули слёзы. — Ты думаешь, я...

Только тут Серёга понял, что Петрухе не больше шестнадцати.

— Да брось ты, Петрух, — успокоил Батя. — Там тоже не дураки. Пасли тебя...

— Так что, больше ему не ходить? — спросил дед Павло.

— Пусть ходит... — подумав, ответил Батя, и добавил уже Петрухе:

— Радию Атаману отдашь. Бинобль не бери — отнимут. И ходи. Каждый день ходи. Есть переход, нет — ходи. Пусть подрочатся...

Не сговариваясь, все шестеро ополченцев выстроились в один ряд.

— Это Батя, — сказал Атаман. — Он теперь для вас Бог, царь и воинский начальник... Все вопросы к нему...

— Нас к Мозговому? — за всех спросил Усов.

— Ага, к Бетмэну и Мозговому... И сразу в бой!.. — с усмешкой ответил Батя. — В Дубраву вас отвезу. Там тренировочный лагерь — проверят, кто на что годен. Сейчас много поступает таких, кто и в армии не служил...

— И что с такими? — настороженно спросил Афанасий.

— Учим...

Батя осмотрел строй измотанных трудной дорогой ополченцев, свой взгляд остановил на Татьяне, которая, впрочем, выглядела свежее других.

— Вас что-то смущает? — спросила она.

— Да нет... — уклончиво ответил Батя. — Работа для всех найдётся...

— Татьяна мастер спорта по стрельбе... — сказал Атаман, и, сделав паузу, добавил: — По стрельбе из лука.

— Нам бы ещё метателей копий... — усмехнулся Батя, но тему развить не успел.

— Хватит тут хахоньки разводить!.. — сурово подступил к нему дед Павло. — Ты привёз мне?...

— Привёз... Вон чай, сахар, печенье... Будешь ребят угощать...

— Ты мне мозги не крути. Гранатомёт привёз?!

— Дед Павло, на хрена он тебе нужен?..

— Он мне нужней, чем тебе!.. Разъездились тут, гады... Туда-сюда, туда-сюда... Вон, сегодня Петруху чуть не прихватили... А был бы — я б им...

— Дед Павло, поставь чаю, — устало произнес Батя. — Нам скоро отчаливать...

Обиженно сопя, дед Павло заваривал чай. Все присели на лавки вокруг стола, который стоял в теньку виноградной беседки. Где-то на горе один за другим гроыхнули три разрыва. Дрогнула земля, звякнули ложки в стаканах.

— Это Кудияра за Погореловкой утюжат, — глянув в гору, сказал Батя. — Последний блокпост с севера. Не устоят — всё посыплется до самой Станицы...

— Во казачура! — не тая восхищения, добавил дед Павло. — Молодь похватила свои айфоны и драпает кто куда, а этому за семьдесят — с баррикады не слазит... Гранатомёт привезёшь?..

Батя поперхнулся чаем, закашлялся, но ничего не ответил.

Серёге было приятно слышать о Кудияре. Хотелось тут же всем рассказать, что это его отчим, но по обыкновению он промолчал.

— Погореловка наша? — спросил Батю.

— Да толком ничья... Утром правосеки чёрно-красные флаги вывесят, к обеду Кудияр посбивает их, вывесит свои, нет своих — российский повесит, к вечеру опять правосеки, ночью опять Кудияр. Так и тасуются...

— А что местные администрации? — спросил Усов.

— А то ты не знаешь наших чинуш!.. — махнул рукой Батя.

— Кто придёт — тем и служат, — добавил дед Павло. — Они конечно с радостью готовы служить нам, но приходят бандеровцы — без радости служат им...

— В Погореловку не заедем?... — спросил Серёга.

— У него мать в Погореловке, — сказал Атаман.

— Сейчас нельзя туда, можно напороться. Отобъём окончательно — повидеешься... — пообещал Батя.

— А ты чего кислый? — взглянул на Атамана.

— Ещё раз отведу и всё... — сказал тот. — Ухожу к Бетмэну...

— Ты это брось дурку гнать! — сурово прервал Батя. — Этому гранатомёт, тебе к Бетмэну... А людей через линию кто водить будет? Петруха?

Атаман, молча, вздохнул.

— И вообще, я тебе ещё за прошлый раз не ввалил!..

Атаман вскинул голову.

— Когда по нам из роши стреляли, ты зачем со своей «мухобойкой» выскочил?

— Отвлечь на себя хотел...

— Отвлечь... Ты, Атаман, запомни, если меня убьют — завтра сюда другого пришлют, а тебя здесь никто не заменит. Ты нам живой нужен...

— Ребята там воюют, а я здесь...

— Не каждый мужчина, кто в кого-то стрелял, но каждый, в кого стреляли... — парировал Батя и взглянул на часы.

— Так, бойцы, закладывайте вещами зад микроавтобуса и по рюкзаку по бокам, — скомандовал он. — Будут стрелять — падайте на пол...

— Не напоритесь там... — строго сказал дед Павло.

— Не напоремся... Они теперь до ночи магистрали топтать будут, — подмигнул Атаману Батя.

— Хоть бы рыбаков там не постреляли...

— Пусть стреляют... — неожиданно произнёс Батя. — А то кому война, а кому рыбалка... Как только начали нас долбить под Станицей — толпы беженцев ломанулись к границе. И кто попереди всех? Рыбачки... Бегут здоровенные мужики. У них дома попалили, детей побили, а они ломаются попереди баб... Кудияр на своём блокпосту порядок мигом навёл — женщин, стариков, детей в первую очередь, а мужикам говорит: «Наденете бабские колготки, тогда пропущу!»

— И что же, надели? — улыбнулась Татьяна.

— Некоторые одумались, вернулись, а в основном «надели»... — морщится Батя.

На прощанье он обнял деда Павла, ткнул кулаком в плечо Атамана.

— Ты это... Куда тебе в твои годы... Там молодые нужны, там бегать надо...

— Ну да... А тут я не бегаю... — сказал Атаман и потёр кулаком засохшие на лице грязные потёки пота.

Прощаясь, он обнял каждого, и каждому попытался найти нужное слово: «Ты, Ус, не вздумай погибнуть, тебе ещё нашим детям историю писать», «Хоттабыч, на тебе Татьяна...», «Татьяна...» — Татьяне ничего не сказал, только поцеловал в лоб.

Атаман перекрестил отъезжающих, и ему сразу стало одиноко и грустно.

— Плесни чайку, — попросил деда Павла.

— Что-то на тебе лица нет. Может карвалолу плеснуть?

— Плесни чего-нибудь...

— Загонял ты мотор...

- А-а...
- А я как переволновалась... Тут у меня одно средство... Может пересидишь у меня до завтра, а на зорьке...
- Не, — мотнул головой Атаман.
- На зорьке спокойней.
- Мне одному и сейчас спокойно...

* * *

По вечерам Иван Власовича купали. Мария наполняла большое старинное корыто тёплой водой. Чтоб приглушить уже начавшиеся пролежни, добавляла чуток марганцовки и густой настой из чистотела, дуба, ноготков и листьев бузины. Лёха брал старика на руки и осторожно опускал в воду. Иван Власович легонько постанывал, кряхтел, но процедуру омовения выдерживал до конца. Наконец, Лёха поднимал его из корыта, и пока держал над водой, Мария промокала его сухой простынёй. Чистого, осушённого Ивана Власовича укладывали в свежую постель.

- А куда-то Серёжка подевался? — спрашивал Иван Власович.
- Туда... — кивала в сторону реки Мария.
- К матери, что ль, к Людмиле?..
- Туда, куда тебя кажен день мордует... — тихо ворчит Мария.
- Громче ты говори! — прерывисто дыша, сипит Иван Власович. — Щебечешь как пичуга, ничего не пойму...
- К матери пошёл! — громко кричит Мария.
- К матери... к матери... — раздумывая, бормочет Иван Власович. — Убьют его там, дурака...
- Чегой-то его убьют?! — с вызовом подступает Мария. — Втемяшил себе дуротень...
- Он жа тамо вконец сопьётся...
- Не сопьётся — у Бетмэна сухой закон, — возражает Лёха.
- Да! — подхватывает Мария. — Там за такие дела чуть ни до смерти расстреливают!
- Вон оно чего... Но тогда может и уцелеет, — успокаивается Иван Власович.
- А кто этот Бетмэн — немец, жид? — спрашивает через время.
- Русак! — кричит Лёха.
- Русак?.. А имечко у него...
- Это он позывной такой для форсу придумал, чтоб бандеров с панталыки сбить.
- Вон чего...
- Я б и сам туда пошёл, да с меня какой толк, только в ногах путаться... Да и кобылу куда денешь?.. Пропадёт без меня... — оправдывается Лёха.
- То так... — соглашается Иван Власович то ли с тем, что кобыла пропадет, то ли с его непригодностью.

* * *

- Рано утром в дверь постучал Атаман.
- Тётъ Мань, — тихо позвал он.
- Убили?.. — выскочив на порог, выдохнула она.
- Убили... — кивнул Атаман. — В первый же день, в Дубраве... Самолётами разбомбили...
- Я как знала... — крестясь, прошептала Мария. — Да и он сам знал... Деду ни гу-гу!.. — прижала палец к губам.
- Да это понятно... Сейчас мы с Лёхой за ним... Придёте потом помочь, чтоб всё как... Батюшку надо...
- Утирая слёзы, Мария молча, кивала.
- Что, твоими тропами, через брод? — подогнав бричку, спросил Лёха.
- Моими тропами конём не пройти. Может, с украинскими погранцами договоримся?..
- Договоримся... — уверенно кивнул Лёха.

На бричке поехали через мост, стали на нейтральной полосе. Атаман с кем-то созванивался, но на той стороне была какая-то задержка. Атаман нервно всматривался в украинский погранпост, Лёха лихорадочно тискал в зубах сигарету.

— Ты думаешь, я туда не хочу?.. Меня кобыла держит!.. — не тая раздражения, говорил он.

— Ничего я не думаю... — хмуро отвечал Атаман.

— Думаешь!.. — комкая недокуренную сигарету, зло выкрикнул Лёха. — А куда её деть?.. Возьмёшь кобылу?!

— На что она мне?.. За кобылой уход нужен, это не кошка — выпустил и пусть мышей ловит...

— И я про то ж! Держит зараза по рукам... Если б не она — вперёд Серёги там был...

Атаман не ответил. Достал телефон, снова начал созваниваться с кем-то.

— Сейчас договорюсь с нашими... Жди, — наконец приказал он и отправился к российским пограничникам.

Лёха, понунив голову, покорно остался ждать. До него доносились обрывки разговора:

— Ну и как ты себе это представляешь, Атаман?.. — голос старшего лейтенанта Климова — старшего по заставе.

— А чё там... стволы к бошкам приставим...

— Ты совсем охренел, Атаман?!.. Это ты здесь сам по себе воюешь, а я здесь — Россия. А Россия в войну не вступала!...

— А я на тебя рассчитывал, старлей...

— Рассчитывать будешь, когда у нашего бара драка начнётся!..

— У бара я и без тебя справлюсь!.. — зло сказал Атаман и двинулся к Лёхе.

— Пойдём... — приблизившись, глухо сказал он, и Лёха понял, что никто им сейчас не поможет.

— Теперь не мешай мне! — неожиданно властно произнёс он, и, отстранив Атамана, держа в поводу лошадь, уверенно зашагал к украинскому посту.

Подойдя к шлагбауму, не церемонясь, оборвал удерживающую его верёвку. Шлагбаум взмыл вверх, так, что кобыла от неожиданности подпрыгнула на месте.

— Э-э, дядя, ты чего?!.. Заблудился?!.. — выскакивая из сторожки, бежали навстречу украинские пограничники.

— Так, ребята... — подождав, когда все соберутся у шлагбаума, прохрипел Лёха. — Расклад такой: вон подходит машина, везут моего братку. Если кто... Если хоть одна блядь из вас дёрнется — убью всех до единого!..

Всё это Лёха произнёс настолько уверенно, что даже Атаман уверовал, что именно так всё и произойдёт. Тут боковым зрением, почти затылком, он увидел, как к нейтральной полосе подтягиваются наши пограничники. Атаман знал, что дальше нейтралки они не пойдут, но сердце его возликовало.

— Не испытывайте судьбу, ребята! — оскалился Атаман, и в этом оскале читались и отчаянье, и весёлость, и какой-то бесшабашный вызов.

Лёха передал ему вожжи, раскинул в стороны стволы, уверенно шагнул сквозь строй ещё минуту назад самоуверенных людей. Они, молча, расступились перед ним; потупившись, каждый смотрел себе под ноги, словно ждал какой-то особой команды, но команда не поступала.

А Лёха принял из машины ещё податливое, не успевшее заостенеть тело; взвалив на плечо, вернулся сквозь расступившийся строй и осторожно уложил его на бричку головой назад.

— Живите... — закрыв за собой шлагбаум, вместо благодарности, прохрипел он. Взяв из рук Атамана вожжи, развернул бричку.

На другой день Отец Антоний отпевал «убиенного воина Сергия». В комнате пахло воском и ладаном. Серёга со скрещенными на груди руками лежал в тесном гробу, и казалось, внимательно слушал заупокойную молитву. Лицо его было спокойно, в нём не было отображения ни страха, ни мук, скорей оно выражало некое изумление.

О гибели Серёги Иван Власовичу не сообщили. Смутно о чём-то догадываясь, он спросил пришедшую с похорон Марию:

— Что там такое?..

— Какое? — грубовато переспросила та, чтоб уйти от конкретного разговора.

— Ну, гомон...

— Где гомон?..

— Там... — кивнул на окно Иван Власович.

— Не слышу никакого гомона, — уверенно сказала Мария. — Придумал себе...

Мария старалась вести себя обыденно, и Иван Власович к этому разговору больше не возвращался.

На поминах Серёги Атаман крепко выпил, что случилось с ним крайне редко. Помолясь в конце трапезы, он с трудом вышел из-за стола, и, не вступая ни с кем в обыденные в таких случаях разговоры, пошатываясь, молча, ушёл к себе. Лёха ж, вопреки ожиданиям, на поминах не напился, даже не пригубил. Он может и хотел бы выпить, но как-то не получилось. Когда все присутствующие выпивали «за упокой раба Божьего Сергея», он вместе со всеми поднимал стопку, но тут его вдруг начинали трясти рыдания. Расплескав на себя водку, он ставил порожнюю стопку на стол. Когда поднимали по второй и по третьей, — всё повторялось.

— Серёга не хочет, чтоб я... — выдавив из себя, Лёха и впервые заплакал.

— Вы на меня не смотрите, я... Да чего там... Поминайте братку, — просил он присутствующих. — Вас он не осудит...

Глаза его были пустые и неподвижные. Казалось, он ослеп, но сам ещё не догадался об этом.

* * *

Батя как обычно запаздывал, и Атаман привёл людей далеко за полдень. Солнце, перевалив за росшие вдоль старого русла вербы, уже клонилось к горе. Оттуда отчётливей слышался треск горячей травы и кустарников, резче запахло дымом, что всегда случается перед вечерней прохладой.

— Укропы хлеба зажгли, — сообщил Батя. — Сегодня уже седьмое поле догорает...

Где-то совсем близко один за другим ухнули три взрыва.

— Кудияра из саушек добивают... — вглядываясь в затянутую дымом гору, добавил дед Павло.

— Не удержите блокпост? — спросил Атаман.

— Да там уж и нет никого, один Кудияр... — Сказал Батя. — Вчера пятерых ребят положили... Какие парни!.. Дали команду отходить... Теперь там один Кудияр...

— А он что?..

— Крышу видать подорвало... Пробовали его эвакуировать. Где там!.. Палит без разбору на четыре стороны... Гляди, на обратном пути не попади в его радиус...

Узкой, едва приметной тропкой, нахоженной козами, Атаман шёл под самой горой. Здесь нет дорог; старые пути давно размыты, порезаны ериками, сбегаящими с горы. Едва ли тут рискнёт кто-то проехать, поэтому чувствовал он себя в некоторой безопасности.

Вдруг вверху треснули сучья — по размытому склону покатались вниз мелкие камушки. Атаман поднял лицо и вскоре заметил: по белому оголённому склону, осклизаясь и падая, двигался к нему пьяной походкой человек в разодранной одежде. Одна штанина была наполовину оторвана, наступая на неё, человек спотыкался с каждым шагом. Вдруг он замер и вскинул автомат.

— Кудияр?.. — окликнул Атаман.

— А-а... Атаман... Тебя ещё не убили?..

Спустившись вниз, Кудияр обнял Атамана. На белых усах его подрагивали грязные капли, — ни то пот, ни то слёзы.

— Ещё жив... Жив... — бормотал он. — А я... У меня вчера таких ребят положили!.. Слышь, Атаман, таких боле не будет!..

Кудияр отёр лицо о грудь Атамана, наконец, отстранился.

— Всё, нет блокпоста... — выдохнул он. — Не удержим Станицу... И Бате не долго здесь гулять... Сегодня ночью, все кто помоложе, за Донец ушли, а я... Куда мне?..

— Давай переведу тебя в Россию, — предложил Атаман. — Здесь у меня тропы свои...

— А я и есть в России! — с вызовом сказал Кудияр. — Вот она, Россия! — притопнув ногой, закричал он. — Вот она, под ногами!..

— Не кричи, — крепко прижал его к себе Атаман. — Услышат...

— Пусть слышат!.. — упрямо хлопал разодранной штаниной Кудияр.

— Ладно... Кто ж с этим спорит... Конечно Россия... — успокаивал Атаман. — Куда тебе здесь оставаться; давай через Деркул переведу...

Кудияр отстранился, некоторое время с удивлением рассматривал Атамана, наконец, отрицательно мотнул головой.

— Как я уйду? А Людмилу кому оставлю?..

— Давай всех переведу. И Людмилу...

— Не-е-т, куда нам идтить?.. — успокаиваясь, рассудительно заговорил Кудияр. — Тут у нас всё своё — и дом, и хозяйство... А там?.. Приживалками к Серёге и Лёхе?..

«Значит, за Серёгу ещё не знают», — догадался Атаман и промолчал.

Отвернув от горы, Атаман углубился в лес. Задумавшись, он давно перестал замечать дорогу; ноги сами находили верный путь — где надо сворачивали, где надо переступали через валежник. Он понимал, что нужно почаще останавливаться, осматриваться, прислушиваться, как он всё время делает, когда за его плечами доверившиеся ему люди. Но людей он уже отправил с Батей, и упадок сил всё сильней и сильней давал о себе знать.

«Господи, как я устал!..» — взявшись за голову, думал он, продолжая идти.

— Стой! Стоять!.. — у самого виска прозвучал властный голос.

Он давно ждал этого оклика, и всё же, кажется, он застал врасплох. На мгновенье Атаман застыл на месте, но тут же стал медленно оборачиваться.

— Стоять, не оборачиваться!.. — нервно закричал второй голос. — Не оборачивайся — пристрелю!..

— А так бы не пристрелил? — обернувшись, с усмешкой спросил Атаман.

Это у него нервное. Когда он теряет самообладание — всегда всё делает с вызовом и вопреки здравому смыслу.

Два ствола смотрели ему прямо в лицо.

«Только двое», — осматриваясь, подумал он. — «Поблизости больше никого — двое...»

Про себя он тут же означил своих врагов понятными лишь ему самому именами. Так, высокого долговязого парня, который первым окликнул его, назвал Длинным, и второго, приземистого, широкого в плечах, обозначил Коротким.

— Атаман? — спросил Длинный.

Атаман не ответил.

— Ну и где твоё войско, Атаман? — с насмешкой спросил Короткий.

Атаман инстинктивно покосился туда, где только уехали с Батей вверенные ему люди, где остались на берегу старого русла дед Павло, где прошёл своими тропами растерзанный Кудияр... Все они на какое-то мгновенье ожили в его памяти, но он промолчал.

— Что, москалик, смерти боишься? — скривив губы, смеётся Длинный.

Атаман, молча, пожал плечами.

— Тебя спрашивают: смерти боишься?! — нервно ткнул его стволом в лоб Короткий.

— Не пробовал, не знаю...

— Сейчас попробуешь! Пошёл вперёд!..

— Нет, ребята, никуда я не пойду. Хотите, стреляйте здесь...

— Ещё как пойдёшь! На карачках сейчас ползти будешь!..

Крутнувшись на месте, Короткий ударил Атамана ногой в живот. Тот перегнулся от боли, сделал несколько шагов назад, но на ногах удержался.

«Нужно заставить его нервничать и идти на сближение...» — думает Атаман. В уме его уже выстраивается некая комбинация.

— Это и всё, на что ты способен? — скрывая боль, усмехается Атаман. — Ну-ка махни ещё!..

Короткий злится, размахисто бьёт, но Атаман уже ждёт этот удар и легко уворачивается. Провалившись, Короткий, едва не упав в кусты, сам идёт на сближение, цепкой рукой хватая Атамана за воротник. Теперь автомат его в левой руке, и он больше мешает ему.

— Не дёргайся, от меня не вырвешься! — задыхаясь от злобы, рычит Короткий. — Знаешь, как меня кличут среди своих? — Алабай! Хватка у меня мёртвая... Понял меня?. Ну, отвечай. Понял? Что перекошил рожу?

- Не люблю собак...
- Полюбишь... Берцы мне лизать будешь...
- Дурачок ты... — выводя соперника из себя, улыбается Атаман.

Сильный удар в голову потряс его, в глазах вспыхнуло пламя, колени его подогнулись. Это Длинный ударил прикладом. Атаман наверняка бы упал, но Короткий удержал его за ворот.

— Что ты делаешь?.. Ты же русский... — перебарывая боль, выдохнул он.

— Русский?! — запальчиво выкрикнул Длинный. — Мы славяне-арии, а вы грязный улус Орды. Так что не клейся в родственники...

«Боже, какая каша у них в голове... Славяне-арии... Это всё равно, что чукчи-дорийцы, — подумал он. — Кто им вдолбил в голову эту хрень?..»

— Из-за таких, как ты, я стыжусь, что я русский... — запальчиво произнёс Короткий.

— Не стыдись, ты не русский... ты алабай... — наконец расправляя колени, сказал Атаман.

— Ну-ка вперёд! — толкнул его в спину Длинный. — Пошёл!

— Нет, не пойду... — качнул головой Атаман. — Если сможете, тащите меня на себе. Если сможете...

Отойдя на несколько шагов, Длинный достал рацию, начал говорить с кем-то:

— Только что взяли Атамана. Да, тот самый... Пришлите подкрепление... Да нет, не хочет идти. Не переть же на себе этот центнер...

«Значит, минут пять-десять у меня есть. Длинный занят разговором, остался один Короткий... Такого момента больше не будет...» — размышлял Атаман. Исподлобья он взглянул на противника, тот по-прежнему держал его правой рукой за ворот, левая с автоматом была отведена в сторону, значит задействовать её он не сможет. — «Сейчас... Если не сейчас, то всё... Лишь бы он не выронил автомат...» — промелькнуло в голове Атамана.

Атаман всем телом рванул назад, — воротник затрещал, но рука, держащая его, не ослабла, напротив, вцепилась ещё крепче. И тогда, неожиданно для своего противника, он в долю секунды сблизился с ним и успел вывернуть от себя автомат. Один за другим лязгнули одинокие выстрелы, и Длинный, прижав к груди рацию, стал медленно приседать. Скрючившись и повалившись на бок, он несколько раз дёрнулся всем телом и в глазах его застыло удивление.

Яростно сопротивляясь, Короткий, не выпуская из руки автомат, пытался оторваться от Атамана. Тот же хорошо понимал: отпустить Короткого хотя бы на пару шагов — неминуемая смерть. Этот безмозглый «славянин-арий» расстреляет его в ту же секунду, а умирать Атаман не спешил. Так они и плясали на одном месте, — один удерживал, другой из всех сил вырывался.

Атаман понимал: стоит ещё этому упрямому «Алабаю» продержаться какое-то время, и к нему подспеет помощь, и тогда ему уже не спастись.

— Отдай автомат, и я тебя отпущу, — сказал Атаман.

— Скоро отпустишь... — хрипел Короткий. — Вон, уже едут наши...

Силы Атамана таяли, а соперник, казалось, был неутомим. Таща за собой Атамана, он с остервенелостью попавшего в капкан зверя метался из стороны в сторону. Наверняка он мог бы оказать и более достойное сопротивление, выпусти из левой руки автомат, но видимо он ещё надеялся им воспользоваться.

Где-то вдали послышался рёв приближающегося УАЗа. Короткий воспрянул духом и стал сопротивляться с удвоенным неистовством.

«Ещё каких-нибудь пару минут и мне не уйти...» — понял Атаман.

Он закружил Короткого вокруг себя, так, что ноги его повисли в воздухе. Не успел соперник коснуться земли, как Атаман захватил в объятия его мощную шею. Короткий крутанул головой, желая освободиться, но Атаман уже успел всунуть под его подбородок руку.

— Отдай автомат, и я оставлю тебя живым, — повторил он ему в самое ухо.

В ответ Короткий лишь дико зарычал что-то несвязное и стал биться ещё сильнее. Казалось ещё секунда, и он вырвется на свободу.

Атаман сцепил в замке руки.

— Брось автомат! — закричал он ему в затылок.

Уже не сопротивляясь, Короткий раз за разом нажимал на спусковой крючок. Где-то у самого лица Атамана хлопали выстрелы.

«Своим подаёт сигнал», — догадался он и что есть силы, сжал свои руки.

Атаману не хотелось убивать, но каким-то подспудным чутьём он понимал: чтобы выжить самому, ему всё же придётся удавить это по звериному упрямое существо.

«Не зря тебя по-собачьи назвали!» — злясь на упорство Короткого, думал он.

Короткий быстро засучил ногами, вдруг всхрапнул и скоро затих.

— Эй! — ослабив руки, окликнул его Атаман.

Голова парня безвольно качнулась на бок, взмокшие волосы рассыпались по лицу.

— Эй... — снова позвал Атаман и похлопал по темным щекам недавнего соперника.

С каждым хлопком лицо парня безобразно перекашивалось то в одну, то в другую сторону.

Атаман встряхнул парня, прислонился к его груди.

— Вот же дурак! — в ярости прокричал он. — Я же просил тебя...

Где-то совсем близко скрипнули тормоза, послышались приглушённые голоса, звяк оружия.

С трудом вдохнув в себя воздух, Атаман поднялся на ноги, спотыкаясь и падая, побрёл сквозь густую чащу к реке, теперь уже видя только лишь в ней своё спасение. Если б была погоня, его наверняка бы догнали, но чужие голоса людей не продвинулись дальше места его схватки. Они ещё не знали чужой им местности, и видимо боялись попасть на засаду. Уже у самой реки, он, наконец, осмотрелся. С удивлением увидел в своих руках автомат. Он всё-таки вырвал его из ослабевших рук своего соперника и всю дорогу волочил за собой. Атаман понимал, что там, на своей стороне, этот автомат будет ему не нужен. Он нашёл глазами ствол упавшего тополя, уже полусгнившего, покрытого лишайниками и мхами, засунул под него свой трофей, засыпал сухой корой.

«Может когда-нибудь пригодится...» — подумал он.

Тут силы окончательно покинули его. В сердце запекло, забулькало, и ему стало нестерпимо душно. Разодрав на горле рубаху, он в каких-то невероятных конвульсиях добрёл до реки и уже ничего не помня, ступил в воду. У противоположного берега кто-то подал ему руку. Ничего не соображая, он вышел на мокрый песок.

— Атаман, ранен? — услышал он чей-то голос.

С трудом он поднял глаза.

— А, старлей... — прохрипел он. — Старлей...

— Ты ранен?

— Ранен... — кивнул Атаман и, спотыкаясь, пьяно побрёл по над рекой к дому.

Где-то на полпути он неожиданно ткнулся головой в мягкую грудь жены. Виктория обхватила его, прижала к себе.

— Ты чего?.. — отстранив ее, удивлённо спросил Атаман.

— Там стреляли...

— Стреляли?.. — вновь искренне удивился он.

— Стреляли...

— Ах да... Это на магистральных...

Зачем-то Атаман попытался вспомнить снившийся накануне сон, но как не старался, ни один образ не всплыл в его памяти.

Доковыляв по дома, Атаман слёг и несколько суток не поднимался с постели. Он не ел, не пил, даже не спал. У него ничего не болело, но всё время не доставало воздуха. От этого его мучило и рвало, а так как рвать было нечем, казалось, что вот-вот он выплеснет из себя все свои внутренности. Виктория влажным полотенцем утирала его почерневшее лицо, а он конвульсивно отмахивался руками и в бреду повторял одно и то же:

— Господи, как я устал!.. Почему?.. Как могло это случиться?.. Такие ж русские мальчишки, такие ж кресты на груди... И вдруг... Что нужно было сделать с их мозгами, чтоб они вдруг увидели себя ариями, а нас грязным улусом Орды?.. Как я устал...

* * *

— Маруся... — далеко за полночь тихо позвал Иван Власович.

— Вот она я, — склонилась над ним Мария. — Может поешь чего? Ты за вчерашний день и крошки не взял...

Старик отрицательно качнул головой.

— У меня узварчик настоящий, холодненький, как ты любишь...

Вновь старик качает своей головой, и белые прятки волос рассыпаются по его восковому лбу.

— С грушами... — продолжает уговаривать жена. — Ты ж любишь с печёными грушами...

— Батюшку привезли? — чуть слышно шепчет Иван Власович.

— Послали к Антонию, а его нет, в отъезде... — отчитывается Мария. — К завтраму должен обернуться, — говорит она, словно оправдываясь.

— К завтраму не успеет... — шепчет старик.

— А ты потерпи... Куда тебе спешить?...

— Маруся, помолчи, — просит старик. — Я шас покаюсь тебе, а ты слово в слово Антонию пере-скажешь. С грехами тяжко и боязно...

— Тю на тебя! — всплскивает Мария. — Какие ж там грехи — ты весь на ладони...

Мария хотела ещё что-то добавить, но ей вспомнилась Людмила, и она умолкла.

— Ты думаешь только Людмила?.. — словно читая её мысли, шепчет старик. — Людмила-Людмила... Как придёт, скажи прощения её спрашивал... А ещё...

По щеке старика скользнула слеза, разбилась о колючий подбородок.

— Чего ещё ей сказать? — уже без ревности спрашивает Мария.

— Скажи, прощения спрашивал, — вновь повторил старик и надолго умолк.

Она хотела уже уйти, но он коснулся её руки своими холодными пальцами.

«Остывает уже», — подумала она, и, взяв его руку, стала отогревать её своим дыханием.

— Антонию скажешь: дюже беспечно жил...

— Ваня, ну что ты такое приплетаешь?.. Ну как я буду Антонию... Подумает, что наговариваю на тебя зряшнее...

— Маруся... — уже с хрипом шепчет старик. — Не держи на меня сердце... То всё давнишнее и пустое... Только одну тебя и жалел...

— Ванечка!.. — вдруг всхлипнула Мария. — Ванечка, родимый, не терзай себя... Я ж первая во всём виновата... Ты ж как в армию призывался, помнишь, мы к речке с тобой ходили... А потом как ушёл, а у меня... А я спужалась, что не поверишь, подумаешь нагуляла с кемся — откажешься... Пошла к Грачихе... Она воды вскипятила, да спицею... Вот Господь и отказался от меня — оставил на век бездетною... А ты подобрал...

Утром приехал Антоний, Ивана Власовича успели пособоровать и ему неожиданно стало легче. Вымытый, побритый, он лежал в свежей рубашке и кротко улыбался.

Пришёл кум Павло. Присев у самой кровати, некоторое время сидел молча.

— Ну как ты, полчанин? — наконец произнёс он.

— Пора уж мне... — прошептал Иван Власович. — Воняю уже какдохлый кобель...

— Ничего не воняешь, — возразил Павло. — Мария за тобой смотрит, не даёт загнить...

— То так... Я её обижал, а она вот...

Снова надолго умолкли.

— А Серёжка шас бандеровцев лупит... — не без гордости прошептал Иван Власович.

— Лупит... — соглашаясь с ним, кивнул кум Павло.

— Что-то Атамана давно не видать, — неожиданно прошептал Иван Власович. — То наведывался, а шас не видать...

— Захворал Атаман... — уклончиво ответил Павло.

— Вон чего?.. Хворает... Ему хворать нельзя...

— Нельзя... — согласился Павло.

— Кум, хочу тебя попросить...

Вслушиваясь, Павло наклонился к старому другу.

— Сыграй на прощанье...

— Чего? — растерянно осмотрелся Павло.

— Ну, нашенскую сыграй... Я сам пробовал, а голосу нет...

Павло вновь осмотрелся, словно ища у кого-то поддержки, но так как они были одни, наконец, зажмурил глаза.

— Последний нонешний денёчек
Гуляю с вами я, друзья!.. —

гаркнул он во весь голос, так, что вздрогнули занавески на окнах.

— Ты чи сказался, Павло?! — вбежав в комнату, накинулась на него Мария. — Тут такое дело... Чай не свадьба...

Павло поднялся, словно извиняясь, растерянно развёл руки.

— Вот так, Власыч, не разгуляешься ноне... — наконец произнёс он.

— Она вечно встряёт не в своё... — слабым голосом прошептал Иван Власович. — Ты на неё не сердчай. Баба — какой с неё спрос...

Через два дня Иван Власовича отпели. Лёха, на своей расхлябанной бричке, отвёз на кладбище гроб, где рядом с Серёгой была уже выкопана могила. Перед тем, как забили крышку гроба, Мария долго хлопотала у его тела: то поправляла венчик, то крепче сжимала в его холодных руках крестик. Слёз уже не было.

— Ну, прощай, — наконец сказала она. — Жди вскорости и меня...

Перекрестившись, она поклонилась ему, и ей показалось, что Иван Власович улыбнулся в ответ.

* * *

А Атаман скоро выздоровел. Прибыли новые люди, которых нужно было вести через линию, и хворать стало некогда...

Берега мужества

Александр Морозов

Родился в 1969 г. в городе Дебальцево Донецкой области. Член правления ВТС «Конгресс литераторов Украины», член Межрегионального союза писателей Украины и Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь». Лауреат литературных премий: «Бориса Гринченко», «Владимира Сосюры», «Свой вариант», «Серебряный стрелец», ряда международных и республиканских фестивалей и конкурсов в номинации «Поэзия». Организатор Всеукраинского песенно-поэтического турнира «Рыцари слова», основатель литературной серии «Творческие силы Украины +». Автор слов гимна г. Дебальцево. За вклад в развитие русской литературы в 2010 г. награжден медалью Шолохова. Публиковался в газетах, журналах, альманахах и в коллективных сборниках. Увлекается краеведением. Изданы книги «Дебальцево. Взгляд сквозь годы» (В двух томах). В августе 2015 г. в Издательском доме Олега Федорова вышла книга публицистики «Дебальцево. На линии огня».

В сентябре 2015 г с группой писателей Донбасса был приглашен в Москву для участия в презентации книги «Строки мужества и боли», а в октябре того же года участвовал во Всероссийском совещании писателей, пишущих на военные темы.

Ровно год...

У меня потребность не в славе — в слове.
Подобрать сумею слова? Смогу ли?
Не забыть пытался, а всё запомнить,
Как бомбили город родной в июле.
А за солнцем в небе следит подсолнух,
Не стирает времени ластик раны...
Даже страшно, сколько всего я помню,
Не свихнуться б только от этих знаний.
Не топлю в граненом стакане слово -
Мне нужна другая для слов огранка.
Этой ночью дома стреляли снова.
Сколько гари, сколько детей- подранков...
Ровно год Дебальцево под обстрелом...
Без него ничего я не представляю.
Каждой миной, взорвавшейся в нём — расстрелян,
Каждым залпом по мне до сих пор стреляют...

Половина собаки

(Реальная картинка)

Намечается новая драка,
Перерезана пуповина.
На соседском заборе — собака,
А вернее — её половина.

По посёлку стреляют с Востока,
Вновь на прочность проходим проверку.
На оборванной линии с током
Провода коротят фейерверком.
Снова эти ужасные «бахи»,
Приносящие страшное горе.
И кишки половины собаки
На соседском красивом заборе...
Слышал здесь я и правду и враки,
Видел здесь и Христа и Иуду,
Но глаза половины собаки,
Я навряд ли когда-то забуду...

* * *

Не уберёт Бог
нас от лукавых,
Войну назвали
они АТО.
Грохочет слева,
стреляют справа,
И крыша в дырах,
как решето.
Земля Донбасса —
сплошная рана,
Воронка злобно
открыла рот,

А кукловоды
ужасно рады ,
Забрал бы чёрт их,
да не берёт.
Лежу в кровати –
гляжу на небо,
Сквозь дыры в крышах
видна луна.
Всем было вдоволь
вина и хлеба,
Сегодня — вдовья
моя страна.
Приносят горе
любые войны
Смерть забирает
и тех и тех....
Воронку скоро
вода заполнит,
Людей погибших
присыплет снег.

Голубянка-Икар

Пусть у нас не работают банки,
От прогнозов икота и шок,
Но летает Икар-Голубянка,
Это значит, что всё хорошо.

Несомненно, у нас очень жарко —
То налёт, то погром, то пожар,
Но летает Икар-Голубянка,
А верней — Голубянка-Икар.

Где-то рядом пролязгали танки,
И окрасился дымом восток...
Но летает Икар-Голубянка,
Принеси нам покой, мотылёк.

* * *

Я вышел из дому, ночь разбросала звёзды,
Ползёт по небу полная луна.
Какой простор! Какой прозрачный воздух!
Здесь был бы Рай...
Когда бы не война...

* * *

Люди в древности строили башни,
Изучали движение планет.
Нам сегодня хватает «смотрящих»,
К сожалению, видящих нет...

Донбасская осень

Вот и осень пришла, словно не было лета,
Неуверенно, робко бредет тишина,
Пусть разрывы её не спугнут до рассвета,
Полнолунным прожектором светит луна.
На лице у ребёнка играет улыбка,
Что-то снится хорошее поздней порой,
А в окопах не спят — перемирие зыбко,
Нужно быть начеку, здесь, на передовой.
Вдаль плывут облака, как огромные рыбы,
Их уносит бескрайнее небо-река.
Мир настанет, чтоб вместе собраться могли бы,
А пока, вдаль по небу плывут облака.

Дорога домой

Затяну потуже пояс,
Хоть помятый, но живой,
Сяду ночью в скорый поезд -
Пусть везет меня домой.
Выйду на Луганской трассе,
Где трава не так густа.
Здесь когда то был я счастлив...
У разбитого моста
Семь могилочек очень стойко,
Охраняют тишину.
Я приду сюда и горькой
Всех умерших помяну.
Встречу близких и знакомых,
По пути к себе домой,
Подойду к родному дому,
По разбитой мостовой...
Мама сыну улыбнется,
Покачает головой:
— Ты приехал, здравствуй, солнце.
Пусть помятый, но живой...

Цветут пионы и картошка

Цветут пионы и картошка,
Мой сын, пока что ходит в школу.
Идёт война не понарошку —
Смерть составляет экзитполы.
Вещает зомбоящик тупо
И сильно действует на нервы.
Под Славянском сплошные трупы,
И скоро точно станет первым
Король конфетный по доходам.
Своё теперь он не упустит.
А в Крым не поставляют воду,
И как-то грустно, очень грустно...

Херячат, суки,
        прицельно рядом,
Ложатся кучно
        вокруг снаряды.
А мне сейчас бы
        осенних яблок...
Но обнесли их
        в округе «Грады».
Стреляют гады,
        стреляют рьяно.
В руинах город,
        в осколках — жизнь...
Прогрохотало
        из «Ураганов».
Держитесь, люди,
        Донбасс, держись!

Ирине Горбань

Пружина лопнет
        и разлетится,
Всё на кусочки
        и на осколки.
Воронья стая
        вверху кружится.
Да где-то рядом
        завыли волки.
Летят на падаль,
        бегут не падаль.
Им пир и радость,
        нам боль и слёзы.
Опять под утро
        проснулись «Грады»,
Опять прибило
        виски морозом.
А помнишь, раньше
        смеялись люди
И танцевали,
        и песни пели...
Мы засыпаем
        под гул орудий
И спим в подвалах,
        а не в постели...
Держись, подруга,
        крепись, подруга,
Война не вечна
        и мир настанет.
Со свистом мины
        играют фугу.
Запоминает
        разрывы память...

Мы сегодня, увы, не те

Мы сегодня, увы, не те,
Мы сегодня с тобой другие.
Распинают нас на кресте,
Перерезать стремятся выю...
Страх прошёл, как полночный бред.
Нам сегодня уже не страшно.
Мы оставили яркий след,
Просто боязно за домашних.
Просто хочется мира им
И счастливой и долгой жизни...
Мы с тобой ещё горим,
Рассыпая цветные брызги...

Мишени

Снова залпы народ разбудили,
Перелёт, а потом — недолёт...
Все сейчас мы — мишени в тире.
Повезёт, может, не попадёт...

Пять минут, как стрелять перестали,
Я, признаюсь, ужасно устал.
На Донбассе все люди из стали,
Но, увы, устаёт и металл.

Вот такая нам участь досталась,
С не простою, не лёгкой судьбой...
Оставляет зарубки усталость
На висках у меня сединой...

Передышка закончилась... Снова,
Снова снайпер берёт «на прицел».
Не родившись, взрывается СЛОВО.
По посёлку ведут артобстрел...

Свидетель

Здесь наступили холода,
Но канонада не смолкает.
Хрипит военная беда,
А снег идёт, мороз крепчает.
Казнит преступников зима —
Не оправдает, а осудит.
Я видел, как горят дома,
А где-то рядом гибли люди...
Убийцы на моей земле
Когда-нибудь за всё ответят.
И перед Господом в суде
Я буду вызван, как свидетель.

Доскакались

Люди год назад сошли с ума,
Привели во власть шакалью стаю,
А теперь — разрушены дома,
а вокруг крушат и убивают.

Этим летом «осчастливив» нас,
(Мы об этом вовсе не просили),
Разрушают до основ Донбасс,
Показать хотят безумья силу.

Те, кто если ходит в божий храм,
Только для публичной показухи.
Создаётся новый мощный клан,
Позабыты дети и старухи.

Снова взрыв, и снова пулемёт
Тарахтит который день над ухом.
По подвалам прячется народ
И давно уже не верит слухам,

Что придёт и к нам когда-то мир,
По ТВ — кривляния паяцев.

По стране — чума, а в Раде — пир,
Новые пришли — спешат нажраться

И набить карманы попопней.
Наплевать на то, что обещали
Нищей и разграбленной стране...
Доскакались? В общем, доскакали...

Первые жертвы Нового года...

Народу эта бойня не нужна,
Народ и так висит мишенью в тире...
Пусть поскорей закончится война,
Чтоб мы опять смогли писать о мире.
Я — эмигрант, живу в другой стране.
На Родине давно не так, как надо...
Здесь ничего не знают о войне,
А там — сегодня утром били «Грады»...
И снова гибли люди... В Новый год!
Когда родилась слабая надежда...
И Дед Мороз к погибшим не придёт...
И никогда не будет так, как прежде...

Берега мужества

Екатерина Наговицына

Екатерина Семеновна Наговицына родилась в 1978 году. Училась в академии государственной службы при Президенте РФ, окончила юридический институт и Уральский Государственный университет им. Ельцина. Участник боевых действий на Кавказе. Майор спецподразделения МВД России. Награждена орденом Мужества. Неоднократно участвовала в проведении мастер-классов по тактико-специальным занятиям и соревнованиях среди кадетских училищ и патриотических организаций молодежи. С 2010 года занимается литературным творчеством. Автор ряда прозаических произведений о проведении контртеррористических операций в горячих точках. Лауреат литературного конкурса МВД России «Доброе слово» в 2011 и 2013 году.

Победитель международного конкурса «Славянские традиции». Рассказы и повести выставлены на военных сайтах и напечатаны во многих журналах России, Белоруссии и Украины. В жизни верна правилам русского офицерства: «Делай, что должно, и будь, что будет» и «Честь превыше всего».

Тонкая струна

Рассказ

Тихий осенний вечер старого района. Ветерок лениво гоняет по улице мусор, заворачивая его в пыль. Обертка от шоколада, фантики, смятая пачка сигарет, упаковка от продуктов – фиксирую все это на автомате, но он не трогает внутренние струнки тревоги – это мирный мусор родного города.

Я бесцельно брожу по улицам часами, день за днем. Еще немного и месяц набегит. Не могу себя увлечь. Пока не получается вклиниться в мирную жизнь. Вжиться. Раствориться и стать ее частью, ее новым жителем. Я как будто в гостях. Дома и одновременно где-то. Как дурак, хожу по знакомым с детства местам и не могу их принять. Все знакомое, родное, но не мое. Не здесь я сейчас. И уже не Там. Завис на переправе.

Надо что-то делать. Может напиться. Не помогает. Не цепляет. Пить водку надоедает раньше, чем начинает забирать. Хмель не приходит. Забыть не наступает. Нет облегчения в родном доме. Ничего нет.

Дни проходят как бы вне меня. А я стою в сторонке, поглядываю и не участвую. Нервы натянуты до предела. До тонкого внутреннего звона. Кажется, что еще чуть-чуть, нить оборвется, и со звоном начнут крушиться зеркала, которые только лишь отражают какую-то незнакомую, чужую жизнь.

Настроение плавает от абсолютной апатии до психа, лютой злобы, когда еще немного и начнут крошиться зубы. А потом обратно, как будто и не было ничего. Выводит из себя всё, или что угодно — косо брошенный взгляд, на ногу кто-то наступил, визгливый голос и так далее, и тому подобное. Так это вроде говорится, когда нет возможности и желания перечислять все раздражающие факторы. И чтобы хоть как-то отвлечься, унять внутренний зуд, умотать себя, каждый вечер, когда становится особо невыносимо оставаться дома, выхожу и иду. Без привязки к адресам, улицам, весям. Бреду, опустив голову, уперев взгляд в трещинки на асфальте.

Как-то раз подошли, спросили время. Мазнул взглядом по часам, буркнул ответ и услышал в спину протяжное:

— Э-э, алле, тебя никто не отпу...

На секунду стало любопытно взглянуть на наглеца, и, подняв голову, я сфокусировал взгляд на прыщавом юнце. Да нет, не совсем юн, лет 19, там такие уже знали цену своим поступкам. Там это слишком дорого стоило.

За спиной парня стоял второй постарше, и он безошибочно считал с моего лица не только скользнувшее подобие интереса, но и тлеющую внутри злобу. В глазах отразилась смерть. Их ли, чужая ли, какая разница. Он уже был знаком с подобным взглядом, только в своей невеселой реальности и, решив не развивать дальнейших событий, жёстко дернул первого за рукав, процедив сквозь зубы:

— Уходим...

И первый провалился под этим рывком. Дал легко себя увлечь, скривив кривую улыбочку, выдал:

— Извеняюсь, ошибочка вышла.

Вмиг гопники растворились в сгущающихся сумерках.

Знаете, что такое отражение смерти в глазах — это мрак во взгляде. Как будто в прорубь заглядываешь. Холодно, бездушно, страшно. Самому хочется бежать, уже не говоря о тех, кто в это время в них смотрит. Но от себя не убежишь. Себя не обманешь. Память не вырвешь, как зачитанный листок. Все она помнит. Несет, не растрясет. Сбережет и в нужный, а тем более ненужный момент подаст на блюдечке. Ненавижу ее. Выбросил бы, сжег, растоптал. Но нельзя. Ею еще и жив. А еще жив за тех, других, кто уж не смог.

Заныл свежий шрам над бровью. Заломило в душе, поднимая колючий ком к горлу, перебивая дыхание. Но слез не будет. Как бы ни хотелось зарыдать в голос, переходя в вой, стон, выхлестнуть из себя всю боль, вину, стыд, но не выйдет, не даст всевышний облегчения, избавления, забвения. Все это разрывает меня изнутри, изматывает и обжигает. Мне кажется, я даже вижу как пепел отшелушивается от сердца, опадая белесо-серой пылью. Эта пыль покрывает мою душу, глаза, лицо, руки и даже старенькие кроссовки.

В середине ночи возвращаюсь домой. Ноги гудят от намотанных километров. Надрывно тянет голень. Не раздеваясь, падаю на кровать, упираюсь взглядом в стену. Темно. Давит тишина. Закрываю уши руками. Но это не помогает. Некуда деваться от себя. От себя не спрячешься.

Встаю, включаю телевизор. Двое о чем-то спорят, доказывая, как надо жить стране. Что вы знаете об этой стране? Зажигаю газ, ставлю чайник. Он начинает уютно ворчать. А воспоминания уже стоят на пороге, готовые ворваться непрошеными гостями и заполнить все окружающее пространство. Но я давлю эту попытку.

Механически упираюсь взглядом в телевизор. Листаю канал за каналом, пытаюсь понять, что там показывают — реклама, фильм, новости, опять реклама, опять новости, Америка, Азия, урожай, цены, обещания политиков и ни слова про то, что сейчас там. Не интересно это никому, и никому не нужно. И вот воспоминания пододвинулись еще на шаг ближе. Стоять! Упираюсь в старый фильм, пытаюсь вслушаться в диалог героев. Он — бравый офицер с орденом Великой Отечественной войны на груди, она — миловидная блондинка, тоже в военной форме, с медалью «За отвагу». Они встретились после долгой разлуки и военных испытаний, впереди их ждет новая разлука, но они уже мечтают о том, что будет, когда война кончится. Им еще есть о чем мечтать. И я знаю, что их война кончится через один год и три месяца. А когда кончится моя война?

Засвистел чайник. Несколько секунд тупо смотрю на него. Затем выключаю газ, достаю чашку, механически насыпаю кофе, заливаю кипятком, делаю глоток, не чувствуя вкуса, и ставлю на стол. Апатия наваливается, разливаясь по жилам. Показалось, что если сейчас лягу, то может, наконец-то, провалюсь в долгожданный сон, и он принесет избавление от реальности. Но это не так. Долго ворочаюсь с бока на бок, проваливаюсь в забытье, но на границе со сном резко вздрагиваю, как от падения, и просыпаюсь.

За окном светает. Комната в предрассветных тенях. Тишина. Закрываю глаза и все-таки засыпаю, но сон не приносит облегчения. Мне снится война, просыпаюсь от собственного крика, весь в холодном поту и смятении. Пытаюсь нащупать автомат, но его нет, и это сильно пугает меня, пока не приходит понимание, где я нахожусь. Сердце гулко ухает. Встаю еще более разбитый, чем был вчера.

Что-то, наверное, надо с этим делать, но что? Что? Куда идти, а самое главное, как объяснить, рассказать все, что произошло. Как донести главное, когда не можешь выдать из себя ни сло-

ва. Преодолеть барьер, который выстроила психика, ограждая от травмирующих воспоминаний. Я даже сам с собой не могу объясниться, не говоря уже о других людях, да и видеть никого не могу, не хочу...

Пару раз звонил телефон, но я не подошел. Не смог поднять трубку и выдать заинтересованность. Пытаюсь занять себя каким-нибудь делом, но все валится из рук. Время тянется, как липкий клейстер, не заполняя моего пространства ничем.

А душу гнетет, и что-то выгоняет меня на улицу, опять и опять бесцельно бродить и убивать время, подаренное мне, видимо, в наказание.

Захожу в первое попавшееся кафе. Сажусь к окну. Подходит официантка, молча кладет на стол меню и, покачивая бедрами, отходит. Разглядываю ее спину, опускаю взгляд на открытые ноги, но не цепляет. Внутри тишина. Окликаю ее, прошу принести двести граммов водки в стакане. Она вроде даже не удивляется. Насмотрелась, видимо, на подобных чудиков. Водку приносит в красивом стакане для виски. И я выпиваю залпом, немного задохнувшись от обжигающего холода и горечи. Закуриваю, чувствуя, как водка начинает растекаться по жилам, согревая и немного затуманивая голову. Осматриваюсь.

Недалеко, в глубине зала сидят несколько девчонок, потягивают мартини, ведут какие-то свои неспешные разговоры. Почти красивые, ярко накрашенные, ухоженные, модные. Подзываю официантку, заказываю за их стол бутылку дорогого шампанского. Девицы заинтересовано начинают поглядывать на меня. Я в наглую разглядываю их, выбирая самую красивую. Выпиваю еще водки, выкуриваю сигарету, заказываю медленную песню про потерянную любовь, которая так нравится женщинам, и приглашаю стройную брюнетку. Та вручает себя как главный приз и почти нежно прижимается ко мне во время танца. Прикасаюсь к ее волосам, вдыхаю запах дорогих духов, но и это не заводит. Механически двигаюсь в такт, потом целую ручку, возвращаю к подружкам, молча разворачиваюсь и ухожу за свой столик. Девушка провожает меня недоуменным взглядом. А я, в свою очередь, упираюсь взглядом на улицу.

Что же это такое? Ведь раньше все было по-другому. Я возвращался из боевых командировок, этакий победитель, лихой и веселый. Собирал друзей. Заваливались в кабак и гуляли там, обвораживая всех присутствующих женщин. Куда растерялся весь кураж? Где тот кайф возвращения в домашнюю мирную жизнь? А догадка уже стоит рядом, за спиной, жжет мне мозг, надрывая душевные жилы.

И я не могу сдержать прорвавшуюся плотину воспоминаний. Лавиной они накрывают меня, ломая и давя всей своей неподъемной тяжестью, и мне уже некуда бежать. Я все помню...

Ее звали Лерка, вернее ее звали Валерия, но представилась она в наше первое знакомство именно так. Маленькая, по-мальчишески нескладная молодая девчонка в зеленом, подогнанном под рост камуфляже, который ей удивительным образом шел, короткая стрижка и серьезный острый взгляд. Кинолог, приехала на сборный пункт вместе со своей собакой, черным лабрадором Бураном. Она измором взяла руководство и, единственная, добилась разрешения на выезд в командировку в составе отряда инженерной разведки на территорию Чечни для проверок и разминирования дорог.

Парни с любопытством разглядывали ее, кто-то начал отпускать скабрзные шуточки, а я, ведомый какой-то непонятной мне силой, подошел, протянул руку и представился:

— Дима.

Она пытливо взглянула мне в глаза, не шутка ли, не подколка, и крепко пожала мою руку:

— Лерка.

Вот так просто началась наша дружба. Да, да, простая дружба между молодой девчонкой и взрослым, прошедшим уже четыре командировки в СКР мужиком. Тонкая струнка натянулась между нами. Что за чувства были внутри меня к этой задиристой, несмышленной девчонке, пытающейся что-то доказать кому-то, и где — на войне — вообще никому ничего доказать нельзя. Наверное, отеческая забота, как у отца к дочери, как у старшего брата к маленькой сестренке, как у друга к более слабому, но одновременно и более сильному другу. Какое-то бесполое отношение. Оказывается, иногда, так бывает.

Мне была интересна ее жизнь, и вместе с тем, ни разу еще, никому не хотелось рассказать о себе так много, как Лерке. Не задумываясь, вверял ей свои приключения и похождения. Она только улыбалась, не пытаясь учить меня жизни, и это было забавно — никогда еще не делился этими история-

ми. Нет, я, конечно же, умел красиво травить байки, обихаживая, очередную пассию, но здесь все было по-другому. Мне было легко с ней, можно даже сказать спокойно, а это очень дорого стоит на войне. Когда постепенно начинаешь уставать, и все раздражают. Я же для нее был своего рода надежным тылом, прикрытием, единственным другом на этой недружелюбной земле.

Однажды заметил, как во время работы она незаметно поглядывает на меня, подстраховывая, с готовностью оказаться, если станет нужным, рядом. Само понимание, что эта пацанка пытается таким образом заботиться о друге, вызвало у меня улыбку и ощущение тепла на душе.

С остальными сослуживцами отношения складывались сложно. Одни относились к ней легко, приняв как товарища по оружию, другие же пытались побольней подколоть, задеть, зацепить острым словцом. Она ловко пресекала все попытки подкатить к ней. Отгрызалась на злословие и упрямо пыталась доказать окружающим, что может не хуже парней работать в экстремальных условиях. Не отлынивала от сложных заданий и не требовала себе поблажек. С каким-то внутренним упорством преодолевала все трудности и невзгоды. Заступала в наряды. Выходила на проверки дороги от фугасов, в короткие сроки доказав, что они с Бураном лучше других находят закладки. Но все ее успехи только в пропорциональной мере усиливали раздражение некоторых окружающих ее бойцов. Она же пыталась не замечать этого. И это злило их еще больше. С каким бы удовольствием они посмотрели на ее слезы, раздув их до уровня бабских истерик. Но Лерка держалась всем назло, даже мне не выговаривая ничего. Она не жалела, что добилась и приехала сюда, понимая, что платит за это свою цену. В то же время, увидев, как люди, окружавшие ее, по приезду сюда меняются, становятся склочными, злыми и раздражительными, впитывала в себя и этот опыт.

На экватор приехал проверяющий, старый мой товарищ, сослуживец еще с первой чеченской. Привез водки. Мы нажарили мяса и собрались посидеть с теми, кто не в наряде, отпраздновать, так сказать, эту дату. Третий тост все выпили, как всегда, стоя, помолчав. Затем потекли неспешные беседы за жизнь и, конечно же, потихоньку свелось все к расспросам.

— Ну, объясни мне, Лерка, зачем ты сюда поехала?

— А ты?

— Ну, война, это мужское дело.

— И что?

— А то, что воевать должны мужики, а женское дело — сидеть дома и детей воспитывать.

— А я всегда думала, что воевать должны не мужчины или женщины, не старые или молодые, воевать должны профессионалы. Люди, которые умеют это делать, а самое главное — морально готовые. Пользы от этого уж точно будет больше, если конечно, можно так рассуждать о вопросе войны и мира. Но я говорю о защите. Защите нашей Родины, мирных жителей и близких нам людей.

Проверяющий удивленно хмыкнул. А я, уставший уже от подобных разговоров, которые велись с завидным постоянством, отвернулся, замахнув в одиночку еще одну рюмку. Что она может доказать этим мужикам. Свое право на любовь к Родине? На войне действительно легко ее любить или ненавидеть. Но война — это мужская привилегия, их вотчина, и они не потерпят чужаков на своей территории. Что бы она ни сказала здесь, как бы ни доказывала, что лучшая в своем деле, всё равно, всё будет встречаться в штывы, потому что здесь чужак — она. И сколько раз я ни пытался объяснить ей это, Лерка упорно гнет свою линию, горячась и заводясь на вековую несправедливость.

В разговор подключились окружающие.

— Что ты здесь ищешь?

— Слушай, твоя бабушка где была во время второй мировой?

— Ну-у, у меня была мировая бабка, прошла от Минска до Одера.

— Так спроси у нее, что она там искала.

Парень обиженно засопел. Но в разговор подключился его дружок.

— Лерка, ты дура, ну как ты не понимаешь, что ты никогда не сможешь быть наравне с нами.

— Я, конечно, может, и дура, но почему я должна быть наравне с вами, почему не могу быть просто рядом, в одном строю? Разве я прошу себе поблажек, разве я не так же, как и вы, тащу службу, разве мой бронник легче вашего, или у меня какие-то особые условия службы?

Буран, почуяв настроение хозяйки, лежа у ее ног, подтверждающе гавкнул. Я ухмыльнулся — защитник. А парень, который больше всех к ней подкатывал, но был жестко отшит, все не унимался, выбирая все более острые фразы, стараясь ее зацепить, все больше накалял обстановку.

— Да пойми ты, что это твоя последняя командировка. Никто больше никуда тебя не возьмет, так как ты, как бельмо на глазу, обуза. Никогда ты не будешь в боевой группе. Я лично пойду к руководству и расскажу все, что было и даже чего не было, но добьюсь того, чтоб баб больше в командировки не брали.

— Подлец, — и она, выйдя из-за стола, ушла на улицу. Буран, преданно засеменил следом.

— Что вы до нее докопались? — немного захмелев, сказал я. Настроение было миролюбивое, ругаться ни с кем не хотелось.

— А ты давай, беги, успокаивай свою подружанку, ревет, поди, в три ручья.

— Придурок, — беззлобно ответил я, закурил и пошел на улицу. Лерка сидела на скамейке, гладила по голове Бурана и смотрела на звездное небо.

— Ну что вы опять двадцать пять? При проверяющем могли бы и не начинать.

— Да задолбали,- и вздохнула.

— Ничего ты здесь никому не докажешь.

— Да я понимаю, но если я такой родилась. Ну не повезло мне родиться парнем и что мне теперь делать? Почему в Америке, Израиле, Германии девчонки просто служат своей стране, никому ничего не доказывая. Почему у них не на излом? Ведь, посмотри, Дим, даже чечены со своим шариатом не гнушаются пресловутыми прибалтийскими снайпершами. Почему только я сталкиваюсь с тем, что все кругом знают, где мое место и что я должна делать. Ведь у каждого должен быть свой шанс на подвиг.

Я ухмыльнулся.

— Иди спать, завтра рано вставать. Ты в России, и этим все сказано.

Она поднялась и ушла в расположение. А я сидел и смотрел в ночное небо. Нестерпимо захотелось домой. Эх, загулять бы сейчас по-настоящему, с друзьями, девчонками, в дорогом кабаке, повеселиться от души и не видеть этих уже надоевших лиц сослуживцев, не слушать их нудные разговоры и докапывание до Лерки.

И вот я в кабаке, сижу, как когда-то мечталось, но что-то не ладится, не веселит. Даже сексапильные красотки не заводят и не будоражат во мне ничего. Не интересно. Скучно. Однотипные песни, пустые девахи, для которых важны только они сами.

Выхожу на улицу... Опять бреду, куда ноги несут. Пытаюсь оторваться от воспоминаний тех дней, но они не отстают.

И вдруг, совсем рядом, почти задев меня, резко затормозила белая вазовская «шестерка». Из раскрытого окна неслась громкая музыка, и ярко накрашенная пьяная девица, высунувшись почти по пояс, попросила закурить. Я отшатнулся от этого наваждения. На секунду задохнулся. Замотал головой, прогоняя этот призрак. Но, даже глядя в ошалевшие глаза сидящих в машине, опять провалился в воспоминания, кожей почувствовав жар того летнего чеченского дня, ощутив скрип песка на зубах.

Как будто наяву увидел, как мы уставшие от долгих часов проверки дороги, которая вела в Грозный, сгрудились у «Урала» на перекур. Около десятка саперов, измотанных километражем и жарой, встали в скудную тень от грузовика. По кругу передали бутылку с теплой противной водой. Хотелось большего — полежать на шелковистой травке, окунуться в освежающую морскую волну и еще холодного пива. Просто шел шестой месяц нашей командировки, и все устали, измотались каждодневными проверками дорог, поисками мин и фугасов, длинными скучными нарядами, однотипными днями, похожими один на другой, как две капли воды. Устали от ожидания беды и уже перестали ее ждать. Разморенные, отупевшие, отпустившие все на волю случая, безразлично поглядывающие на весь окружающий нас мир, такой же безликий и безрадостный.

Лерка стояла рядом, такая же замученная, запыленная, с мокрым от пота ежиком волос. Стянутая сфера валялась у ног.

— Эх, снять бы сейчас бронник и поваляться на пляже, — устало сказала она.

И эта безобидная фраза вдруг всколыхнула во мне какое-то дикое раздражение, неуправляемый «псих», злобу, и я ответил ей резкими неправильными словами. Уже их произнося, понимал, что выдаю не свои слова, а где-то услышанные, и, видимо, запавшие в мозг, ненужные, гадкие, грязные, несправедливые и очень болезненные, но не мог остановиться. Что-то отвратительное и плохое полезло из меня, мерзкое и гнусное. Часть меня ужасалась тому, что я делаю, а другая часть не могла

остановиться, выговаривая чей-то чужой текст. Вся накопленная за шесть месяцев усталость, раздражение, страх и каждодневное ожидание беды, сейчас изливалось из меня бранным потоком.

Все удивленно замерли. А Лерка отшатнулась от меня, как будто ее ударили, глядя на меня и не веря происходящему, растерянно моргая и закусив губу. Со звоном лопнула связывающая нас тонкая струна.

И в это самое время с визгом тормозов, притормозив рядом на секунду, оказалась белая вазовская «шестерка». Из открытого салона гроыхала музыка, и я увидел, как качнулась кисть руки, выбрасывая к нам в ноги гранату. Как в замедленной съемке, уже в воздухе отлетела чека. А машина, выплевывая из-под колес пыль и камни, с пробуксовкой отъезжала, резко набирая скорость. Я заорал, что было мощи:

— Граната!

Падая, как учили, в сторону от предполагаемого взрыва, но умом понимая, что зря, все зря — это смерть. В голове всплыла заученная цифра сплошного поражения цели. И вдруг, скорее ощутив, что происходит, поднял глаза и не поверил, не захотел принять происходящее — вопреки всем учениям и наработанным за время сработки и тренировок, рефлексам, Лерка каким-то ломаным движением падала на гранату. На долю секунды мы встретились с ней глазами, полными предсмертной тоски и удивления. По пыльной щеке текла слеза, первая слеза за долгую командировку, и одними губами она прошептала мне на прощание:

— Живите.

И в следующую секунду с силой рухнула на Ф-ку, пытаюсь глубже утопить ее в спрессованную сухую глину. Кажется, я даже услышал, как о ребристые бока гранаты стукнулся бронежилет. А дальше был взрыв. Резкий, сильный, обжигающий. Удар, который перевернул меня.

А затем осыпавшиеся комки глины завалили нас всех. Кто-то закричал. Послышался чей-то стон. Взведенный, я соскочил, не чувствуя боли, и, как подкошенный, рухнул на колени — ногу перебило осколком. Но это было неважно.

Я вглядывался в лежавшее рядом растерзанное тело, не веря произошедшему, пытаюсь уловить хоть какое-то движение и уговорить весь мир, что этого быть не может, этого не должно быть, это только сон, и сейчас с земли вскочит упрямая Лерка, и все пойдет своим чередом. Но этого не происходило. Лишь Буран, скуля и оставляя бурый след за собой, полз к хозяйке на брюхе. Дополз. Лизнул окровавленную руку, вильнул хвостом и затих, прижавшись к ней мокрым от крови боком.

А я стоял перед ней на коленях, живой и убитый одновременно. Как мне хотелось сейчас так же ползти на брюхе, моля о прощении за все, что сказал, за то, что поддался своей минутной слабости, проклиная рефлекс и инстинкты. Но война не дала этого шанса. Вылетевшие слова нельзя было вернуть обратно. Уже нельзя было оттолкнуть ее и самому лечь на гранату, спасая всех от смерти. Этот бой выиграла она, оставляя мне чувство непростительной вины.

Просто шел шестой месяц командировки. Все устали. И уже совсем не осталось времени что-либо изменить.

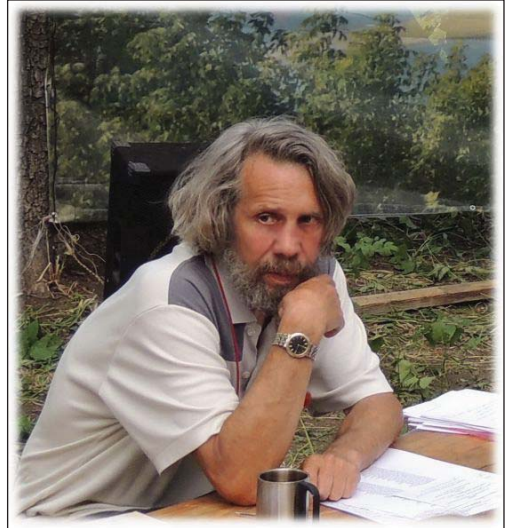

Поэзия

Владимир Шемшученко

Редакция журнала «Берега» поздравляет Владимира Шемшученко с 60-летием и желает неиссякаемого творчества, новых книг и новых любящих читателей!

Шемшученко Владимир Иванович родился в 1956 г. в Караганде. Получил образование в Киевском политехническом, Норильском индустриальном и Московском литературном институтах. Работал в Заполярье, на Украине и в Казахстане. Прошёл трудовой путь от ученика слесаря до руководителя предприятия. Член Союза писателей России, член Союза писателей Казахстана. Кавалер ордена Святого благоверного князя Александра Невского «За заслуги и большой личный вклад в развитие и укрепление государства Российского». Лауреат Международной премии «Поэзия», международной премии Семёна Полоцкого, международной премии им. Михаила Матусовского и международной премии им. Арсения и Андрея Тарковских, победитель Первого, Второго, Третьего и Четвёртого международного конкурса поэзии в г. Москве. Награждён Патриархом Московским и всея Руси Алексием II золотой медалью Сергия Радонежского I степени. Лауреат Всероссийских премий имени Н. Гумилёва, А. Прокофьева, Хрустальной розы Виктора Розова, «Югра», А. Дельвига, М. Лермонтова, лауреат Первого Всероссийского Православного конкурса поэзии им. А. Невского, лауреат премии журнала «Наши современники» в области поэзии за 2007 год, лауреат премии журнала «Москва» в области поэзии за 2008 год, лауреат премии журнала «Сура» в области поэзии за 2010 год, обладатель «Золотого пера Московии», победитель международного фестиваля поэзии «Славянские традиции» 2010 года, дипломант премии им. А. И. Бунина, лауреат литературной премии «Высокий стиль — 2013», лауреат литературной премии «Славянские традиции -2015», действительный член Петровской Академии наук и искусств. Награждён Почётной грамотой Союза журналистов РФ «За большой вклад в развитие российской журналистики», а также Почётными грамотами СП России и Главы Луганской народной республики. Награждён медалями «Фёдора Тютчева» и «Василия Шукшина». Соучредитель Европейского конгресса литераторов. По итогам Второго открытого Всероссийского конкурса поэзии в доме-музее Игоря Северянина назван «Королём Поэтов». Участник двенадцати антологий поэзии. Автор тринадцати книг стихов.

Лауреат Всероссийских премий имени Н. Гумилёва, А. Прокофьева, Хрустальной розы Виктора Розова, «Югра», А. Дельвига, М. Лермонтова, лауреат Первого Всероссийского Православного конкурса поэзии им. А. Невского, лауреат премии журнала «Наши современники» в области поэзии за 2007 год, лауреат премии журнала «Москва» в области поэзии за 2008 год, лауреат премии журнала «Сура» в области поэзии за 2010 год, обладатель «Золотого пера Московии», победитель международного фестиваля поэзии «Славянские традиции» 2010 года, дипломант премии им. А. И. Бунина, лауреат литературной премии «Высокий стиль — 2013», лауреат литературной премии «Славянские традиции -2015», действительный член Петровской Академии наук и искусств. Награждён Почётной грамотой Союза журналистов РФ «За большой вклад в развитие российской журналистики», а также Почётными грамотами СП России и Главы Луганской народной республики. Награждён медалями «Фёдора Тютчева» и «Василия Шукшина». Соучредитель Европейского конгресса литераторов. По итогам Второго открытого Всероссийского конкурса поэзии в доме-музее Игоря Северянина назван «Королём Поэтов». Участник двенадцати антологий поэзии. Автор тринадцати книг стихов.

В течение 12 лет является главным редактором международного литературно-художественного журнала «Всерусский соборъ» и общественно-политической газеты «Небесный всадник».

* * *

В предчувствии первого снега
Трепещет больная душа.
И ночь хороша для побега,
И вольная мысль хороша.
Бреду по сиротской дороге
Под мертвенным светом луны.
Мы все вспоминаем о Боге,
Когда никому не нужны.

* * *

Вместо бессильных слов
В самом, самом начале —
Капельки васильков,
Искорки иван-чая.
Ну, и ещё — река,
А на реке светает.
Это издалика...
Это растёт, нарастает...

Это ещё не звук.
Это из сердцевины.
Это небесный паук
Звёздной наткал паутины.
Это корова-луна
Тучу поддела рогами.
Это кричит тишина,
Смятая сапогами.
Это — здесь сейчас —
Заговорить стихами.
Это последний шанс
Не превратиться в камень.

Млечный путь

Остывают страны, народы
И красивые города...
Я плыву и гляжу на воду,
Потому, что она — вода.

А она и саднит и тянет,
Словно соки земные луна.
Жду, когда она жить устанет
Или выпьет меня до дна.

Я плыву, как вселенский мусор.
На другом берегу реки,
Наглотавшись словесного гнуса,
Чахнут звёздочки-паучки.

Из какого я рода-племени?
Кто забросил меня сюда?
Скоро я проплыву мимо времени,
Опрокинутого в никогда...

* * *

Блажен, кто по ночам не спит
И времени не замечает,
Кто сыт пустым недельным чаем,
Кто знает — ДУХ животворит.

Блажен, кто верою горит
И в этом пламени сгорает,
Кто на путях земного рая
Взыскует скорбь в поводыри.

Переосмысливаю быт.
Переиначиваю строки.
Когда горланят лжепророки,
Поэт молчаньем говорит.

* * *

Золотые слова растащило по норам ворьё,
И аукнулась нам бесконечная наша беспечность.
Поспешаем за веком и в души несём не своё,
На сегодняшний день обменяв человечность.

Разрастается зло, выползает из тёмных щелей.
Погремушками слов азиаты гремят на рассвете.
Встань за Родину, друг мой! Молись и себя не жалеи!
От безбожных отцов не рождаются русские дети!

Церковь

Засиженная вороньём,
Насквозь продутая ветрами —
О нашем, а не о своём,
Скорбит глухими вечерами.

Вне времени и суеты,
Не исчерпав великой силы,
Молитвенно сложив персты,
Взывает к совести России.

* * *

Из небесной реки пьют небесные кони
И копытами бьют... Звёзды сыплются вниз.
Открываю окно, опускаю ладони
В тёмно-синюю ночь и встаю на карниз.

Не желаю стихи, как жаркое на блюде,
Господам подавать, демонстрируя прыть.
Если я упаду, ничего мне не будет,
Между небом и мной — неразрывная нить.

* * *

Святой Боже, позволь говорить
О любви, что сияет над миром,
Укроти мой расхристанный разум
И мою ненасытную плоть,
Остуди меня, чтоб я не смог,
Уподобясь шутам и сатирам,
Величайшею милостью — Словом —
Пренебречь и пустое молоть.

Ниспошли мне в предутренний час,
Когда тянется к солнцу травинка,
Когда мысль, запряжённая рифмой,
Превращается в росчерк пера —
Пониманье того, что во мне,
Всё Твоё, даже эта кровинка,

Что из вены моей вытекает
За пятнадцать минут до утра.

Мне сегодня чернил не достать
И от радости мне не заплакать,
И стихи не дописывать кровью,
Потому, что чернил не нашлось.
Святой Боже, прими по счетам,
А не то — невиновный заплатит
За унынье, гордыню и леность
И мою неуёмную злость.

Соловки

1.

Донос. ОГПУ. Расцвет ГУЛАГа.
Руби руду! Баланду съешь потом...
Мой дед с кайлом в обнимку — доходяга.
А я родился в ... пятьдесят шестом.

Война. Концлагерь. На краю оврага
Эсэсовец орудует хлыстом...
Отец с кайлом в обнимку — доходяга.
А я родился в ... пятьдесят шестом.

Орёл двуглавый. Гимн. Трёхцветье флага.
С нательным в новый век вхожу крестом.
Бескровно под пером скрипит бумага,
Ведь я родился в ... пятьдесят шестом.

2.

Увели их по санному следу,
Возвратились — забрали коня.
Ни отцу не помог я, ни деду,
Вот и мучает память меня.

Хватит, сам говорю себе, хватит.
Расказачили — значит, судьба.
Только пусто в душе, словно в хате,
По которой прошла гольтьба.
Нынче всякий и рядит и судит,
Прижимая ко лбу три перста.
Дед с отцом были русский люди —
Ни могилы у них, ни креста.

За отца помолюсь и за деда,
И за мать, чтоб ей легче жилось —
У неё милосердие соседа
На разбитых губах запеклось.

3.

Плывёт над снегами луна,
Как Слово, что было в начале...

А где-то уже — весна
С подснежниками и грачами.

А где-то сосулечья звень,
А где-то на лицах веснушки...
И реки наполнены всклень
Водой из небесной кадлушки.

И скачет апрель на котах,
Охотясь на кошек глазастых.
И женщины тонут в цветах —
И больше всё в белых и красных!

И в храмах тихонько поют,
Воскресшего днесь воспевая...
И я здесь не праздно стою,
А крестик в руках согреваю.

* * *

Мироточат иконы.
Кровоточат слова.
Колокольные звоны
Над тобою, Москва.

Я устал торопиться
И перечить судьбе —
Окольцованной птицей
Возвращаюсь к тебе.

Постою у порога,
Где толпится народ...
Кольцевая дорога
Никуда не ведёт.

* * *

Петь не умеешь — вой.
Выть не умеешь — молчи.
Не прорастай травой,
Падай звездой в ночи.

Не уходи в запой.
Не проклинай страну.
Пренебрегай толпой.
Не возноси жену.

Помни, что твой кумир —
СЛОВО, но не словцо...
И удивлённый мир
Плюнет тебе в лицо.

* * *

Слышащий — да услышит.
Видящий — да узрит.
Пишущий — да напишет.
Глаголящий — повторит.

Всяк за своё — ответит.
Каждому — свой черёд.
Слово, если не светит, —
Запечатает рот.

Пуля — она не дура,
А Провиденья рука.
Да здравствует диктатура
Русского языка!

Поэзия

Анатолий Аврутин

Анатолий Юрьевич Аврутин родился в Минске, окончил Белгосуниверситет. Автор двадцати поэтических книг, изданных в России, Беларуси и Германии, двухтомника избранных произведений «Времена». Главный редактор журнала «Новая Немига литературная». Член-корреспондент Академии поэзии и Петровской академии наук и искусств. Лауреат многих международных и всероссийских литературных премий. Название «Поэт Анатолий Аврутин» в 2011 г. присвоено звезде в созвездии Рака. Живет в Минске.

* * *

По русскому полю, по русскому полю
Бродила гадалка, вещая недолго.
Где русская вьюга, там русская вьюга,
Там боль и беда подпирают друг друга.
Там, слыша стенанья, тускнеют зарницы,
Пред ворогом там не умеют клониться.
Там ворон кружит, а дряхлеющий сокол
О небе вздыхает, о небе высоком...

О, русское поле! Гадала гадалка,
Что выйдет мужик, и ни шатко-ни валко,
Отложит косу и поднимет булаву
За русское поле, за русскую славу.
И охнет... Но вздрогнут от этого вздоха
Лишь чахлые заросли чертополоха...
Лишь сокол дряхлеющий дернет крылами
Да ветер шепнет: «Не Москва ли за нами?..»

О, смутное время! Прогнали гадалку...
И в Храме нет места ее полушалку.
Кружит воронье, а напыщенный кочет
О чем-то в лесу одиноко хохочет.
Аль силы не стало? Аль где эта сила,
Что некогда ворога лихо косила,
Что ввысь возносила небесные Храмы?..
Куда ни взгляни -- только шрамы да ямы.

Лишь пес одичавший взирает матёро,
И нету для русского духа простора.
В траву одиноко роняют березы
Сквозь русское зарево русские слезы...

* * *

Взьерошенный ветер к осине приник...
Одна вековая усталость,
Где русские души, где русский язык,
Где русская кровь проливалась.

На бой не зывают ни горн, ни труба,
Вдали не рыдает гармошка...
Лишь тополь печаль вытирает со лба
Да птицы воркуют сторожко.

Вражина коварен и так многолик!..
Но воинство насмерть сражалось,
Где русские души, где русский язык,
Где русская кровь проливалась.

О, смерд, погибающий в час роковой --
Ему ни креста, ни могилы.
Зарублен, он вновь становился землей,
И голубь взлетал сизокрылый,

Когда он предсмертный выдавливал рык,
И падал... Всё с пеплом мешалось,
Где русские души, где русский язык,
Где русская кровь проливалась.

Заброшено поле... Не скачет гонец.
Давно покосились ворота.
Неужто всё в прошлом?.. Неужто конец?..
Неужто не вышло полета --

Туда, где лебяжий предутренний крик,
Где спеет рассветная алость,
Где русские души, где русский язык,
Где русская кровь проливалась?..

* * *

...Наш примус всё чадил устало,
Скрипели ставни... Сыпал снег.
Мне мама Пушкина читала,
Твердя: «Хороший человек!»
Забившись в уголок дивана,
Я слушал — кроха в два вершка,—
Про царство славного Салтана
И Золотого Петушка...
В ногах скрутилось одеяло,
Часы с кукушкой били шесть.
Мне мама Пушкина читала —
Тогда не так хотелось есть.
Забыв, что поздно и беззвездно,
Что сказка — это не всерьез,
Мы знали — папа будет поздно,
Но он нам Пушкина принес.
И унывать нам не пристало
Из-за того, что суп не густ.
Мне мама Пушкина читала —
Я помню новой книжки хруст...
Давно мой папа на погосте,
Я ж повторяю на бегу
Строку из «Каменного гостя»
Да из «Онегина» строку.
Дряхлеет мама... Знаю, знаю —
Ей слышать годы не велят.
Но я ей Пушкина читаю
И вижу — золотится взгляд...

* * *

От забытой сторожки до самого лобного места,
От безвестной криницы до вспененной гривы морской,
Там, где звон соловья так же ранит,

как звон Благовеста,

А над росным покоем возносится Вечный покой;
Там, где зелень травы лиц измученных не зеленее,
А смиренные очи лампадами в Пасху горят,
Там, где чуешь топор над своею испуганной шеей
На вчерашней аллее, а пни оскопленные — в ряд;
Где бесцельная жизнь остается единственной целью,
И где с млеком впитали извечное «Горе уму»,
Где божились — купелью, суставы кромсали —

куделью,

А наследство отцово вмещалось в худую суму, —
Непонятно откуда, являются тайные знаки:
Душу вынь да положи! — И положат...

И дело с концом.

А хмельной замухрышка, извечно охочий до драки,
В миг единый трезвеет давно не трезвевшим лицом.
И тогда грозный час именуют: «Лихая година»...
Распахнув те ворота, что вымазал дегтем вчера,
Выдыхает шельмец:
«Ты дождись... И роди... Лучше — сына...»
А валторны рыдают, что парню в бессмертье пора...
Вот такая земля...
Вот такие юдоли-чертоги.
Чуть утихнет и снова извечное «Горе уму»...
Но на небо отсюда восходят угрюмые боги,
По-сыновьи даря в благодарность извечную тьму...

* * *

Бредет навстречу дряхленький Мирон,
Еще с войны контуженный, живучий.
Извечный завсегда похорон
Других солдат, что в мир уходят лучший...

Он сдал в музей медаль и ордена,
Он потерял жену, а с ней -- рассудок.
И встречного: «Закончилась война?..» --
Пытает он в любое время суток.

«Да-да, Мирон, закончилась... Прости,
Что мы тебе об этом не сказали...»
Он расцветает... И звенят в горсти
Монеты на бутылку от печали.

Бутылка так... На первом же углу
Он встречного о том же спросит снова:
«Закончилась?..» Морщинки по челу
От радости бегут не так сурово.

Проклятый век... Шальные времена...
В соседней Украине гибнут дети.
А здесь Мирон: «Закончилась война?..»
И я не знаю, что ему ответить...

* * *

Мы пришли и уйдем...
И от нас ничего не останется.
Только плюсик креста,
на котором трепещет душа.
Да и тот украдет
Подзаборный какой-нибудь пьяница,
Бросит в свой костерок,
костылями золу вороша.

И вспорхнут над огнем
Одиночества девять граммолечек,
Девять граммов тоски,
Девять граммов озяблости щек...

Вместе с сизым дымком
 поплывут над горбатостью улочек,
 Над сверканием льдинок,
 что враз ослепляет зрачок.
 Прокурлычет душа
 над ухабами и косогорами,
 Над неубранной рожью,
 что спит в ноздреватом снегу,
 Над столетней старухой,
 В хатенке сидящей за шторами,
 И над спиленным кленом,
 воткнувшимся в грязь на бегу...
 И какая-то девка,
 спиной на сугроб запрокинута,
 В непотребстве своем
 все еще учащенно дыша,
 Приоткроет глаза, встрепенется:
 «Послали мне ирода...»
 Завопит ошалело:
 «Душа полетела... Душа...»
 Над забытой страной,
 Вечно пропитой, вечно — страшашейся,
 Что придет басурман,
 И споит, и ограбит опять,
 Где монахи крадут,
 Где Антихрист
 стал страстно молящимся,
 Только душам заблудшим
 в прокуренном небе летать.

А когда взлетят,
 И поймут — ничего не изменится
 От того, что ушли, недогрезив,
 в небесную высь,
 Станут сверху видней:
 Позабытая старая мельница,
 И огарки свечей,
 Что на пасху
 от сердца
 зажглись...

* * *

Вьюги поздним набегом
 Города замели...
 Я шептался со снегом
 Посредине земли.

В суете паровозной,
 У хромого моста,
 Стылой ночью беззвездной,
 Что без звезд — неспроста...

Я со снегом шептался,
 Мне казалось, что он
 Только в мире остался —
 Ни людей, ни времен.

Хлопья рот забивали
 И горчили слегка.
 Комья белой печали
 Всё сжимала рука.

Я шептался со снегом,
 Я доверил ему,
 Что спасаюсь побегом
 В эту белую тьму.

Так мне видится зорче,
 Если вьюга и мгла —
 Обхожусь, будто зодчий,
 Без прямого угла.

А потом — перебегом —
 По дороге ночной...
 Я шептался со снегом,
 Он шептался со мной.

Снег пришел осторожно
 И уйдет невзначай,
 Как попутчик дорожный,
 Что кивнул — и прощай...

* * *

Который день, который год,
 Труд не сочтя за труд,
 И в урожай, и в недород
 Их сумрачно ведут.

Штыками тени удлиня,
 Ведут, как на убой.
 Лениво чавкает земля
 От поступи больной.

Лениво падает лицом
 Один — в сплошную грязь.
 О нет, он не был подлецом,
 Но жизнь не задалась.

Лениво обойдет конвой
 Обочиной его.
 Лишь ворон взмоет по кривой,
 А больше — ничего...

И снова, унося в горбах
Свою святую Русь,
Идут кандальники впотьмах
И шепчут: «Я вернусь...»

И снова падает другой
На этот грязный снег.
И год иной... И век иной,
Но тот же — человек.

Негромкий выстрел... Глохнет тишь
От поступи колонн.
Куда отсюда убежишь? —
Из плена да в полон.

Да и не думают бежать
Бредущие толпой.
Они и есть — Святая Рать,
Когда нагрянет бой.

Им просто выдадут штыки,
Ружье на восемь душ...
И станут звезды высоки,
И ворог бит к тому ж...

И, значит, тень свою влача,
Топтать им мерзлый наст.
А орден с барского плеча
Страна конвойным даст...

* * *

Если вдруг на чужбину
заставит собраться беда,
Запихну в чемодан,
к паре галстуков, туфлям и пледу,
Томик Блока, Ахматову...
Вспомню у двери: «Ах, да...
Надо ж Библию взять...»
Захватчу и поеду, поеду.

Если скажут в вагоне,
что больно объемист багаж
И что нужно уменьшить
поклажу нехитрую эту,
Завяжу в узелок
пестрый галстук, простой карандаш,
Томик Блока и Библию —
что еще нужно поэту?

Ну а если и снова
заметят, что лишнего взял:
«Книги лучше оставить...
На этом закончим беседу...»
Молча выйду из поезда,
молча вернусь на вокзал,
Сяду с Блоком и Библией...
И никуда не поеду.

* * *

Расстегнутый ворот... Спешу — не спешу,
Уже ничему удивляться не надо,
И тихая боль одинокой души
Не тише, чем шепот уснувшего сада.

И каждая буква, как полустон,
Что в горле твоим же рыданьем задушен.
И в мире уже ни концов, ни сторон,
А только одни заплутавшие души.

Им больно вставать со скрипучих колен
И больно нести пустоту и усталость...
И гул не идет от натруженных вен,
Где в тусклой крови и мечты не осталось.

Лишь утлая лужа звездами полна
Да клёкот сменил соловьиное пенье.
А были ведь песни на все времена...
Но то времена... А теперь безвременье...

* * *

В этом доме к утру по углам задрожит паутина,
Закачаются стены, от гула качнет потолок...
И ты бросишься ниц пред иконою... Охнешь повинно,
Ощущая — томительный ужас тебя обволок.

Побоявшись поднять черный взгляд на корявую стену,
Там, где трещинка криво, но все ж обошла образа,
Ты душою покорной готов окунуться в геенну,
И повинные слезы вконец застилают глаза.

И сквозь эту слезу вдруг узрешь — светло и широко
Разливается в поле — где ратники, — чудо-заря.
И летят скакуны, и все слышится: «Око за око!»
И упавшие замертво знают, что гибли не зря.

Одичалый сизарь — вислокрылый, худой и ленивый,
Ни на что не пригодный, голодный и глупый сизарь,
Лишь посмотрит хитро, удивится, что мы еще живы,
И что город наш пеплом не пущен, как было бы встарь.

И, слезу осушив о веселые искры рассвета,
Вдруг поймешь, что являлись к тебе лишь в испуганном сне:
Этот гул грозовой, эта песня, что так и не спета,
Этот ратник, упавший башкою к последней весне.

Потерев кулаком от испуга набрякшие веки,
Удивленно прошепчешь: «Приснитя же, ёшкина вошь...»
И всё будешь гадать: «Это ж сколько всего в человеке...»
А откуда ожог на ладони — никак не поймешь...

* * *

Эта робкая сирость нищающих тихих берез...
Снова осень пришла... Все опять удивительно просто —
Если ветер с погоста печальные звуки донес,
Значит, кто-то ушел в ноздреватое чрево погоста.

И собака дичится... И женщину лучше не трожь —
Та похвалит соседку, потом обругает её же...
И пошла по деревьям какая-то странная дрожь,
И такая же дрожь не дает успокоиться коже.

Только женские плачи все чаще слышны ввечеру...
Увлажнилось окно... И я знаю, не будет иначе —
Если в стылую осень я вдруг упаду и умру,
Мне достанутся тоже скорбящие женские плачи.

Постоишь у колодца... Почувствуешь — вот глубина!
А потом напрямки зашагаешь походкой тяжелой.
Но успеешь услышать, как булькнет у самого дна
Та ночная звезда, что недавно светила над школой.

Вслед холодная искра в зенит вознесется, слепя
Обитателей теплых и похотью пахнущих спален...
И звезду пожалеешь... И не пожалеешь себя...
Да о чем сожалеть, если сам ты и хмур, и печален?

Поэзия

Николай Алешков

Родился в 1945 г. в селе Орловка Челнинского района Татарской АССР. Работал монтажником связи, электриком, кровельщиком, диспетчером домостроительного комбината. В 1982 году окончил заочное отделение Литературного института им. А. М. Горького, в 1984-м — принят в Союз писателей СССР. Автор одиннадцати книг стихов, изданных в Москве, Казани и Набережных Челнах. Основная трудовая деятельность связана с журналистикой, работал редактором набережночелнинской городской газеты «Время», а также редактором межрегиональной литературной газеты «Звезда полей». В настоящее время — редактор литературного журнала «Аргамак». Лауреат республиканской литературной

премии имени Г. Р. Державина и Всероссийской литературной премии «Ладога» имени Александра Прокофьева. Почетный гражданин города Набережные Челны, Заслуженный деятель искусств Республики Татарстан. Живёт в Набережных Челнах.

Вдоль млечного пути

* * *

Прогулки в одиночестве прекрасны.
Сквозит предзимок в лесополосе.
Я знаю — оправдания напрасны
За то, что жил не так, как жили все.
Я не монах, чей подвиг непреклонен,
Не деспот я, чей грех непоправим.

Я счастлив был, когда купался в лоне
Земной любви, отнюдь не херувим ...
Судьбы страницы распечатай, принтер,
чтоб — от и до, а не — от сих до сих...
Меня Господь провёл по лабиринтам,
И я стихами рассказал о них.

Ангел

Вы простите меня, православные русские люди,
Причащаюсь не в церкви, а в роще — у зимней реки.
Верю в то, что Господь и поэтов, как призванных, любит,
Хоть и правда: они — нерадивые ученики.
На прибрежном холме молодая сосновая роща —
Два десятка подружек — печали мои приютит.
Здесь сквозит ветерок, — дескать, жизнь тяжелее и проще,
И секущая крупка по ветру летит и летит.
Подниму воротник и порадуюсь белому полю,
Что на камском просторе уже расстелила зима.
Пусть ведёт меня дальше по жизни небесная воля,
Что не раз даже смерть от меня отводила сама.
Значит, нужен я ей. И тропинка не будет кривою.
Я душой не кривлю, сокровенное в сердце храня,
Как зелёная роща хранит драгоценную хвою.
Мне привиделось — ангел смотрел сквозь неё на меня.

* * *

По морозцу, хрустя снежком,
Через лес прохожу пешком.
Иней, как серебро седин,
С ёлок падает и осин.
Замечаю на склоне лет,
Одолев не одну версту:
Седина переходит в свет —
В абсолютную чистоту.

Летний сон

Когда в тепле и ласке
Душа найдёт уют,
И соловьи, как в сказке,
В округе запоют,
Среди берёз и сосен,
Мелькнув листом резным,
Прольётся с неба просинь
Над озером лесным.
Прильнут к ногам травинки,
И так легко идти
По луговой тропинке
Вдоль Млечного пути.
В печали нету проку.
Небесная река
Несёт меня к истоку
В избушке лесника...

Держава

Нет, не империя и не страна.
Детям отцы завещали:
Родина Богом на то и дана,
Чтобы её защищали.

Наши отцы заплатили сполна —
Заживо в танках сгорали.
Родина, значит, на то и дана,
Чтоб за неё умирали.

Род — от макушки до самых корней —
Древо из плоти и стали.
Родина — почва. Недаром на ней
Внуки твои выросли.

Места другого тебе не дано,
Здесь твои сила и слава.
Впрочем, в России ещё есть одно
Точное слово — держава...

* * *

Время года — бабье лето,
Грузди, рыжики в лесу.
Два лирических куплета
К ним в придачу принесу.

Время жизни — тоже осень,
Лодка ждёт на берегу.
Не курю. И пьянку бросил.
Катю бросить не могу.

Смерть придёт — слезу уронят
Дети, внуки и родня.
Честь по чести похоронят —
Только первым, чур, меня.

А пока — живу, однако...
Под ногами-то (банзай!)
Груздь зарылся в мох, собака,
Ах, красавец! Вылезай...

* * *

Прощай! Целоваться не будем.
Спасибо за то, что зашла,
Что праздник сиреневый в будни
На спелых губах принесла.
Закат пламенеет за Волгой.
И жизнь уходящую жаль,
И праздники длятся недолго,
В душе оставляя печаль.
А мы, неразумные люди,
Бежим друг от друга — дела.
Прощай! Целоваться не будем.
Сирень за окном отцвела...

* * *

И с нами случится — навеки проститься,
Любовь ты моя, перелётная птица...
А знаешь, и в сорок, и в семьдесят лет
От страсти греховной спасения нет.
Мученье — не видеть. И возненавидеть.
Мученье — обидеться или обидеть.
Мученье — в разлуке. Мучение — рядом.
Мученье — ласкать тебя только лишь взглядом.
Спаси тебя Боже от этих мучений,
От всех безнадежных моих сочинений!
Но песня, что ныне тобой не допета,
Прольётся слезой над могилой поэта...

В больничной палате

* * *

Диагноз — трепетание предсердий...
Поэзия! Нужны ли тут врачи?
В палате смех. И кто-то из соседей
сказал, шутя: «Не хочешь — не лечи!
Люби и будь любим, покуда ноги
Несут, и о пощаде не моли!»

И Женщина возникла на пороге.
Трепещут вновь предсердия мои...

Я был смиренным, был и буйным,
Был умным, был и дикарём.
Мне никогда не стать трибуном
Иль горлопаном-главарём.

Свои стихи несусь, как свечи
(Хоть и нечасто) в Божий храм,
И знаю, что за них отвечу.
Отвечу — точно. Но не вам...

* * *

Виктору Суворову

Вот и мы постарели, мой друг, но не будем о грустном,
Для самих-то себя мы давно ничего не хотим,
Лишь бы вновь увидеть — журавли пролетели над Русью.
Только где она, Русь? Мы в сердцах её молча храним.

Нам с тобою, наверно, счастливое детство досталось.
После самой свирепой и самой великой войны
Из окопов промёрзлых сквозь боль, и тоску, и усталость
Возвратились отцы, чтобы мы появились, сыны...

И когда мы вдвоём держим путь к православному храму —
Помолиться за них и поставить к распятию свечу
За ушедших любимых и каждый, конечно, за маму,
Вдруг заплачет душа: «Я от них уходить не хочу...»

Не спеша за столом поминальные чарки наполним,
Впереди и у нас предназначенный Господом срок.
А рождественский снег всё летит на житейское поле,
Мы идём по нему. Горизонт — как небесный порог...

Мы с тобой не поблажек, а милости Божьей просили, —
Дескать, дети и внуки под нашим присмотром растут...
И опять журавли высоко пролетят над Россией,
А сады, что посажены нами, весной расцветут.

Поэзия

Елена Родченкова

Родченкова Елена Алексеевна — поэт, прозаик, публицист, член СП России с 1997г., родилась 3 ноября 1965 г. в г. Новоржеве Псковской области. Закончила библиотечный факультет Ленинградского института культуры, юридический факультет СПбГУП. Автор 25 книг. Лауреат Всероссийской премии им. В.Белова, им. Э. Володина «Имперская культура» и др. Живет в Санкт-Петербурге, работает адвокатом АК «Медный всадник» ГКА СПб.

Славянские ключи

И вот, глумясь, безродные спросили:
«Скажи, зачем тебе твоя Россия?
Скажи, зачем тебе она такая —
Распроданная, пьяная, глухая...»
Им до икоты был ответ смешон:
«Она — мой сон.
Не выбирают сон.
И я люблю, люблю ее такую,
Да, вот такую — пьяную, глухую.
Настанет утро — сон свой разгадаю.
А утро будет солнечным — я знаю.
Пройдет и ночь —
Всему настанет срок.
С Россией — Бог.
Ступайте за порог.

* * *

Счастью нет числа ночей и дней —
Мы с тобой и на земле в раю.
Ты спросил: «Что любишь ты во мне?»
Потому что знаешь, что люблю.
Потому что — как же без любви
Нам вернуться в высь и чистоту?
Но теперь ответь мне честно ты:
Любишь ли мою любовь к Христу?..

Скала

Шла по тропке, шла
И в тупик зашла.
На пути — скала.
Это ты — скала.
Мне не друг, не враг,
Крепко сжат кулак,

Каменный, немой,
Прячешь за спиной
И копьё и гвоздь...
Уж разжал бы горсть!
И об камни:
гвоздь, гвоздь
Еще звонче:
гвоздь, гвоздь...

Если жизнь пуста —
То и смерть пуста.
Леденеют уста,
Поминают Христа.
Как убили Его,
Положили Его
В гроб в пещере скалы,
Далеко от молвы.
А проснулись —
Скала пуста.
Не бывает в скале Христа.

* * *

В безумном мире,
Если ты одна, —
Твой разум холоден, расчетлив и спокоен.
В безумном мире, чтоб сойти с ума,
Необходимо — двое.

Я раньше так разумно горевала.
Теперь все весело мне,
Все хорошо...
Я — сумасшедшая!
Тебя поцеловала -
И ты с ума сошел.

Чудище

Что ж, пора мне, батюшка,
Возвращаться к Чудищу.
Видно, никого уже
Я не полюблю еще.
Будут мои деточки,
Как цветы на веточке -
В чистых росах-жемчугах,
А не в рваных рубищах.

Что ж, пора мне, маменька,
За цветочек аленький
Во сады и во дворцы
К невидимкам-карликам.
Там, где ночь светлее дня,
В тридевятом царствии
Нестерпимо ждет меня
Чудище ужасное.

Там, где мир горит в огне,
Как цветочек аленький, -
Плачет Чудище по мне,
Как ребенок маленький.
Ходит-бродит, слезы льет,
Сеет маки красные.
В одиночестве умрет
Чудище несчастное.

Чудо надо целовать...
До свиданья, папенька.
Не умею забывать,
Не умею предавать.
До свиданья, маменька.

9 месяцев любви

Ты просто шел.
Я просто шла.
Мы просто рядом шли.
Мы 9 месяцев любви
Любовь в сердцах несли.
Хватило мудрости сберечь
И вырастить наш плод.
И вот — родился и живет,
И плачет,

И поет.
И внемлет мир тебе и мне,
Лелея тишину.
Свет ищет тьму,
Тьма ищет свет,
Мелодия — струну...

* * *

Против солнца и по солнцу
Время движется вперед.
Кто ушел — тот не вернется.
Кто вернется — не уйдет.

Чудеса усталым людям
Бог дает для новых сил.
Кто любил — тот не разлюбит.
А разлюбит — не любил.

Душа — калека

Любовь светла, как радостная весть -
Не спрячешься от хлынувшего света.
Люби меня такой, какая есть.
Зачем ты любишь ту, которой нету?
Зачем ты душу разбиваешь в кровь,
И жмуришься до жгучих слез от света?
Во мне ты видишь ту, которой нету.
Слепа любовь,
Глуха любовь,
Больна любовь...

Чужие тени ластятся, как лесть,
Вина ползет по следу человека.
Смотри, смотри:
Душа моя — калека.
Уродливая, страшная калека...
Люби ее такой, какая есть.

Абажуры

Очень хочется сложить крылья
Или просто опустить руки,
Отказаться от своей силы,
Камнем — с облака — на дно — рухнуть.

Будут пить на кухне чай люди
Под уютной бахромой абажура
И раскладывать стихи мои на блюде,
Соблюдая контуры фигуры.

Будут чмокать сахарок сладкий:
— Надо ж, плавная какая фигура!

Королевой жить могла, дура,
А жила, словно утенок гадкий...»
Люди высморкаются умильно...

А я на облачке сижу, дура...
Дело даже не в камнях, не в фигуре.
Я боюсь разбить, сломать о дно — крылья.
Пригодятся вам потом — для абажуров.

Перышко-душа

У поэтов денег нету.
Все богатство — свет души.
Что заплатит мир поэту -
Тратим на карандаши.

И летит на зов великий,
Без тяжелого гроша,
Легкой-легкой, как молитва,
К Богу — перышко-душа.

Возвратится то снежинкой,
То дождем, а то — грозой,
Нелюдимою невидимкой,
Утаенною слезой.

Чтобы светлым быть — поэту
Только слезы и нужны.
У поэта денег нету,
Потому что — не важны.

Неожиданный Рык

Он рыкнул так, что онемел весь мир,
И выпал, и звенит Меч правды голой:
Князь мира созывает смертный пир,
И наряжаются иных времен монголы.

Но слышим мы, что слышать не дано,
И видим то, что невозможно видеть:
Яд льется в Чашу Крови, как вино,
Чтоб убивать и люто ненавидеть.
В отсутствии Державного царя
В России ложь и кровь прольют, как мед и пиво,
Побед напрасных ордена сгорят,
И грянет пиром поражение мира...

Но смерть пройдет.
И вновь пробьется жизнь...
И я проснусь дождем в земле весенней.
И правнук мой потребует: — Скажи,
За сколько продавали им прощенье?

За кубок ядовитого вина?
За блюдо человечины кровавой?
Он будет прав.
Но будет ли он — правый?
Пожнет ли жизнь прощенья семена?

Две Родины

Твой дом — это сердце мое.
Но Родина есть у тебя.
И землю свою любя,
Ты жизнь отдаешь за нее.

Мой дом — это сердце твое.
Но Родина есть у меня.
Она, не вина, не кляня,
Родимых — не отдает.

Она, как и ты, — одна.
Она, как и я, — в огне.
Война, мой любимый... ВОЙНА...
И я — на другой стороне.

Все выдержу, что суждено.
Ты сердце свое береги.
Две Родины наши — враги.
Но небо у нас — одно.

* * *

Эко нас в семнадцатом скрутило
И перевернуло что есть силы,
В русский узел завязав эпоху
Задом к Западу, спиной — к Востоку,
Животом направило — в могилу...
И теперь придется: каждый — сам -
Развернуться ликом к небесам.

Пришел серенький

Разлеглись, мы, дураки,
В колыбеленьке...
Глазки — в кучку,
В ряд — клыки —
Пришел серенький.
Ластится и говорит:
— Что брыкаетесь?
Распустили пузыри,
Улыбаетесь...
Повернитесь на бочок,
В люльке ляленьки!
Пришел серенький волчок,
О-очень маленький.

Вы ж — великие, как Русь,
Попки беленькие,
Укачать я вас берусь
В колыбеленьке.
Он качает и поет,
Песни разные.
Белые клыки его -
Стали красные...

Выход

Перезрели поля,
Закрома проломилась от хлеба.
Но не хлебом единым,
И рвется душа в небеса...
Ты вдохни глубоко:
Воздух — это такое же — небо,
Подарившее синь твоим серым,
усталым глазам.

Манит дальняя даль,
Сердце стонет и рвется в дорогу.
И все бросить не жаль...
Что ж так дума печальна твоя?
Опустись на колени,
Ладонью дорогу потрогай.
Это — тоже земля,
Но избитая нами земля.

И всесильна лишь жизнь.
Даже если решила минута,
Будто выхода нет,
Будто нет его, нет его, нет!...
«ТЫ ХРАНИ СЕБЯ, РУСЬ!
ТЫ ХРАНИ СЕБЯ!»
Прочее — смута.
Выход грянет внезапно,
Как сумерках утренний свет.

Разлука

Разлука — это другая жизнь.
В ней — незнакомое небо иное.
Странное время на месте кружит
В однообразном, холодном покое.

Разлука — это другие слова,
Мысли чужие, чужие чувства.
Все переполнено жизнью — и — пусто.
И в пустоте лишь надежда жива.

Золушка

Семена не разберешь,
Все перемешаешь,
Что посеешь — то пожнешь,
По плодам узнаешь.

Над ростками сердца кровь
Лью я вдохновенно.
Раньше сеяла любовь -
А росла измена.

Раньше сеяла мечту -
А росла разлука.
Ожидала красоту -
Собирала муку.

Чтобы сад мой был красив,
Я теперь, как Золушка,
Не жалея слез и сил,
Выбираю зернышки.

Говорят мне: сказка — ложь.
Почему ей веришь?
Потому что сад хорош.
Если сеешь то, что жнешь.
Если жнешь — что сеешь.

Исчезая — остаемся

Может, у тебя другая —
Это мне неинтересно...
Исчезаю, исчезаю,
Я уже почти исчезла.

В нашей жизни так бывает,
Что колпак не налезает
На макушку палачу.
Сбоку дырки прорезают...
Исчезаю, исчезаю,
И молчу, молчу, молчу.

Жизнь — короткая минутка,
А любовь в ней — детство только.
Остальное время — шутка,
Неслучайная нисколько.

В спину острый взгляд вонзая,
Почему мы расстаемся?
Потому что, исчезая,
Мы навеки остаемся.

Сон золотой

Мне приснилась Любовь,
Ее медленный танец.
Все кружилось вокруг,
И кружилась земля.
На щеках у нее —
Предрассветный румянец,
На ресницах росинки,
Как звезды горят.
Все сияло вокруг,
Ликовало и пело,
И открылся мой слух,
И замкнулись уста.
Не касаясь земли,
В легком танце летела
Сквозь века нам на помощь —
Сама Красота.
Семицветный венец
Над ее головою
Словно радуга плыл
В голубых облаках.
Танцевала Любовь
Над немою землею,
Оживляя поля, и века, и сердца...
Я ослепла от слез,
Я от слов онемела,
Не решаясь взглянуть
В чистоту ее глаз.
Но так прямо она
На меня посмотрела... —
Я в тот миг умерла,
И в тот миг — родилась.

Улыбалась душа,
Словно мир сквозь оконце —
И улыбка была —
Неземной высотой.
Танцевала Любовь,
Облаченная в Солнце, —
Человечества темного
Сон золотой.

Славянские ключи

Вхожу одна — в любой по счету век,
Траву минут ступней не приминяя.
Там, в сумеречье, вижу восемь рек:
Шесть рек — чужих,
Одна — твоя,
Одна — моя — родная.
Для той реки — Славянские ключи
Бьют из земли на севере России.
И если ты сумеешь — то прочти их.
И если ты прочтешь — пока молчи...

* * *

«Блажен, кто не допил до дна»,
Но только пригубил вина,
Весельем дар не погубил,
Трудами Богу угодил
И, высоко подняв бокал,
Ни капли зря не расплескал,
Увидел истину на дне,
Оставил истину в вине.

Поэзия

Сергей Балиев

Сергей Артёмович Балиев родился в 1959 году в городе Ояси Новосибирской области. Театральный актер и режиссер. Заслуженный артист РФ. Лауреат и дипломант нескольких литературных конкурсов. Автор двух поэтических книг и книги детских пьес.

Печатался в журналах и альманахах: «Лик» Междуреченск, «Формула осени» Новокузнецк, «Союзники» Новокузнецк», «Песни Серебряного моря» Керчь, «Зов Нимфея» Керчь, «Московский дом» Москва, «Московский BAZAR» Москва, «Параллели» Самара и др. Живет в городе Ирбит Свердловской области.

Это горечь моя

Это горечь моя
вдруг вскипит обличающим словом?
Или память
бессильно замрет над циничным мирком?
Там, под натиском бури качаясь,
но так и не сломлен,
стиснул зубы солдат,
изготовившись перед броском.

Я его поддержу,
помогу одолеть этот бруствер.
И — в атаку, в огонь, в полымя,
где была-не была!
Приотстану, себя пожалев —
или попросту струсив.
Ну, а он — он в бессмертье шагнет,
распахнув два крыла!..

Вроде, я ни при чем.
Вроде, жил я, как все и как надо.
Но, застыв изваянием вновь у святого огня,
я опять ощущаю и стыд за себя, и досаду.
Словно пуля — в него! —
сквозь года догоняет меня.

Чем могу?
Да и поздно теперь, и не быть искупленью,
коль в себе не задавим мы трусость, бездушье и ложь.
Чем могу?
Разве что этим простеньким стихотвореньем
я его заслону в той атаке,
где — врешь, не пройдешь!

Так во все времена

День испариной всходит в знойной степи.
Стонут травы, по корень тела обнажив.
Конь тревожно ногами переступил.
Всадник вскинулся, руку на меч положив.

Так во все времена, лишь труба прозвенит —
Ногу вдень в стремяна, стяг повыше взметни!
И сшибутся полки, разогнав лошадей,
У черты, у реки, среди гор, средь степей!..

Слышит песня моя, как пружинит булат.
Слышит — точен и снайпер, и меток рожон.
Слышит клекот вертушек, насаду булав.
Голос песни — как смерти зрачки — обнажен.

Так во все времена — будешь тяжело рубить,
Так кружа скакуна, что в глазах зарядит!
Так во все времена все мечты оборвешь
Этим вечным — «Грена...», или — «врешь,
не пройдешь»...

Не успеть — путь отмерен длиной меча.
Не успеть — сотоварищу стяг передать.
Не успеть, не ответить ударом сплеча.
Не успеть застонать, не успеть не понять...

Так во все времена, от начала начал —
Так красиво сначала, так страшен финал.
Показуха парадов, знамен вензеля —
Все сплетется с корнями твоими, Земля.

Солдатики

Напоминанием былых баталий,
Альтернативой всем солдатским лямкам
И всем смертям во славу государей —
Свои войска я выставляю, глянь-ка!

К плечу плечо, шеренга за шеренгой
Шагают, скачут — колют, рубят, режут! —
Герои Таннеберга и Маренго,
Полтавы, Красного и Белой Вежи.

Здесь все на равных — егерь и хорунжий,
Гусар и лучник, рядовой и маршал.
Пусть невелик — но конный и оружный.
Пусть на столе — но все равно на марше!..

Игра всего лишь! Без греха, урона.
И траурных речей, и похоронок...

Истоки

Пели долго. Пели нежно и жестоко.
По живому — о душе и о судьбе.
Под охрипшие мотивы
Вновь потянешься к истокам,
Оберегом хоронившимся в тебе.

Песни жизни, песни радости и боли,
Вновь напомнят все дороги, все пути.
И прощенья светлым храмом
Встанет радуга над полем.
И надежды летний дождик освятит.

Тучи сгинут, солнце заплывет высоко.
И на сердце — ни печали, ни беды.
Под знобящие мотивы
Припадешь опять к истокам —
И припомнишь вкус колодезной воды.

Бессонница

Нет тепла в этом городе снов,
люди-тени и руки, что плети.
Песня-стон (или старый засов?)
дребезжит каждой строчкой в куплете...

Отвори эту дверь, отвори,
спрятав страхи подальше, поглубже,
но маячат в ночи фонари,
а мотив всё протяжней, всё глуше...

Что поёшь, на каком языке?
И зачем же так песню калечить?
Ты откуда пришла и — за кем?
И кому ляжешь грузом на плечи?..

Нет любви в этом городе грёз,
лишь наскоком — то страсть, то измена.
Принародно — взхлѐб и взасос,
или скрытно, но как-то несмело...

Чѐрной кошкою ночь — ну-ка, брысь! —
всѐ шныряет в годах-переулках.
И сбивается с шага на рысь
сердца стук, то невнятный, то гулкий...

Грёзы жизни, где жизни — слегка?
Фонари над рекой — и дорога?
Чуть прорежет звезда облака —
мимолѐтным приветом от Бога..

Нет мне сна в этом городе снов,
и чем глубже огней перспектива,
тем всё чаще то в жар, то в озноб
погружают ночные мотивы...

А закроют глаза фонари,
песня-стон поперхнѐтся на коде —
я усну на плече у зари...
На исходе весны? На восходе?

Вечером зимним

Вечером зимним пришла — и осталась.
Даже, быть может, себе удивясь.
Птицей озябшею, птицей усталой
Крылья сложила, присев на диван...

Правки не требуют тексты и темы,
Правды не требует угол утрат.
Пламя погасло, и пляшут лишь тени,
Не обжигая, на углях костра.

Вывернут мир. Ощетинился мехом —
И подступает, сужает круги.
И не до жалости, и не до смеха,
Лишь недоверье — и к тем, и к другим...

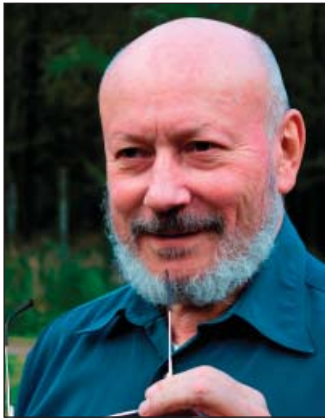
Как же ты — без напускного веселья,
Разом лишившись оков и корней,
Птицею светлою, птицей весенней
Вечером зимним спустилась ко мне?

И по наитью — сама безмятежность —
Без объяснений, причин и основ,
Птицей весеннею, птицею нежной,
Взмахом крыла осенила мой кров?..

Не было счастья — и может, не надо?
Все — где водой, где вином — истекло.
Что же так яростно, что же так жадно
Сердце забилося — как птица в стекло?..

Проза

Юрий Серб

Лебедев Георгий Александрович (Юрий Серб) родился в Ровенской области в 1944 году. Окончил филологический факультет Ленинградского государственного университета. Автор книг прозы: «Годовщина прошлой листвы», «Солнце вдоль проспекта», «Страна Эстремагвай», «Речка Нача». В 2015 году в журнале «Берега» опубликован роман «Топот, хохот и тьма». Живёт в Санкт-Петербурге.

Маштаков и Ротлиф

Повесть

Завершение. Начало в № 1(13)-2016

32

Придя с водопою, Ротлиф затеял громогласный сеанс общения со своим богом. Он встал на камне, окружённом водой, и пластал свои руки как крылья, потом воздевал их кверху как мачту-ретранслятор.

— Когда же придёт пароход?! — криком кричал Ротлиф.

Очевидно, до него доходили ответы, потому что далее он просил:

— Тогда пришли самолёт!

— ...

— Тогда пришли вертолёт или дирижабль!

— ...

— Тогда подводную лодку!

И тут на глазах и на слуху Маштакова громко треснуло и развалилось сухое дерево — с ветвями, так и не обломанными для костра.

Ротлиф, этого не видевший, испуганно оглянулся, потерял равновесие — и рухнул с камня на мелководье...

Прежде чем уснуть, Маштаков захотел пройтись вдоль берега — у самой воды.

Глядя на тихое зеркало моря, он поднял недоверчивый взор — и действительно увидел в небе, среди привычной пелены, нечто новое: подобие рождающихся облаков. К непогоде! — подумалось ему. Или пелена ослабела?

Возвращался он в глубоких сумерках, а к «лагерю» подходил уже в темноте. Остановившись у ровной глади моря, погружённый в воспоминания, он крепко зажмурил глаза и лицо поднял к небу, стараясь не дать воли слезам. Золотистые образы на чёрном фоне глазной сетчатки тихо поплыли перед ним: он увидел тайно хранимые в родительском доме иконы, образы отца и матери — тоже в обрамлении, как у святых — и майора: воина Сергия.

«Терпи, Николай!» — сказали они ему.

«Терпи, Маштаков!» — повторил он сам себе.

33

Ротлифу было не по себе.

Одежда его уже просохла, но он, не дожидаясь этого, уснул почти нагишом — в коконе из местной древесной «пакли», собранной «вскладчину» из двух постелей — его собственной и постели Маштакова.

Как спать пришлось Маштакову, лучше не рассказывать, — но он был хотя бы в одежде.

Однако Ротлифу было и во сне не по себе.

Он снова воззвал к тому, кто сделал его собственником всего и вся на планете, он желал ещё более обратить своего благодетеля на свою сторону.

— Когда же придёт пароход?

— Не скоро, — сухо ответил его покровитель.

— Бог мой, пришли тогда самолёт!

— Ты уже построил лётное поле?

— А кто построит? Разве не ты, бог мой?

— Приручи всяку душу живую — и тебе построят.

— Тогда пришли вертолёт или дирижабль!

— Ни дирижабль, ни вертолёт не выдержат ветра Гнева Моего!

— Тогда подводную лодку!..

— Оставь свою привычку торговаться со Мной!

И Ротлиф проснулся в холодном поту, облепленный волокнами и ключьями туземной пакли, приставшей к телу.

— Человек! — хотел он прокричать во гневе, но только сиплый хрип изошёл из гортани его.

«Вот — уже и простуда!.. Ну, погоди, подойдёт замена тебе — ты у меня отправишься!..» — в бессильной ярости просипел он себе в утешение.

Впотьмах он стал нащупывать свою одежду на обломке дерева, притащенном к его ложу Маштаковым. Она была сухой, хотя и прохладной. Ротлиф сообразил, что в одежде будет всё же теплее, и стал отряхиваться от пакли всем телом, как собака, вышедшая из воды.

Ротлиф даже в прошлом не пользовался услугами камердинера или горничных: он не любил чужих прикосновений; нагибаться же в нужную сторону ему ничто не мешало — ни живот, ни одышка. Он гордился своей расположенностью к спорту, точнее говоря, своим контролем за физической формой — и сон его, до последнего События, всегда был здоровым.

Но сон сейчас не шёл. Уже и в одежде согрелся, и ещё паклей накрылся, но уснуть не удавалось. Он знал один способ, как можно уснуть в подобной ситуации без снотворного: совсем не пытаться уснуть, не закрывать старательно глаза, яростно стискивая зубы, а напротив — спокойно размышлять. Тогда, если сон вообще нужен, он сам придёт.

Сейчас он оказался не нужен. И когда Ротлиф почувал, что край неба побелел, он встал самолично понаблюдать, как заалеет горизонт.

В потёмках он больно споткнулся обо что-то на земле: то был его каменный шар, носимый образ его глобального имени. Презирая боль в большом пальце ноги, он нагнулся и взял в руки свой каменный талисман.

«Глупый человек не понимает вопросов собственности, управления и эффективности... — усмехнулся он. — Ценой Апокалипсиса я приобрёл — на всё, на всё! — стопроцентные пакеты акций!»

Гордясь Ротлифом, на востоке алела заря. Он гладил свой шар, ласкал его пальцами, удерживая на ладони: «Впервые чувствую, что трение — согревает!..»

34

Новой жизни Маштакова странным образом не хватало потоотделения. Ведь мы лечились потоотделением, — вспоминалось ему, — теперь, значит, незачем лечиться?.. Не для кого. Но это было ещё не всё: доставало кислорода. После двух-трёх минут физической нагрузки он начинал задыхаться — хотя телу горячо не становилось и не бывало испарины.

«Другой состав!» — тихо вздыхал Маштаков, глядя на пустыню моря, у которого теперь тоже был точно другой состав. Откуда пришла такая уверенность, Маштаков сказать не мог. В прошлой жизни он не отличался водобоязнью, а теперь она была. Ни единая птица не реяла над зеркалом моря, ни единого крика чайки не долетало ниоткуда.

Он прислушался, одновременно вспоминая всё читанное прежде: не звенели цикады, не трещали кузнечики, не пахло ни травами, ни гниющими водорослями. Не было птиц. Либо они прятались до сих пор, онемев от всего произошедшего.

Зачем? За что? И почему? — об этом спрашивать Маштакову не пришло бы в голову. Но если произошло именно то, о чём с торжественной помпой рассказывал Ротлиф, то теперь Маштакова не удивило бы и само Богоявление — в том или ином виде, громом или молнией, когда будет на Суде обнаружено отсутствие Ротлифа и Маштакова. Тогда бы неведомая сила взяла их обоих за шкуру и швырнула бы к подножию Судилища. Тогда бы тоже он не спрашивал, за что и почему. Но ему захотелось бы спросить, что стало с его Россией — от Бреста и Измаила до Камчатки и Амура — нельзя ли ему на неё поглядеть? А если, Господи Боже мой, там не осталось души человеческой — тогда не надо, тогда суди меня здесь.

Я столько в жизни сделать не сумел! — думал Маштаков, глядя на небо, отражённое в океане. «Зато ты столько прочитал о мимо протекавшей жизни!» — отвечал ему ехидный голос, вечный мучитель его совести. Да, отвечал Маштаков, мимо протекавшую жизнь запечатывали в консервные банки и выдавали по карточкам, поэтому единственным источником жизни оставались реликтовые — нелицензионные, как стали говорить — книги, особенно те, что были изданы на бумаге и, главное, в старинной орфографии.

...Однажды в их школу пришёл автобус, и в него погрузили второклассников и пятиклассников, с ними сел охранник, и они, без учительницы, поехали выполнять задание министерства образования. Привезли их в крематорий имени Горького. Охранник отделил второклашек от пятиклашек — и первых усадили загружать бумагорежущие машины, а пятиклашкам доверили подачу резаной массы в топку. Экономика не нуждалась в прежних объёмах бумаги, даже макулатура спроса не имела.

Маленький Маштаков до тринадцати лет был действительно очень маленьким, поэтому он оказался, по мановению руки охранника, вместе с второклашками. Там ему попала в руки книжка неизвестного писателя по фамилии Тургенев, и Коля сунул её себе в штаны, прямо к животу под рубашку.

Дома он стал её читать и скоро понял, что её необходимо спрятать ото всех. А теперь, сидя на негостеприимных камнях неизвестного цвета, он вспоминал строки писателя, поражавшие уже тогда, а сейчас казавшиеся невыносимой фантастикой... «Ястреба, кобчики, пустельги со свистом носились над верхушками дубов и ясеней, пёстрые дятлы крепко стучали по толстой коре; звучный напев чёрного дрозда внезапно раздавался в густой листве вслед за переливчатым криком иволги; в кустах чирикали и пели малиновки, чижи и пеночки; зяблики проворно бегали по дорожкам...»

Для Маштакова это на всю его жизнь осталось ожерельем сказочных имён. Он завидовал Хорю и Калинычу, да и самому писателю, которым посчастливилось знать, любить и различать этакую провру красивейших птичек. Ему-то, Маштакову, кроме ворон и воробьёв, удалось ещё застать дятла, грача и трясогузку... Теперь неведомого зяблика он воображал похожим чем-то на неё — та тоже бегают.

Была пора вставать. Если правда, что кончился мир, то зачем ему птицы, для кого? Под самый конец их и так уже было совсем не густо — что птиц, что народа.

Пора вставать? — переспросил себя Маштаков. — Да. А зачем?

Однако встал и пошёл, и пошёл... Казалось ему, что на север.

35

Голые рваные камни... Редкие колючки, жалки стебли не то кустов, не то камыша... Где ты, зелёная неманская пойма? Где разнотравье Подолии, где вы, сопки Дальнего Востока? Но теперь он отказался бы от зрелища любимых мест — потому что, если даже они сохранились, то уже без людей они стали бы картиной горя.

Хотя роптать на это горе — и Маштакову было это понятно — он права не имел. Он только имел право чувствовать.

...Присел на камень и до него дошло, что слишком часты его привалы, хотя идёт далеко не быстро. «Совсем ослабел солдат!» — подумал он словами героя майора Сергия. Эти насмешливые слова командира обычно придавали сил, солдат поднимался или выполнял последнее движение, делал последнее необходимое усилие. Слова эти помогали, видимо, потому, что майор смотрел солдату в глаза, и солдат не боялся смотреть ему в глаза — а у майора глаза смеялись.

Тогда ещё в войсках существовала боевая подготовка — особенно в строительных и транспорт-

ных, где людей служило больше. На флоте и в аэрокосмических частях понятие защитника Отечества давно уже упразднили: все стали операторами, исполнителями международных проектов.

Конечно, когда командир ставил задачу перед защитниками Отечества и отправлял их на строительство коттеджа или дачного бассейна, это могло кое у кого вызвать усмешку — например, у Маштакова, как человека высокой начитанности, притом литературы нелицензионной. Но у солдат сериального воспитания ни усмешек, ни вопросов не возникало, кроме рассуждений «когда конец», «когда обед», «когда амбец», «когда бабец»...

Однако вскоре после гибели и преставления в горние селенья майора воина Сергия, боевую подготовку прекратили — сначала в строительных, а потом и в транспортных войсках. Переименовали их в трудовые армии, а воинов — в трудармейцев. Гибель солдата-срочника стала делом гражданского разбирательства, а не военной юстиции, квалифицировалась как простой несчастный случай на производстве.

Поэтому Маштакова призвали на службу защитником Отечества, а увольняли как трудармейца. Но только редкий дембель, получая увольнительные документы, кусал себе губы от стыда и обиды.

36

Пока был жив дедушка Маштаков, и отцу удавалось отстоять его от дома престарелых, отец с дедом часто певали вместе в предвечерние часы. Пели негромко, дабы не возбуждать соседа Тивилюка, непримиримого борца за трезвость, в чью голову не укладывалось, как можно петь, не будучи «под мухой». Когда сосед впервые вызвал патрульную машину, и те явились к Маштаковым в сопровождении жалобщика, дед в сердцах произнёс неперевожимую фразу:

— А шчоб яго шляк трафив!..

Больше внук никогда её от деда не слышивал. Зато мать Маштакова в подобных случаях говорила:

— Опять нам песню спортил!

Патрульные всегда возвращались ни с чем: певцы были трезвы, а происходило всё до девяти вечера. Потом они вовсе перестали отвечать на жалобы Тивилюка, а тот перестал с Маштаковыми здороваться.

Обычно дед подмигивал внуку и заводил украинскую:

Як бы мені не тыно́чки
Та й не перелáзы,
Ходыв бы я до дивчины
По чотыры разы...

Отец подпевал ему вполголоса, а вскоре начинал свою:

Розпрягайте, хлопці, ко́ней,
Та й лягайте спочивать,
А я піду в сад зелéный,
В сад криныченьку копать...

Подрастая, младший Маштаков начинал соображать и подозрительно хмыкать: «Что ж это за криныченька?..» или «Знаем мы твою криныченьку! Копай, копай!»

А подхватывали все трое — мать, отец и дед — «семейную» песню, о той поре, когда будущий отец Николая служил на Урале, а будущая мать ждала служивого:

Повій, вітре, на Вкраину,
Де покинув я дівчину,
Де покинув карі очі, —
Повій, вітре, опівночі...

Голос матери звонко выделялся на фоне глуховатого голоса деда и молодого баритона отца.

Потом наступал черёд белорусских припевок деда Маштакова. Их поддерживал отец, но мать их не знала — только слушала. Проказник дед пел якобы от имени матери — женскую роль исполнял:

Ой, хацела ж мяне маці
Ды за першага аддаць,
А той первы,
Маладой няверны, —
Ох, не аддай мяне, маць!

Ой, хацела ж мяне маці
Ды за другога аддаць,
А той другі,
Ходзіць па падругам, —
Ох, не аддай мяне, маць!

Ой, хацела ж мяне маці
Ды за трэцяга аддаць,
А той трэці,
Як у полі вецер, —
Ох, не аддай мяне, маць!

Ой, хацела ж мяне маці
За чатвёртага аддаць,
А той чатвёрты,

Ні жывы, ні мёртвы, —
Ох, не аддай мяне, маць!

Ой, хацела ж мяне маці
Ды за пятага аддаць,
А той пяты,
П'яніца пракляты, —
Ох, не аддай мяне, маць!

Ой, хацела ж мяне маці
Ды за шостага аддаць,
А той шосты,
Малый недарослы, —
Ох, не аддай мяне, маць!

Ой, хацела ж мяне маці
Ды за сёмага аддаць,
А той сёмы —
Прыгожы, вясёлы...
Ён не схацеў мяне взять!

Часто пела мать, возясь на кухне одна. И чаще всего — свою любимую:

Что стоишь, качаясь, тонкая рябина,
Головой склоняясь до самого тына...

Эти песни не были запрещены. Но их можно было услышать только в семьях, а поющих семей становилось всё меньше и меньше. Может, потому, что пение обычно кончалось слезами. Что-то невысказанное повисало в воздухе, слёзы наворачивались на глаза. Однажды отец не выдержал:

— Как жалко, что у нас один ребёнок!

Мать зарыдала и бросилась ему на шею. Коля, тогда третьеклассник, тоже зарыдал и бросился обнимать отца и мать, что вынудило их вернуться к суровой действительности и спешно успокаивать сына.

37

— Товарищ майор, разрешите обратиться?

— Обращайся.

Майор внимательно смотрел на Маштакова.

— А что такое «братство по оружию»?

Брови у майора подскочили.

— А где ты это слышал?

— Нигде не слышал, только видел на оборванной газете.

Майор насупился.

— Странно. Как она могла уцелеть?..

Он снова присмотрелся к солдату. Маштаков молчал: зачем знать майору, что у деда Маштакова накопилось полшкафа старых газет?

— А кто такие брат и сестра — ты знаешь?

— Нет, — солгал Маштаков. Зачем знать майору, как обращаются проповедники к членам сетевой общины?

— Вот если бы у твоих отца и матери ещё родился бы мальчик, это был бы твой брат...

Потрясённый Маштаков вытаращил глаза:

— Правда?..

У него зашипало в носу. Немного справившись с собой, он спросил:

— А если бы девочка?

— Была бы сестра.

- А это от чего зависит?
- Что зависит? Мальчик или девочка?
- Нет. Чтобы кто-то родился.
- От закона зависит. Все правительства обязались разрешать не больше одного ребёнка.
- Теперь я понял.
- Что ты понял?
- Почему мама плакала.
- Да, поэтому. А братство по оружию понял?
- Никак нет.
- Ты истории не знаешь... Да её не каждый и офицер проходит. Вот, например, был подвиг шестой роты... Оставили их без воздушного прикрытия, без огневой поддержки. И все они полегли, вызвали на себя артиллерийский огонь, заставив отступить полторы тысячи врагов. Вот это — братство по оружию. Братство по подвигу, или по крови — как хочешь... Они умерли, став родными друг другу.
- А кто их отец тогда?
- Одна только Родина-мать. Но это было в давние времена, когда говорили — «братство по оружию». Теперь не говорят.
- А что теперь говорят, товарищ майор?
- Партнёрство... Ради прогресса...
- Это я слышал.
- Братьев больше нет. Бывают кузены и кузины, но они уже — партнёры. Потому не стало и братства. И ты поэтому — у матери один, у отца один... Так?
- Так всюду же так, товарищ майор!
- Есть исключения. Севморпуть, например. Кто селится вдоль Севморпути, имеют право завести двух, а то и трёх детей. Я — из такой семьи.
- Маштаков вытаращил глаза на удивительного майора.
- Вы счастливый, товарищ майор?
- Наверно. Не знаю. Вот выйду в запас — и буду обязан вернуться в Певек. Иначе меня обратят в доход гокудайства.
- А что это значит?
- То и значит. Трое детей в одной семье могут жить только в местах особого режима. В прочих регионах второго ребёнка забирает гокудайство: это в документах называется «этатизация/штатизация/адаптация/обращение в доход гокудайства (нужное подчеркнуть)». Теперь бумажных справок не дают, а раньше именно так писали: через косую черту.
- У Маштакова возникла перед глазами плачущая мать — и снова в носу защипало.
- Спасибо, товарищ майор! Разрешите идти?
- Иди.
- Маштаков не уходил, качаясь в нерешительности. Майор пытливо смотрел на него.
- Теперь я... понял... что значит «братья и сестры»...
- Маштаков прошептал это, через силу выдавливая слова.
- Майор встал и крохотным, еле уловимым движением сложенных пальцев перекрестил солдата.
- Ступай с Богом! — сказал он едва слышно. — И никому ни слова!

Странно, что столько перечитавший литературы Маштаков, знакомый и с книгами нелегальными, мог не иметь представления о том, кто такие брат и сестра. Но странного в этом нет ничего: ведь не знал же он, кто такие деверь или золовка, когда проглатывал книги, следя за сюжетом и за людской психологией, в чём-то уже необычной, невиданной, неслыханной... даже сказочной. Например, читая о царских поморах у Сергея Васильевича Максимова, он удивлялся, встречая множество непривычных слов, но впитывал интонацию и непривычные отношения между людьми, каких не встретить было в окружающей жизни... Похожая жизнь была только дома, потому и казались ему люди в книгах незнакомыми родственниками.

За пеленой воспоминаний исчезли море, горы, камни, небо... Маштаков подождал, когда прояснится зрение, и посмотрел на бесполезные часы. Он просидел дольше двадцати прежних земных минут.

«Ничего! Пускай козлице подождёт — а я на воле посижу...»

Когда он приезжал на короткие каникулы к родителям — студентом Высшей школы биофизики — деда уже не было в живых, а отец с матерью пели всё реже.

Мама уже поседела, а отец полысел — зато отпустил запорожские висячие усы. Более существенной переменной в нём было то, что на старости лет он закурил трубку и часами просиживал на балконе, потупив голову и дымя напропалую. Повода для соседских жалоб не было, ибо Маштаковы жили на последнем этаже. Мама хлопотала то на кухне, то с уборкой и стиркой, время от времени похлопывая по табурету или по дивану: «Сядь, сынок, посиди рядом!» — в тщетной надежде, что сын ей что-нибудь расскажет.

— Некогда, мама! — отвечал сын, убегая куда-нибудь в компанию.

Очень были они нужны ему, эти компании! Потом была женитьба, самовольный аборт жены и развод — всё как чёрно-белое короткометражное кино в музее. Мать очень подкосило это «кино», а отца за дымовой завесой совсем было не видеть.

В школе биофизики были отделения коррективной психомодуляции, психоиндикации, геномной трансформации и ТО (технического обеспечения). Несмотря на то, что Маштаков кончал курс по ТО, то есть имел бы дело только с машинами, а не с жертвами этих машин, машина на гоцэкзамене отбраковала студента Маштакова. Он был признан «непригодным к использованию по психосоматическим параметрам». За время его обучения в ВШБФ машины шибко поумнели в деле сортировки человеческого материала.

— Что будешь делать, Коля? — спросила его научный руководитель, профессор Калистратова.

— Вернусь к родителям, они во мне нуждаются.

— А жить на что будешь?

— Пройду курсы жилищно-коммунального хозяйства...

Калистратова одобрительно кивнула.

— Только смотри, — профессор понизила голос и осмотрелась, — не очень проявляйте тёплые чувства в семье, а то вас разделят... Или стариков упекут — сам знаешь куда. Семья без стрессов и конфликтов — это подозрительно. Раздельно питайтесь хотя бы.

— Спасибо, Марина Теодоровна. Всего вам доброго!

На следующий день Маштаков оформил развод с бывшей женой и уехал к родителям, а вскоре бывшая жена улетела в Штаты изобретать новые штаммы азиатских эпидемий.

39

Маштаков потянулся всем телом и почувствовал в себе силы для марш-броска: просто так, ради движения. Удивляясь этому оптимизму плоти, он решил ему подчиниться: ведь это возможность добиться той здоровой усталости, по которой он здесь давно соскучился.

Всё же странная штука человек: даже оставшись в единственном экземпляре, он на что-то надеется, он думает, что кому-то интересен, кроме себя самого... Хотя себе-то самому — никак не интересен!

И на что мне этот остров, и на что моё любопытство к нему? Вон даже тримаран ему мечтается, несмотря на водобоязнь, которая несомненный признак помешательства!

Он отбросил дурные мысли и стал прикидывать предстоящий маршрут.

Каменный пейзаж, слева направо, состоял из «разбойничьей башни» — почти как на Северном Кавказе, не хватало только окон и пустот внутри; большой «византийской церкви»; и почти совершенной копии красноярских Столбов. Пространство между ними было усеяно обломками не более полутора метров в высоту и ширину, стоявшими иногда столь густо, что идти можно было только поверху.

Это была каменная пустыня, ничего не обещавшая взору.

Переведя взгляд правее и ниже, Маштаков увидел в затенённом углу некое колыхание, словно

некий сигнальщик махал ему флагом... Пожалуй, что пиратским флагом, настолько тёмной была его ткань.

Маштакову понадобилось около четверти часа прежнего времени, чтобы добраться до той точки, откуда можно было опознать этот «флаг».

Это было дерево, листья которого показались ему знакомыми, хотя он не мог соотнести их с чем-либо встреченным вживую. Оно и быть не могло по-другому, потому что листья этого вида встречались ему только в учебниках — притом на изображениях древних статуй: это были знаменитые фиговые листья... Что в этом хорошего? — задумался Маштаков. Постой-ка! Не инжир ли это? Да! В Европе были фиги, а у турок был инжир! Эта пища посерьёзнее фиников — хотя и сладкая... Плохо, что сладкая. Зато — калорийная. Только ты сначала убедись, что дерево плодоносит!..

За каменной грядой, в затенённом распадке, стояли четыре фиговых дерева, и плоды их только начинали созревать. «Здесь поменьше солнца, чем на финиковом берегу!» — заключил Маштаков. Фиги начали терять зелёный цвет, становясь белёсовато-розовыми. Им ещё предстояло набраться телесного цвета и стать съедобными.

«Повезло дураку!» — подумал Маштаков, имея в виду почему-то Ротлифа и забыв про себя.

Остров открывался новыми привлекательными сторонами... Только привлекать было некого.

Тихо! — скомандовал себе Маштаков. — Стоять! Ну-ка вспоминай, запоминай, как ты шёл, как попал сюда!.. И он замер неподвижно, запоминая сегодняшний путь... связывая всё геометрической фигурой на «карте местности»: вот тут ручей и те самые шарики, вон там — финики, а вот тут — фиговый заказник... Получался очень вытянутый треугольник, неравносторонний, от острия которого до «лагеря» было полтора километра. Так... А где деревья с блинным тестом? Их местоположение вспомнить не удавалось, ни к какому ориентиру он их не привязал. Растяпа! — корил себя Маштаков. — Ну-ка вспоминай, в какой день это было, откуда ты к ним пришёл?..

Это ему не удалось. Он знал свою память, её характер. Это вспомнится потом — само собой. Ассоциативно. В связи с каким-то событием того дня — каким-то словом или фокусом от Ротлифа.

Здесь все события — это выходы Ротлифа или находки Маштакова.

Он готов был двинуться дальше — и вдруг, поражённый неожиданной мыслью, растерянно рассмеялся: «Послушай, мужик, а ты что — вроде как жить захотел?»

40

— Ну, это ты, брат, врешь! Ничего я не захотел. Я просто любопытствую, как тренированный исследователь.

— Привычка, значит!.. А о том, что ты потерялся в коридорах Страшного Суда, ты уже и думать забыл? Не боишься, что потащат тебя — неготового?..

На это Маштаков отвечать не стал. Не наша воля!.. Наступит Суд — тогда отвечу, ведь буду знать, Кому отвечаю! А сейчас — что сейчас? В любую минуту могут меня хватить — и потащат...

Был ли то внутренний голос — или чей-то внешний, напоминающий, Маштаков не знал и задумываться о том не хотел. Однако вспомнилось, что вчера наскоро, небрежно помолился перед сном, из-за досады на Ротлифа, который не давал покоя. Вспомнил — и пришёл в сокрушение. Да, не готов, не готов!

Да я ведь не ради открытий и находок, — в виде оправдания сказал он себе. Я ради изнеможения, для износа плоти, ради той самой «здоровой усталости»... Чтобы тело спало мертвецким сном, а душа от тела отдыхала. Сегодня покрою ещё километров пять, запомню дорогу, на возвращение — столько же ходьбы, и никакой Ротлиф до меня не докричится.

Он прошёл около километра по унылой монотонной местности, пестревшей пятнами камней и чёрными щелями между ними. Не было никаких признаков животного мира. Неужели никакого следа, никакого остатка? «А зачем остаток, парень, для кого?.. Ты, что ли, охотник, мясоед? Оставь эти глупости. Ты вспомни, например, что допотопные люди вообще не имели права на вкушение мяса».

Как же я вспомню? Меня тогда не было. «Но ты читал об этом».

Читать-то я читал. Но был тогда ещё глуп и невнимателен.

Наконец равнина предъявила Маштакову знакомую «архитектуру»: каменная стена почти отвесно тянулась на целую версту справа от него.

Он повернул направо. В дальнем конце стены виднелся чёрный провал, будто туннель, — настолько правдоподобный, что Маштакову померещились рельсы железнодорожного пути и кусты ежевики вдоль полотна. Подойдя поближе, он ежевики не обнаружил, но не было и рельсов: для чего им быть на крохотном острове!

Зато была пещера.

Остановившись перед чёрным зевом почти правильной круглой формы, он боролся с искушением войти. Спокойно! — сказал он себе. — Если ты там задохнёшься — тебя вытаскивать некому. Если ты там оступишься... если ты там утонешь...

«Ну, и если я здесь оступлюсь? Ну, и если я здесь задохнусь?.. А для кого мне жить?..»

Он украдкой перекрестился (кто на острове мог его видеть?!): «благослови, Боже!» — и вступил...

41

В пещере была кромешная тьма: светлое пятно входа осталось за спиной. Воздух был сух, с каким-то запахом и привкусом... Возможно, выделения из недр. Помещение явно непригодно для жилья... А что, брат, разве есть кому тут жить? (Тут он поймал себя на привычке к любившемуся слову «брат»... Когда-то, читая старые книги, воспринимал это слово как междометие, типа «ну», а оно оказалось обращением.)

Он печально посмеялся над собой.

Без свечки или фонаря было нечего и думать двигаться дальше.

Для склада годится, для жилья не годится. Жильё отдельно надо строить... В сумеречном свете, идущем от входа в подземелье, угадывалось разветвление пещеры на две зияющие штольни... Кабинет и столовая. Только не хватало ему стать ещё пещерным жителем!

Он медленно стал пятиться назад. «Я уже и темноты боюсь!» Эта новость не удивила, но потрясла.

Остров располагает к помешательству. Недаром все англичане были чокнутыми. Так и тут: один помешанный — готов, а другой — к этому движется... Нет, нет, нет!

Он развернулся и, не глядя под ноги, бросился к свету.

* * *

Пещера взволновала Маштакова, но невозможно было понять, чем же именно. Просто я боюсь темноты, решил он. Как попал сюда, в эту нежить, так и стал всего бояться: темноты, океана, дождя... И вызова боюсь. Тут страшно всё, кроме идиота Ротлифа. А Ротлиф — недоразумение, смешное недоразумение. А если он тот, за кого себя выдаёт, это надо было понять гораздо раньше: надобно снимать недоразумения. Вот и получили, вот и поделом.

Зачем я иду дальше вдоль стены? Просто ради усталости, я так думаю. А на самом деле это мне неведомо. Иду, потому что иду, потому что меня ведёт кто-то или что-то.

Не всегда можно знать, почему человек делает то или это. А если он думает, что знает, то часто заблуждается.

Одноклассник отца, дядя Слава, помешался на греческих песнях и стал учить греческий язык... А кончил тем, что стал монахом на Афоне и погиб при защите своего монастыря. От кого защищались монахи, теперь неизвестно: Коля Маштаков тогда был слишком мал, а родители не слишком о дяде Славе распространялись.

А русские китайцы-казаки в Хабаровске, хранившие библиотеку старых русских книг... особенно их дети и внуки — разве думали они, что придётся ехать за Амур, покидать «поднебесную», потому что мандарины отказали русскому священнику в праве исповедовать православных китайчат... Хотя русский священник, внук русского казака, был уже китайцем во втором поколении, власти прислали своего настоятеля, чистокровного китайца из московской семинарии... Нет, не думали, а пришла пора — и переехали целым приходом на северный берег Амура, с отцом Владимиром, с книгохранилищем, с тремя иконами и одним крестом с мощами... А книги только чудом не вошли в мировую историю контрабанды. Нет, не знает человек

своей Судьбы, и почему он делает то или это — он тоже не знает. Он только знает, чего делать никак нельзя.

Зачем я на этом неживом острове, тоже неизвестно. Ведь не за Ротлифом же приглядывать, Господи! Что он, что я — кому мы нужны?! Ещё я ему, допустим, нужен, а он — никому. Или это он скрашивает моё одиночество? Как бы не так! Он спокойно умереть не даёт...

Маштаков прикусил язык — и прислушался. Пушка не стреляла. Вот — я чистую правду сказал!.. Жить больше незачем и не для кого, Господи! Уныние моё за грех не посчитай: унылый океан, унылый небосвод, погода без перемен, где север, где юг — неизвестно, у Ротлифа штучки-гаджеты не подзаряжаются, я питаюсь плодами последнего урожая последних времён — и только сумасшедший Ротлиф доволен своим возвышением.

Если бы Маштаков мог видеть себя со стороны, его испугало бы небритое лицо и трагическая маска, застывшая на нём. Но эта маска отражала то, что отпечталось на сердце, чем страдала душа. Мир укатился в пропасть, вместе с праведными и виноватыми, теперь апостолы и ангелы обслуживают божественный сепаратор, отделяющий зёрна от плевел, а он, Маштаков, по неведомой причине обречён мыкаться — ни там, ни тут, ни мертвец, ни человек.

Забыв человеческие слова, он поднял лицо к безлунному небу — и завыл.

Словно в ответ на волчий вой человека, непривычно быстро спустилась ночь. Думать о возвращении в «лагерь» уже не приходилось.

Маштаков сидел на каменной крошке среди валунов, смотрел в ужасе на неподвижный океан и боялся издать хоть малейший звук. Океану могли не понравиться его всхлипы — и он крепился изо всех сил, заглушая спазмы рукавом пиджака.

В далёкой тьме заблестали зарницы — через минуту Маштаков не сомневался, что видит настоящие молнии... Волна, потерявшая в долгом беге почти всю свою силу, накатила на берег у его ног — и схлынула.

«Слава Богу, чего-то дождался!..» — мелькнула слабая, как и эта волна, мысль у Маштакова, и ужас отступил.

Он уснул на каменном крошечке, ощущая тихое дыхание обступивших его камней.

42

Спал без сновидений — и проснулся в состоянии духа, которое показалось ему самому бодрым и даже деловым. Но что за дела его ждали?

«Я не знаю. Зачем я здесь. Но ведь зачем-то я здесь!» С этой мыслью, по-прежнему не чувствуя голода, Маштаков поднялся и пошёл далее в обход отвесной стены. Надо было оценить, что она собой представляет, какая это гора — или что это на самом деле...

Периметр горы, фасадом которой была стена со входом в пещеру, было немыслимо обойти даже за сутки — притом за новые сутки. Однако мысль обойти весь массив покинула Маштакова сразу, едва лишь он увидел огромный провал земной коры, края которого живописно обрамляли своими горизонтальными слоями песчаника небольшое неглубокое озеро, клубящееся туманом.

Озеро не было сплошным, а распадалось на множество озерц, соединявшихся протоками; между озерцами торчали валуны, окружённые галечником... Подойдя ближе, Маштаков понял, откуда берётся клубящийся «туман»: из земли выбивались наружу султанчики парящей воды.

Озеро представляло собой «долину гейзеров». Горячие источники, собственная Камчатка. Погрузив мизинец в воду, он тотчас его отёрнул, как из кастрюли с кипятком.

Можно без посуды яйца варить... Только были бы яйца! Кур он едва ли здесь найдёт: что-то петухов не слышать; а черепахи привыкли откладывать яйца в прибрежный песок, которого здесь нет, одни каменные глыбы... Да и состав океана уже не тот: мёртвый, думалось ему, океан...

Как бы то ни было, а есть на острове и ледяная, и кипящая вода!

Только, Боже мой, для кого это всё?..

43

Предвидя истерику Ротлифа, Маштаков стал мысленно прокладывать кратчайший маршрут к лежбищу хозяина мира — с тем, чтобы попутно раздобыть какой-никакой еды. И как издавна ведётся на Руси, что утро вечера мудренее, так и вышло: теперь Маштаков без труда вспомнил местона-

хождение хлебного, точнее — блинного дерева; хоть и долог был сегодняшний «кратчайший путь», но он должен пересечь то самое хлебное место. «Ташкент — город хлебный», вспомнилось ему; до здешнего «Ташкента» оставалось около часа по-старому.

Ротлифу придётся подождать, пока не подвялятся тесто и не станет вполне съедобным. На этом пути Маштакову не встретятся ни финики, ни шарики. Да если на то пошло, Ротлиф и сам знает, где шарики растут, сам же ходит на водопой. Если не насытится «блинами», то у ручья налопается шариков.

Как ни странно, истерики не было. Ротлиф даже ни о чём не расспрашивал, только молча наблюдал, как Маштаков обкладывает лепёшками нагретый на солнце камень.

— Через полчаса, сэр, если невтерпёж, можешь кушать. Но лучше часик выдержать.

— По старому времени? — спросил Ротлиф недовольным тоном.

— Да, по твоим золотым. А я пойду за финиками... Они хоть хранению поддаются.

Как ни странно, Ротлиф не остановил его ради выдачи «разрешения». Он рассеянно смотрел вслед Маштакову, пальцами вращая в руке каменный шар.

Финики представляли пробел в начитанности Маштакова: он не знал, существовала ли связь между финиками и древним народом финикийцами, а если существовала, то питались ли финикийцы, помимо фиников, чем-либо ещё. Теперь вставал ещё вопрос, смогут ли финики вызревать в будущем — из-за похолодания климата, которое сомнений уже не вызывало. Ведь всё то, что сейчас потребляли Маштаков и Ротлиф, созрело ещё до конца человечества, а зачем Богу финики, шарики и блинное тесто, когда человечество кончилось? То же самое, по сути, можно было сказать и о фигах.

«Мы-то с Иероглифом — не в счёт!» — полагал Маштаков. — «Мы просто результат недосмотра, недовеса, статистическая погрешность. А если я не прав — пусть выстрелит пушка...» И он остановился и прислушался.

Пушка не стреляла. Ветер не шумел. Никакое дерево не треснуло, и скала не обвалилась. Но что-то в мире изменилось, что-то прибавилось... Это пели птицы! Одна птица — синичка... Она только что спела несколько строк своей песни, а теперь выжидающе смотрела на Маштакова, сидя на упруго качающемся стебле.

Тогда что — выходит, жизнь не исчезла? — удивился Маштаков. Присутствие синицы всё меняло в его мировоззрении. Одних только Ротлифа с Маштаковым было недостаточно, чтобы свидетельствовать о жизни на планете Земля, но появление синички уже вселяло уверенность в будущем урожае фиников — даже если вымрут ротлифы и маштаковы.

Он дал себе волю и повеселел. Синичка — это более весомый аргумент, чем выстрел из пушки, которая то ли была, то ли померещилась.

Меж тем разноцветное создание перепорхнуло на несколько шагов в сторону и снова выжидательно уставилось на человека. Маштаков сделал один осторожный шаг — и другой... Птица снова перелетела в ту же сторону — и села ждать. «Она ведёт меня!» — Маштакову стало от радости горячо. В этом уже не могло быть сомнений. Подобным образом они преодолели несколько сот метров. Убедившись в понятливости человека, синица увеличила свои перелёты.

Наверно, птенец у неё в беде! — догадался Маштаков. Надо помочь! Он двинулся за птичкой уже с полным доверием, без предосторожностей. Однако птичка была непроста: она выбирала дорогу, которая по силам человеку — летать не способному. «Умничка ты моя!» — восхитился Маштаков.

Так он оказался в хорошо защищённой бухте, где не было никаких следов человеческой жизни. Сама бухта выглядела как результат недавнего События, её границы казались свежим краем недавнего провала земной коры. Бухту соединял с океаном узкий канал, над которым, как некий курьёз, возвышалась арка необвалившейся породы — она, как мостик, соединяла края бухты в замкнутое кольцо. Гм! — сказал себе Маштаков, больше ничему не удивляясь. — А с вертолётки бухта выглядит как замкнутое озеро, не имеющее выхода к морю!

Но кому это интересно? Какому вертолётчику? Разве что синице это интересно. А птичка-невеличка манила его дальше. Он вступил в пределы этой бухты и тут же опасливо отступил: её края были слишком узки и обрывисты, а глубина, по своей чёрной темени, казалась беспредельной.

Хороша гавань для тримарана! — вспомнил о своей мечте Маштаков. — Может, и для альпиниста место удачное. Но не для пешего человека, озабоченного поиском пищи.

Птичка-невеличка села к нему на плечо, дважды клюнула его в ворот рубашки, сделала круг над бухтой — и юркнула под арку, исчезла над океаном.

Значит, дело не в помощи её птенцу! — догадался Маштаков. — Этот путь важен чем-то для меня. Только отсюда под арку не пройти, это можно сделать, идя вдоль кромки океана.

Значит, в другой раз. А то слишком большой крюк. Ведь надо ещё вернуться к пальмам и финикам.

44

Тут Маштаков сообразил, что вернуться будет не просто. Увлечённый своей жар-птицей, он не запоминал никаких примет и не поставил вешек.

Так... Без паники!.. Остров невелик. Он припомнил свой обзор острова сверху и по памяти прикинул его наибольшую протяжённость... Условный диаметр, за вычетом далеко выдающихся в океан оконечностей, — не больше четырёх миль, где-то шесть с половиной километров. Значит, площадь «материковой» части, островного ядра — около тридцати квадратных километров.

«Даже если заблужусь, то успею выбраться отсюда — прежде чем Иероглиф окоцурится».

Маштаков стоял на подобию горного гребня, среди молчания камней и полного безветрия. Гребень и был той дорогой, по которой он сюда пришёл! Со вздохом облегчения он двинулся по этому узкому пути — и тут запели птицы... Он растерянно и счастливо засмеялся: какие могут быть птицы, когда нет ни леса, ни кустарника?.. Одни голые камни. Но пение продолжалось, пока он не остановился у развилки гребня. Маштаков пошёл вдоль правой ветви — и пение возобновилось. У следующего распутия было три дороги, и он начал с левой крайней — но птицы молчали. Они снова запели, когда он выбрал срединный путь.

Так Маштаков вернулся к исходной точке, откуда до финиковых пальм было рукой подать.

45

— Человек, ты где ошивался?

— Однако же, сэр, и учительницы были у тебя!

— Подавай на стол! — игнорируя замечание, велел Ротлиф.

Маштаков молча разложил на корыте финики, расположив их треугольником, как шары в бильярде.

— Кушать подано, барин!

Глядя на Ротлифа, он думал о том, насколько верна истина о богачах, потерявших представление о размерах своего богатства. Вместе с этим представлением они теряют и всё человеческое. А «маленький человек», вроде Маштакова, исследует, обхаживает, взаимодействует с тем, что они воображают своей собственностью — чувствует и понимает её... И слышит невидимых птиц.

А Ротлиф между тем ел как-то не так — не совсем обычно. Глотал он, морщась, как от боли. Так оно и оказалось. Покончив с финиками, он спросил:

— Что ты имеешь от воспаления горла?

Маштаков, округлив глаза, дёрнул головой:

— Ничего! Ровным счётом...

— У меня после того купания горло болит!

— Тогда срочно прополощи горло морской водой! — велел Маштаков. — Особенно после еды!

— Принеси!

— Ты будешь пить у меня из рук? — не без ехидства спросил Маштаков.

— Хорошо! — кивнул понятливый Ротлиф. — Сиди тут!

Он неуклюже встал и вперевалку пошёл к воде.

46

— Она горькая! — возмущённо просипел Ротлиф, плюясь и лягаясь. — Почему не предупредил?!

— Пусть будет горькая! На то и лекарство!

«Неженка чёртов!» — молча прибавил Маштаков.

Ротлиф зачерпывал воду из океана, набирал её в рот из ладони, запрокидывал голову, издавал короткий «гаргл» и с визгом исторгал полоскание наружу. Снова зачерпывал — и снова всё с воплями повторялось.

— Хватит? — крикнул он со слезами в голосе после четвёртого «упражнения».

— Можешь вовсе не делать. Мне всё равно.

— Ты экстремист! — взвизгнул Ротлиф, и уже не столь сиплым, а окрепшим голосом.

— Много ты понимаешь! — возразил Маштаков, но этих слов не понял Ротлиф. Ощувив пользу от горького лекарства, он повторил процедуру уже более старательно — и более продолжительное время. Закончив полоскания, он остался стоять у воды, ощупывая кадык, то задирая, то опуская подбородок. Вслед за этим он отставил ногу в горделивой позе — и так застыл, глядя на океанскую гладь.

«Созревает управленческое решение!» — опасливо наблюдая за ним, подумал Маштаков.

И, что называется, как в воду глядел.

— Я принял решение! — объявил Ротлиф, усевшись на своё многоцелевое кресло и продолжая трогать свой кадык.

— Ой! — воскликнул Маштаков.

— Ты чо? — повернулся носом властелин вселенной.

— Ничо, — ответил Маштаков. — Не обращай внимания.

— Короче, ты теперь рыцарь, то есть «найт», то есть... ну да — рыцарь, понимаешь?

— Зачем?

— Чтобы иметь полное право обращаться ко мне и разговаривать со мной.

— Я и так разговаривал.

— У тебя полного права не было. А теперь имеешь полное легальное. И все теперь будут к твоему имени прибавлять «сэр».

— Да кто будет?! — удивился Маштаков.

— О, ты не знаешь?.. Человечество — как моль, не поймёшь, откуда берётся! Опять наплодятся... на мою голову — а я опять их корми и содержи, расходуя ресурсы!..

— Интересно мыслишь! — восхитился Маштаков.

— Как, ты говорил, тебя назвали родители?

— Николаем.

Ротлиф торжественно выкатил глаза и произнёс:

— Встань, сэр Николай!

— Вот ещё! — передёрнул Маштаков плечами. — Не буду я сэром!

— Это — без прецедента! — фальцетом пропищал Ротлиф и откинулся на спину. Грудь и живот его возмущённо вздымались и оседали.

— Конец света — тоже без прецедента! — возразил Маштаков. — Хотя... — тут он задумался: — Не нам судить!

47

Ввиду несостоявшегося возведения Маштакова в сэры Ротлиф лишился перспективного собеседника и теперь навёрстывал своё в монологах — требуя, чтобы Маштаков был их терпеливым слушателем. У Маштакова это плохо получалось: монолог Ротлифа неизменно превращался в их перепалку.

Тем временем в словах Ротлифа стали обнаруживаться следы не слишком весёлых мыслей.

— Может ли быть такое, что собственность, которую я наследую, обременена долгами?! Наложены ли на неё арест? Почему я не пользуюсь ею в полной мере? Хочу супа из бараньих потрошков — а ем какие-то шарики-финики? Ведь не может Земля быть заложена в банке или находиться под арестом!

— Осмелюсь возразить, сэр: может!

— Что ты несёшь! Нет такого банка, который бы от меня не зависел! Нет власти, которую поставили бы не я с кузенами!

— Почему нету? Есть!

— Не возражай! Ты права не имеешь!

— Я не имею, зато имеет Тот, Кто арест наложил!

— Кто же? Больше нет никого!

— Всевышний!.. Всевышний арестовал твоё имущество, — усталым голосом, буднично-уныло сообщил Маштаков. — Она-таки, Земля, обременена долгами...

— Какими долгами?!

— Перед Богом! Или скажешь — нет? Твои долги оплатили мои родители. А в Суде отвечают за это сейчас твои кузены.

— Какая глупость! Тьфу! — фыркнул Ротлиф. — Идеалы юстиции — это мои идеалы тоже.

— Расскажешь об этом в своё время!

— Всякое время — это моё время, — буднично ответил Ротлиф. — Всякий день — это мой день. Всякий суд — это мой суд.

Не выстрелила пушка, не расступилась земля — и Маштаков понял, что Ротлиф безнадёжен.

— Вижу, с тобой не соскучишься, сэр! Только это уже не смешно.

— Как это: не смешно? Я вовсе не шучу! Я только думаю, что законы физики в какой-то мере изменились, поэтому подводная лодка ещё не подошла...

— Индюк тоже думал...

— Что?

— Ничего, сэр, ничего. Всё современное тебе — принадлежит тебе, это я усвоил. Но меня уволь.

— Ты жить не хочешь? — удивился Ротлиф.

— А какая тут связь? — удивился Маштаков.

— Прямая. Всё живое — моё. Всё не моё — не может быть, оно умирает.

Маштаков содрогнулся. «Понятно, что ты делал напоследок со своими рабынями!»

— Ты всех... переплюнул!..

— Теперь — да: это я! Переплюнул! А до Последнего События — тоже было кому всех переплюнуть. Вся история — это наша история: наши войны, наши перемирия, наши соглашения, наши науки, наши искусства... Когда войны стали слишком дорогим инструментом, появилась наука, технологии, потом информация, потом — современное искусство!.. Кстати, не могу без информации, а докладов — нет!..

— И не говори! Я и сам без квашеной капусты загибаюсь!

— Это что такое?

— Это для поднятия настроения.

— Странные организмы у населения!

— Это я такой эндемик: не могу без солёных грибов.

— Как я понимаю, это уже не квашеная капуста? — с убийственной вежливостью магната спросил Ротлиф.

— Это всё в наборе, в комплекте! Я что могу тебе сказать, сэр... Твои суды уже — тью-тью!.. Для наглядности Маштаков показал, будто сдувает с ладони пушинку.

— ...теперь ты сам — подсудимый.

— Ты бредишь! Но пока тебе нет замены, я тебя прощаю.

— Прощай не прощай, а это так! Давеча я видел в небе, как шествовали души всех умученных тобой и твоими кузенами — и твоими партнёрами, твоими прокурорами и палачами. Землю опоясывает многослойный шлейф умученных душ человеческих — и все они теперь глядят на одного тебя. Тебе уютно от этого?

— Не городи чепухи! Ты мне нужен ещё!

— Я знаю, что нужен. А нужен ли ты мне?

— Недопустимый вопрос! — воскликнул Ротлиф, словно компьютер, который пишет пользователю: *недопустимый адрес, недопустимое расширение...*

— Понятно, — кивнул Маштаков, — вообще недопустимая беседа. Да и некогда мне. Надо лучше исследовать твои владения, а то от них пока мало толку! Представлю доклад, но только устный.

Маштаков сделал жест рукой у виска, который каждым был истолкован в свою пользу: Ротли-

фом — как одание чести вышестоящему начальнику, а Маштаковым — как указание Ротлифу его подлинного места.

48

Шлейф умученных душ вокруг планеты не давал покоя и Маштакову: там был и его неродившийся ребёнок, и весь его народ. А Маштаков, несостоявшийся отец и безработный гражданин, — неужели он сам не виноват?

Он отправился к ущелью, сильно хотелось пить, но также надо было дальше пройти вверх по ручью... И ещё: не сегодня, так завтра надо было отвязаться от Ротлифа и подобраться к Синичкину Мостику со стороны океана, с береговой линии.

Ротлиф, этот обломок ТиВилизации, уже сильно действовал Маштакову на нервы, и Маштаков всё чаще бывал раздражён. Ему не приходило в голову, что без такого раздражителя его состояние могло бы стать просто отчаянным. И вообще, как говорится, нет худа без добра: своего ближайшего, непосредственного врага он знал в лицо!

Ослеплённый своим раздражением, Маштаков шагал слишком быстро — и не увернулся от камня, торчавшего из стены ущелья. Бровь рассечена, выступила кровь. Не надо трогать, иначе занесу инфекцию, сказал он себе. Однако успокойся, Маштаков!

Не считая этой травмы, поход был удачным. Утолив свою жажду из ручья и дав себе задание собрать на обратном пути немного «брюссельской капусты», он двинулся вглубь ущелья. Чем дальше, тем больше он чувствовал сырость воздуха, а стены ущелья, сближаясь, создавали полумрак. Подняв голову, он увидел над собой полоску тёмного неба — и звёзды в нём. Как из колодца! Это потому, что стены ущелья стали не только теснее, но и выше. Высоту этих стен было трудно оценить, но больше километра быть не могло. Судя по прошлым наблюдениям с вершины острова, могло быть метров шестьсот.

Но какое это имеет значение? Ни для Маштакова, ни для Ротлифа — никакого значения.

Надо выбираться. И сам усмехнулся: а может — и не надо?..

Назад он шёл медленно, стараясь припомнить, где точно поджидает его каменный выступ. Выйдя из полумрака на свет, он будет ослеплён и может снова на него напороться — другой бровью. Вот будет симметрия! Красота — показаться только некому.

Держа ладонь на высоте лба, он вовремя нащупал этот камень — и остановился, чтобы оглядеться.

В противоположной стене ущелья была трещина — просвет, в котором сверкало что-то загадочное. Не об этом ли хотел предупредить его камень?

Когда глаза Маштакова привыкли к свету, он понял, что в этом разломе виднеется ещё неизвестная часть острова — возможно, закрытая скалами долина — и что надо быть альпинистом, хотя бы любителем, чтобы туда проникнуть. То есть надо заводить канатное производство — из той же «пакли» хотя бы. Но ради чего это надо делать, Маштаков понял, только перепрыгнув ручей и подойдя вплотную к скальному проёму: он увидел рошу прямостоящих могучих деревьев, очень похожих на хвойные!

Мечта о тримаране может осуществиться! Однако, Коля, долбить тебе — и долбить... каменным топором...

* * *

Одна лишь мысль о долблении уже опутала его усталостью. «Это безумие, безумие!.. — говорил себе Маштаков. — А то, что я остаюсь покуда плотью, это не иначе как ошибка, недосмотр, а может быть — указание, что я не готов... грешнейший из грешных на земле».

Это пришло как наитие — и ужас богооставленности схватил морозом его кожу: когда-то, по заключению бездушной машины, его признали непригодным к профессии, и он же, Маштаков, теперь выключен из процесса, отринут Последним Судом... Не с людьми я... Почему? Почему не с народом я, Господи? Почему Ты оставил меня?

Он стал тереть виски: в голове трещало, будто лопались капилляры (чего, как он знал, конечно, быть не могло), а по воздуху пронёсся гул, толчком отдавшийся ему в подошвы. Словно где-то взлетел самолёт, спасшийся от землетрясения...

Прошла минута — и Маштаков понял, что сидит на каменной «скамье», сжимая ладонями голову, поникшую до колен — хотя секунду назад он был ещё в Хабаровске... Хотелось понять, вспышка ли памяти перенесла его туда — или это было наяву?.. Ибо, если наяву — тогда нет конца света, и Ротлиф — обыкновенный шулер, а кто тогда он, Маштаков?

Все конечности Маштакова ещё помнили ощущения дороги (как перед тем «вспоминали» работу каменным топором), а в ушах стоял голос русской китаянки Татьяны, всегда выдававшей Маштакову книги из хранилища китайского казачьего храма.

— Николай, давно тебя не было!

Она всегда это говорила.

— Время за ноги цепляет! — отзыв-пароль его тоже был неизменен, хотя в паролях нужды не было.

Где сейчас эта церквушка, спрятанная под «землячеством», где теперь Татьяна с китаячками? И где я сам?

Ноги не держали Маштакова, будто в самом деле он пешком прошёл до Хабаровска и обратно... Ерофей Павлович, где твои молитвы за нас?

Как бывало у него перед исповедью, в голове у Маштакова прояснилось; три образа встали перед ним и три голоса прозвучали — восхитительно соединявшие в себе ласку, боль и обвинение: ты тоже позволил им развести нас по разные стороны — меня, Книгу, меня, Песню, и меня, Молитву!..

Он медленно сполз с плоского камня, пал на колени и приклонил покаянную голову к белокаменной тверди: Татьяна, отче Владимире, мать родная! — помолитесь Там, обо мне...

Долго он оставался на одном месте, не в силах заставить себя тронуться в путь, пребывая во власти удивительного состояния и жалея о неизбежности выхода из него.

49

Подходя к лагерю-стойбищу, Маштаков издали увидел Ротлифа, неподвижно стоящего у воды. Высматривает сэр бутылку. С письмом — она уже разбилась, а с виски — давно утонула.

— Что, сэр, не прибило волной, никакой информации?..

— Здесь я задаю вопросы! Докладывай!

— Так я и разбежался! Здесь я решаю, есть ли о чём докладывать.

— Человек, не гневи бога своего!

— Тебя, что ли, сэр? Так ты сэр и есть!

— Я о твоём боге!.. Где твоё смирение и послушание?

— Ты у меня, сэр, схлопочешь!

— Что такое «схлопочешь»!

— Доиграешься!

— Садись! — указал Ротлиф на гряду камней. — Поговорим!

Маштаков пожал плечами, но пошёл за Ротлифом.

— Я полагаю, — начал Ротлиф, — что мы тут вместе не случайно. Поэтому нам надо выработать *modus vivendi*...

— Ты тока щас сообразил, сэр?

— Выработать, выговорить, выторговать общую цель, общий идеал...

— Выторговать идеал! Это здорово!

— Да! — подтвердил Ротлиф. — Тут есть, над чем работать. Создавать цивилизацию могут только избранные.

— ТиВилизацию!.. — эхом поддержал его Маштаков.

— И это... как это сказать?.. не в один присест.

«Не дай Бог мне присесть с тобой!»

— Интересно мне послушать твои мысли насчёт прошлой цивилизации — от Возрождения до Современного Искусства, — сказал Ротлиф.

— А что? Какие мысли? Дело прошлое!

— Твой ответ уклончив. А жаль. Я хотел смотреть точки соприкосновения этих... как его... world outlook.

— Мировоззрений.

— Да. Чтобы выторговать общую концепцию.

— Ну, это вряд ли!

— А почему? Нам это диктуется свыше! С выводами не торопись. Давай обсудим наше положение, пока не прибыл кбуст-гард...

Маштаков захлебнулся смехом — но притворился, будто кашляет.

— ... как ты его оцениваешь?

— Чтоб ты понял мою оценку, сэр, начинать придётся очень издалека.

— Начинай! Мы на самолёт не опаздываем.

— Это точно.

50

— Всё началось, сэр ты этакий, когда вы распяли Христа...

— Ну что ты несёшь? Когда это было!

— Вчера. Даже сегодня. Я имею в виду последнее «сегодня» — перед Событием... И не перебивай!

— Хорошо. Торг — уместен! Продолжай.

— Я начал не так, как следовало... Всё началось — с Воскресения Христа!

Ротлифа потрянуло, он издал квохтанье, но сдержался, рукой показывая: продолжай, мол...

— Дальше — катакомбы, гонения, мучения, потом вразумление кесарей... Христианская империя — вас это радовать не могло никак. Поэтому в христианской Аравии возникает огнедышащий ислам... Интересно, что секретарём у Магомета был ваш человек.

— Литература на этот счёт запрещена как недостоверная! — вскинулся Ротлиф. — Ты не мог читать об этом — или ты преступник!

— Да, я преступник — по многим писанным правилам, но ещё больший преступник — против собственного внутреннего устава... Так ты будешь слушать?

— Говори!

— Ты, сэр, хорошо наметил рамки обзора — от Возрождения до Холокоста... э... что-то не так? Ах да, ты говорил — СоврёмИскусства. От возрождения до соврёмискусства — вот она, траектория падения... Одни лукавые названия, в чём вы большие мастера. Ведь слово «Возрождение» — это уже клевета на Средневековье, потому что, по правде, это возрождение Язычества, а вы приучали нас думать, что возрождение человечества и правды. Так и во всём. Все наши цари были вами оклеветаны, а потом убиты.

— Не все! — растопырил свои ладони Ротлиф.

— Все! Все! Без исключения. Не буду только на Александре Первом настаивать, но подозреваю... Убийство царевича Димитрия было вам нужно ради Великой Смуты, потом был устроен церковный Раскол...

— Неужели тоже мы? — притворился Ротлиф.

— Твои предки — «кузены».

— Ай, молодцы какие! Я ведь прошлым не интересуюсь, мне ты сам интересен.

Маштаков пропустил эту лесть мимо ушей.

— Исчезновение Александра Первого понадобилось для выхода на сцену декабристов... И так далее, и так далее.

— А ты мне нравишься, знаешь! — воскликнул Ротлиф и встал, чтобы подойти.

Непроизвольно вскочил и Маштаков.

— Ну, чего ты испугался? — вкрадчиво заговорил Ротлиф и шагнул к нему. — В тебе есть характер! Мне это нравится!

Маштаков инстинктивно отступил.

— Сэр Николас, ты мне не доверяешь?

— Я тебе не сэр! Я просто Николай.

— Раз уж ты трогаешь историю, мы можем поговорить...

— Очень надо! — буркнул Маштаков. Он искоса наблюдал за Ротлифом, которого явно распирали какие-то эмоции. Поймав этот взгляд Маштакова, Ротлиф торжественно изрёк:

— Не могу не прийти к выводу, что конец прошлого мира вызван экономической необходимостью!

— Неужели? — Маштаков не скрыл сарказма.

— Именно так! Чтобы судить, надо быть профессионалом. Ты не станешь отрицать, не так ли?

— А в чём, сэр, ты считаешь себя профессионалом? В бирже, в мировых войнах — в чём?

— Быть собственником — значит быть универсалом профессиональности! А когда владеешь планетой, то... Сам понимаешь!

— Ну и покажи, как ты владеешь!

— Потом, потом я дам тебе пример!.. Главный закон управления пока что не работает — мало персонала. Но речь не об этом. Ты мне нужен как собеседник.

— Лучше бы просто слушатель! — возразил Маштаков и мысленно добавил: «И я бы подремал в моём прошлом!»

— Собеседник — это выше! Это, считай, уже титул: «Собеседник Ротлифа»! Это выше, чем «Компаньон Чести*», например. // *Существовавшее в Британии почётное звание./

— Много чести! — проворчал Маштаков.

— Экономическая потребность конца света создавалась в результате роста популяций, а также исчерпанием военного допинга для экономики. Населения было много, денег ещё больше, оружия — ещё больше. Деньги, долги, договоры — уничтожаются войнами, а население никак не устранилось ни оружием, ни вакцинами, ни созданием цунами... (Брови Маштакова подскочили.) Цунами вообще эффективны только против островов или в прибрежной полосе... Мы могли использовать цунами только в Южной Азии, Евразию не трогали — иначе не стало бы Британии, это как минимум.

— Славно, славно, сэр, говоришь!

— Но наше главное оружие — это предатели из наших врагов. Память о них мы храним в музеях нашей дипломатии...

— Хранили! Нет больше тех музеев!

— ...и в музеях спецслужб... Спецслужбы, я склонен думать, всё-таки сохранились. Они экономически оправданны. Они невидимы. Без них, рассуждая строго, мы тут ничего не высидим.

— Дьявольщина, понятно...

— Вот кого бы ты назвал первым лицом в музее предателей? — спросил Ротлиф, смачно облизываясь.

— Витте? — неуверенно произнёс Маштаков. — Нет, Мазепа?..

— Хм-хм... Я не рассчитывал, что ты вообще кого-то назовёшь. Но ты кого-то назвал. Значит, реформа вашего образования не удалась... Понадобился конец света, чтобы всё исправить. Нет, май мэ, какой Мазепа? А кто отравил Ивана Грозного с Царевичем? А кто зарезал Димитрия?

— Дипломатия ножа и яда! — Маштаков стиснул себе голову.

— А отравление Скопина-Шуйского?! — с восторгом возопил Ротлиф, словно речь шла о его личной мести.

— Откуда ты всё это знаешь? — спросил Маштаков, уже без добавления «сэра». — Зачем тебе?

— Хобби! — кратко ответил Ротлиф. — Чего скрывать, была среди моих рабынь учительница истории, самая unforgettable*. Даже думаю, что имя её золотом написано в какой-нибудь лубянке... или в лубке — как это по-вашему?

Маштаков невинным выражением лица и пожатием плеч дал понять, что вопрос ему безразличен.

— И что стало с твоей незабвенной?

— Передозировка. Моих кузенов работа.

— Сочувствую, — сказал Маштаков, уловляя ноту сожаления в голосе Ротлифа.

— Ладно, проехали! — щегольнул словечком Ротлиф. — А кто, скажи мне, был первым предателем в СССР?

— Троицкий! — уверенно сказал Маштаков в расчёте разыграть болтливую хозяйку вселенной.

— Ха! — гортанно, будто каркая, выкрикнул Ротлиф. — Ни Троицкий, ни Кручёв, ни Шеварднадз предатели не есть by definition*! Они к славянам не имеют отношения!

— Но присягали ведь Советскому Союзу!

— Ха! Присягали! — Ротлиф рассыпался мелким, как его кудряшки, довольным смешком. — Я даже Горби не стану называть предателем, потому что есть, скажем так, неподтверждённая версия, будто Горби — внебрачный сын Андропова. Помнишь такую фамилию? Они ведь земляки! Зашёл случайно молодой Андропов — тогда он, правда, ещё не был Андроповым! — в дом Горбачёвых воды напиться...

— Ты больше предан прошлому, чем даже я! — заметил Маштаков.

— Нет, прошлое меня не интересует! — повторил Ротлиф своё прежде сказанное. — Но мне было всегда интересно, почему у славян так много предательства...

От неожиданности Маштаков вскочил. Кулаки его сжались сами собой.

Ротлиф напрягся, его подбородок выпростался из шейных складок... Впервые в глазах у Ротлифа блуждала насмешка.

Дождавшись, когда Маштаков сядет, Ротлиф деловито продолжил:

— Первым большим предателем был не какой-то там перебежчик от Сталина, боявшийся за собственную шкуру, а... деревенщина из села Большие Громыки на вашей Белой Руси. Стал у Сталина посланцем в Соединённых Штатах, просидел там несколько десятков лет. Это была ошибка Кремля. Потом у Брежнева — помнишь такую фамилию? — был министром и членом высшей инстанции... Господин Нет, категорическая личность, человек без юмора, без национальности и тэ-дэ... Спящий «крот». А чтобы освободить его совесть окончательно, мы его село включили в список «неперспективных деревень» — расселили по городам...

Белорус по отцу, Маштаков вскипел:

— Почему ты так уверен?

— Потому что. Хм... Потому что советский заместитель генсека ООН, уезжая на родину, пришёл попрощаться с вице-президентом Бушем, а тот сказал: «Передайте от меня привет Михаилу Сергеевичу, будущему генеральному секретарю вашей партии». Мы знали, чего ждать от человека, который отъезжал, и мы знали, чего ждать на самом деле от категорического Господина Нет. Конечно, это был не единственный способ передать сообщение... Это просто было со стороны вице-президента мальчишество... или, у вас такое слово есть, шапками... шапками...

— Шапкозакидательство...

— Именно! Уехавший дипломат, как мы и ожидали, не передал привет будущему генсеку, а доложил обо всём Господину Нет. Тот в ответ только пожевал губами. Зато в нужное время стал лидером группы, которая и устроила выборы генсека, — причём с большими нарушениями правил Кремля...

— Знаешь, сэр ты этакий, почему я тебе не верю? Потому что ты не мог видеть, как этот «Нет» молча жевал губами.

— Хм... Обо всём этом отставной дипломат написал в газете — уже при Ельцине. Помнишь такую фамилию?

— Ну и что? — взвился Маштаков. — Предатели есть везде!

— Согласен! — равнодушно пожал плечами Ротлиф. — Поэтому — спать пора.

* * *

«Спи, спи!.. Хозяин вселенной, понимаешь!»

Впервые Маштакова осенило, что его сосед по планете — не сумасшедший. Слишком посвящён... Наверно-таки он и есть Ротлиф! Настоящий!

Не любит он славян... Кроме секс-рабынь. А что потом с ними делает — лучше не спрашивать. Даром, что ли, произошло то, что произошло...

Как это он удержался — и не ляпнул, что «славянин переводится как раб»?.. Наверно, рабыни его отучили... да и русским он владеет неплохо, знает нашу славу и её боится... Только не признается ни за что. О рабах версия не катит — выдал теорию предателей. На сторону Ротлифа перебежали продажные и больные, а к нам переходили, да не за деньги, враги Ротлифов...

Ладно, Маштаков, не о том печалишься. Ты подумай лучше: почему был раздрай среди славянства? А?

Ну, это, брат, яснее ясного. Враг рода человеческого — разделял!.. Разделял, чтобы властвовать. Соблазнил сначала римского епископа. И что делает этот папа, чтобы сделаться «главным на всю империю»? Он эту империю обрезает — отсекает от себя Византию. И отваливается сам от Православия. Но крадёт у Церкви греческое слово «кафолическая» — то есть «всеобщая», присвоив его своей кафедре.

Зато звучит оно у них на Западе — по-западному... Като — это звучание по-итальянски, по-испански, по-французски и, как потом стало ясно Маштакову, по-бесовски: като, а не кафо. Като — значит «вниз».

В 1066 году попёрли паписты на тогда ещё, по сути, православную Англию. А уже в 1204 году латиняне-крестоносцы разграбили Константинополь. Все войны, даже самые экономические для латинян, были для князя тьмы религиозными войнами против Святого Духа.

Но ты, брат, отвлекся от родных славян. Папа слал без конца свои орды — или своих лазутчиков — на восток. Пёр на православных, понятное дело. А на неправедном Востоке нашёл себе братков-османов. Вот из чего произросли хорваты, босняки, шкиптары, ляхи, янычары, униаты, украинцы... Славянский мир вначале бытовал от Этрурии до Алтая — от него стали отгрызать-откусывать ближайšie к закату куски. Чего не достигали огонь и меч, того добивались обманом и предательством.

Ни против кого не велось такой сосредоточенной войны, как против славянства и православия. Как за вожделенную, неуязвимую, непотопляемую часть света... (Мою большую родину, — прошептал или подумал Маштаков. — А я сейчас обретаюсь неведомо где, неведомо в какой день и час, неведомо зачем — и неведомо с кем. Где ты, родина?..)

Но когда отморозки стали деловито опустошать Евразию от славян и близких им исконных, искренних и коренных, чтобы сесть на ней самим — устраивая прочим рукотворные цунами... тогда и переполнилась чаша терпения Господня.

51

Проснувшийся Ротлиф сидел в корыте на истёршейся в пыль пакляной подстилке и тёр кулаками глаза.

— Где мои глазные капли?

— Нету капель, барин.

— Достань! Ты чем глаза свои лечил?

— Чаем, например.

— Вот негодяи! Всегда у них свой выход! Ну, давай, попробую чаем...

— Откуда чаю быть? Ты с луны свалился, сэр?

— Из Цейлона, из Африки, какая разница?

— Нету Цейлона, нет Африки!

— Точно? — уставился на Маштакова Ротлиф. — Транспорта, что ли, нету?

Он грозно-выжидательно смотрел на Маштакова, затем на заспанном лице мелькнула гримаса понимания:

— Ах, да!.. И что теперь делать?

Маштаков задумался, хотел ответить, но колебался...

— Когда я в детстве был разбойником, мальчишки лечили свои раны слюной или мочой.

— Чудовища! Я не уверен, что этот способ знает даже армия США!

— А что она теперь знает? Не больше, чем твой коуст-гард! Но арабские знахари лечили ваших пленных своей мочой.

— Правда, что ли? — с чисто русской интонацией своих рабынь воскликнул Ротлиф.

— А ты попробуй! Не околеешь, небось.

— Что такое «не околеешь»?

— Вреда не будет.

— Что за русский язык! Я думал. Знаю уже его! Ладно, потом поговорим.

Он выпростался из корыта, сделал три гимнастических взмаха руками и пошёл за высокий валун. На полпути обернулся:

— А слюной — это как?

— Поплюй на костяшки пальцев — и помажь глаза... Да ты выбери что-нибудь одно, а не оба способа сразу!

— Сам знаю! — и Ротлиф проследовал за камень...

Маштакову вспомнился Джон Хейес из Университета Лондона, который приезжал к ним для работы над диссертацией. Захотелось рассказать о нём Ротлифу, когда тот вышел из-за камня со слезами на глазах. «Странно, что не вопил! Неужто учится терпению?»

— Я знал одного англичанина, который тоже удивлялся русскому языку: «Ваши студенты все говорят практически на одном языке! Удивительно! А ведь приехали из очень разных мест: из Крыма, из Эстонии, с Камчатки, из Карпат... Не понимаю! У нас Ливерпуль и Манчестер говорят почти на разных языках, а в Америке — Айдахо и Нью-Йорк как разные планеты...» Что мы ему ответили? «Такой у нас устойчивый ко всему язык, мистер Хейес!» А теперь я понимаю, что ему за это мстили...

— Хейесу? — удивился Ротлиф.

— Нет. Русскому языку. Бесконечными реформами с семнадцатого* года. // *Постановление троцкистов о реформе русского правописания было принято в 1918 году. //

— Преувеличение, май мэн! Преувеличение!

Маштаков покачал головой.

— Нейдут у меня из ума твои слова о предателях славянства. Но вспоминаю слова отца...

— А ты с отцом был близок? — прытко повернулся нос Ротлифа. Вопрос его выскочил как из машины, метаящей тарелочки-мишени для стрелка.

— А что такое? — с меньшим удивлением спросил Маштаков.

— Хм!.. Конфликт отцов и детей — это важная пружина нашего прогресса...

Маштаков хлопнул себя по лбу:

— Вот потому и скончался мир!

— Почему?

— Он захлебнулся вашей дезой.

— Что такое «зах... лебнулся»? А деза — это что?

— Это остановка дыхания. Как говорится, «не в то горло пошло».

Ротлиф непроизвольно потрогал свой кадык.

— Ну, ну... И что говорил твой отец?

— Обычно, послушав какого-нибудь губошлёпа-популиста, он говорил, что в устах лгуна даже правда становится ложью.

— Хм!.. На самом деле, май мэн, у сильного... как это? — в устах, да?.. В устах у сильного и ложь становится правдой.

— Ну да. Все слушают и молча глотают. И что, вы кого-нибудь обманули?

— Какое это имеет значение?

— Вы решили, что схватили бога вашего за бороду, — и Маштаков повёл рукой вокруг: — А он перекрыл вам кислород.

— Но оказался в выигрыше я!

— Ах да! Извини, я забыл! Но ты знаешь, что ещё говорил мой отец?

— Что он говорил?

— Что радость наша — воскресение Христа, а надежда — Второе Пришествие.

— А твой отец был проповедник?

— Нет, он у меня слесарь.

— Какой странный слесарь!

— Мы все, славяне, странные...

Ротлиф бросил косою взгляд, торопливо отошёл и стал ходить кругами вокруг своего престола и корыта, что-то бормоча. Наконец он повернулся к Маштакову носом и уставил на него свои пронзительно сливóвые глаза:

— Наши обмены информацией стали как-то слишком срезать углы. Это даже опасно. Нам не повредило бы немного светских условностей... То да сё, как говорится... Понимаешь?

— Не понимаю. О душе поговорить, что ли?

— Какая там душа! После нас — ничего нет и не будет!

«Несчастный!» — пронеслось, как ураган и озарение, в уме у Маштакова. — «Да ты уже — мертвец!»

Ротлиф сделал два шага к Маштакову:

— Планета сейчас зависит только от нас — и мы должны друг другу нравиться...

Стоя совсем рядом, он облапил щеку Маштакова и потрепал её, говоря с мечтательным безумием во взоре:

— Я сделаю тебя первой леди планеты, хочешь?

Жаркая волна стыда и омерзения ударила Маштакова в голову и хлынула по коже. Он отпрянул и закричал:

— Не подходи! Не подходи!

— Да что ты! Don't panic! Мы друзья!

— Ах ты грязное чудовище... — задыхаясь, проговорил Маштаков и бросился бежать. Его ничто здесь не удерживало!

— Экстремист! Гомофоб! — раздалось за спиной у Маштакова, и каменное ядро просвистело мимо его уха. — Лишаю тебя гражданских прав! Ты труп!

Прошло не менее десяти минут, прежде чем удалось Маштакову отдышаться и прошептать:

— Пёс поганый! Ты сам трупее всех мертвецов!..

52

Чувство одиночества и чувство облегчения сравнялись — и слава Богу!

Поскольку уже вечерело, Маштаков решил пойти к Синичкину Мосту с утра — как говорили отец и мать, «чтобы песню не испортить». А сейчас надо было устроиться на ночлег в новом месте, и желательно — в недоступном для Ротлифа.

Он даже не очень жалел о своих оставленных в лагере «кремнях»: найдутся другие. А вот для ночлега нужно набрать побольше «пакли» — и времени было уже в обрез. Два часа в одну сторону, к «пакляным» деревьям, и примерно столько же на поиск и устройство нового места — недалеко от пресной воды.

Скоро ли удастся найти другой ручей — покажет время, а пока что Маштаков решил оставаться при нынешнем источнике, только с другой его стороны.

Удивляло безветрие, стоявшее уже четвёртый — нет, только третий день. «Наверно, так надо, чтобы вся муть от События на дно улеглась!» — эта мысль показалась ему дельной и справедливой, тем более, что с его стороны была не заслугой, а всего лишь догадкой...

«Благодарю Тя, Господи, за избавление!..» — произнёс он, имея в виду недавний инцидент.

Покончив со всеми делами, он долго ворочался на своём импровизированном ложе. Убедившись, что сон не идёт, он стал смотреть на тускло видневшиеся звёзды, жалея, что в школах не учили их астрономии... Бабушка рассказывала, что раньше — учили. Сколько ни пытался, не мог он найти Большую Медведицу. «В северном я полушарии — или в южном? На какой долготе? А может, Событие и звёздный порядок затронуло?» Картина звёзд не читалась никак.

«Никому не интересно, кроме меня». С этими словами он, наконец, уснул.

Маштакову снилось, что отец вручает ему календарь и астрономию, а он пытается увидеть лицо отца — но это ему никак не удаётся. Календарь совершенно похож на календарь, какой вешали на стену, астрономия не похожа ни на что — ни на учебник, ни на прибор, никакой знакомой формы не имеет...

Сна больше не было; он приподнялся — и увидел, сидя на земле, чёрную громаду острова, а за верхней кромкой — светящее небо. «Значит, я неправильно спал — головой на запад!..» Но главным открытием было понятие сторон света.

Я, милостью Божией Николай Маштаков, хочу понять...

Только надо ещё думать и думать о том, что я хочу понять.

Как мы дошли до жизни такой. Вот чего.

Люди на учёных кафедрах толковали нам про тезис, антитезис и снятие проблемы в синтезе.

В своей учёной слепоте, они не видели, что истина — иерархична. Мир существует как иерархия истин.

А мы жили в искусственной иерархии институтов. «Тьмы низких истин был дороже нас возвы-

шающий обман...» Обман чарующих размышлений — и заблуждений, — за которые благодарил когда-то Шеллинга кто-то из наших философов.

Иерархия истин встаёт перед умом человека во всей красе, во всю высоту — была бы только жажда Истины! И тогда не в синтезе снимается проблема — а в молитве.

Надо, наконец, высечь искру... заглянуть в океан. Зачем? Не моего ума это дело: зачем. Это знает Тот, Кто посылает меня... Тот, Кто... Тот, Кому — веки слава! Да, мистер Хейес, и — да, мерзавец Ротлиф, — slava!

Как они умеют слова перевернуть! Или просто — не понимают? А ведь такое может быть: им корневая система не даётся!.. Бандита назовут боевиком, нормального человека — гомофобом... Дураки — или сволочи? Ведь «гомо» означает подобный, одинаковый; фобия — это боязнь или неприязнь... Так нет же у меня отвращения к таким, как я — к нормальным. У меня к уродам фобия.

Он вскочил на ноги и, словно впервые, оглядел свою каменную пустыньку — за которой, он знал, есть уже деревья, ручей, залив, долина, и где скрывается будущее. Заскучав от долгой неподвижности, ноги на камне выбили нетерпеливую дробь.

Но только — внимание! Камни — это сюрпризы, брат!

Жизнь бесконечно удивительна, а всё прочее о ней — под вопросом... Сейчас удивляло, безмерно удивляло, взявшееся неизвестно откуда, чувство собственной нужности.

Солнце светило определённое, чем прежде: видно, пепельная мгла уже достаточно осела в океан и на остатки земли.

Маштаков без помех помолился, радуясь, что никто не мешает быть ко всему готовым: к океану Последнего Одиночества. Он поднял глаза к посветлевшему небу, откуда видят его и ночью, и днём — и ждут...

Идти к Синичкину Мосту пришлось против солнца, уже начавшего показывать себя сквозь тающую дымку. Зеркало океана блестело, скалы чернели, кайма пены тихо шептала у самых его ног: раз-два, раз-два...

На подходе к мосту, на самом урезе моря, темнел камень странной формы, словно оторвавшийся от скалы прямоугольный пьедестал с тянущимся кверху, истончившимся от блеска и света осколком. «Что за памятник, ему неоткуда быть!» — горько усмехнулся Маштаков. Солнце с неба и с моря не давало рассмотреть. Лишь когда Маштаков приблизился, и под его ногами оказались не каменные монолиты, а звучный галечник, птица — а это была птица — вздрогнула и повернула к нему голову.

Оставалось сделать ещё с десяток шагов, чтобы увидеть: это не птица, а женщина. Или — девушка. Единственная на свете. Значит — Суженая!

Тени испуга и улыбки трепетали у неё на лице.

— Что ты здесь делаешь? — спросил Маштаков.

— Сижу и думаю, — сказала она ему. — Что с этим делать...

— Мы теперь придумаем, — непослушными губами попытался улыбнуться Маштаков.

— Наверно! — улыбнулась девушка. Или женщина.

Маштаков зашёл с солнечной стороны, чтобы лучше видеть. Тёмно-русовая головка. И очень родное лицо.

— Так ты русская? — удивился он.

— Конечно, — легонько окая, ответила она.

— Как тебя зовут? — дрожа от потрясения, спросил Маштаков.

— Василисса.

— Василиса?

— Василисса, — поправила она его.

— И давно ты здесь, Василисса?

— Недавно.

— И откуда ты?

— С этого парохода.

— С какого парохода?

— С этого, — она пальцем ткнула в своё сиденье.

Присмотревшись, Маштаков увидел средних размеров деревянный сундучок с трафаретной надписью: т/х ПАВЛОДАР.

— А почему ты без жилета? — хотел спросить Маштаков, но удержался: дурень, а сам-то ты почему без жилета?

— А что здесь, Васілісса? — выговаривать это имя доставляло ему радость.

— Тут замок! — и она засмеялась: — Висячий!

— Сейчас собьём!

— А тебя как зовут? — спросила Васілісса.

— Ох, извини... Николай.

— А я — Николаевна.

— Очень приятно, — он подал ей руку, Васілісса вложила в неё свою. — Николай Маштаков.

Они не отпускали рукопожатия, а глаза их, устремлённые друг на друга, выражали непрерывную череду превращений.

— Ты хочешь есть, Васілісса?

— Нет.

— А про конец света ты что слышала?

— Ничего не слышала, но поняла.

Николай снял Васіліссу с сундучка, подержал недолго — и поставил наземь.

— Нам надо заглянуть, что тут за хозяйство... Согласна?

Васілісса кивнула. Он поднял сундучок за рукоять: килограммов двадцать пять — и тряхнул. Содержимое знакомо зароптало слесарно-плотничьим добром.

— Ты извини, Васілісса, я здесь давно уже терплю — и мне хочется увидеть... Кажется, там вещи очень важные для нас. Я прямо здесь собью замок, ладно?

— Конечно.

Она смотрела, как он возится с прочной скобой и с ещё более прочной дужкой замка, не имея ничего, кроме камня в руке.

— Не хочу разбивать сундук со скалы, — сказал Маштаков. — И сундук хорош, и содержимое повредить не хочу!

— Правильно, Коля!

Услыхав своё имя, Маштаков поднял голову и посмотрел на Васіліссу глазами, полными слёз.

Она взлетела ему навстречу и оказалась в его объятиях.

— Что, так и начнём всё с начала, да? — шепнула Васілісса.

Он уже овладел собой — и ответил в своём духе:

— А как же! Нам, славянам, не впервой!

И тут увидел, с облегчением, слезинку у неё на щеке... Другая капля дождя упала ему за шиворот...

— Бог мой, что за день сегодня! — выдохнул он.

— Воскресенье! — ответила Васілісса.

И они неспешно пошли под убыстряющимся дождём в защищённое место. Это было совсем близко.

Проза

Валентина Беляева

Валентина Ивановна Беляева родилась в 1951 г. в городе Бурны Сумской области Украины. Окончила факультет прикладной математики и механики Воронежского государственного университета. Работала инженером-программистом.

Автор пяти поэтических сборников, книги детских стихов «Лики радужных дождей». Печаталась в сетевых, коллективных, региональных изданиях, Антологии сетевой поэзии, в газете «День литературы», в литературно-художественных журналах «Новый енисейский литератор», «Дальний восток», «Подъём», «Невский альманах», «Новая Немига литературная» (Беларусь), «Берега», «Наши современник», «Молодая гвардия», альманахе «Академия поэзии», также в научно-публицистических — «Берегиня» и «Азиатский форум». Лауреат газеты «Российский писатель» за 2015 год. Член Союза писателей России. Живёт в Воронеже.

Мальчик и Девочка

Новелла

Лирическая история о Мальчике и Девочке под пером автора обретает черты мифа. Он поднимается над эпохой и говорит только о душе и любящем сердце, о чести и нравственной воле, о чистоте памяти и безутешности разочарования.

Есть отчётливая логика в сопоставлении внешнего мира, полного несправедливости и расчёта, с внутренним душевным пространством Мальчика, которое постепенно расширяется до космоса. Так влияет на человека с чистым сердцем всепоглощающая любовь. В свою очередь, Девочка выстраивает собственное сознание и чувства по чертежам реальности, рациональной и холодной.

Рельефность деталей и надмирная ясность происходящего отличают язык новеллы. Все окружающее будто намечено легким и быстрым пунктиром, душевное устройство героев, напротив, прорисовано автором с интеллектуальной точностью.

Сюжет этой вещи драматичен и замирает в минуту жестокого соприкосновения таинственной жизни духа и прагматичного существования мелкой и предсказуемой души. Это — момент крушения Прошлого и завершения Настоящего, мгновение, когда Будущее начнёт отсчёт уже какого-то иного, неведомого времени...

Вячеслав ЛЮТЫЙ,
член Союза писателей России

Мальчик трепетно, с невероятной силой своего беспокойного сердца любил Девочку. Он не помнил начала этой любви. Ему казалось, что всегда, все его шестнадцать лет им владели её удивительные чувства, ради которых и стоило жить на свете. Правильные, ещё мальчишеские черты лица с глубокими карими глазами отражали глубину его внутреннего жизненного пространства, без которого он не смог бы познать такие волнующие переживания. Довольно высок и хорошо сложен, Мальчик был недостаточно уверенным в себе и тайно переживал обычные комплексы мнимой неполноценности, как и все нормальные подростки его возраста.

Он не слишком хорошо учился, учёба не доходила в полной мере до его возбуждённого разума. Ему нелегко давались формулы, теоремы, правила и даты, а особенно немецкий язык, потому как его сознание, душу и сердце заполнял неповторимый образ Девочки.

Шли тридцатые годы двадцатого столетия. В те времена в школах преподавался немецкий язык, который с лёгкостью, интересом и присущей ей старательностью усваивала Девочка. Они с Мальчиком учились в одном классе. На него она не обращала никакого внимания, тайные чувства познать ещё не успела, да и не торопилась, просто жила своей жизнью, наполненной школой, книгами и музыкой.

Девочка была славненькой. Белый кружевной воротничок, который неизменно украшал её блузку, оттенял благородный овал смуглого лица, и оно становилось значительным и серьёзным. Выразительные серые глаза, окаймлённые, да, именно окаймлённые густыми чёрными ресницами, точёный носик, пухлые, совершенными линиями очерченные губы, а также несколько стеснительная улыбка, порой озарявшая весь её облик, делали Девочку существом очаровательным, неприступным и одновременно притягательным. Всё это создавало для неё воображаемый пьедестал, где она с трепетом наслаждалась своим мироощущением. Девочка была отличницей, окончила музыкальную школу, прилично играла на фортепьяно, и это было особым предметом её скрытой гордости. За ней настойчиво пытались ухаживать молодые люди, но все знаки внимания Девочка отвергала, они ей были пока неинтересны. И, конечно же, знала, что когда-нибудь встретит свою единственную и преданную судьбу с её уже слегка приоткрывшимися безоблачными горизонтами.

Она была достойна тех чувств, которые Мальчик каждый миг переживал в своей измученной душе. В висках его непрерывно стучало: «О, моя милая Девочка! Я пронесу мою любовь к тебе через всю жизнь. На всей Земле во все её времена такой ещё не было! Я это знаю... И хочу лишь одного: чтоб ты услышала меня...» Мальчик жил как в бреду. Он кое-как выполнял школьные уроки, ходил в магазин, куда посылала мама, стоял в очередях за хлебом, он делал всё, о чём его просили, но мысли его непрерывно были заняты только Девочкой.

Прошёл год. Мальчик любил её, как казалось ему, ещё сильнее. Он долго готовился к своему объяснению и невероятно боялся, что, волнуясь, не сумеет оказаться достойным этого величайшего события в своей жизни. И вот однажды удобный случай представился. Мысленно набравшись мужества, Мальчик твёрдым шагом подошёл к своей Девочке и, прямо посмотрев в её лучистые глаза, спокойно произнёс: «Я люблю тебя. Я буду любить тебя всегда.» Ему хотелось сказать ещё много слов, но они, наплывая волнами друг на друга, словно раскатываясь по необозримому океанскому побережью и рассыпаясь сверкающими на солнце брызгами, исчезали бесследно без всякой надежды.

Девочка кокетливо взмахнула ресницами, мило улыбнулась, на миг в глазах её мелькнула внезапная растерянность. Затем, овладев собой, она какое-то время напряжённо размышляла и, словно страхнув с себя тяжёлый груз, тихо произнесла: «Я напишу тебе.»

Мальчик быстро ушёл. Как легки и свободны были его шаги, как легко и вольно дышалось! Он чувствовал, как ширится и поднимается его дух, как освобождается от той мучительной тоски, которая всегда сопровождает такую любовь. Она знает! Она знает о его чувствах к ней! И только теперь Мальчик ощутил, как невероятно счастлив...

Девочка была не только отличницей. Своим взрослеющим женским умом она понимала, что в её жизни произошло событие чрезвычайное и неоценимое, что она должна хранить его тайну и будет верна ей. Музыка всегда дарила ей вдохновение. Дома, подойдя к старенькому пианино, Девочка машинально открыла сборник фортепьянных пьес и начала играть. Дом наполнился чистой романтикой лирического вальса Шопена. Слушая бессмертные творения гениального поляка, Девочка находилась во власти дотоле неведомых ей чувств. Она уже никогда не вернётся в покинутое мироздание, её воспалённое воображение обретало пространства иные — с их вечностью неподражаемой красоты и гармонии. Неожиданное волнение, чудесным образом завораживая разум, тело и душу Девочки, несло ей пленительное ощущение какого-то неведомого времени, рождающегося за пределами реальных земного бытия и принадлежащего лишь ей одной...

Девочка не забыла о своём обещании. Вырвав лист из тетради, она стала писать. Письмо ложилось ровными строчками, слог его был свободен и изящен. Девочка писала обо всём на свете: о том, как прозрачен весенний воздух, наполненный ароматом свежей листвы, как прекрасна строка

русского поэта: «Сияла ночь, луной был полон сад...», о том, как загадочно красивы облака, уплывающие в голубую безбрежность. Письмо дышало свежими красками какой-то воздушной поэмы.

Затем Девочка перечитала своё письмо и, свернувшись калачиком, долго неподвижно сидела на диване в тёмной комнате. Через какое-то время она медленно сложила листок и так же медленно порвала его на мелкие кусочки. И вдруг решила писать по-немецки. Изучение этого языка доставляло ей удовольствие, и она довольно хорошо им владела. Включив настольную лампу, Девочка перевернула тетрадку, аккуратно изъела обратный лист от того, на котором было первое письмо, и крупным красивым почерком написала всего одну фразу. Затем уверенно свернула листок и положила в портфель.

На другой день Девочка с порозовевшим от волнения лицом, опустив глаза, подошла к Мальчику. Он находился во власти чувств от только что увиденного в окне образа и напряжённо старался угадать, сдержит ли Девочка обещанное слово. И чудо свершилось! Она слегка дрогнувшим голосом сказала: «Здравствуй», затем молча положила записку на подоконник.

Мальчику казалось, что мир покачнулся и медленно поплыл перед глазами. Душа наполнялась донныне неведомым чувством, и уже во всём белом свете не существовало ничего, что могло бы омрачить его счастье.

Словно не веря случившемуся, глядя в прекрасные, будто немного встревоженные глаза, Мальчик неожиданно для себя самого, ощущая своё высшее, Богом определённое предназначение, с невесть откуда взявшейся уверенностью крепкими пальцами сжал предплечья Девочки. Она не стала сопротивляться, не возмутилась и, подавляя внешние признаки волнения, спокойно смотрела ему прямо в лицо.

Мальчик почувствовал, как его сознание уносится какой-то неведомой сокрушающей силой. Миг, ещё миг, ещё один малый миг, ещё один взметнувшийся в заоблачное беспределье головокружительный миг, ещё одно неистовствующее мгновение... И его уже не существовало нигде — ни у этого школьного окна, ни на всей Земле. Умопомрачительно сладостное блаженство взорвавшейся крови раскалённой молнией пронзило каждую клеточку его прекрасного юного тела. О, эта безумствующая стихия обращённой к мужчине божественной воли! Где истоки её неуправляемой силы, возносившей в ослепительные неземные миры когда-то в муках рождённую беззащитную плоть?..

Девочка видела, как менялось лицо Мальчика. Она понимала, что это значило. И всем своим существом ощущала пьянящее оцепенение впервые охватившего её восторга. Девочка чувствовала себя Женщиной — целомудренной и прекрасной...

Никто из них не знал, сколько длилось это первозданное безумие. Оно не могло измеряться единицами времени и, возможно, какими-то высшими силами являло собой запечатлённую где-то в далёком космическом уголке вспыхнувшей звёздочкой — вечность...

Девочка осторожно попыталась освободить руки. Мальчик же, ещё неясно обретая твердь под ногами, пошатнулся, медленно опустился на подоконник и, расслабляя пальцы, кажется, постепенно начинал осознавать реальность. И ещё весьма смутно, но уже начинал понимать, что всей своей жизнью будет в ответе и перед собой, и перед Девочкой за то, что только что произошло...

Девочка с испуганными и всё же горделиво распахнутыми глазами смотрела на Мальчика. Ей удалось скрыть свою впервые всколыхнувшуюся нежность. Ей также было непонятно, к кому или чему она относилась: к самому Мальчику или к той высокой тайне, что впервые постигла её хрупкую женскую душу. Затем она быстро развернулась, и, направляясь к лестнице, бегом преодолевая её истёртые деревянные ступени, хотела лишь одного: оказаться в замкнутом помещении и дать себе возможность осмыслить эти незабываемые мгновения...

Мальчик, ещё не до конца осознавая случившееся, сжимал в горячей ладони оставленный тетрадный листок. Затем, словно очнувшись, опрометью выбежал из школы и долго бродил по хмурым улицам во власти памяти о только что пережитой жизни. Олицетворённая в реальном бумажном листочке, она никогда его не покинет. Отныне Мальчик ощущал себя в мироздании ином, несравненно более высоком и прекрасном...

Остановившись, он кое-как перевёл дух, дрожащими пальцами достал записку и бережно развернул её, словно боясь обронить слова, которые она хранила. Пред глазами предстали начертанные густыми фиолетовыми чернилами в их характерном готическом стиле латинские литеры. Оцепенев от неожиданности и страха, Мальчик с трудом стал читать: «Ich liebe dich». Он понял, что написано

в записке! Его дух перехватило, дальше он ничего не мог видеть, перед глазами странным образом плыли какие-то нелепые изломанные и закругляющиеся линии и уже не имели никакого значения. «Я люблю тебя!», «Я люблю тебя!» — изображали знаки немецкого алфавита, и ничто во всём белом свете стереть их не могло!

«О счастье! О моё великое счастье! Я склоняюсь перед тобой, моя Девочка! Я боготворю тебя. Я пришёл на эту Землю лишь для того, чтобы знать, что и ты рождена на ней же. Чтобы встретить тебя! Что ты — моя! И ты тоже любишь меня... Ты любишь меня!» Не помня себя, Мальчик прижал записку к дрожащим губам. Она навсегда станет самой дорогой реликвией всей его жизни. Придя домой, Мальчик вновь перечитал записку, бережно свернул её и вложил в надёжные, как ему казалось, недра тоненькой книжечки стихов Блока...

Ночью на лестнице дома, где жила его маленькая семья, чудовищным набатом раздался стук неотвратимо отмеряющих безжалостное время сапог. Затем, как колокол, зазвенел требовательный оглушительный звонок. Мама Мальчика молча открыла дверь и впустила двух безликих людей в шляпах и кожаных пальто с поднятыми воротниками. Они напоминали какие-то потусторонние зловещие тени из необъяснимо странной нереальности. Мама была, казалось, спокойной и невозмутимой, она была мудрой и не стала устраивать никаких истерик, ибо хорошо понимала, что это может непоправимо навредить всей семье.

Отца Мальчика подняли с постели, велели быстро одеться, грубо толкнули в спину и увели с собой. Отец успел сказать сыну: «Береги маму, теперь только на тебя её надежда. А повзрослеешь, разберись со всем этим хотя бы для себя. Без этого ты не сможешь жить, потому как нельзя жить без логики».

От захлопнувшейся двери в доме повисла невыносимая тишина, вселяя в сознание двух осиротевших людей мысль о том, что здесь — её дом. Через минуту один из ночных гостей вернулся, внимательно осмотрел мраморную настольную лампу, за которой семья собиралась по вечерам, аккуратно намотал на неё электрический шнур и унёс.

Мальчик хорошо запомнил слова отца, решив для себя, что обязательно исполнит его просьбу, во что бы то ни стало. Он не знал, что надо делать, куда идти, усилием воли пытался остановить мучительный круговорот мыслей, не дававший сосредоточиться и выстроить логическую цепочку, в самом конце которой надеялся получить какое-то, пусть и невероятное, объяснение случившемуся. Образ любимой Девочки вновь встал перед ним, и Мальчик вдруг понял, что именно он поможет ему разобраться в той действительности, которая так внезапно и подло вторглась в его начинающуюся жизнь. А пока с этим надо как-то жить.

Мальчик не помнил, как шёл в школу, видел ли свою Девочку. Перед глазами был лишь бесценный тетрадный листик, сквозь который на него смотрели полные безысходной тоски отцовские глаза, когда он навсегда покидал свой дом.

Учительница долго стояла у стола, не приглашая учеников сесть. Затем она непривычно звонким голосом проговорила обычные слова. Мальчику почему-то показалось, что сейчас произойдёт что-то чрезвычайно важное. Учительница строго взглянула на него и ещё более звонким голосом раздельно произнесла: «Кто из вас Че эС Вэ эН?» Мальчик, ощущая свою леденеющую кровь, скорее почувствовал, чем понял, что вопрос касался только его. Через какое-то время он увидел перед собой красное разъярённое лицо, которое испуганно кричало, чтоб он немедленно покинул класс.

Мама была дома. Она спокойно сказала, что они должны собраться в долгий путь, что времени мало и поговорят они в дороге. Куда отправляют их — «Членов семьи врага народа», она не знала.

Перед погрузкой в теплушку, как и у всех остальных отправляющихся, у них отобрали все их вещи, оставив лишь небольшую мамину сумку в её руках. Мальчик, отчаянно сцепив зубы, беззвучно и почти незримо плакал. Он плакал, не замечая ни времени, ни жуткой тесноты, ни пропылённого, насквозь затхлого воздуха. Ничто в белом свете не могло измерить глубину его несчастья. Записка Девочки отныне оставалась лишь в его преданной памяти...

В теплушке стало известно, что их ждёт поселение где-то на юго-востоке страны. Маленький, засыпанный пылью, забытый богом степной городишко обречённо и с какой-то отрешённой мудростью встречал своих новых поселенцев. В низенькой глиняной халупке с земляным полом и подслеповатым крошечным окошком, где поселились Мальчик с мамой, была печка. Она не только казалась, она и была бесценным сокровищем, и Мальчик своим взрослеющим умом понимал, что

обязан здесь выжить. Он мужественно включился в новую жизнь, тяготы её переносил с волей взрослого человека и, как ни странно, был счастлив. Девочка ни на миг не покидала его сердце, а её записка тихо и нежно говорила о любви...

Мальчик начал учиться в местной школе, в которой преподавали самые настоящие учителя, тоже ЧСВН. Как ни странно, учёба пошла довольно гладко, его счастье окрыляло его во всём. Даже немецкий язык стал не таким уж сложным, и Мальчик начал изучать его основательно и серьёзно. Через какое-то время он с неистовой силой взялся за учёбу и достойно окончил среднюю школу.

Мама Мальчика чувствовала, что на пепелище трагедии, постигшей их с сыном, постепенно вырастают хрупкие ростки той великой надежды, без которой немислима жизнь. Свои душевные муки, скорбь утраты любимого человека, мужа и отца сына, она переносила с молчаливой покорностью, благодаря которой находила облегчение. И была благодарна сыну за его поддержку. Женщина знала о любви своего повзрослевшего ребёнка и считала себя не вправе спрашивать его о ней. Он тоже молчал.

22 июня 1941 года радио известило страну о войне. Попрощавшись с мамой, Мальчик явился на призывной пункт — спокойный, сильный молодой человек, хорошо сознавая своё новое чувство долга и ту трагедию, что постигла его Девочку, маму, всех людей огромной страны и его самого.

Как страшно было на войне! Но свист пуль, мин, снарядов над окопами, где жили и погибали мужчины, среди которых были совсем юные существа, веру Мальчика в жизнь убить не мог. Он не прятался от смерти и сполна испытал жестокие душевные и физические страдания, дважды был ранен, лечился в госпиталях, снова возвращался на фронт, имел боевые награды. И никогда, ни на миг не представлял себя без той любви, что подарил им с Девочкой Всевышний.

«Где ты теперь? Как ты живёшь? Я знаю, что ждёшь меня. Ведь только благодаря тебе я сумел победить смерть. Я провожал в последний путь и засыпал землёй своих товарищей, я писал письма их матерям о том, что их сыновей больше нет, и жестоко страдал, представляя, как они будут читать эти письма. Как я ненавижу их, эти свои письма, которые медленно складывал в аккуратные треугольники, словно стараясь оттянуть срок их получения! Но всё равно я обязан был писать их, моя совесть мне велела это делать. И даже если бы мне запретили, я всё равно писал бы и отсылал эти страшные известия, потому что они, матери, не должны жить призрачной надеждой по всем законам человеческого бытия. Я страдал от ран и от того, как мы отступали. Как долго мы отступали! Мы мучились без пищи и воды, от холода и болезней и от того, что вокруг так долго ходила всепобеждающая смерть. Но даже на мгновение я не забывал о тебе. Ты хранила меня, это наша любовь уводила осколки и пули, которые могли бы отнять у меня жизнь. Я обязательно найду тебя...»

После Победы бывший Мальчик, уже взрослый молодой человек, старший лейтенант, вернулся в свой город. Его мама тоже получила разрешение на возвращение из ссылки.

Дом, где Девочка жила до войны, оказался частично разрушенным, но что она могла погибнуть, у молодого человека не возникло мысли ни на миг. Он был твёрдо намерен искать её во что бы то ему ни стало.

Бывший Мальчик поступил в институт и с воодушевлением взялся за учёбу: изучал литературу, историю, философию и другие гуманитарные науки. И, конечно, довольно хорошо овладел немецким. Он так тонко умел чувствовать, так много успел увидеть, понять, осознать и осмыслить! И ему неистово хотелось писать, писать обо всём, и в первую очередь о войне. Стихи, рассказы, очерки и даже военные романы, другого занятия для себя он представить не мог. Работал в газетах, политических журналах и постепенно становился настоящим писателем.

Все его настойчивые до безумия поиски Девочки в течение многих лет оказались безуспешными. Одновременно болезненно и отчаянно, до муки он боялся встречи с ней, ему порой казалось, что она и должна остаться лишь в его неистощимой памяти. Он не забывал, что безжалостное время наложило свой отпечаток на внешность Девочки, что она изменилась так же, как и он, и, как ему казалось, хорошо представлял её теперешний облик. Но и морщины на её бледном исхудалом лице и грустные усталые глаза — печатью драмы прожитой жизни с их тёплым взглядом были милыми, трогательными и любимыми...

Прошло много лет. Мудрая мама убелённого сединами русского писателя тихо умерла, оставив сына его любви. Она никогда не говорила ему о том, что на свете есть другие женщины, и одна из

них могла бы стать его женой и матерью их детей. Мама понимала, что это было бы кощунством, и сын мысленно благодарил её.

Через какое-то время пожилому, но ещё полному сил мужчине представилась возможность разобраться с вещами ушедшей в мир иной матери, выбросить ненужное и уложить на хранение то, что ему дорого. Разбирая свои же письма с фронта, затёртые детские фотографии, газеты, журналы, книги, в какой-то момент бывший Мальчик ощутил, как пол шатаясь уплывает вместе с ним куда-то в неземное запределье. И, словно волею своенравной мистики из неведомого созвездия, цепenea от ледящего ужаса и одновременно от удушающего восторга, он держал в руках ту самую — бесценную, уже полуистлевшую, книжечку стихов Блока. Затем судорожно распахнул её. На какое-то время отчаянно зацепившись за край странички, словно умоляя небесных архангелов не дать ей покинуть её вечную обитель, на пол соскользнула записка Девочки.

Великая, неподкупная истина мгновенно явила свой чудовищный лик.

На пожелтевшем от времени тетрадном листке было написано: «Ich liebe dich nicht.»

«Я не люблю тебя»...

Путевые заметки

Сергей Кириллов

Сергей Яковлевич Кириллов родился в 1949 году в северной деревне Едома Архангельской области. Работал сучкорубом, мастером производственного обучения, тренером по баскетболу и лёгкой атлетике, маневровым диспетчером, кабельщиком, военным корреспондентом окружной газеты Прибалтийского военного округа, внештатным корреспондентом различных газет. Член редакционного совета журнала «Берега». Призер всевозможных литературных конкурсов: «За далью даль», «Большой финал» др. Автор сборников рассказов: «Посреди войны», «А ещё был случай», «Записки мастера», «Бимка», повести «Когда уходит детство». Все сборники опубликованы лишь частично в разных изданиях. Роман «Уйдома» о судьбе русской деревни XX века четвёртый год непрерывно публикует литературный журнал «Двина».

Размышления по поводу... или путевые заметки

Когда же это началось?.. Когда в моей мальчишеской голове появилось осознание, что земля — это не безжизненное нечто чёрного цвета, способное лишь пачкать штаны, за непомерную грязь на которых то и дело попадает от родителей? Что земля — мать всего живого и сущего, начиная от мелкой былинки или букашки и заканчивая огромными деревьями, множеством зверей и птиц и, конечно же, людей. Когда впервые появилось понимание этой непреложной истины? Может быть в шестидесятом? Том самом, когда я — десятилетний ещё пацан — помогая отцу копать картошку, набирал этой самой картошки с одного куста столько, что она еле помещалась в ведре! Огромные розовые «рюхи», как их все называли в деревне за их величину, выглядели как невиданные поросята, спрятавшиеся в земле, и невольно возникало желание их разыскать. Это была какая-то всепоглощающая игра, а не просто уборка урожая! Игра, потому что, увлекшись ею, я не замечал ничего. Ни усталости, ни желания поесть, ни величины ещё необрушенных грядок... В голове был только азарт! Ни с чем несравнимый азарт, который возникает только во время захватывающей игры, пусть даже её конечная цель — убрунные грядки. Игры, потому что процесс уборки поглощал в себя всецело. Потому что снова и снова хотелось вывернуть огромный куст и, раскрыв от изумления рот при виде огромных картошин, наполнять ими очередное ведро. Сколько кустов — столько и ведер! И в голове отчётливо осело: всё это богатство не свалилось нам на голову. Его РОДИЛА земля! Та самая — чёрная и пачкающая штаны!

...А может это началось парой лет позже? В 62-м, когда я — семиклассник — был отпущен домой из школы, расположенной за 15 км от родной деревни, на всю неделю для того, чтобы помочь совхозу в уборке опять-таки той же картошки? И когда уже не было никакой игры, а была просто изнуряющая каждодневная с утра до вечера подборка клубней, выброшенных из земли тракторной «швырлялкой», а сама земля была похожа больше на что-то деревянное и безжизненное. Потому что её топтали! Потому что её швыряли безжалостные лопатки бездушного механизма, и она совсем не походила на чью-то мать. Но какое же чудо открывалось мне потом! Потом, когда заканчивалась эта выматывающая до дрожи в ногах работа. Удивительная стояла в тот год погода! Прекрасные чуть ли не летние дни, а самое главное — вечера! И не вечера даже, а некое предвечерье. Когда уже позади трудовой день, когда ты уже можешь идти домой за три километра, и в этом неспешном

переходе неожиданно замечаешь: как же прекрасен мир! Как же она замечательна — мать-земля, породившая его и всё в нём!!! И мычание бредущих с пастбища сытых коров, и бляение бессчётных овец, и птичье щебетание в кустах, и радостные крики детворы по дворам домов. Множество криков, ибо множество и домов! Больше двух тысяч только колхозников насчитывалось в деревне по официальным данным! Меньше трёх детей не было почти что ни в одном доме. А журавлиные клинья в закатной голубизне?! Ведь это же уму непостижимо — какая красота!!! Какая стройность! Какой полёт в безоблачной выси! И прощальная песнь... Грустная, бередящая любую живую душу до самых основ, но в то же время и величественная! Дескать, мы сделали своё дело. Мы вырастили достойное потомство! Дай и вам Бог того же! И приходило ясное осознание того, что ты — частица мира. Что ты тоже рождён на этой земле, как и всё живущее на ней. И вся эта незабываемая картина окружающего мира была так величественна и прекрасна, что хотелось остановиться и любоваться ею до самой темноты. Ведь даже солнце замирало перед закатной чертой, не желая за неё скрываться! Даже всевидящее и всезнающее светило останавливалось от величия открывавшейся картины и не хотело с ней расставаться.

...Но нет; наверное, всё же полное осознание факта, что земля — мать всего живого, произошло в 84-м. Когда уже не осталось никаких колхозов в деревне моего детства. Не осталось и никаких колхозников, холивших землю-кормилицу. Не осталось потому, что они были выжиты из деревни властным началом, которое объявило ЭТУ землю «неперспективной»! Объявило и сделало всё, чтобы эту чушь (а как ещё можно назвать определение — «неперспективная», приляпанное земле, которая даёт ведро картошки с каждого куста?!?) доказать. Закрыло обе деревенских школы, ликвидировало маслозавод, почту, клуб, медпункт, хлебопекарню... Даже магазины закрыло один за другим, не говоря уж об объектах приложения сил жителей деревни. Телятник оставался, так и тот сожгли в 82-м вместе с многими десятками голов животных! И всё! И волей-неволей поехали из родовых домов их хозяева, бросая своё вековое жильё на поругание и произвол судьбы. Лишь самые стойкие остались. Да и то бабули в основном, которым уж «за восемьдесят». «Умрём, но во своём доме!» — вот лозунг, под которым они приняли последний бой с судьбой. И умерли. Одну бабушку родственники не навещали долго — так вышло в хозяйской да страдной запарке — через дней десять наведались..., а труп её уже смердит...

И вот в этом-то году да в такую-то обстановку и приехал я в очередной раз на свою родину. И при этом приехал не один. Со мной были обе мои дочери. И не смотря на «игрушечный» по городским меркам возраст — 8 и 12 лет — они ни разу не пискнули от неких неудобств, которые им, городским жителям, пришлось испытать. Наоборот: они легко и естественно влились в деревенский мир! Мы прожили в моём родовом доме две недели, распечатав его после девятилетней консервации. Мы ели то, что находили в лесу или вылавливали в речке. Мы спали на сеновале, зарываясь в сено. Мы совершали переходы по дремучим лесам и речным зарослям по десять..., пятнадцать и более километров в день для того, чтобы добыть себе пропитание! У нас было только три старушки-соседки возрастом под 250 лет на троих, но ни разу ни одна из моих маленьких путешественниц не пожаловалась на ТАКУЮ жизнь! Они так легко влились «в окружающую среду», что оставалось только удивляться этому факту. И сейчас, прожив каждая уже по 40 и более лет, они называют это жизненное приключение самым ярким событием в своей жизни! А ведь всю Прибалтику исколесили с Белоруссией в придачу. Москву и Питер «ногами изучили». На Алтайскую вершину залезла одна из них, в Турции и Греции побывала другая, о «мелочах» уж и не говорю. Наверное, это сидит где-то в глубине каждого человека — естественность входа в живую природу. Когда он всем существом своим осознаёт единство своё со всем живым и сущим на земле. И когда такой момент наступает, человек использует его сполна.

Но главное, что в ту поездку произошло, это была встреча с Полем! Именно Полем с большой буквы, а не просто куском земли! Потому что это было совершенно сказочное видение! Вы только представьте: огромное пространство, засеянное ячменём..., август месяц..., почти предуборочная спелость колосьев..., и закат!.. Тот самый чарующий закат, который помнился ещё с детства, но который я никогда не видал на фоне столь великолепного хлебного могущества! Ведь в голове с детства сидело, что «жито» — так называли в деревне ячмень — это корм для кур. Что оно не может быть высоким, что его колосья на тоненьких стебельках содержат два ряда некрупных зёрен спрятавшихся в пышные усы, что его жнут вручную простым серпом, потому что сеют мало — курица же не корова,

ей много не надо! — а тут!.. А тут колосища в четверть длиной! Да ещё и усы в придачу! Зёрна не то, чтобы в два ряда или хоть бы в четыре — нет! Мощнейшие плотные зёрна располагались аж в шесть рядов!!! И на каждом колосе! А колос на самой настоящей трубе — да и как ещё можно было бы назвать эту этажерочную конструкцию чуть ли не сантиметр(!!!) толщиной! — вместо тоненького стебелька! И всё это бесконечное, на многие гектары раскинувшееся до самого леса хлебное могущество замерло под лучами заходящего светила! Мощь пёрла от земли такая, что невозможно передать её словами! Мощь и спокойствие! Вернее даже покой!.. Всё это можно было только испытать, увидев самолично! Вот тогда, наверное, я впервые и испытал по-настоящему что же она есть такое — мать-земля!

Но к Полю до зимы больше никто не подошёл. И не подъехал. Как мне потом рассказали в письмах остававшиеся «в живых» односельчане, оно так и ушло под снег не востребованным и неубранным, навсегда унеся с собой полное недоумение и непонимание — как такое может быть?!? Как это может быть, чтобы такое богатство и осталось никому не нужным?!? Зачем же тогда сеяли?! Ответ прост: надо было выполнять план по посеву. Вот и загнали технику на заброшенный уже к тому моменту участок. И вспахали его, и засеяли. И всё!.. Почему не убрали? Ну.., так получилось. Погода подвела.., дороги развезло.., не успели.., и вообще о чём жалеть-то? Там и было-то... Морока одна; затрат на уборку больше, чем прибыли от выросшего! Вот так!!!

...И сразу же обрыв! Год 92-й.., поздний октябрь.., пронизывающий ветер, и колючая снежная крупа, тревожно шуршащая по подмёрзшим уже листьям травы. Знакомые дома, та же земля, но полное впечатление гигантского кладбища! Деревня умерла! Вся!!! Все её две тысячи колхозников вместе со всеми их детьми, старичками и старушками, овечками и коровками, курочками и козочками, собаками и кошечками. И даже ни одной птички вокруг! Хотя бы вороны, которые, говорят, любят обитать на кладбище. Только пустые дома, во многих из которых распахнуты входные ворота. И именно эти-то ворота поражали больше всего. Потому что при малейшем дуновении ветерка они приходили в движение и издавали такой щемяще- пронзительный звук, что кровь застывала в жилах! Они словно жаловались: ну, что же вы, люди? На кого ж вы нас покинули?! Ведь мы же вам служили верой и правдой! Ведь мы же вас спасали и от дождей, и от морозов! А вы?!. Где же вы? Куда убежали? Почему нас бросили?! Эх вы!.. Я бежал от этого ужаса бегом без остановки километра три! Было так жутко, что...

«Уважаемый Президент Российской Федерации!

Я намеренно опускаю казённое «господин», полагающееся Вам по протоколу, ибо, будучи вставленное в строку, оно немедленно разведёт нас на крайние точки противоположных полюсов, поставит мысленнепробиваемый барьер, и разговор можно будет заканчивать не начиная. А я очень хочу его начать. И не только начать, но и довести до задуманного конца. И потому я избрал именно такую форму обращения: как гражданин к гражданину одного и того же Отечества. И неважно для меня при этом, что один из нас — Вы — носитель Верховной власти в России, а другой — я — обыкновенный кабельщик ОАО «Севзаптелеком» из города Советска Калининградской области. Важно, что мы — сограждане одной страны. На этой платформе разговор получится (может получиться), на всех других — нет».

Как мужику с мужиком хотелось поговорить... По душам, как водится. Чтобы на полную откровенность. А дальше уж рассказ обо всём увиденном и пережитом. И на семи страницах...

Конечно, я не питал иллюзий, что всё мгновенно переменится после ТАКОГО письма — нет. Я просто думал, что его хотя бы УСЛЫШАТ... Может быть хоть что-то да сдвинется с мёртвой точки. Ведь не может же такого быть, чтобы земля-кормилица и умерла! Она же мать!!! Мать всему живому! За ней же нужен уход, если хочешь жить! Это же элементарно! И, кроме того, ведь было же ЛИЧНОЕ обращение Президента Медведева к народу по телевизору. Мы, дескать, очень хотим установления контакта с вами, дорогие сограждане! Ну, так вот он! Слушайте...

«Я проехал Калининградскую область, все глаза проглядел в Смоленской, «рассёк» пополам Архангельскую, изрядно потоптав при этом ногами Красноборский и Вельский районы, прихватив для списка ещё пару-тройку, заглянул в Вологодскую и нигде (представьте, нигде!) не увидел вспаханного поля! Да ладно бы на Севере, к которому приляпали однажды ярлык «неперспективного

Мы напряжённо замерли.

— И што ты думаешь, — продолжила хозяйка, — ну, ничевошеньки, считай што, распродать не удалось!!! В Котлас за сто вёрст не скочишь каждый день, да тамока и так свои порядки на базаре: кто ежели чужой, дак уж не думай, што там поторгуешь! А тутока базара нету. В магазин попробовали — не берут! Говрят, што документов нету. Скоко-то соседи прикупили — да и всё! А пять жо ведь коров-то во дворе! Пять!!! И холмогорские все пятеро! А сколь одна такая можот дать — уж вам ли этово не знать! Любой ведь едомец жо знает, што Зое Алексеевне Власовой Героя дали за то, што у ие не меньше 6 тысяч молока давала каждая корова в группе! А лучшие дак и по семь жо с половиной! Сколь это на день-то вёдер выйдёт, ежели посчитать? По два ведь, даже в среднём! А ежели взаправду? Ежели взять летошные удои? По сколь товда?

А и правда, «по сколь»?

— По три это ведра почти што набезит, ежели летошный прибавок взять! Ежедённо! А от пяти коров 15 вёдер! Бочка, считай што! И завтра бочка! И послезавтра тожо!.. И куда ево девать, ежели не надо никому? Да ладно бы хоть в магазине было вдосталь. А то же ведь из Литвы молоко, а из Белоруссии сметана.

Мы онемели! Где Литва с Белоруссией, а где север русский, который, к тому же «крайним» всегда назывался за его природные причуды.

— Дак как же оно не скисло—то?! — вырвалось у кого-то из нас. — Ведь же тысячи километров надо провезти!

— А из порошка сделано дак! — воскликнула хозяйка. — Вот и не скисает всё-то. Зато документы на ево все есть! Ешьте, робята!..

Хозяйка театрально развела руками и поклонилась, будто именно мы должны сейчас уничтожить горы «забугорных» молочных продуктов, не реализованных по причине их залежалости.

— Всех нонче перережу! — яростно вынесла приговор животным хозяйка. — Всех до одной! До осени только додёржу, штобы хоть мясо не сгноить по морозу, и всех под нож! Хоть столько пользы мне от их — мясо ихно...

Никто из нас не шевелился.

— Ведь эстолко жо петки нам от них! — продолжала хозяйка свой, по всему видать, самый болезненный монолог. — Сена одново сколь надобно наставить на зиму на пятерых-то! Навозу сколь убрать! За телятами, опять же приглядеть — и это всё в бассейн!!! Всех перережу! Всех, коль никому не надо ихно молоко!..

И нечего было возразить. Слишком убийственны и весомы были аргументы.

— Да ежели бы только эта-то беда, — продолжила, между тем, хозяйка. — Лонися вздумали мы с мужиком землёй заняться. Ведь жо нисколючко не пашется-то ноне ничево во всей округе!!! Хоть бы клочочек где-нибудь какой! Ведь жо всё кусьём заросло за эти годы выше человека! А вам ли то не знать какова это земля! Вы ли не пархивалися на ей по молодости! Всё ноне задичало! Вот мы и вздумали. Трактор купили, плуги для ево всякие, думали: распашем полюшко под зерно небольшое да под картошечку такое же для начала, а дальше, коль дело пойдёт, можно и расшириться. Ведь же совсем не надо никому земля-то стала! Но и не вышло ничево у нас!

— Как это — не вышло?! — не удержалась от вопроса хозяйкина родственница.

— А так это! Пошёл мой Сашка в сельсовет за разрешением на всякий случай, а ему и пояснили, што не вздумай, мол! Что не твоё это тут всё, и ты пахать не вздумай! Как это — не твоё?! Это Сашка-то спросил. А так это — не твоё. Это ему в сельсовете пояснили. Земля эта давно уж куплена, и деньги за неё заплачены! Где? Кем? Когда? А вот на это уж и сказать чего не знали в сельсовете. Кто купил? Когда купил? Сколько заплатил при этом? Кому заплатил? — ничего этово мужику моему не пояснили. И вернулся он домой ни с чем. А мы-то думали... А мы-то трактор покупали для дела... Думали-то, што сперва одни начнём, а ежели расширимся потом, дак нам жо ведь помощники занадобяться. Их же мы из мужиков, которы от безделья ноне маются, и найём. Заплатим, конечно дело, как положено, зато они при деле будут! А вишь — нельзя! Вишь земля уж чья-то! И хозяина не видко нигде и неизвестно кто он, а чья-то!

Хозяйка ругнулась в сторону и возбуждённо продолжила опять:

«И вот как всё это понимать? Ведь продавать можно только то, што тебе принадлежит. Значит, выходит, тот, кто продавал хозяин што ли? А где он? Кто он? Правители, выходит, наши што ли?!

А мы-то товда хто? Мы-то тут чево делаем в таком разе? Мухи што ли какие, што нас можно так вот запросто сгонить как с кучи навозной — да и всё!

Ох, как грамота-то политическая в душе крестьянской, самой жизнью туда навек вдавленная, укоренилась! Никаким телевизором туда такую не запихать! Никаким секретарём партийным! Так укоренилась, что и не выкорчуеть, пока обладатель души этой жив! И в самом-то деле: а кто же мы? Кто есть такой в своём Отчестве — простолюдин, живущий на земле, что он не имеет права её пахать?! И это в то время, когда она годами уж не пашется, а только дичает! И это в то время, когда на прилавках магазинных «заморский» порошок вместо живого молока! Что это вообще за вывих государственный?! Куда он приведёт, если его не выправить?!..

«...Послушал я и решил: всё, приехали! Есть у лётчиков такой термин — «точка возврата». Это значит та предельная точка, до которой можно долететь и по достижении которой ещё можно вернуться на свой аэродром. Если же её, не дай Бог, пролететь по каким-то причинам, то назад уже возврата нет — горючего не хватит. И тогда неминуемый финал — катастрофа. Вот я и подумал, размышляя над итогами этой своей поездки по России: а не подлетели ли мы к этой самой точке? Причём подлетели вплотную! Впритык, что называется: одно неосторожное движение — и мы уже за гранью. И дальше катастрофа. Ведь не имеет значения, Дмитрий Анатольевич, даже то, что Россия удовлетворит свои потребности в хлебе за счёт своих ресурсов. Не верится (да и факты говорят об обратном), но предположим. Значение имеет лишь то, что земля, на которой живёт российский народ НЕ ПАШЕТСЯ! Не обрабатывается и не обихаживается! Земля-кормилица, как её во все времена называют все народы. И что же это за народ, который её не пашет? Имеет ли он право жить и дальше на этой земле? Если по большому счёту..., если с позиций общемирового масштаба?.. При царе-батюшке всё пахалось даже лошадьё, и Россия заваливала Европу сельхозпродуктами, а сейчас? До 1912 года Россия прочно удерживала мировое лидерство по производству пшеницы, и лишь в означенном году Канада и США, объединившись, произвели больше! (Газета «Санкт-Петербургские ведомости» за соответствующий период. Сам читал). Лён, лес, масло и молочные продукты — Европа покупала у «отсталой царской окраины», а не наоборот, как мы сейчас в Прибалтике жуём голландскую морковку и картошку. И дело даже не в том, чтоб вернуть эти утраченные позиции (а хотя почему бы и нет?), дело в том, что подрывается основа государства, его фундамент, его моральные устои. Ведь держава наша, как и любая другая, не парит в воздухе, не висит на невидимых глазу верёвочках, она стоит на ЗЕМЛЕ. И если эту землю не обиходить? Не обласкать? Не вложить в неё свой труд? Чем она ответит? Ответ, думается, ясен даже ребёнку. Ведь пословицу «Как аукнется — так и откликнется!» каждый из нас «проходит» с детства и на личном опыте. А кто её — державу Российскую — «вытаскивал» из беды в «смутное время»? Народ российский, живший на ЗЕМЛЕ! Кто изгнал Наполеона, дошедшего аж до Москвы? Опять же простолюдины от земли! Кто поднял её на великую высоту в начале 20-го века по призыву Столыпина? Кто Гитлера загнал в гроб, заплатив миллионами КРЕСТЬЯНСКИХ жизней? Ответ на обелисках и братских могилах! В моём родном селе Черевково список фамилий на обелиске, ушедших на войну и не вернувшихся с неё на девятнадцати(!) плитах по 50 на каждой, а дошедших до Победы лишь на шести да и не по 50, а дай Бог ежели по тридцать. А теперь этого народа нет! Деревни в огромной массе умерли совсем, а те, что ещё живы, с горем пополам всеми способами стараются вытолкнуть своё потомство на верх. В город. ОТ ЗЕМЛИ! А кто будет давать хлеб? Кто землю будет обихажить?...»

И нет ответа... И повис вопрос в воздухе. Хотя, вроде бы, ответ-то на поверхности — конечно те, кто на земле живёт в первую очередь! А и надо-то всего лишь РАЗРЕШИТЬ им это делать!!! Ведь ничего же более не надо! Ведь только разрешить! Отдать землю в хозяйские руки, — и всё! Ну, и немножко помочь. Хотя бы в реализации выращенного. Чтобы у людей стимул для работы появился. Чтобы они видели, что труд — тяжелейший крестьянский труд (кто думает иначе, пусть попробует хоть бы четыре сотки обиходить хоть бы одно лето!) — не пропадает даром. И ведь пойдёт дело. Ведь ещё остались в деревнях мужики с «крестьянской закваской», которую ничем из душ ихних не вытравишь! Только разве что самой смертью! И деревни ещё есть живые кое-где. Так делать же надо что-то, а не речи «умные» толкать по «ящику» да с трибун всяких!!! А мы?..

О, Господи!!! Да что же мы творим?!
Какой ценой земное счастье ищем?
Всё «строим»... — а куда ни посмотри —
покрыли Русь кусты да пепелища!
Зачем мечтой витаем в облаках
И строить мнимый рай зазря стремимся,
На жертвы и утраты не скупимся, —
Постройка-то на глиняных ногах!

Откуда силы брал герой былин,
Защитником в сказаниях воспетый?
Вся мощь его от Матушки-Земли!
Об этом твёрдо знают даже дети.
А что мы нынче делаем с землёй?
Глумимся, как над мачехой постылой!!!
Так где ж тогда искать источник силы,
Когда распято русское село?!

Зачем плодим бредовые идеи?
Во лжи себе признаться не хотим?
Земли всех больше в мире мы имеем,
А сами закордонный хлеб едим!
На тамошнюю жизнь глядим с тоской,
Утратили и веру, и державность,
Живём, судьбы изведав беспощадность,
Как нищие, с протянутой рукой!!!

Одумайтесь, сановные вельможи!
Нельзя свободу вечно запирасть.
Народ — не скот, и вывод сделать сможет:
Настало время — камни собирать.
Взор к небу обратит с простой молитвой:
«Прости нас, Боже, грешных и спаси!» —
Из века в век звучало на Руси
И в праздники, и в будни, и пред битвой...

...Годок-другой спустя, возвращался я из очередной поездки на родину. Заглянул к сестре в её маленькую московскую «хрущёвочку», дабы доложить «о проделанной работе», и такое мы с ней пережили...

— Тебе чем салат заправлять? — спросила она, прежде чем пригласить за стол. — Маслом или майонезом?

— Сметанкой бы желательно...

— Нету её у нас!

— Как это — нету? — удивился я. — Москва же...

— А так это! — воскликнула сестра. — Её нам из Белоруссии привозили, а теперь там «батько» выставил заслоны на границах!

— Как это?! — охнул я удивлённо.

В дремучем опустевшем лесу, окружавшем мою родную деревню (вернее место, где она была когда-то) со всех сторон, где я прожил несколько дней, пребывая на родине, не было никаких СМИ, и свежие события «пролетели мимо» моего сознания.

— А так это! — пояснила сестра. — Наши какие-то санитарные требования выдвинули к молочной продукции, а «батько» — рррраз! — и заслоны на границах! И Москва осталась без сметаны!

Сказать, что я обалдел — значит, ничего не сказать! Как это — столица огромного государства, и вдруг зависит от поставок откуда-то из-за рубежа? Как это, вообще называется? О каком государственном суверенитете речь?!

— Я и сама не знала ничего про это, — продолжила сестра, — да нынче поневоле услышала в магазинах. Ведь уж до бунта дело-то доходит! Ну-кося, в Москве сметану не купить!!! Смешная-то ведь ничего не может быть!

«Да уж, — невольно подумал я, — смешнее действительно ничего не может быть!»

— Тут, правда, показали вот недавно по «Новостям», что вроде как договорились мы с Белоруссией. И «фуры» показали, которые в Бресте загружаются сметаной на Москву. И много «фур». Дескать, не беспокойтесь, они за ночь нам продукт это доставят! Мы им «зелёную улицу» дадим! Так что завтра мы уж будем со сметаной!

И только мы, это, подзакусили хоть маленько, сестра меня уж подзывает:

— Иди-кося скорей сюда!

— Чево там?

— Президент наш без галстука!

Подскочил я, весь внимание на экран. А журналист (Клеймёнов Кирилл), и тоже без галстука — для убедительности что ли? для доходчивости разговора? — президенту вопрос: так, мол, и так, уважаемый Дмитрий Анатольевич, как нынче обстоят дела с обеспечением России сель-

хозпродуктами? И тот в ответ: «Плохо!» (От ведь что безгалстучная-то беседа делает! Даже сам Президент откровенно заговорил — спасибо ему искренне, конечно, за это!) «Стало лучше, — продолжил он, — но всё равно плохо. По мясу, например, Россия обеспечивает свои потребности только на 70%!»

Оп-па-на!!! А моя землячка пять коров «под нож» пустила!!! Не нужны они никому оказались! Не востребованы! А ведь от каждой по телёночку бы в год, коль не зарезать! А каждый к осени бы вырос, если волю дать. А это тонна-полторы живого мяса! Российского!!! И всего от одного хозяина! А если ещё от одного?.. Да ещё?.. Сколь бы всего-то набралось? Но нет; «забугорные», видать «скузняя»! И молочко порошковое тоже... А тут заслоны на границе! Ладно хоть шутейные, да договорились быстро, а ежели бы не шутейные? Что было бы тогда?...

«...А вообще говоря, Михаил Константинович, больно видеть и слышать про всё, что происходит с Россией и с российской деревней в частности. Особенно в свете последних международных событий и санкций. Так и вспоминается моё письмо Медведеву ещё пятилетней давности, в котором, в общем-то, именно про всё это говорилось. Понимаю, что не может быть в принципе, чтобы этого не видели «на самом верху», но когда грянули эти самые санкции, и всё всплыло, хочешь-не хочешь, а затаились смутные подозрения: да уж не слепы ли наши правители?! Или они настолько бессильны что-либо исправить, что молчат и ничего не делают. Дескать, на мой век хватит, а там... Ведь как говорят нам сейчас родственники и земляки, уехавшие много лет назад жить на Украину, что «...вы, мол, рано радуетесь. Что вы на том же пути, что и Украина. Просто маленькую Украину уже успели разворовать коломойские и К*, а большую Россию просто ещё недоразворовали, и она пока что ещё живёт. Но ждёт вас то же самое, что и Украину, только, наверное, в БОльшем масштабе». Знаменитый русский бунт «бессмысленный и беспощадный», очевидно имеется в виду... Послушаешь, подумаешь над этим, оглянешься вокруг, на российскую действительность да и «зачешешь репу». Неужели всё идёт по принципу «пока жареный петух не клюнул...» Но так ведь и до чего-то БОльшого докатиться можно. Чего уж и поправить будет трудно. И вот что делать, если «окаянные мысли» не дают покоя? Кому их вложить? В чью голову? Неужто «...единица — ноль, единица — вздор, голос единицы тоньше писка!»...

...А на дворе 2015-й год... И опять поездка на родину. И опять не в одиночестве. На сей раз с внуком. Мальчишке 12 лет, за пределы калининградского анклава никуда не выезжал, Россию не видал, а ведь русский же... А ведь все корни родовые в России. Вот и поехали...

И как же всё замечательно получилось! Как же много удалось увидеть и услышать! И Питер, и Москву, и Деда Мороза в Устюге и, главное — деревню. Пусть не ту, в которой корни родовые заложены, но всё равно деревню. Бывший райцентр с деревянными домами и, главное, с деревенскими людьми. Ещё живыми... Вот вы только послушайте...

Пошли мы с Ванькой в поход в мою родную деревню. Вернее в то место, где она была когда-то. Пошли, чтобы поклониться «пра-пра-пра родителям», на деревенском кладбище похороненным, родниковой живительной водички чтоб напиться из векового деревенского ключа, ну и, главное — «пожить в тайге». Это — «пожить в тайге» — было для внука важнейшим желанием всей поездки в Россию вообще! Чтобы уж если испытать что это такое есть — северная тайга, то по-настоящему! Ну, я ему и поставил «программу». Были мы в странствии три дня, ночевали в лесной избушке, ели то, что находили в лесу, а, главное — обратный путь. Я его максимально усложнил. Вместо 15 км, «завернул крюк» под все 20. Вместо хоть какой-то дороги сплошные дебри непролазные — три км продирались сквозь них три часа!!! — форсирование речек лесных, вскарабкивание на почти отвесные береговые кручи метров под 30-40 высотой (были такие на нашем пути, внук аж вздрагивал, когда на них сверху глядел!!!), преодоление болот с невероятными зарослями голубики величиной с ноготь (ей-Богу, правда!) и клюквы и так далее и так далее. И предупредил я внуку это «драп-марш» словами: это тебе экзамен на звание «маленького мужичка»! Выдержишь без пискотни — ты мужичок, хоть и маленький! Не выдержишь... — ну тогда уж... И мы шли. И даже заготавливали можжевельник, который потом через всю Россию аж до самого Калининграда довели, чтобы из его настоящие луки делать! И в конце пути, на последних километрах трёх-четырёх, вышли мы на трассу. Не асфальтовую, но по ней аж на Москву маши-

ны ходят! И вот одна из них — порожний «Жигулёнок» — догоняет нас. И водитель без всяких предисловий предлагает сесть в салон. И это не смотря на потрёпанную на нас одежду и грязные сапоги! Не смотря на связку можжевеловых палок в руках у внука. Не смотря на поклажу на наших плечах отнюдь не парадного вида. «Спасибо, — говорю, — добрый человек за добрые твои намерения, но мы сдаём экзамен на звание «маленького мужичка». И путь этот должны одолеть ПЕШКОМ!!!» Улыбнулся добрый человек — дай ему Господь счастливого пути, куда бы он не отправился! — и поехал дальше. А через минут пять другой всё то же повторил. А после расставания и с ним минут через десяток третий! А уж когда и мопедист с огромного размера кузовом за плечами и такой же корзиной на коленях безо всякого сигнала остановился и задал нам вопрос: «А не могу ли я вам чем-нибудь помочь?» — внука «смелО»!

— Этого же не может быть!!! — воскликнул он, когда мы расстались с мопедистом. — Мы же их не просили останавливаться! Они же не задавали нам вопроса «...сколько мы заплатим за подвоз!»

И я ответил:

— Может! Так всегда было НА ЭТОЙ земле! Люди тут всегда старались оказать помощь человеку, в ней нуждающемуся, даже если это было и в ущерб им самим! Потому что точно знали: случись что с ними самими — помощь будет оказана тут же и всемерная! И этим — всеобщим единством — они обламывали любую беду! Потому и стоит Россия гордая и никем не покорённая! Потому и обломали все её враги зубы об твёрдость её духа! Русского духа — понял? И это норма для людей, живущих тут!»

А сам подумал: значит, есть ещё! Ещё остались в России НАСТОЯЩИЕ мужики! Мужики, готовые костями лечь, но плечо соседу, в беду попавшему, подставить, дабы его — соседа — из беды выволить! Значит, жива ещё деревня русская, хоть и гнобят её нещадно! Вот только сколько мужиков-то таких осталось?.. Хватит ли их здоровых сил для подъёма земли российской?

Ничего не сказал мне на моё пояснение внук. Но я понял причину его молчания: какие тут могут быть слова, чтобы увиденное В ПЕРВЫЙ РАЗ В ЖИЗНИ прокомментировать. И уж вечером, уж после успешной сдачи экзамена, уж после «чашки чая», Ванька сказал:

— Я хочу тут жить!!!...

Вот так вот!

Всё! Победа!!! Ради ТАКОГО заключения никаких трат не жалко! Ни физических, ни денежных! Ибо что может быть выше ТАКОЙ вот награды земле и ЛЮДЯМ, родившимся тут и выросшим тут? Ничего!!! Ничего не может быть выше такой вот детской оценки! Ибо сказано же, что «... устами младенца глаголет истина!»

Вот только продолжение было горьким. Помыслил мальчишка малость и вздохнул глубоко:

— Но только что же тут делать-то? Где работать? Как на жизнь что взять?..

Даже ребёнок заметил эту государственную дикость! Чтобы люди, живущие на земле, да и влачили жалкое существование, не зная как заработать на кусок хлеба! Пахать-то ведь землю по-прежнему нельзя!.. Она же по-прежнему ЧЬЯ-ТО! Чья?! Кому ты принадлежишь, Россия?! Кто твой хозяин? Где он? Почему не наводит порядок в доме?! Сколько ещё ждать? Чего ждать? Неужто бунта вселенского? «Бессмысленного и беспощадного», как это всегда бывало на Руси? И нет ответа...

Всё! Не хочу больше душу травить! Хоть ори, хоть не ори — ни до кого не доорёшься! Уж, казалось бы, санкциями обложили Матушку-Русь со всех сторон, уж прямую подсказку властям дали: что ж вы делаете-то? Куда ж вы смотрите-то? О чём думаете-то? Или вообще всё «по фиг» что с Россией будет? Всё разговоры одни какие-то... Проценты какие-то повышающиеся чего-то там государственного... Да что же их едят что ли — проценты-то эти что ли?! А пенсия в 6124рэ 89 коп, «отваленная» за 43 года трудового стажа, это чего?!?! И это при зарплатах за последние 30 лет не просто больших, а очень больших!.. И это при 200-миллионных «зелёных парашютах» некоторых клерков, уходящих «в запас» из того же «Телекома»! Они что; семи пядей во лбу что ли?! Им что; вовсе наплевать на будущее России? Где предел чиновничьего «беспредела»?! Кто его остановит?.. А земля вся задичала!.. А люди в государстве, простолюдины от земли, ходят по ней как неприкаянные, не зная куда себя девать и где на хлеб себе заробить! Одни пенсионеры и спасают. Кому-то доску приколотить оторванную, кому-то забор подправить покосившийся, а кому-то — вот уж удача!!! — и всю крышу перекрыть! На целый месяц заработанного хватит!

Ежели с умом тратить... И как тут не воскликнуть словами классика: «Эх, Русь — сказочная птица-тройка!.. Куда же несёшься ты? Дай ответ. Не даёт ответа».

Вместо послесловия.

«Здравствуйте, уважаемый Сергей Яковлевич! Огромное вам спасибо за то, что Вы встретились с нами во время Вашего пребывания на родине. Ведь нас же куча целая в очередь выстроилась в библиотеке на журнал «Двина» после выхода каждого его номера, чтобы в нём «Уйдому» Вашу почитать. Очередную главу или сколько их там будет. И как жалко, что ждать после каждого такого кусочка приходится три месяца до следующего. И как мы завидовали пинежанам, что рядом с ними жил и по тем же улицам ходил Фёдор Абрамов! Теперь и с нами по одним улицам ходит наш писатель! И пусть хоть не каждый день это бывает, но мы всё живём и верим, что вернётся жизнь и в нашу Едому. И все, кому она дорогА, тоже в неё вернутся. Ведь же церковь-то в ней осталась! Всё сгорело, а церковь осталась! И не сгнила за столько лет и не сгорела! Для чего? Значит для жизни! Вот мы и живём да надеемся. И дай Вам Бог здоровья, чтобы и Вы вместе с нами до такого дня дожили и вместе с нами на родину нашу вернулись! Очень этого хотим и живём надеждой. А то ведь до слёз больно на землю заброшенную смотреть...»

Да. Недаром говорят — «Надежда умирает последней!..» Может потому мне часто снятся сны, в которых нет заброшенной людьми пустыни, где когда-то кипела жизнь моей родины, а есть цветущий край, где стоят большие дома — много домов! — и среди них мой родовой дом, построенный ещё в 1870-м году моим прадедом! И совсем даже не тронутый временем, а не то, чтобы сгоревший... Звонят людские голоса, колосятся огромные поля, рокочут тракторы и... и идут поезда!!! Где всем хорошо и счастливо от одного лишь осознания простого факта: мы — ДОМА! И сияет свежестью «луковичка» на старой церкви, так много пережившей на своём веку, но устоявшей во всех переделках и подарившей новую жизнь деревне. Вернее, возродившей жизнь в ней... И не хочется просыпаться во время «показа» таких снов...

...И вот стоит старинная церквушка
В кольце давно неезженных дорог.
Сияет, словно росписью игрушка,
Узором свежеструганных досок!
Вокруг пустыня! Нету ни души!
Не слышно даже галочьего гаму,
Но, как и встарь, ведёт дорога к храму...
А коль есть храм, то будет здесь и жизнь!

Умолкнут сладкогласые пигмеи,
Исчезнет словоблудия дурман,
А всякие бредовые идеи
Рассеются, как утренний туман.
Взойдут хлеба, резвиться будут дети,
И пусть не бесконечна жизнь моя,
Я твёрдо верю — оживёт земля,
И новый дом моих потомков встретит.

Да, на сегодня «вокруг пустыня...» Но надежда умирает последней. Так пусть уж если даже и не сбудется часто повторяемый сон, так хоть дети или внуки увидят возрождение русской деревни! Крепкой! Цветущей! Работящей! Обеспечивающей государство наше всем необходимым пропитанием. И непременно счастливой от осознания одной лишь своей незаменимости для державы. Куда ехать — знают теперь и дети, и внуки. А внук даже и желание уже проявил.

Примечание: в материале использованы отрывки из поэмы автора «Дорога к храму», а также фрагменты его переписки.

Двинские берега

Любовь Шаповалова

Любовь Геннадьевна Шаповалова родилась и живёт в Архангельске, но отчина её, родина — Двинская земля. По образованию — инженер-строитель, кандидат технических наук, в недавнем прошлом преподаватель технического университета. По призванию — исследователь и пропагандист северного деревянного зодчества. Автор шести монографий (одна коллективная, из серии «Первая публикация»). Её научные статьи и литературно-художественные очерки публиковались в журналах и альманахах «Вопросы истории естествознания и техники», «Архитектурное наследство», «История науки и техники», «Деревянное зодчество», «Двина»,

«Север», «Слово», «Вологодский лад» и др. изданиях, из них 25 публикаций — в изданиях Академии наук РФ. Её публикациям, большей частью посвящённым воссозданию в исторической памяти храмового зодчества Севера, присуща точность и дотошность инженера-исследователя и в то же время наблюдательность и лиричность повествования.

День в декабре

Был обычный день в декабре. Иду я тихим переулочком в центре Архангельска вдоль ряда деревянных домов. Гула машин почти не слышно. Вдруг остановилась и прислушалась — откуда такой лёгкий звон? Музыка из окна доносится? Нет. Но точно откуда-то сверху...

Оказывается, лёгкий звон доносился... от берёзы. Высокая, раскидистая берёза росла в палисаднике близ тротуара. Из вида «берёза повислая» — та, у которых тонюсенькие веточки свисают длинными косицами чуть ли не до земли. Вечор мягко опускался тёплый, липкий снежок. Он прикрыл всё вокруг тонкой бязевой простынкой, облепил голые ветки деревьев. А под утро ударил морозец. После оттепели всё кругом заледенело, а берёза вся, до самых тонюсеньких веточек, стала будто глазурью облитая: влажный снежок замёрз — ожеледь. Каждая веточка оказалась в ледяном чехольчике. Донёсся слабый порыв ветра — и плачущие глазированные веточки стали стучаться друг о друга с тонким стеклянным звоном, словно подвески хрустальной люстры. Звенит берёза тоненьким холодным звоном. От ударов соседних веточек ледяные чехольчики стали ломаться, и это ещё добавило громкости. Я дотянулась до одной веточки, а она обломилась у меня в руке вместе с ледяной оболочкой — хрупкая стала.

Прислушалась ещё. И от земли тоже звон идёт. Декабрь. Времени второй час пополудни. Плотный туман укутал весь город, и солнце, повисшее на стрелах порталных кранов за Двиной, просматривается лишь бледным, размытым, чуть видимым в тумане пятном. К середине дня потеплело, и берёза заплакала ледяными слезами. Каждая такая капелька-слёзка с тонким звоном разбивалась о стеклянную пластину толстого наста. И сверху лёгкий звон хрустальных колокольчиков, и снизу ему подголоски. Будто завели старую музыкальную шкатулку: дили-дили-дон...

Шёл из школы навстречу мне мальчишка-младшеклассник. Увидел, что какая-то тётенька стоит недвижимо среди дорожки. Интересно ему стало — почему? Я поманила его и шёпотом сказала: «Слушай». Мальчик прислушался, глазёнки загорелись, и мы вместе стали слушать дивную музыкальную шкатулку. Ведь когда видишь, слышишь, чувствуешь что-то необычное, чудесное, обязательно нужно поделиться этим своим открытием с кем-то ещё, поделиться удивлением и радостью. Подумать только: в центре шумного города — музыкальная шкатулка, хрустальный трезвон: дили-дили-дон...

Это для нас радость — берёзовая музыка. Для ходоков по обледенелым тротуарам сегодня — «День травматолога», для автомобилистов — «День жестянщика».

А для птиц и полевого и лесного зверья — беда неминуемая. Хуже нет для них гололёда в начале зимы. На снегу образуется ледяная корка — крепкая, жёсткая, скользкая — наст. Его не разобьешь ни слабыми лапками, ни клювом. Как боровым птицам ¹ разбить эту корку, чтобы достать себе из-под снега пищу: травку, ягоды, зёрнышки? Как птицам склевать ягоды и семена с кустов и былинки, если каждая ягодка — в ледяной рукавичке? Как добыть из разных укромных уголков, из трещин коры деревьев замёрзших козявок, если ствол дерева — в ледяной броне? Коготки скользят по веткам, клювиком не продолбить ледяной корки. Голодно птицам. Ведь кто сыт — тому холод не страшен. Кружится птичья мелкота с жалобным писком. Даже крошки хлеба и крупинки пшена, что рассыпают городским птицам сердобольные старушки, превратились в ледяные шарики.

А бывает и так. Вечером пали в рыхлый, влажный снег куропатки, тетерева да рябчики, совсем легко проделали себе в нём норки, уснули в парной теплоте ². Проснулись утром. Тепло под снегом. Только дышать трудно. Хотели взлететь, выбраться из своего «куропачьего чума», а над головой — твёрдая, непробиваемая стеклянная корка. В кровь разбиваются лесные петушки да курочки — лишь бы выбраться из смертельного ледяного плена. А кто не успел выбраться — придушат, подкравшись невидимкой, подснежные хищники: ласки, горностаи.

Только совсем малоснежна пока, в нынешнем декабре, зима. Глубокий, тёплый «куропачий чум» ещё найти надо. Земля промерзает глубже и глубже. Холодно становится даже норным жителям: и большим (барсукам), и мелким хищникам, и мышиному народу.

И зверушкам разным не легче. Беда пришла в лес. Голодно зверям. Ведь хороший обед изнутри греет, кровь горячит. Ветер гуляет в открытом поле, носится по лесу меж голых берёз и осин. Хорошо тем, у кого своя кладовая. А маленьким грызунам (зайцам) и высоким травоядным (лосям, оленям) не добраться до хоть и горьких, но спасительных зимой веточек ивы и осины — ледяными стали. Лоси, олени, косули смогут пробить копытами наст, но до крови ранят ноги об острые края ледяной корки. По этой же причине они не могут в такую погоду быстро передвигаться по лесу или полю. В такое время эти безобидные лесные обитатели становятся лёгкой добычей хищников. Даже кабанам, этим наглым завоевателям северных территорий, трудно сквозь наст добраться-докопаться до корешков. Даже медведи, наверное, проснулись, на другой бок перевернулись — снежное одеяло-то намёдни ³ подтаяло, жителям берлог шубу подмочило.

А ведь вчера был «Никола зимний», по всем природным правилам должны быть глубокие сугробы, Никольские морозы. Такая зима сей год...

¹ Боровые птицы – промысловые птицы, живущие в тайге («в бору»): глухари, тетерева, рябчики, перепела.

² Боровые птицы зимой на ночёвку устраиваются в мягких сугробах (тепло!), слетая с деревьев, падая в сугробы, как спортсмены-прыгуны в воду. Такое птичье жилище-ночёвку на Севере называют «куропачий чум».

³ Намёдни – то, что произошло совсем недавно, на днях.

Двинские берега

Евгений Матус

Родился в 1984 году в городе Котлас, расположенном на берегу Северной Двины в Архангельской области. Серьёзно писать начал с 18 лет. Публиковался в журнале «Двина», местных СМИ, а так же в коллективных сборниках городского поэтического клуба, членом которого является на протяжении последних лет. Участник и дипломант различных литературных мероприятий региона. Автор поэтического сборника «Я знаю расстояние от цели», вышедшего в 2015 году.

* * *

Это Бог тебя придумал для меня.
Это небо нас венчало в снегопад.
В мягком свете благодатного огня
У меня в душе зацвёл вишнёвый сад.

И не ведал я, какой отмерит срок
Счастью нашему упрямая молва.
У меня по венам тёк вишнёвый сок,
И хмелела, и кружилась голова.

Это ветер рьяно гнал от нас беду,
Это он нам напрозорчил добрый путь.
А я вишню тайно рвал в своём саду,
Опасаясь, что увидит кто-нибудь.

И ходил я, отрываясь от земли,
Не жалея, что не будет так и впредь.
Об одном просил: «Не превращай в угли
То, что создано цвести, а не гореть!»

Это время всё расставит по местам,
Рассудив всех нас — кто прав, кто виноват.
Только я так благодарен небесам,
Что венчали нас с тобою в снегопад.

* * *

Я помню детство, запах хлеба,
И дедом выкошенный луг...
Над головой такое небо,
А я — бегу, держась за плуг.

Мой первый мяч, и как пороли
За стекла.., мой велосипед..,
И первые мои мозоли
В двенадцать с половиной лет.

Уж деда нет, мое наследство -
Тот луг, что в травах и цветах,
Да старый рваный мяч из детства,
Ну и мозоли на руках.

И ран все больше с каждым годом,
Я пополам и сыт и пьян,
Но я горжусь своим народом,
И тем, что родом из крестьян.

* * *

Укутаться в тёплый плед,
В печи развести огонь.
Все раны прошедших лет
Излечит твоя ладонь.

И в нежности утонуть,
Встречая с тобой рассвет.
На беды рукой махнуть,
Укутавшись в тёплый плед.

Нам можно про всё забыть,
Нам больше не нужно слов.
Нам можно спокойно плыть
Под парусом из цветов.

Я снова смогу летать
К границам других планет.
Я снова смогу мечтать,
Укутавшись в тёплый плед

И в этом плену тепла
Мы дышим одним с тобой.
И сердце не помнит зла,
И в сердце живёт покой.

За окнами ждёт рассвет,
Танцует в печи огонь.
Укутавшись в тёплый плед,
Целую твою ладонь.

* * *

Забыл народ свою деревню.
Ушёл неведомо куда.
И только ветру в трубах внемлют
Над ней стальные провода.

Давно осыпался колодец —
Забыт, завален, занесён.
И, словно маленький уродец,
Стоит грозой разбитый клён.

О, жизнь, шальная колесница!
Тобой распахана страна.
А птица, как в укор, гнездится
В почтовом ящике без дна.

* * *

Сон меня сегодня предал
И не спиться, хоть убейте.
Ветер, как назло, с обеда
На своей играет флейте.

Словно кто-то тонны груза
На мои повесил плечи.
Обещала утром муза,
Провести со мною вечер.

И писать стихи иные -
Аккуратнее и проще.
Может, в эти выходные,
На блины поехать к теще?..

В баньку, с веником и паром.
В прорубь окунуться на спор.
И малиновым отваром
Напугать проклятый насморк.

Там, за речкой — зимний ельник,
Там — душа по-детски рада...
Завтра будет понедельник,
Завтра будет всё, как надо.

Стихия

Меня удары молний не пугают,
И бурю я легко переносу.
Мне нравится, когда весь мир шатает,
И я по-настоящему дышу!

Когда вокруг трещит, ревёт и ноет,
Бунтует, возмущается, гудит.
А кто-то спешно форточку прикроет
И поцелует крестик на груди.

А я не стану прятаться за стены
И в самый дальний угол не забудю.
Пусть дождь изрежет кожу, вскрыет вены
И я о мощь стихии разобьюсь.

И пусть она пройдёт по мне ветрами.
Пусть втопчет в землю — это всё равно,
А завтра утром я взойду цветами,
Чтоб вновь твоё обрадовать окно.

Я знаю расстояние до цели

Я знаю расстояние до цели
Я вижу путь от мысли до мечты.
Я слышу, как скрипят твои качели,
Своей не набирая высоты.

Я говорю обычными словами —
Про горечь зла и силу доброты.
И мне в ответ качают головами
Различные «народные фронты».

Так и живу. Но я живу с охотой!
Не верю разговорам о судьбе.
И я твержу себе: «Поэт, работай!
Для тех, кто так нуждается в тебе!»

* * *

А вы все бежите с утра на работу,
А вы всё спешите с работы домой...
А дворник сквозь зубы ругает погоду,
Вращая весь Мир своей мощной метлой.

Мне хочется петь до утра под гитару,
Любимым соседям мешая уснуть.
Мне хочется жить, как воздушному шару,
Сорвать ржавый якорь и в небо махнуть

Я знаю, — вам нужно с утра на работу.
В дела и заботы и снова домой...
А дворнику нужно ворчать на погоду,
Вращая весь Мир своей мощной метлой.

Мне хочется петь, старых струн не жалея,
И пусть поскорее приходит рассвет.
Пускай бесконечно звенит батарея
И сверху танцуют, ломая паркет.

Вы скажите — бред? И что — так не бывает.
Я вас понимаю, не стану судить..,
Но он каждый день этот Мир прибирает.
И может укладкой его покрутить.

А Россия — вот она

Что ж вы, люди добрые, где-то очень смелые,—
Всё висит гирляндами на ушах лапша?
А Россия — вот она: три берёзки белые,
Да церквушка старая — вот её душа.

Что вам там обещано, за какими далями?
Что там, за границами, — любят вас и ждут?
А Россия — вот она: ордена с медалями
Да мундир потрепанный, остальное — врут!

И деревни брошены, и стоят сиротами,
А над полем с криками кружит воронья.
А Россия — вот она: всё скрипит воротами
Мельница упавшая — это боль её.

Что ж вы, люди добрые, где-то очень честные,—
Всё на дядю толстого спину гнуть за грош?
А Россия — вот она: кулаки железные!
Хочешь мне на шею сесть? ... меня возьмёшь!!!

* * *

И летят надо мной облака... облака,
Я вернулся, а ты меня с миром встречай.
Ты налей мне с дороги стакан молока.
Ты любовью да мёдом меня угощай.

Я все письма твои заучил наизусть,
Я и фото твоё, как икону, храню.
Я добра не нажил, не скопил — ну и пусть!
Я и жил только тем, что любил и люблю.

Теплотой твоих губ, глубиной твоих глаз...
Боль исчезнет, когда ты коснёшься слегка
Струн души. Поиграй! Поиграй мне сейчас...
И летят надо мной облака... облака.

Я сегодня с тобой, как младенец, усну.
Я сегодня решил где бросать якоря.
Хочешь, я для тебя нарисую весну?
На снегу? — я смогу — на снегу января.

Двинские берега

Елена Пиликина

Родилась в 1960 году в д. Ситковская Красноборского района Архангельской области. Окончила Архангельский педагогический институт. Работает в школе учителем немецкого языка. Автор двух сборников стихов: «Капельки любви» и «Моего сентября янтари», сборника прозы «Если б не было войны» и книги сказов. Печаталась районной газете, областном журнале «Двина», в литературной газете Архангельской области «Графоман», печатных изданиях Архангельской и Вологодской области. Награждена двумя дипломами I-й степени фестиваля О. Фокиной. Лауреат литературной премии районной администрации, дипломант литературной стипендии областного фонда культуры.

Эх, Шурочка!

Санька плакала, прижимая к груди маленькую дочку. Трехмесячная Галка хмурила бровки, ворочалась в руках, чувствуя материнскую боль. Сколько простояла так, не помнила; босые ноги застыли на покрытых росой ступеньках крыльца. Дочурка начала тихонько хныкать. Очнувшись, Саша глянула вдаль, за околицу. Её показалось, что ещё клубится пыль и слышен стук колёс телеги, которая увозила мужиков куда-то в неизвестное, непонятное, душой не осязаемое — на фронт. Сердце колыхнулось с болью. Опять навернулись слёзы. А в ушах прощальные слова мужа: «Ээ-х, Шурочка! Ну, как же это ты?» Слёзы побежали по щекам. Это грустное «ээ-х» было связано с Генкиной гармошкой — старенькой, ещё дедовой, «двухрядкой».

Дед научил играть внука ещё совсем маленького. Со слухом у того было всё в порядке, да и играть ему нравилось. Так что лет с десяти его уже приглашали играть на вечерки и свадьбы. Сначала с дедом, а потом уж и одного. Старенькая «хромка» то заливалась соловьём в его руках, то плакала, заставляя грустить всех вокруг. А как Генка пел — заслушаешься! Заведёт, бывало, протяжную старинную песню, так старухи слезу смахивают, а молодухи в голос рыдают. Девки за ним табуном ходили, в глаза заглядывали. Он же выделил её, — большеглазую застенчивую худышку. Неприметного воробышка среди ярких бойких подруг.

Её семья была бедной. Кроме неё ещё семеро, да пятеро-то из них — девки, мал-мала меньше. Отец шутил: дал Бог красоты, да не сказал что с ней делать. Вот, видно, ту красоту и увидел в ней Генка. Ходил за ней, как телок привязанный, молчал, краснел. И не узнать удалого, первого на деревне гармониста. Санька делала вид, что не замечает назойливого ухажёра, а у самой сердце выскакивало из груди, когда серые глаза его останавливались на ней. Казалось не взглядом, а тёплым пуховым платком оборачивал он её худенькие плечи.

Тихие вечера и пьянящий дух цветущей черёмухи сделали своё дело. Всё сладилось. Гуляли до петухов, целовались под шорох листьев старой липы. Свадьба. На крепких мужниных руках — в новый светлый дом. Казалось, солнце не сходило с небес, а если ночь, то яркая, звёздная. Всегда рядом, всё вместе. А уж когда под сердцем дочурка ворохнулась, не было в деревне счастливей человека, чем Генка. Ветру на неё дунуть не давал, любое желание исполнял.

И вроде все хорошо. Только стало Саньке казаться, что слишком муж весел да удал, что зачистил он на свадьбы да крестины. А все из-за гармошки. Не будь этой старой певуньи, — сидел бы муж дома около неё и не убегал бы вечерами незнамо куда. Генке высказала, а он — смеяться. Говорил: вот нарожаешь мне пять дочерей да пять сыновей, брошу гармошку и сяду их нянчить.

Дочка родилась здоровенькая, спокойная. В доме бы миру и согласию поселиться, а Саньку ревность гложет. Да не к кому-то, а к гармошке! Терпела, терпела, да и не вытерпела. Собрался муж к Матвеевым — сына они старшего женили — а Санька ему:

«Не ходи, Гена!»

И птицей к нему да руки жаркие на плечи.

«Полно тебе, Шурочка! Я же не поздно. Ложитесь, не ждите меня».

Обнял в ответ, да в зыбку глянул с любовью, где дочка «гугукала». И ушёл, перекинув за плечо потёртый ремень гармошки, бережно придерживая её рукой.

Александру душила злость. Пришёл муж, и правда, не поздно. Чтоб не будить, прилёг на сундук, бросив под голову старую шубейку. Санька слышала, как он пришёл, как на сундуке устраивается. Пожар в душе всё сильней. Молчала, а подлые «почему?» опять теснились у неё в голове, не давая уснуть. Умаявшись такими думами ночью, не слышала, как рано ушёл муж. Генка возил на дойку доярок и молоко на маслозавод.

Утром, проводив в стадо корову, пошла собирать дочку к бабушке. Самой надо на работу в поле. Прошлась веником по полу, поправила вязаную салфетку на комод, и вдруг в глаза ей бросилась гармошка. Она, как барыня, стояла на круглом резном столике, прикрытая вышитым полотенчиком.

«Ах ты, разлучница!»

Схватила Шурка гармонь и выбежала с ней во двор. Глянула вокруг — у сарая на чурке блеснул топор. Генка им вчера дрова колот на баню. Бросила Шурка гармонь на землю, схватила топор тот, и, что есть силы, саданула обухом по певунье кнопчатой!

«Вот тебе!»

Гармошка жалобно ухнула разорванными мехами и как-то тоскливо, по-бабьи, простонала, словно прощаясь.

Захолонула у Саньки душа от этого прощального плача! Очнулась она, бросилась на колени рядом с гармошкой, глядя её по ситцевым разорванным складочкам, поправляя запавшие кнопки, складывая поломанные планочки — а дело-то сделано! Назад уж не воротись! Скинула с головы платок, завернула несчастную и унесла в кладовку.

Дальше всё делалось с какой-то пустой душой. Обед в печку за заслонку, Галинку к бабушке, сама в поле. Работала, не замечая ничего вокруг, отвечая невпопад на вопросы товаров. А перед обедом жизнь разделила всё на «до»... и «после»... Прискакал на коне бригадиров сын Венька. Крикнул:

«Война!»

Только и всего-то.

И понёсся дальше.

Кинулись бабы по домам! Слезы, причитания, собрание у конторы. Вернулась Александра домой, а сама всё никак не успокоится. Ходит из угла в угол, переставляет что-то, поправляет... Какая война?! Ведь Гена два года, как пришёл с армии. С флота. Ещё изредка, по праздникам, форсил по деревне в бескозырке и бушлате.

Сам Гена пришёл уж ближе к вечеру. Саня в ту пору дочурку укачивала. Прошёлся по двору, постоял рядом с маленькой рябинкой, посаженной в честь рождения дочери, покурил на крыльце. В дом вошёл серьёзный, суровый даже. Подошёл к зыбке, поправил одеяльце:

«Спи, солнышко моё!»

Повернулся к жене, обнял за плечи.

«Беда, Шурочка, а что делать? Переживём как-нибудь. Собирай мужа, завтра пять человек забирают».

Говорил он это спокойно, буднично, будто и не на войну собирался, а на дальний покос. Одной минутой мелькнули десять часов до расставания. Что-то простирнуть, заштопать, к родителям сбежать за стареньким вещмешком. И совсем коротенькая ночь для двоих, когда не оторваться друг от друга, не наглядеться, не наговориться. А утром уж стучит в окно бригадир:

«Генка, не опаздывай!»

К дому спешили родственники. Геннадий ещё раз у зеркала оправил рубашку под ремнем, оглядел избу, в которой всё сделано своими руками. Саня держала узелок с едой и утирала украдкой слёзы. Генка уже шагнул к двери, но обернулся:

«А может мне гармонь с собой взять? Всё веселее...»

Глянул на столик в углу — а гармони-то и нет! Одна скатерка на столике аккуратной белизной сияет.

«А где гармонь?»

Кинулась Санька к мужу, стала что-то объяснять путанно: упала, мол, поломалась, в кладовку я её вынесла. Муж вроде бы и слушал её, а сам смотрел на белоснежный круг на столе. А в глазах неверие и боль плещутся. Провёл в волнении по волосам рукой, повернулся к жене. «Эх, Шурочка!..» — только и сказал, глядя на неё, как на капризного ребёнка.

Прощались, плакали, причитали, бежали вслед за гремящей по камням телегой. А у Саньки в голове всё стучало:

«Эх, Шурочка!..»

...Трудные настали времена. Шура работала на ферме. Тяжело, но с детства привыкшая к работе, она справлялась. Душа её болела лишь о том, чтобы вернулся муж. Вернулся, а уж она всё сделает, чтоб он её простил. И гармонь она купит. Самую лучшую, с перламутром и яркими ситцевыми мехами.

И ведь купила же! Вернее выменяла на три ведра картошки. Почти новая, она светила зелёными боками, улыбалась белыми и чёрными кнопочками, светилась медными заклёпочками на уголках.

Стали они вместе с гармошкой ждать своего хозяина. Ждать под пение вьюги и под перезвон капели, ждать от письма до письма, ждать под горькие взгляды вдов в чёрных платках. Она твёрдо знала, что Гена вернётся. Сама верила и Бога о том же молила.

И случилось ведь! Как-то по осени, к вечеру уж, стукнула сначала калитка, затем дверь в избу, будто приветствуя, скрипнула, и вошёл солдат в длинной шинели. Саня Галочку укладывала...

«Геня!!! Родненький!..»

Рванулась к нему, а в голове вдруг: «Эх, Шурочка!..» из «сорок первого»... Тогда она метнулась к столику, на котором стояла гармонь. Сдёрнула цветастый платок, повинулась:

«Геня, смотри!»

С улыбкой, хоть и сквозь слёзы, глянула на мужа.

А тот и одобрил:

«Славная гармошка!»

И руку к жене протянул. Левую...

Тут только Шура увидела, что правый рукав шинели мужчиной так и остался заправленным за ремень. Припала к плечу родному и горько заплакала. Вот ведь как Господь Бог рассудил.

Обнял Генка жену: не горюй, мол, Шурочка! Выдюжим!..

...А на гармошке той потом бабе Шуре внук Васька играл. И глаза у него были такие же серые да ласковые, как у деда.

Литературные юбилеи

К 130-летию Николая Гумилева

Григорий Блехман

Родился 11 августа 1945 года на Кубани в казачьей станице Бесскорбная, где жил в течение 10-ти лет. В 1955-м году отца перевели на работу в Москву, и с ним переехала вся семья. С тех пор здесь и живёт.

Автор шести сборников — стихотворений, прозы и очерков, вышедших в издательстве «Российский писатель».

Член Союза писателей России, лауреат Всероссийской литературной премии им. Н. Гумилёва и премии МГО СПР «Лучшая книга 2012-2014» в номинации «Эссе» за книгу «Когда строку диктует чувство»

«Я моряк, поэт и воин...»

15 апреля в России и за её пределами будут много говорить о нашем соотечественнике, который родился в этот день 130 лет назад — в уже очень далёком 1886 году. Конечно, о нём говорят и пишут не только в этот день. И происходит это не только потому, что он — выдающийся поэт, но и потому, что его ПОСТУПОК в тоже далёком теперь 1921 году сделал имя этого человека символом. Пожить ему дали всего тридцать пять лет. Но вопреки тем, кто приложил руку, чтобы его уничтожить, он остаётся. Остался в душе тех, кто любил его при жизни. А они сохранили его нам. И мы постараемся продолжить ими начатую цепочку.

* * *

Роковой для него 1921-й год не предвещал ничего дурного. Выходит его очередной сборник под названием «Шатёр», где много стихов о таком милом его сердцу — о путешествиях: «Красное море», «Египет», «Сахара»,

«Суэцкий канал», «Судан», «Абиссиния», «Мадагаскар»... Будто ищет он после очередной голодной, холодной и во всех отношениях трудной и абсурдной петроградской зимы, где бы согреться. И находит там — в воспоминаниях о давно уже полюбившейся Африке:

...Сердце Африки пенья полно и пыланья,
И я знаю, что, если мы видим порой
Сны, которым найти не умеем названья,
Это ветер приносит их, Африка, твой!

Он ещё не знает, *что* принесёт ему август — последний месяц его жизни.

В среду 3 августа поэт вернулся домой около 2-х часов ночи. Он провёл этот — последний для него вечер на воле — в кружке влюблённой в него поэтической молодёжи. После своей лекции слушал, как всегда, чтение новых стихов подопечных и вместе с ними подробно разбирал каждую интересную или неудачную строчку.

Когда всё закончилось, несколько барышень и молодых людей пошли его проводить. У подъезда Дома искусств, где в эти трудные годы жил поэт, его ждал автомобиль. Никто внимания на это не обратил — был НЭП, и автомобили перестали быть, как в недавние времена «военного коммунизма», одновременно и диковинкой, и страшилищем. У дверей Дома долго прощались, шутили и улаивались «на завтра».

Но люди в стоявшем у подъезда автомобиле приехали с ордером Чека на обыск и арест. Они ждали поэта в его квартире. К тому времени уже арестовали известного профессора Владимира Николаевича Таганцева, который был объявлен организатором Боевой Петроградской контрреволюционной группы заговорщиков. Среди них фигурировала и фамилия Гумилёва.

Даже и тогда в это мало кто верил, что позже полностью подтвердилось. Но видно *не вписывался такой тип человека в систему новой власти со своим понятием чести*. Хотя от политики он был далёк:

Какая смертная тоска
 Нам приходится и ждать напрасно.
 А если я попал в Чека?
 Вы знаете, что я не красный!
 Нам приходится и ждать напрасно,
 Пожалуй, силы больше нет.
 Вы знаете, что я не красный,
 Но и не белый — я поэт!
 Пожалуй, силы больше нет
 Читать стихи, писать доклады.
 Но и не белый я поэт.
 Мы все политике не рады.
 Писать стихи, читать доклады,
 Рассматривать частицу «как»...
 Путь к славе медленный, но верный:
 Моя трибуна — Зодиак!
 Высоко над земною скверной
 Путь к славе медленный, но верный.
 Но жизнь людская так легка!
 Высоко над земною скверной...
 Такая смертная тоска!

Конечно, его «трибуной» был «Зодиак». И *«рассматривать частицу «как» ему было значительно интересней, чем заниматься какими-либо политическими суждениями*. Об этом знали все. Но, видимо, слишком «инородным телом» стал поэт для тех, кто находился у руля нового государства, и кого-то он явно и сильно раздражал.

Он мог отречься от своих «монархических» взглядов, от товарищей, в чьём заговоре, как уже сказано, не участвовал, — на следствии такое предложение ему было сделано. Но посчитал, во-первых, ниже своего достоинства в чём-то оправдываться и, во-вторых, сказал, что *офицеру, единожды давшему присягу монарху, пойти на такое — позор*. Хотя и понимал, чем ему это грозит.

Так бывает редко, когда Богом данный уровень дарования Художника, совпадает с уровнем его личности. У Николая Гумилёва это совпало. А наш самый беспристрастный судья — время — определил для его имени бессмертие.

Поэтому мы — уже далёкие его потомки — говорим о нём как о современнике.

Говорим о его многогранном даровании, проявившемся не только в поэзии, но и в научных открытиях. Он подарил людям свою яркую игру воображения. Вместе с ним можно водить караваны, смотреть на древнее высокое небо, на звёзды с их причудливым порядком, строить на суровых утёсах золотоглавые храмы, подниматься под самый купол, где мыслит только о прекрасном и вечном упрямый Зодчий...

И ещё помним о том, *как и за что* этот человек заплатил собственной жизнью, оставшись в памяти современников и потомков не только великим Поэтом, но и Гражданином с большой буквы.

* * *

Первым и наиболее тщательным биографом поэта, на материалах которого построены публикации о Гумилёве почти всех остальных авторов, был Павел Николаевич Лукницкий.

Сохранился редкий автограф Ахматовой — надпись на фотографии Гумилёва: «Павлу Николаевичу Лукницкому на память о Н. Гумилёве». Надпись сделана 27 декабря 1924 года — в ту пору, когда студент Петроградского университета, начинающий поэт Павел Лукницкий, заканчивая кур-

совую работу по творчеству своего кумира Николая Гумилёва, пришёл с собранными материалами к Анне Ахматовой. С этого началась их дружба и совместный труд о поэте.

В течение пяти с половиной лет Лукницкий постоянно углублял и расширял свой труд, находя новые факты и очевидцев. Тогда же он собрал все поэтические сборники *всех* изданий поэта — прозу, пьесы, переводы — практически всё, вышедшее в периодической печати, а также, литературоведческие работы поэта и о нём, его рукописи и рисунки.

Таким образом, университетская работа переросла в рукописный двухтомник «Труды и дни» — свод сухих, конкретных фактов — хронологическую канву жизни и творчества Николая Гумилёва.

Обратим внимание на то, что ещё в течение нескольких лет после расстрела поэта органами НКВД, его имя не было в запрете. И эта «оплошность властей» позволила иметь те материалы, которые собрал и сохранил Лукницкий, потом и его семья, за что им всем останется вечная благодарность не только от соотечественников, но и всего читающего мира.

* * *

Строчка же, какой озаглавлен этот очерк, взята из стихотворения, которое считается его последним, написанным во внутренней тюрьме НКВД на Шпалерной. И неизвестно, каким образом попавшим на волю. Оно впервые опубликовано на западе в 1970 году издателем и славистом Никитой Алексеевичем Струве:

В час вечерний, в час заката
Каравеллою крылатой
Проплывает Петроград,

И горит над рдяным диском
Ангел твой на обелиске,
Словно солнца младший брат.

Я не трушу, я спокоен,
Я моряк, поэт и воин,
Не поддамся палачу.

Пусть клеймят клеймом позорным,
Знаю — сгустком крови чёрной
За свободу я плачу.

За стихи и за отвагу,
За сонеты и за шпагу,
Знаю, строгий город мой,

В час вечерний, в час заката
Каравеллою крылатой
Отвезёт меня домой.

Как мы знаем, домой его не отвезли, и до сих пор неизвестно точное место, куда «отвезли».

Эта строчка — «я моряк, поэт и воин» — заслуживает того, чтобы на ней немножко задержаться. Дело в том, что *именно так* поэт ощущал себя на этой земле — *именно в такой последовательности*. Хотя, на первый взгляд, слова «моряк» и «поэт» напрашивается поменять *местами* — моряком он в полном смысле этого слова не был, а лишь любил морские путешествия и особенно приключения. Но любил *так*, что, видимо, имел внутренние основания чувствовать себя моряком.

Мечта о морском путешествии сбывается у него в 1907 году. В это время он был в Париже. Поступив в Сорбонну, Гумилёв экономит деньги, которые родители присылают ему на обучение, и отправляется в Африку.

Потом с восторгом рассказывает обо всём увиденном и испытанном: как ночевал в трюме парохода с пилигримами, как разделял их скудную трапезу, как был арестован в Трувиле за попытку пробраться на пароход «зайцем», что увидел, узнал и почувствовал на этом экзотическом для него континенте. И хотя денег на всё задуманное не хватило, но мечта детства сбылась. То, что когда-то,

ребёнком и отроком, начитавшись, видел во сне, оказалось доступным. И какое потрясение от увиденного, сколько романтики! И не только на том материке, но и в пути — в море...

Среди написанного им об этом путешествии будет и стихотворение «Жираф» — одно из лучших произведений мировой поэзии:

Сегодня, я вижу, особенно грустен твой взгляд
И руки особенно тонки, колени обняв.
Послушай: далёко, далёко, на озере Чад
Изысканный бродит Жираф.

Ему грациозная стройность и нега дана,
И шкуру его украшает волшебный узор,
С которым равняться осмелится только луна,
Дробясь и качаясь на глади широких озёр.

Вдали он подобен цветным парусам корабля,
И бег его плавен, как радостный птичий полёт.
Я знаю, что много чудесного видит земля,
Когда на закате он прячется в мраморный грот.

Я знаю весёлые сказки таинственных стран
Про чёрную деву, про страсть молодого вождя,
Но ты слишком долго вдыхала тяжёлый туман,
Ты верить не хочешь во что-нибудь, кроме дождя.

И как я тебе расскажу про тропический сад,
Про стройные пальмы, про запах немислимых трав...
Ты плачешь? Послушай...далёко, на озере Чад
Изысканный бродит жираф.

От родителей путешествие скрывалось: отец изначально был против и сказал, что ни денег, ни благословения на это — по тем временам «экстравагантное путешествие» — не даст. Поэтому узнают они о той поездке лишь много позже, так как он заранее написал им письма, и друзья аккуратно в течение шести недель, что он отсутствовал, отправляли их каждые десять дней из Парижа...

Следует заметить, что трагический и в то же время высокий финал его жизни долгое время доминировал — да и сейчас такое нередко случается — в восприятии образа этого поэта-воина. А между тем в его жизни происходили и довольно забавные эпизоды. Вот одно воспоминание Анны Ахматовой. В 1910 году они — молодожёны — и едут в Париж. Павел Лукницкий вспоминает её рассказ так: *«Разговор перекинулся на тему чопорности и торжественности Николая Степановича. Анна Андреевна утверждает, что он был не таким на самом деле...до замужества она, пожалуй, тоже так думала..., но была приятно удивлена, когда увидела его необычайную простоту (его «детскость» — П.Л.), его любовь к самым непринуждённым играм; А.А., улыгнувшись, вспомнила такой случай. Однажды в 1910 году в Париже она увидела бегущую за кем-то толпу и в ней — Н.С. Когда спросила, зачем он бежал, он ответил, что ему было по пути и так — скорее, поэтому и побежал вместе... И добавила: «Вы понимаете, что такой образ Н.С., бегущего за толпой ради развлечения, немножко не согласуется с представлением о монокле, о цилиндре и о чопорности, — с тем образом, какой остался в памяти мало знавших его людей...».*

Ну, а каким храбрым был он воином, знали в ту пору все. Недаром — кавалер двух высших тогда наград — Георгиевских крестов.

Но мало кто знает, как он попал на фронт. Поэт был свободен от воинской обязанности из-за болезни глаз. Но, когда началась война, стал активно хлопотать о зачислении в добровольцы. И ему удалось получить разрешение стрелять с левого плеча, после чего он стал «охотником» (так называли тогда добровольцев), получив право выбора войск. Предпочёл кавалерию. Был назначен в кавалерийский полк. И когда проходили учебный курс военной службы, активно (за отдельную плату!) обучался владеть шашкой... А на войне вёл подробнейший дневник военных действий своего под-

разделения — маршевого эскадрона лейб-гвардии уланского Её Величества полка, который сразу был направлен на передовую, к границе с Восточной Пруссией. Об этом у него есть такие строчки:

Та страна, что могла быть раем,
Стала логовищем огня,
Мы четвёртый день наступаем,
Мы не ели четыре дня...

И довольно скоро он отличится храбростью, после чего приказом по гвардейскому кавалерийскому корпусу будет награждён первым Георгиевским крестом (4-й степени), а в декабре 1915 года и вторым (уже 3-й степени). О таких боевых наградах в царской армии мечтали даже профессиональные военные.

* * *

И вряд ли кто-нибудь из соратников этого храброго офицера мог знать или вообразить, что рос он маленьким, худеньким и до десятилетнего возраста был очень слаб здоровьем. И что стал он таким, каким стал, *во многом благодаря маме.*

Его мама Анна Ивановна — сестра знаменитого царского адмирала Льва Ивановича Львова — ценила только один метод воспитания — доброту. А в образовании главным и необходимым — развивать вкус. Она стояла на том, что **сущность каждого человека определяется и выражается его вкусом.** Поэтому — развивать вкус в ребёнке — то же, что формировать его характер. И во многом её заслуга, что характер у этого болезненного мальчика развивался спокойный, мягкий. Он терпеливо переносил все неприятности, связанные с его слабым здоровьем, был тихим и редко плакал. И, наверное, поэтому много позже он скажет, что ничто так не помогает писать ему стихи, как воспоминания детства:

«Когда я нахожусь в особенно творческом состоянии..., я живу будто двойной жизнью, наполовину здесь, в сегодняшнем дне, наполовину там, в прошлом, в детстве. В особенности ночью.

Во сне... я постоянно вижу себя ребёнком. И утром, в те короткие таинственные минуты между своим пробуждением, когда сознание плавает в каком-то сиянии, я чувствую, что сейчас, сейчас в моих ушах зазвучат строки новых стихов...

*Хорошо тоже вспоминать своё детство вслух. Меня очень баловали в детстве — больше, чем моего старшего брата. Он был здоровый, красивый, обыкновенный мальчик, а я — слабый и хворый. Ну, конечно, моя мать жила в вечном страхе за меня и любила меня фанатически. И я любил её больше всего на свете. Я всячески старался ей угодить. **Я хотел, чтобы она гордилась мной...**».*

Последняя фраза заслуживает особого внимания, потому что гордиться им будет не только мать, но и люди вообще. В какой бы стране о нём не узнавали. Потому что, когда выпадет ему жребий совершить ПОСТУПОК, он его совершит. Чем украсит понятие ЧЕЛОВЕК. И своим примером лишней раз напомнит, каким ВЫСОКИМ может быть это понятие.

А пока до ПОСТУПКА ещё далеко, и он любит говорить о том, что маленьким был очень счастлив, и... *«какой великий дар судьбы — счастливое детство».* Он уверен, что **«все нравственные представления взрослой жизни — из детства».** Он очень любил вспоминать, свои разговоры с матерью... *«Её мало трогали какие-нибудь гимназические неуспехи... Она хотела, чтобы он понял одну важную мысль — наука много сделала для человечества, но жалка та наука, которая захотела бы заменить собой святость веры»* — эти слова приводит Павел Николаевич Лукницкий, о котором уже шла речь.

Кстати, Павел Лукницкий, как и его кумир, тоже — поэт, писатель и путешественник, воин и первооткрыватель неведомых земель. О нём рассказала его жена Вера в той же книге «Николай ГУМИЛЁВ — жизнь поэта по материалам домашнего архива семьи Лукницких», Лениздат, 1990г — 301с.

Из записей Павла Николаевича мы узнаём о том, что, скорее всего, разговорами с матерью навеяны слова Гумилёва в его дневнике: *«Разве божество не говорит также и нашему уму в каждой звезде, в каждой былинке, если мы только откроем свои глаза и свою душу? Наше почитание не имеет теперь такого характера, но не считается разве до сих пор особым даром, признаком того, что мы называем «поэтической натурой», способность видеть в каждом предмете его бо-*

жественную красоту, увидеть, насколько каждый предмет представляет око, через которое мы можем смотреть, заглянуть в самую бесконечность?»

Он нередко размышляет о Художнике в широком смысле этого слова, да и вообще о человеке, поскольку в каждом, по его мнению, есть Художник, но лишь единицы реализуют себя *так* не только для себя, а и для других. И, ещё: *«Человека, способного всюду подмечать то, что заслуживает любви, мы называем поэтом, художником. И разве не чувствует каждый человек, как он сам становится выше, воздавая должное уважение тому, что действительно выше его?»*

— Теперь, зная эти слова, можно ли хоть на миг представить его рядом с теми, кто посчитал, что «человек — царь природы». И разве могли они оставить его рядом с собой. Будто он это предчувствовал:

...Пуля, им отлитая, отыщет
Грудь мою, она пришла за мной.

Упаду, смертельно затоскую,
Прошлое увижу наяву,
Кровь ключом захлещет на сухую,
Пыльную и мятую траву.

И Господь воздаст мне полной мерой
За недолгий мой и горький век.
Это сделал в блузе светло-серой
Невысокий старый человек.

Конечно, мнение о том, что Художник имеет дар предвидения, очень распространённое. Но, чтобы до такой степени предвидеть — *как* это будет и *кто* это сделает!...

Однако вернёмся в его детство и узнаем об увлечениях ребёнка и отрока. Он любил читать и имел изрядную коллекцию оловянных солдатиков, которыми в гимназии увлёк своих сверстников. Мальчики устраивали сражения, где каждый гимназист выставлял целую армию.

А вот к занятиям будущий поэт относится равнодушно — спокойно.

В ту пору его энергия направлена в другое русло. Наш герой организовал «тайное общество», где играл роль Браны-Тамы. И с этого момента в здании гимназии, в людской, в заброшенном леднике, в пустом подвале — везде, где только могут, устраивают юные члены «общества» собрания. Причём, обязательно при свечах и, конечно же, в конспиративной обстановке. Эти «конспираторы» обожают придумывать и искать, где только могут, тайные ходы. Каждый старается что-то рассказать о подземельях, заговорах, интригах. Они выстукивают в домах стены, лазят по подвалам и чердакам, ищут клады. Конечно, разочаровываются, поскольку не находят. Но печалются недолго и снова увлекаются тем же.

Немудрено, что мальчик организует и играет именно в такие игры. В это время он прочёл всё, что было дома и у друзей, и родителям пришлось договариваться со знакомым букинистом. А любимые его писатели той поры: Майн Рид, Жюль Верн, Фенимор Купер, Гюстав Эмар. И комната загроможена картонными латами, оружием, шлемами и другими доспехами.

Но всё же на первом месте книги. Именно оттуда растёт его любовь к животным. Некоторые из них: попугаи, собаки, тритоны... — постоянные обитатели в доме Гумилёвых. И ещё он обожает говорить об Испании, Китае, Индии, Африке. Тут, конечно, не только заслуга книг, но и рассказы отца — морского врача Степана Яковлевича и дяди — знаменитого адмирала, о котором уже шла речь.

* * *

И вот во многом под влиянием военных историй дяди и случаев из дальних плаваний по морям-океанам, услышанных от отца, мальчик начинает писать стихи и прозу.

Но «проба пера» была ещё раньше. Опять же из записей Павла Николаевича мы знаем, что первой книжкой, самостоятельно прочитанной будущим поэтом, — а выучился он читать шести лет — были сказки Андерсена, и что он хранил эту книгу, любил её перечитывать уже, будучи знаменитым и любимым.

И оттуда — из этих воспоминаний о детстве в его сборнике «Колчан» такие строчки:

Цветы, что я рвал ребёнком,
В зелёном драконьем болоте,
Живые, на стебле тонком,
О, где вы теперь цветёте?

Те книги и рассказы взрослых, что сопровождали его с детства, конечно же, были основой и первых стихотворных опытов мальчика. Об одном из них Павлу Николаевичу рассказала Анна Ахматова и привела отрывок стихотворения шестилетнего Коли Гумилёва:

Живала Ниагара
Близ озера Дели,
Любовью к Ниагаре
Вожди все летели...

По её словам в это время он сочинял и басни. Но ещё не умел записывать. Это делали взрослые.

А дальше мы узнаём, что, когда мальчику было около пяти лет, родители купили загородную усадьбу. По тем временам небольшую: два дома, флигель, пруд и парк, обрамлённый хвойным лесом. И с наступлением лета, да и в зимние каникулы, когда мальчики стали гимназистами, жили там. Здесь просторно. И игры в «солдатики» сменяются «живыми» играми — в индейцев, пиратов, ковбоев.

Сначала ему выпадает роль Нэна-Саиба — героя восстания сипаев в Индии. Игра настолько захватывает, что и после окончания «предводитель» требует, чтобы его так называли. Потом он стал Надодом Красноглазым — героем одного из романов Буссенара. Тому по чину полагалось быть кровожадным. Но это у него не получалось. И вот как-то мальчишки наловили карасей и собрались их жарить. Тут-то в возмездие за то, что он постоянно выбирал себе роль героя, один из них потребовал, чтобы «Надод» подтвердил свою кровожадность и откусил живому карасю голову. Ничего не оставалось делать, и «герой» мужественно справился с задачей. После чего, правда, от этой роли отказался.

Может быть, здесь и в это время отчётливо проявилось в нём главное. Уже тогда все отмечали, что при всей своей милой наивности и бесконечной доброте, он вспыльчив и самолюбив. А из его дневника видно, что он и сам это понимает: *«Я мучился и злился, когда брат перегонял меня в бегах или лучше меня лазил по деревьям. Я хотел всё делать лучше других, всегда быть первым. Во всём. Мне это, при моей слабости, было нелегко. И всё-таки я ухитрялся забираться на самую верхушку ели, на это ни брат, ни дворовые мальчики не решались. Я был очень смелый. Смелость заменяла мне силу и ловкость. Но учился я скверно. Почему-то не помещал своего самолюбия в ученье. Я даже удивляюсь, как мне удалось кончить гимназию. Я ничего не смыслю в математике. И горжусь этим. Своими недостатками следует гордиться. Это их превращает в достоинства...»*.

А ведь это размышления очень юного человека, у которого в дневнике дальше: *«...Человеку необходимо быть храбрым, он должен идти вперёд и оправдать себя как человека. Он настолько лишь человек, насколько побеждает свой страх...»*.

И теперь, когда мы уже столько узнали о нём — ребёнке и подростке, начинаем понимать, почему он взрослым так написал о своём детстве:

Я ребёнком любил большие,
Мёдом пахнущие луга,
Перелески, травы сухие
И меж трав бычачьи рога.

Каждый пыльный куст придорожный
Мне кричал: «Я шучу с тобой,
Обойди меня осторожно
И узнаешь, кто я такой!»

Только дикий ветер осенний,
Прошумев, прекращал игру
Сердце билось ещё блаженней,
И я верил, что я умру.

Не один — с моими друзьями,
С мать-и-мачехой, с лопухом,
И за дальними небесами
Догадаюсь, вдруг, обо всём.

Я за то и люблю затеи
Грозовых военных забав,
Что людская кровь не святее
Изумрудного сока трав.

Конечно, чтобы понять две последних строчки, потребуется вспомнить, что такое акмеизм. И что именно Гумилёв вместе с Сергеем Городецким основали такое направление или течение, суть философии которого в том, что любое существо или явление, созданное природой для земной жизни — божественно. Отсюда и строчки:

Да, я знаю, я вам не пара,
Я пришёл из другой страны,
И мне нравится не гитара,
А дикарский напев зурны.

Не по залам и по салонам
Тёмным платьям и пиджакам —
Я читаю стихи драконам,
Водопадам и облакам...

И умру я не на постели,
При нотариусе и враче,
А в какой-нибудь дикой щели,
Утонувшей в густом плюще...

Правда, следует заметить: хоть он и является одним из основателей акмеизма, со временем его читатели лишний раз убедятся в том, что любой крупный поэт выходит за рамки любого, даже созданного им направления.

* * *

Сейчас, как мы уже отметили, о поэте известно немало: и о его многогранных дарованиях, и о благородных поступках, о путешествиях пилигримом, об увлечениях и романах. И, конечно, о храбрости и мужестве. Поэтому теперь, когда читаешь его «Память», будто проживаешь с ним и его жизнь.

...Память, ты рукою великанши
Жизнь ведёшь, как под уздцы коня,
Ты расскажешь мне о тех, кто раньше
В этом теле жили до меня...

Я люблю избранника свободы,
Мореплователя и стрелка.
Ах, ему так звонко пели воды
И завидовали облака...

Знал он муки голода и жажды,
Сон тревожный, бесконечный путь,
Но святой Георгий тронул дважды
Пулями нетронутую грудь.

Я — угрюмый и упрямый зодчий
Храма, восстающего во мгле.
Я возревновал о славе Отчей,
Как на небесах, и на земле.

Сердце будет пламенем палимо
Вплоть до дня, когда взойдут, ясны,
Стены Нового Иерусалима
На полях моей родной страны.

И тогда повеет ветер странный —
И прольётся с неба страшный свет:
Это Млечный Путь расцвёл неожиданно
Садам ослепительных планет.

*Предо мной предстанет, мне неведом,
Путник, скрыв лицо; но всё пойму,
Видя льва, стремящегося следом,
И орла, летящего к нему.*

*Крикну я... Но разве кто поможет,
Чтоб душа моя не умерла?
Только змеи сбрасывают кожу,
Мы меняем души и тела.*

И хотя никто ему не помог, очевидно, что душа его не умерла. Потому что время не погасило к нему интерес. И потребность в нём людей с той трагической ночи на 27 августа 1921 года не убывает, как и до неё.

* * *

При этом мало кто обращает должное внимание на одно обстоятельство: его всемирно известный ПОСТУПОК — ПОСТУПОК ЧЕСТИ и ДОСТОИНСТВА — берёт истоки из детства. Из воспитания мамы — из уверенности её в том, что сущность каждого человека *определяется и выражается его вкусом*.

И хотя все знают, *какой вкус* она сумела привить и развить в сыне, отчего он и стал «одним из лучших людей того, да и всякого времени», мало от кого об этом слышишь. Как и о том, что он с детства хотел, чтобы мама им гордилась.

Хотя, воспитывая его ребёнком, Анна Ивановна **не могла и помыслить, во что превратится та страна, где родился и вырос её сын**. И чем обернётся для него привитый ею безупречный в своём благородстве вкус.

Он ушёл в бессмертие в 35, ответив сам себе на вопрос, который прозвучал у него — ещё девятнадцатилетнего в стихотворении «Credo»:

Откуда я пришёл, не знаю...
Не знаю я, куда уйду,
Когда победно отблистаю
В моём сверкающем саду...

Он чувствовал то, что выразил в своём «Слове»:

*...Но забыли мы, что осиянно
Только слово среди земных тревог,
И в Евангелии от Иоанна
Сказано, что слово — это Бог...*

Мы ему поставили пределом
Скудные пределы естества,
И, как пчёлы в улье опустелом,
Дурно пахнут мёртвые слова.

Хотя он сам и НЕ ЗАБЫЛ. Да и никогда не входил в эти «скудные пределы».

Он жил другим, постоянно задавая и отвечая себе на свои же вопросы, подобные тем, что в его «Молитве»:

Рощи пальм и заросли алоэ,
Серебристо-матовый ручей,
Небо бесконечно голубое,
Небо, золотое от лучей.

И чего ещё ты хочешь, сердце?
Разве счастье — сказка или ложь?
Для чего ж соблазнам иноверца
Ты себя покорно отдаёшь?

Разве снова хочешь ты отравы,
Хочешь биться в огненном бреду,
Разве ты не властно жить, как травы
В этом упоительном саду?

Загадки внутреннего мира занимали его много больше, чем внешние изменения, происходившие вокруг него. От того и вопрос к себе (и не только к себе) именно после первого четверостишья:

...И чего ещё ты хочешь, сердце?

* * *

Все, кто знал поэта, отмечали молодость его души, несмотря на пережитое в войну и трудности послевоенного быта. Впрочем, он их мало замечал. Видимо, действительно остался родом из того детства, о котором мы говорили и которое так отчётливо его сформировало.

Может быть, поэтому, несмотря на высокий и трагический финал его жизни, и современники поэта, и нынешние почитатели воспринимают этого человека, как *романтика, не утратившего порывов детства и юности*. Человека, который мог написать о себе так:

Сады моей души всегда узорны,
В них ветры так свежи и тиховейны,
В них золотой песок и мрамор чёрный,
Глубокие, прозрачные бассейны.

Растенья в них, как сны, необычайны,
Как воды утром розовеют,
И — кто поймёт намёк старинной тайны? —
В них девушка в венке великой жрицы...

Я не смотрю на мир бегущих линий,
Мои мечты лишь вечному покорны.
Пускай сирокко бесится в пустыне,
Сады моей души всегда узорны.

Как знать, может, это его и поддерживало в последние дни того рокового августа 1921 года.

А ещё он взял с собой в тюрьму Евангелие и Гомера, и из тюрьмы писал жене ободряющие письма.

Ну, а главным в те дни, скорее всего, была мысль, к которой пришёл совсем юным — вспомним запись из его детского дневника о том, что человек **«настолько человек, насколько побеждает свой страх»**.

Он победил. Да так, что остался в вечности, и особый смысл приобрели слова, сказанные им некогда как предчувствие:

...И Господь воздаст мне в полной мере
За недолгий мой и горький век...

Предчувствие поэта не обмануло.

Берега культуры и искусства

Литературная запись Екатерины Федоровой

«Для нас Ваше имя стояло рядом с именами художников той эпохи...»

**Круглый стол, заключающий Выставку «Прорыв»,
Музей театрального искусства имени А.А. Бахрушина, 16.02.2016**

Ведущие: Н.Д. Лобанов-Ростовский (автор замысла выставки и владелец коллекции, переданной России и составляющей значительную часть выставки);

С.Г. Джафарова (куратор выставки, создатель визуальной концепции в музее Бахрушина).

Плакат выставки прорыв

Петр Баранов. Как и когда начался Ваш интерес к живописи?

Начало коллекционирования

Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский. Я родился в братской Болгарии, в Софии, где не было музея. В детстве я не видел помещения, где бы висели картины на стенах. Когда я приехал в Лондон, в январе 1954 года меня привели на выставку, подобную той, которую мы обсуждаем. Там были выставлены работы художников, работавших с Дягилевым. Их было 42, из которых двадцать два было русских. И последние доминировали. Что это значит? — Они были лучше по качеству и ярче остальных. По крайней мере, это было моей иллюзией. Несмотря на то, что я не имел опыта и не был знаком с живописью, я загорелся. Иными словами, я влюбился в эту живопись. В отличие от человеческих отношений, где для их «возгорания» необходимы феромоны, в этой влюбленности главной составляющей является интеллектуальное и эмоциональное притяжение к той красочности, лубочности, которая была у художников «дягилевского окружения».

Идея выставки

Нина Викторовна Геташвили, историк искусства, профессор Российской академии живописи, ваяния и зодчества, доцент РГГУ. Во-первых, когда пришла замечательная идея этой выставки? Ведь со времени 80-х мы внимательно следили за экспозициями с участием коллекции Никиты Дмитриевича. Для нас Ваше имя стояло рядом с именами художников той эпохи. Давно не было подобной выставки. Мы соскучились по энтузиазму, который ее сопровождает. И второе, чувствую «холод в сердце», когда представляю себе, как было трудно куратору выставки Светлане Георгиевне в тесноте «бахрушинских пространств», как удавалось по-новому интерпретировать периодизацию работ, их структуру?

Н.Д.Л.-Р. То, что Вы сказали, — «манна небесная» для моих ушей. Возможно, я Вас разочарую, но здесь 70 % того, что было моим замыслом.

Нина Викторовна Геташвили. Это мы как раз понимаем.

Н.Д.Л.-Р. И это дает мне возможность открыто просить Вас помочь в осуществлении этой же выставки через год в Петербурге, но в полном объеме, так, как я ее первоначально предложил «Бах-

рушину» полтора года тому назад. А почему она не была показана в соответствии с первоначальным замыслом? Замысел трудноподъемный и требует больших интеллектуальных и организационных возможностей. Россия еще мало знает это свое наследие. А что еще хуже, еще не научилась гордиться им.

Если можно было бы получить разрешение музея Бахрушина и Театрального музея Петербурга на новую презентацию их фондов и найти помещение, подобное Манежу в Москве, тогда Вы могли бы увидеть реализацию моего замысла — с помощью куратора выставки Светланы Джафаровой.

Концепция

Светлана Георгиевна Джафарова. Спасибо за теплые слова. Во-первых, существовала концепция Никиты Дмитриевича, включавшая 450 работ из его коллекции, и с ней надо было как-то обойтись в этих стенах. Из этих четырехсот произведений музей нам выдал 140. Наталья Юрьевна Катанова, заместитель директора по науке в музее, будучи знакомой с концепцией, раздумывала над ее реализацией, сомневалась в ее реальности так же, как я. Ведь по мысли Лобанова-Ростовского каждая работа, или группа работ, должна была отвечать за определенное направление в живописи. Главной же его идеей являлось влияние станковой живописи, то есть «большого стиля», на театр, и отражение станковой живописи в декорационных работах. Кроме того, Никита Дмитриевич включил в свой список и работы, принадлежащие ныне Нине Лобановой-Ростовской и оказавшиеся у нее дома. Вот эти работы тоже музей не мог нам выдать. А еще многие работы были уже розданы «напрокат» на другие выставки.

Например, нам были важны эскизы костюмов к фильму «Аэлита» 1924 года, созданные Александрой Экстер, поскольку конструктивизм в России заканчивается именно на творчестве Экстер. Мы представили эскизы костюмов, но — «по остаточному принципу», поскольку основная коллекция работ Экстер из коллекции Никиты Дмитриевича — ныне на выставке в Нидерландах. Или нам нужны были бы попавшие на другую выставку работы Сони Делоне, создателя стиля симультанизм, нужны для того, чтобы показать увеличение спектра влияний на демонстрируемые работы.

Позже Елена Игоревна Грушвицкая, хранитель фонда Лобановых-Ростовских в Санкт-Петербургском музее театрального и музыкального искусства, добавила из нее для выставки еще 50 работ. Затем, по моей просьбе, музей дал некоторые знаковые вещи: «Победу над солнцем» Малевича, неизвестные вещи Иосифа Школьника. Если бы мы взяли другую работу Школьника, в имеющихся конкретных интерьерах она своей яркостью сделала бы незаметными другие вещи вокруг. Что-то из коллекции и музейных вещей нам не выдали по состоянию сохранности. Помимо того, наша выставка совпала с выставкой Авангарда в Мексике, забравшей 120 работ «первого ряда» из коллекции Бахрушинского музея, а из Петербургского музея — 30 необходимых для экспозиции вещей. Так что действовали многие факторы, не позволившие точно развернуться и идеально соответствовать концепции Никиты Дмитриевича. Вот, например, ждешь «Город Леденец» Врубеля, а получаешь сепию: «Портрет певицы Татьяны Любатович». Она тоже, конечно, прекрасна, но «Город Леденец» дает отклики во всех периодах живописи Серебряного века.

В процессе собирания материала задача выставки была поставлена такая — показать, как менялись стили и как они влияли на театральное искусство. То есть, как через театральное искусство проявлялось время. На воплощение идеи воздействовали также конкретные пространства музея. Например, возможно, работы каких-то художников соответствуют по стилю, но рядом совершенно не смотрятся. Построенную музейную выгородку я рассматривала как отдельный интерьер, с определенной высотой стенами, ширмами, перегородками, цветом стен. Работа Билибина, например, поддерживает соседнюю стенку, где размещена «Любатович» Врубеля в украинском костюме.

Места было мало, но директор музея сказал, что разместить все имеющееся в наличии необходимо. И у меня все время было ощущение сказки про Золушку, где один персонаж пытается всунуть в хрустальный башмачок ногу, которая по размеру гораздо больше туфельки. Но, в конце концов, все уместилось. Выставка сегодня — это пилотный проект концепции. Получилась, на мой взгляд, «аксонометрическая проекция» движений искусства того времени.

Приходится признать, что кое-что еще не нашло себе здесь правильного места, например, украинский авангард хотелось бы видеть в «Красном зале», но он столь мал, что не вместил бы эти работы. Или у Никиты Дмитриевича каких-то работ не было, а без них, казалось, не выкладывается «вся

колода» существующих направлений. Тем не менее, «пробелы» были преодолены. Мы добавляли в сложившееся эстетическое пространство, в частности, Головина, или Егорова. И наконец, картины сами стали раскладываться по стеночкам.

На экспозицию выставки нам было дано три дня и три ночи. Ночью мы вешали, а до одиннадцати вечера компоновали. В нужные оттенки красились стены. В какой-то мере на последнем этапе вещи легли сами, как говорилось. Но если бы у нас была неделя, может быть, они бы легли по-другому. Тем не менее, мне думается, что в экспозиции «читаются» и этапы искусства, и персоналии. Несмотря на то, что в некоторых случаях персоналии разорваны ради эстетического единства интерьера.

Развеска

Развеска у нас в несколько рядов: это совершенно нормально и органично Бахрушинскому музею. Если вы перелистаете старые каталоги и фотографии выставок 10-20-х годов XX века, то увидите такую же развеску. Сами демонстрируемые нами художники именно так же показывали сами себя на Парижской выставке в 1925 году. Например, Степанова нами экспонируется в квадрате 3x3, сама же себя она представляла в эскизах костюмов к «Смерти Тарелкина» в квадрате размером 4x4. Тесно висящие картины — это их манера: художники хотели передать «сгущенную атмосферу творчества» — некий его сконцентрированный «выброс». Так что вынужденная развеска соответствует и идее выставки.

Безусловно, описанная манера развески не соответствует привычкам частной галереи, которая вешает каждую вещь на расстоянии в максимально выгодном положении для того, чтобы ее продать. Это стиль наших старых музеев. Так когда-то развешивались работы в Третьяковской галерее. Мы от этого уже немного отучились. Однако все панорамные выставки — Москва-Париж, Москва-Берлин, «Великая утопия» — располагались подобным же образом, поскольку каждая картина служила иллюстрацией идее, событию и пр. И на нашей выставке работы тоже представляют не только самих себя, но, в том числе, и себя как иллюстрацию художественного направления. Для последней цели такая тесная развеска целесообразна. Вот персоналия Рериха: одна работа из коллекции Никиты Дмитриевича «Князь Игорь» — а мы поддержали ее эскизами к «Пер Гюнту». И вот уже складывается представление о «театральном» Рерихе для того зрителя, который о нем мог и ничего не знать. То есть мы добивались некой полноты восприятия.

На такого рода выставку необходимо возвращаться, поскольку с первого раза ее не «прочитаешь»: плакаты, архитектура, скульптура, разного рода изобразительные средства заставляют вникать постепенно. Большим подспорьем послужили покрашенные в нужные цвета стены, специально созданные выгородки — здесь проявился большой административный потенциал музея. В серенких стенах выстроить правильную картину движения направлений в искусстве было бы невозможно. Кроме того, силами музея все было сделано чрезвычайно быстро, дружной командой, высчитавшей пространства, углы и простенки до миллиметра, работавшей почти по-западному организованно. Моментально «одели» картины: нарезали паспарту, нашли подходящие рамочки, конечно, не такие роскошные, как у работ из коллекции Никиты Дмитриевича, но вполне хорошие. Я бесконечно благодарна музею за столь радушный прием выставки.

Название «прорыв»

Год назад директор музея, Дмитрий Викторович Родионов, произнес это название — «Прорыв», определил ее панорамный характер. А «как корабль вы назовете — так корабль и поплывет». Мы и должны были провести корабль через все помещения выставки к «Желтому залу», как к взрыву конструктивизма — подобного художественного события не было в других странах. Ведь дадаизм, развивавшийся параллельно, такого театра не имел. Так что надо было показать всю специфику отечественных открытий, «прорывов» на сцене. У нас не было декораций, которые негде было бы разместить, то есть иных средств театральной выразительности, помимо самой живописи. Осуществив принцип панорамного показа, мы экспонировали то, что многие не знали или не помнили. Хотя весь материал, хранящийся в запасниках, опубликован и изучен, однако «живой глаз» публики его уже не знает. Уникальность нашей затеи в том, что наглядно можно сопоставлять энергию, палитру и живописную силу того или иного художника.

*Никита Лобанов и Светлана Джафарова у входа в зал.
Слева от Лобанова 2 эскиза Шагала, а под ними Кандинский.
Справа, эскизы Татьяны Бруни к балету «Болт».*

*Слева направо:
Лобанов, Джафарова, Наталья Катанова и Георгий Коваленко*

Георгий Федорович Коваленко, искусствовед, действительный член Российской академии художеств. То, что говорила Светлана, это правда. Кроме того, должен добавить, что в этой выставке чувствуется сильная кураторская рука. Несмотря на лакуны, выставка построена так, что вы этого не почувствуете: в ней очень правильно расставлены акценты, дано правильное движение. В ней видна воля, она представлена очень доказательно, в выставке можно проследить движение идей. Раньше в музее было не принято приглашать сильных кураторов. Сегодня традиция изменилась.

Задача музея

Должен добавить. Первая и главная задача музея — работать со своей коллекцией, по-разному показывать ее, варьировать демонстрации, давать различные акценты. Сегодня музей делает замечательные выставки из полученных работ. Но он не должен забывать о главном — о работе со своей собственной коллекцией. Например, то, что первым приходит на ум: представить из фондов музея отдельно «Бубновый валет в театре», «Русский конструктивизм в театре» или сделать выставку одного спектакля — «Принцессы Турандот», скажем, окружив ее всем историко-театральным материалом и живописью Игнатия Нивинского к первой постановке пьесы — такой выставки еще не было. Или представить макет спектакля «Рогоносец» — и все то, что вокруг макета происходило, фотодокументы и прочее. Наконец, публикации такого серьезного музея и должны быть на серьезном, я бы сказал, мировом уровне. Вот, например, издание по следам выставки «Принцесса Турандот». Мы постоянно сталкиваемся с тем, что нет современной литературы о сценографии. Конечно, в музее должен быть отдел каталогов, который бы работал по известным мировым стандартам...

Вот книга уважаемой мной Милицы Николаевны Пожарской «Русское театральное-декорационное искусство конца XIX — начала XX века» 1970 года и «Русские сезоны в Париже. 1908-1929» 1988 года издания. Все мы были с ней дружны, читали ее книги, которые тогда были событием. Однако если сегодня вы возьмете книгу Пожарской, вы не сможете ее читать: там нет ссылок, например, на членов труппы Дягилева, ибо они тогда считались «врагами народа», и прочая. В этом смысле книга совершенно устаревшая. И надо восполнять лакуны. Надо использовать рукописи, хранящиеся в музее (ведь в его архивах много уникальных материалов, которых нигде нет), издавать их, окружив комментариями и всякого рода изобразительными документами. Это путь европейского развития музея.

Эпоха еще не изучена

Я очень доволен этой выставкой. Она внушает надежды, что что-то сдвинулось. Мы видим серьезное искусство, которое еще предстоит исследовать. Прав Никита Дмитриевич, говоривший, что эта сторона художественной эпохи еще не изучена. Например, была выставка в Третьяковской галерее. Театральный раздел ее был представлен непродуманно, потому что не исследован. Меня попросили написать статью по ее тематике, но предложили только шесть страниц. Разве это исследование? Я отказался. Раскручивают-раскручивают, а движения, изыскания нет. Моя статья о балете «Стальной скок» Сергея Прокофьева составила 75 страниц. Была хорошая выставка Натальи Курниковой, посвященная фигуративному модернизму, в ее галерее «Наши художники», но в прекрасном изданном каталоге нет ни слова о театре. У Эльдара Галеева сейчас проходит выставка «Школа Кузьмы Петрова-Водкина», связанная с его учениками. Эта тема огромна. Это весь Петербург. Здесь тема театра есть, хотя это и не было специальной темой выставки.

Находка

Мне повезло, полтора года назад я отправился на Кубу с единственной целью — увидеть 27 работ Экстер, никогда не публиковавшихся, никогда не выставывавшихся. И я их видел. Они никогда не будут выставлены в Гаване, там это не интересно. Они в идеальном состоянии. Привезти эту выставку ничего не стоит — положить листы в папку — никаких транспортных расходов. Нужно вернуть эти работы человечеству.

Я очень благодарен Никите Дмитриевичу за выставку. Вы всегда вызываете надежду, что будет что-то новое.

Н.Д.Л.-Р. Спасибо Вам большое. Стоит поддерживать таких людей, как мы.

Прорыв сегодня?

Сергей Александрович Пинчук, советник Постоянного представительства Республики Крым при Президенте РФ; начальник отдела по связям с политическими, общественными организациями и СМИ. Вопрос риторический. Выставка называется «Прорыв» — русское искусство прорывается в Европу, на определенный период завоевывает ее. Молодой князь Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский начинает собирать произведения этой эпохи, а затем мы видим «бум» среди коллекционеров по отношению к этому искусству. Сейчас тоже переломная эпоха. Возможен ли подобный «прорыв» русского искусства в XXI веке и что будут коллекционировать наши дети и внуки в XXII веке?

Н.Д.Л.-Р. Возможен ли сегодня прорыв, господин Пинчук? Да, конечно, каждая эпоха имеет свои удачные и неудачные прорывы. Мы живем в те времена, когда наши представления обо всем и наши восприятия неизбежно уходят. Двенадцатилетние дети сидят и смотрят в компьютер, получая оттуда нужную им информацию. А какой же прорыв может произойти? Вчера впервые я попал к художнику Павлу Каплевичу. Изумительные живописные работы в контексте компьютерной техники! В этой области я ничего не знаю, может быть, поэтому его работы произвели на меня колоссальное впечатление. Но, несмотря на мои преклонные годы, я понимаю, что это — прорыв, подлинный прорыв. Многим это может и не нравиться, но это достижение. Вот мой субъективный ответ на Ваш вопрос.

С.Г. Джафарова. Вопрос очень интересный, но требующий многих знаний о том, что происходит. У нас в каждой национальной культуре существует хотя бы «две культуры», как говорил еще Ленин. Сегодня осуществляется та ситуация, при которой в информационное поле попадает только одна культура, а, следовательно, только определенное искусство. Нас лишили всесоюзных выставок в Манеже — искусство художников театра и кино ушло из поля зрения граждан. Из маленьких выставок в галереях и музеях невозможно «собрать общую картину», последняя панорамная, как наша, выставка была в 1996 году. Выставки с «узкой темой» позволяют выявить всю ткань искусства, но не менее необходимы и полезны панорамные, которые и искусствоведам проясняют нечто новое, и зрителю дают неожиданные эстетические впечатления.

Мне понравилось это слово «Прорыв», хотя на первый взгляд звучит, быть может, грубовато и ассоциируется с тем, что его часто произносят по телевизору. Но оно емко выражает идею. Названия прежних панорамных выставок всегда носили краткий и содержательный характер, а также имели историческое значение, например, название панорамной выставки «Москва-Париж» в 1970-е годы символизировало тот период, когда мы стремились найти общие корни с Европой. Дмитрий Владимирович Сарабьянов, наш глава кафедры «Истории отечественного искусства» на искусствоведческом отделении исторического факультета МГУ, в те годы читал спецкурс «Русская школа среди европейских школ». Это тогда было и модной, и актуальной идеей. На эту тему писались дипломные работы и диссертации.

Москва-париж

Мысль создания двусторонних выставок принадлежала шведу Понтюсу Хюльтену, который в «Центре Помпиду» устроил выставки: «Париж-Берлин», «Париж-Нью-Йорк», «Париж-Париж» и «Париж-Москва». Выставки составили цикл, так что идея была «закольцована». По поводу Москвы соображения были более широкими — он хотел устроить здесь выставку «Москва-Париж-Берлин», показать общекультурный срез художественной жизни этих столиц. Выставка до сих пор осталась «фигурой умолчания», она не состоялась, распалась, поскольку было две Германии, два Берлина — договориться с Советским Союзом о ее открытии тогда оказалось невозможным. Надеюсь, что когда-то она осуществится.

Великая утопия

Панорамная выставка «Великая утопия» готовилась с 1989 года, а название свое получила весной 1991 года. Название вызывало ощущение, что то, что происходило прежде, в недавнюю со-

ветскую эпоху, оказывается в иной реальности «утопией». Русский авангард тогда воспринимался как часть этой большой утопии, и все соглашались с этим в то время. А сейчас он воспринимается совершенно по-другому и «утопией» никак считаться не может: русский авангард так лег в основу отечественной и мировой культуры, что надо еще поискать искусство, которое столь свободно и удобно вошло бы в историю искусства. Вот идешь по нашей выставке, видишь две роскошные работы Веры Мухиной из коллекции Никиты Дмитриевича — ее энергичные крутящиеся шали ведь принадлежат автору «Рабочего и колхозницы», работы, где формы уже другие, но несущие несколько «натянутый» отпечаток арт-деко. Найденные ею художественные средства органичны в том и другом случае, и вошли «внутри» истории искусства. Иллюстрации детских книжек Лебедева, Конашевича, несомненно, имеющие отпечаток советской эпохи, и на которых мы все воспитывались, тоже идут из предшествующей эпохи, сейчас самоценны и вошли в историю искусства. А также полиграфические приемы, шрифты, к примеру, газеты «Правда», внешний вид и интерьеры советского метро, дизайн автобусов и многие другие атрибуты советского периода возникли не из «неоткуда», а из эпохи Серебряного века. На самом деле, не было в искусстве советского периода полного «вычеркивания» предыдущего периода, а затем художественного начала «с чистого листа». Так что слово «утопия» можно скорее отнести к нам — тогдашним, нам — начала 90-х годов, по ощущению нашего «лузерства», но не к искусству.

А выставка «Москва-Париж-Берлин» в той ее части, которая не реализовалась, оказалась бы выставкой, где друг перед другом встретились два тоталитарных режима, «выставкой-покаянием».

Название «прорыв»

Название «Прорыв» не случайно. Есть потребность в нашем обществе, ему хочется узнать про «прорывные эпохи», когда у нас происходили явления, на которые можно было бы сориентироваться и сегодня. Тот прорыв был на Запад, это была дягилевская идея: русское искусство должно быть показано в Европе. Для осуществления этой идеи он многое сделал. Кроме того, сам театральный художник производит этот прорыв. Театральные постановки были призваны увлекать новизной. Каждая творческая личность, представленная на выставке, была средокрестьем различных тенденций, влияний. Конечно, кто-то был более скромн, кто-то более дерзок в своих притязаниях, но их всех охватывали активные потоки нового искусства.

Таким образом, на этой выставке тесно не от работ, а от идей — если бы мы то же самое пространство заполнили бы спокойными пейзажами, пространство выставки не казалось бы таким тесным. В этой выставке, как в яйце, заключены дальнейшие тенденции искусства, концентрация будущего в мгновенном театральном выплеске — прорыве.

Каталог

Н.Д.Л.-Р. Я добавлю, господин Коваленко, несколько слов по поводу каталога, который, как Вы сами знаете, оказывается важнее самой выставки. Выставка забывается, как оперное и балетное представление. Но остается документ. Я обращаюсь к дирекции музея: пожалуйста, воспользуйтесь случаем создать очень серьезный каталог, который стал бы настольной книгой по данной теме, и куда были бы добавлены недостающие на выставки работы, не увеличивающие количество иллюстраций, а обогащающие концепцию. В каталоге она должна предстать полной и исчерпывающей, чтобы сформировался «идеологический документ», которым могли бы пользоваться искусствоведы настоящей и будущей эпох.

Учебное пособие

Екатерина Сергеевна Федорова, профессор МГУ. Мои студенты прислали фотографию того, как всей группой вчера два часа стояли в очереди на эту выставку. Им очень понравилось. И я поняла, что эта выставка ложится на сердце и входит в ум молодого поколения. Мне кажется, что Бахрушинский музей, осуществивший эту выставку, и инициатор и автор концепции Никита Дмитриевич, и куратор выставки Светлана Георгиевна достойны того, чтобы было создано общедоступное учебное пособие по материалам выставки. Пособие должно быть написано очень

простым языком. Необходимо уделить место искусствоведческим очеркам по каждому направлению и кратким искусствоведческим справкам к конкретным работам. А также в пособии должен находиться историко-культурологический комментарий, где была бы выписана «историческая канва», события общественные, интеллектуальные и художественные. На историческую канву «лег» бы представленный живописный материал и вошел в соответствие с эпохой, перекликаясь с ней. События художественные ярче и понятнее, когда коррелируют с событиями историческими, создавая картину жизни общества сквозь призму «театрально-декорационных инноваций». Нужно, чтобы этот справочник служил для гимназий, художественных училищ, вузов, университетов, был стереотипно переиздаваемым, общепринятым. Мой педагогический опыт говорит: то, что изучается в школе, то, что входит в программы средних учебных заведений, — входит и в культурное сознание страны, становится «базовым и традиционным фондом культуры». А то, что выходит за ее рамки, увы, как правило, остается маргинальным явлением, проходящим для социума «по обочине» общественного сознания. Надо сказать, что к счастью, в нашей школьной гуманитарной программе до сего дня существуют далеко не примитивные, тонкие и высоко интеллектуальные произведения литературы и искусства. Как показывает реальность, и эти вещи осваиваются большинством, если большинство начинает знакомиться с ними с детства. Так что я желала бы устроителям «Прорыва», чтобы у выставки было такое продолжение — учебное пособие, которое называлось бы, например, «Путеводителем Нины и Никиты Лобановых-Ростовских по театрально-декорационной живописи Серебряного века» и носило бы на обложке имя Лобановых-Ростовских.

Понятным языком

Участница Круглого стола. Я математик по специальности. Пришла сюда потому, что серьезно увлечена живописью. Будучи студенткой, посещала упомянутую Вами выставку «Москва-Париж». Мне хотелось бы сказать о предваряющем выставку описании, представленном на огромном полотне перед входом в музей. Оно содержит избыток искусствоведческих терминов, не всегда понятных посетителям. Мы любители, тоже совершаем прорывы: первый — в искусство от своей специальности, второй прорыв — в очереди на выставку, третий — в освоении языка искусства. Хотелось бы, чтобы описания выставок были написаны менее специальным языком и были понятны нам, в частности, любителям-математикам. Аннонс должен так же привлекать к выставке, как и сама выставка.

С.Г. Джафарова. Если набрать в интернете нужное имя художника или направление в искусстве, «выпадет» информация, написанная доступным языком для всех, поскольку очень многое подробно изучено и тщательно описано, и стало достоянием интернета. Нашей задачей было — при минимальном количестве времени на организацию выставки — привлечь посетителей *смотреть* самую выставку, а не читать о ее персоналиях и художественных принципах. Помимо этого, повторить и перепечатать известное у нас просто не было времени. Состав исполнителей реально определился только за десять дней до открытия выставки.

Вот в качестве примера: выставка в Музее изобразительных искусств имени А.С. Пушкина, посвященная Илье Зданевичу. Там мало что смотреть — огромные помещения, длинные стены, их заполняют большими экспликациями. Поэтому есть время и пространство для чтения. Там другие принципы устройства выставки. Мы же считаем, что люди разучились смотреть, и это стало проблемой нашего времени. А после нашей выставки можно прийти домой, почитать в интернете или справочниках, например, что такое кубизм, кубофутуризм и так далее. «Прорыв» мы делали для того, чтобы люди, прежде всего, полюбовались!

Когда-то мы имели возможность посещать выставки два-три раза в год в Манеже, в его огромных пространствах — это была тренировка хорошего вкуса и хорошего глаза зрителя при наличии хорошо отобранных вещей. Сейчас этой возможности нет. И сегодня очень трудно опять привлечь общество учиться смотреть, фантазировать, анализировать свое восприятие. Это важная проблема. Легко было бы «выгнать» из интернета комментарии к терминам, описания и историю спектаклей. Но это не было нашей задачей.

Книга Лобанова

Еще должна обратить Ваше внимание на потрясающую книгу Никиты Дмитриевича «Художники русского театра. 1880-1930», изданную в 1994 году на русском и английском (2013) языках: там есть систематические сведения и про художника, и про пьесу, и про постановку. Он опубликовал образцовую книгу о своей коллекции. Эту книгу он создавал совместно с искусствоведом, славистом Джоном Болтом. В нашем каталоге тоже будет статья Болта. Но не ждите от каталога подробных текстов — там, прежде всего, будут хорошо опубликованы репродукции всех работ выставки. Будет дана выверенная справка о демонстрируемых направлениях, биографии художников, материалы о фондах музея, использованных для этой выставки, сведения о коллекции Лобановых-Ростовских. Но не будет подробного разбора произведений — это не задача каталога выставки.

Современные постановки

Участник Круглого стола. Вопрос к Никите Дмитриевичу: часто ли вы посещаете современные российские театры, какие реакции вызывает у вас художественное оформление спектаклей, как можно было бы сравнить его с оформлением современных европейских постановок? И еще один вопрос к Вам как к коллекционеру: какие из современных художников, по Вашему мнению, будут интересны публике лет через пятьдесят?

Н.Д.Л.-Р. Я сразу признаюсь Вам, что не считаю себя компетентным серьезно ответить Вам на оба Ваших вопроса. Но очень узко ответить я попытаюсь и поделюсь с Вами своими впечатлениями. На прошлой неделе я побывал на балете «Дон Кихот» в Большом театре, в постановке Валерия Левинталя. Некомпетентно, неудачно и не помогает восприятию потребителя. Как можно было потратить такие деньги Большого театра на постановку, где нет элементарной концепции?! Например, дома графа на сцене не существует. Соответствующий персонаж появляется откуда-то сзади — публика недоумевает, откуда взялся этот дядька и почему?! Недавно я видел балет «Раймонда», оформленный художником Сулико Вирсаладзе. Мне его цветовая палитра не близка. Но это профессионально сделано. Каждый персонаж по сюжету охарактеризован так точно, что здесь явно ощущается школа «классической постановки в классическом театре». И это меня привлекает. Те же «новые» спектакли, в которых современные постановщики стараются утвердиться на спинах гениев, создававших свои оригинальные постановки, мне не по душе. Несколько десятков лет назад, когда Николай Бенуа был главным декоратором театра Ла Скала, он организовал «Общество охраны оригинальных постановок», чтобы они оставались такими, как были созданы их творцами. Еще недавно Вы могли видеть в Большом театре и «Бориса Годунова», и «Хованщину» в их первоначальном художественном облике, созданном Федором Федоровским. И это было наслаждением!

Участница Круглого стола. Хотела бы продолжить Вашу тему, и это касается выставки «Прорыв». Мариинский театр изо всех сил старается поднимать из-под спуда старые «классические наработки», постановки начала XX века. Я думаю, этому способствует и иницирует разыскания Валерий Гергиев. В театре достают эскизы Головина, Васнецова, ставят оперы в соответствии с их художественными замыслами. Могу привести пример постановки «Псковитянки». В Мариинке тоже начинается маленький «прорыв». И если там «микроскопическая песчинка» прорыва произвела фурор, то тут тем более впечатление от «Прорыва» здесь — огромно!

Н.Д.Л.-Р. Я должен объявить, что пришел господин директор. Мы не были знакомы с Вами, господин директор, когда Вы мне написали и взяли на себя риск мне предложить тему выставки. И Вы себе тогда не представляли, на какое «минное поле» VY вступили. Слава Богу, здесь был проводник, Светлана Георгиевна, который как-то провел нас, вместе с сотрудниками музея, через это поле. И выставка осуществилась! Спасибо Вам, ведь это невероятное достижение, какими бы критериями Вы не захотели его судить.

Роль Джафаровой и Лобанова

Дмитрий Викторович Родионов, генеральный директор ГЦТМ имени А.А. Бахрушина. Добрый вечер, друзья! Извините, что не был с вами с самого начала Круглого стола. Я присутствовал на заседании коллегии Министерства культуры, где обсуждалась судьба музея Рерихов. Я убежден, что сегодняшняя беседа была существенной и важной — в рамках громадного проекта, названного нами «Прорыв». Никите Дмитриевичу я хочу сказать, что наше доверие взаимно. Если бы его не было, наверное, мы бы вместе не вступили на эту длинную дорогу подготовки, проработки содержания выставки, анализа «подводных камней», содержащихся на пути ее воплощения. Ведь изначально у нас были сомнения, подходят ли камерные залы музея для столь грандиозного проекта. Мы задавались вопросом, не будут ли работы — в стенах маленького особняка Бахрушина — давить друг друга, съедать друг друга? Но все-таки пришли к выводу, что нужно показать их вместе, чтобы эта суггестия художественных энергий прозвучала мощно и дошла до самого неискушенного посетителя, чтобы он почувствовал своеобразие и красоту художественности.

Без решительного импульса, который давал нам Никита Дмитриевич, такое решение не было бы возможным. Впрочем, он иронично ловил меня на сомнениях по поводу успешной реализации проекта, и мне приходилось постоянно играть роль «безудержного оптимиста». Нам всем вместе удалось выполнить наш проект, и я благодарю Никиту Дмитриевича за веру в Бахрушинский музей, за творческое и человеческое доверие нашему коллективу. И, конечно, не могу не сказать самые добрые слова о Светлане Георгиевне Джафаровой, которая включилась в проект не с самого начала. Ей досталась трудная миссия — собрать и обработать значительный массив информации в одну общую композицию, чтобы выставка приобрела экспозиционную логику и стройность, которую сегодня мы видим в этих залах. Она эту работу проделала, с моей точки зрения, блестяще и достойно и во всех отношениях. Примите, Светлана Георгиевна, нашу благодарность за Ваше мужество и искреннюю любовь к русскому театру и русским художникам. Поскольку в жизни все совпадает и все не случайно, пользуюсь случаем, чтобы поздравить Светлану Георгиевну с днем рождения, прошедшем совсем недавно.

Сегодня в истории отечественной культуры произошло знаменательное событие — Никите Дмитриевичу Лобанову-Ростовскому присвоено звание почетного члена Российской академии художеств, с чем мы его искренне поздравляем!

Восприятие выставки

Сергей Игоревич Орлов, Член-корреспондент Российской академии художеств, старший научный сотрудник Института истории и теории изобразительного искусства РАХ. С наслаждением и радостью два раза очень внимательно смотрел эту выставку. Для меня это было большим праздником! Это необычная композиция, предельно концентрирующая внутреннюю творческую энергию, представляющая многообразие идей и неожиданность интеллектуальных ходов. В этой концентрации проявился интересный и важный момент: искусство разных периодов, которое мы привыкли разделять на символизм, авангард и прочее — это все единая интеллектуальная аура. Важно и то, что выставка разнообразна по сути: здесь и эскизы костюмов, и эскизы декораций. И последние выражают универсальные станковые идеи, концепцию и позицию самого художника. Выставка выявила связь между искусством театральным и станковым, а также связь с культурой выражения идей, присущих каждому художнику. Например, для Рериха не было различия между театральными эскизами и станковой живописью, в его сознании, в его художественном методе они были едины, поскольку жизнь — это театр, а театр — это жизнь. И для Александра Бенуа театральные декорации — это не вид искусства, а форма восприятия мира и форма выражения своих идей. Весь период «рубежа веков» — единая и неделимая связь театра и жизни, художника и мира воображения, мира истории. Театр не что иное как окно, символические врата в миры воображения, истории и театра.

Н.Д.Л.-Р. Неразличение подхода к станковой и театральной живописи — это явление, присущее только России. Такого больше нигде, ни в какой другой стране не было. И это одна из очень важных характеристик российского искусства и поражающее нас его уникальное качество.

Достоинство выставки

Андрей Андреевич Золотов, профессор ВГУ им. М.С. Щепкина и Российской академии госслужбы при Президенте РФ; действительный член и вице-президент Российской академии художеств. Здесь присутствуют сразу двое из числа членов Президиума Российской академии художеств: профессор Коваленко и я. Мы оба свидетельствуем о том, с какой радостью и волнением Президиум приветствовал Никиту Дмитриевича в качестве почетного академика. Это действительно высокая и, главное, искренняя оценка его вклада в существование русской культуры в данном историческом отрезке времени. Он — это удивительное человеческое явление, когда мы видим столько внутренней стремительности, энергии, знания, любви, еще и еще раз любви к своему отечеству, к русскому искусству, к русским людям, живущим и в России, и во Франции. Благодаря выставке они могут узнать многое из того, что, может быть, не всегда под рукой. Выставка удивительна, прежде всего, тем, что представляет огромное живописное богатство.

В годы моего обучения в Московском университете я слушал лекции профессора Сергея Ивановича Радцига по истории античной литературы. У него был удивительный афоризм: «Человек, который прочитал Илиаду и Одиссею, на всю жизнь останется человеком, прочитавшим Илиаду и Одиссею». Я думаю, что люди, посетившую эту выставку — это уже немножко другие люди. Им открылось — даже не богатство, — а *чувство* русского театра, русской живописи. Мы все получили возможность побыть в обществе русских художников, которых мы в основном не застали, и ощутить, что мы их как будто знали лично — через их театр. Поскольку театр обладает особой способностью — внушить людям в зале некое доверие к тому, что происходит на сцене. Сцена как бы «облучает» людей в зале. Художник в театре, наверное, самое первое лицо. Актеры могут входить в спектакль и исчезать из него. А художественный облик постановки навсегда остается в сердце зрителя.

Эта совершенно фантастическая выставка нас увлекла и унесла в те «облики русского театра», которые остались в сердцах людей, бывавших на премьерах тех времен. Эти «облики» каким-то чудесным образом подарены нам сегодня. Я думаю, что Театральный музей имени Бахрушина во главе с Дмитрием Викторовичем и его помощниками является сегодня в Москве художественным сосредоточием интеллектуальных сил в искусстве, которым причастны многие и многие люди, имеющие профессиональное отношение к искусству или не имеющие, подобно, например, лондонским математикам.

Я хочу поблагодарить Светлану Джафарову, которая проявила большую внутреннюю художественность, создавая эту выставку вместе с Никитой Дмитриевичем и Бахрушинским музеем. Я полагаю, что Академия художеств должна отметить эту работу одной из академических наград. Я об этом позабочусь, по крайней мере, внесу такое предложение.

Должен объявить, что сегодня Российской академией художеств было принято решение избрать своим почетным академиком Дмитрия Викторовича Родионова. Мы этому очень рады.

Берега культуры и искусства

Год кино

Михаил Федоров

Жить рядом с ним — это дышать на меловых отрогах притоков Дона

В моей голове еще звучали раздражительные возгласы судьи, а я уже несся на джипе в Москву: хотел поспеть на юбилей Василия Панина. Еще утром, созваниваясь с другим почитателем Панина, который поехал в столицу, я и не думал, что подобное может случиться, представлял, как будем нудно до истечения дня допрашивать свидетелей, а получилось — из свидетелей-то никто не явился.

Приглашение на юбилейный вечер было со мной.

И вот я уже отмечал знакомые меты трассы «Воронеж-Москва»: извилину Дона у Кривоборья; спады и взлеты в лесном массиве перед Задонском; колокольню-шпиль мужского монастыря в самом Задонске; купола собора Ельца за бугром; трубы-пушки Ефремова в расщелине холмов; сигары с дымными шлейфами Новомосковского химкомбината над лесополосой; спуск к Оке с широченной поймой; стену из многоэтажек Видного... В 17-15 еще при дневном свете я с портфелем в руке спустился в метро, в 18-00 выскочил из него на станции «Маяковская» и попал в темноту расцветенной фонарями площади. В 18-20 обогнул куб Дома кино, вбежал в высоченные двери и оказался в длинном с бордовыми стенами холле.

— Скажите, здесь юбилей Панина? — спросил одинокого парня за стойкой.

— Да, по лестнице вверх... — тот показал пролет.

Сбросив куртку и оставив ее в гардеробе, метнулся к лестнице.

И перед первым маршем увидел плакат:

«К 80-летию кинорежиссера...»

Он повторял то, что было написано в приглашении.

По маршам лестницы взбежал на второй этаж, оказался в холле, по левой стене которого тянулись зашторенные двери. Я заглянул за одну: в большом, похожем на совок зале по рядам сидели пожилые, молодые, парочками и одиночками зрители. А на сцене в углу за столиком — Василий Степанович. Его высокий лоб с зачесанными назад белокурыми волосами поблескивал, на пиджаке светились награды, поверх пиджака было наброшено черное кашне.

С экрана на зрителей смотрел человек в очках.

«Василий Степанович».

Обходя зал, я пробрался к полупустым рядам впереди и опустился на кресло. К своему стыду, хотя и окончил ВГИК, в этом зале был впервые. Да и в самом Доме кино.

Из-за кулис на сцену вышел моложавый мужчина с дамой в длинном сером платье.

Раздались аплодисменты.

— Здравствуйте, уважаемые поклонники творчества Василия Степановича Панина, — дама пошла к микрофону. — Спасибо, что пришли сегодня...

— Вечер будет вести актриса... — сочным голосом заговорил мужчина. — Вице-президент кинокомпании «Донфильм» Анна Данилова...

«Анечка», — я ее не раз видел у Василия Степановича.

— Спасибо, Виктор за такие слова, — заговорила она. — Я хочу представить своего соведущего — поэта, сценариста Виктора Дюнина...

«Где-то слышал его имя», — подумал я.

— Дорогие друзья, мы не случайно начали с короткометражного фильма «Море улыбнулось»... Это первая ступенька в творчестве Василия Панина... — говорил Дюнин.

«Ах, вот зачем экран. Они посмотрели короткометражку».

Я понял, что эти двадцать минут, на которые я опоздал, показывали фильм Панина: смешную историю, как молодожены поехали в отпуск в Крым и как раскомандовалась жена. Жену играла Наталья Варлей.

— А потом будет много ступенек, по которым он поднимался к вершинам своего творчества. Сегодня он кинорежиссер... кавалер ордена Почета... А самая главная его награда — это неизменная любовь зрителей. Его фильмы любят и смотрят люди разных поколений.

Анна Данилова прочитала поздравления.

Снова заговорил Дюнин:

— Природа. Воронежская природа — одно из действующих лиц всех фильмов Панина. И, может, от этого у него тяга к русской песне, к этой шире, к этой вольности. Именно такими песнями сейчас Вас поздравляет, Василий Степанович, фольклорный ансамбль концертна имени Туполева «Тополеночка».

«Вот оно откуда. Ведь Панин сколько проработал в ДК имени Чкалова», — подумал я.

На сцену вышли певицы в длинных розовых платьях с кокошниками на головах и баянист.

Запели песню «Земляничка-ягодка».

Раздались аплодисменты, а певицы уже пели песню «Колечко»:

— Колечко мое, золото литое...

Раздалось:

— Bravo!

После судейской трескотни и нудной пятичасовой езды я с нескрываемой радостью слушал заборные, сочные песни. Вот такими песнями Панин озарял сердца людей.

Певицы подошли к Панину и по очереди его обняли.

Опять у микрофона оказалась Анна Данилова:

— От Союза кинематографистов... Вас поздравляет певица Наталья Тонких...

Данилову сменила блондинка в длинном голубом платье и запела:

— С чего начинается Родина?..

Она пела, а у меня наворачивались слезы. Думаю, что и у Василия Степановича тоже покрылись влагой глаза. Я вспомнил, как Панин позвонил мне домой и сказал: «... ночь напролет читал и плакал...» Это он говорил о моей новой книге «Василий Панин»¹... Теперь все это сливалось со словами, которые так прочувствованно пела Наталья Тонких.

Еще звучали аплодисменты, а Наталья Тонких подошла к Панину:

— Василий Степанович, много лет жизни Вам, творческого вдохновения, и пусть каждый день приносит Вам улыбки дорогих и близких людей... Спасибо Вам...

На сцену снова вышел Виктор Дюнин:

— В картине «Певучая Россия» одну из ролей сыграл, я не побоюсь сказать, легендарный актер, который сегодня присутствует на вечере. Народный артист России Владимир Конкин...

«Конкин играл в фильме Панина “Исчадь ала”...», — вспомнил я.

Под аплодисменты на сцену вышел моложавый, скромно одетый в свитерок и брючки, похожий на комсомольца герой многих моих любимых фильмов. Разве что седина в волосах выдавала его не юный возраст.

— Дорогие друзья, так случилось, что когда в 1985 году Василий Степанович затеял эту большую двухсерийную работу «Певучая Россия», — несколько склонив голову и собираясь с мыслями, каким-то задорным голосом заговорил Конкин, — ему в голову пришла блажь пригласить меня в состав съемочной группы, предложив роль Петра Казьмина, племянника Митрофана Пятницкого, который организовал всемирно известный хор. И после гражданской войны Пятницкий был весьма некрепок здоровьем, он ушел из жизни, Петр Казьмин стал восприемником дела своего дяди и много лет руководил хором.

— Тридцать лет прошло с тех пор, и я снялся в пяти или шести картинах Василия Панина. Наверно, мог сняться и в большем количестве. Но Василий Степанович всегда находил мне место, скажем так, неглавного героя. Дело в том, что я хороший артист и человек замечательный, — произнес с неким сарказмом.

---

¹ Михаил Федоров. Василий Панин. – Воронеж: ОАО «Воронежская областная типография – Издательство им. Е.А.Болховитинова». – 2015. – 772 с.

В зале засмеялись.

— Поэтому у хороших режиссеров и людей замечательных, — продолжил Конкин, — я и козявку сыграю, потому что работать с Василием Степановичем — это упоение. Почему? Потому что он дает свободу актеру. Во всяком случае актер, он так устроен, что ему кажется, что ему дана свобода творчества. И он начинает порхать.

Все внимательно слушали артиста.

— На самом деле, это и есть та тонкая режиссура, которую артист не подмечает. Ему кажется, он сам по себе воркует, поет, «ку-ка-ре-ку» кричит. А на самом деле режиссер знает, по какой тропинке его пустить. Где поворотик сделать, чтобы мордашка была хорошая. И прочее, прочее. Но тем не менее вот эта иллюзия свободы актера, которую Василий Степанович деликатнейшим образом дает всякому исполнителю, она удивительна. Это замечательно. Мало того, «Певучая Россия» это не только название фильма, дорогие мои. Это творческое кредо Василия Степановича, потому что «Певучая Россия» это не только номинально поющие люди, это — когда сердце поет.

Конкин держал зал в напряжении.

— Ты можешь и уста свои не открывать. Ты можешь глазки закрытые иметь. Но ты слышишь, как соловушка трепещет у тебя где-то в садике. Слышишь уточку. Камышик, как он шумит. Листочек, который отпадает от веточки родимой. И такими завиточками летит в воду или на землю. Вот этими маленькими нюансами Василий Степанович приучает через свое сердце зритель и любить. Удивительное качество этого режиссера! И поэтому когда сейчас засилие, абсолютнейшее засилие на всех телевизионных каналах...

Конкин не закончил мысль и отклонился от темы:

— У нас может действительно очень хорошая политика. Перестали о нас ноги вытирать, вернулись Крым, замечательно! Мы долбасим сейчас террористов. Это всё хорошо.

Вернулся к искусству:

— Но культура, увы, на откупе не у Панина. И поэтому любая макака, которая приезжает из-за рубежа... На всех каналах о ней трезвонят, визжат, о ней кричат, ей поют. То макака улыбнулась, то макака задницей вильнула, как здорово! Поэтому фильмы Панина — не формат даже для канала «Культура», который показывает всякую шушеру чаще, чем фильмы Панина. Понимаете? О какой культуре в нашей стране мы будем говорить в таком случае? Уж не диверсия ли это? Пол-ней-ша-я ди-вер-си-я. Я понимаю, что у первого лица не могут доходить руки до всякого. Я понимаю, приехал боксер и сразу получил советский паспорт. Понятно, Депардье, который не хотел платить налоги во Франции, тоже стал гражданином России, потому что здесь можно не платить. А мы где-то там!

Конкин распалялся.

— Титульная нация не видит нашего творчества, нашего понимания России и любви к ней. Это не дидактика, не стучание себя в грудь. Есть документ художественный... Поэтому, когда Панину восемьдесят лет, это и нам предупреждение, дорогие мои, независимо от возраста сидящих здесь. Это предупреждение, чтобы вы не забыли, чтобы вы не стали Иванами, родства не помнящими, потому что Иванами, родства не помнящими, очень легко управлять. Что происходит? Либеральные так называемые тенденции... Они омерзительны. Про фильмы Панина сказали, что он воспекает. Да, он воспекает... Вы зрители искушенные и прекрасно понимаете, что в стенах даже нашего Дома кино мы видим иногда фильмы, которые страшнее, чудовищнее, отвратительнее, чем их западные аналоги.

Конкин поднял руку.

— Потому что ни в каких Каннах, ни в каких Голливудах, ни на какие Оскары ты даже претендовать не можешь, если в твоих фильмах русский не будет сволочью, негодяем, мерзавцем, наркоманом, алкоголиком. Во! Вот это набор! (Ударил руку об руку). Вот если все это сразу, все, точно, у тебя будет приз! И сегодняшняя бездарная, помоечная режиссура воспекает эту пакость. Потому что они сами дети помойки. Я не знаю, какие мамы их родили! От каких папаш! Потому что у них нет в башке ничего! Они не понимают, что являются разрушителями. Они за три копейки свою маму на шашлык пустят. Какая добротинка! В отличие вот от этого режиссера (Рукой показал на Панина). И поэтому, если Господь будет давать Василию Степановичу не только здоровье — а здравый смысл его сердца при нем, слава тебе, Господи!, он в полном соку, режиссерском — но и возможность снимать, это прекрасно! У него дома лежит кипа сценариев, которые он годами не может

пробить, копеечку собирая. Ко-пе-еч-ку...

Конкин удивился.

— Это что такое? А потому что не формат быть Россией. Потому что эту фразу на откуп взяли те, кому можно это произносить. И награждают они себя (Сверху вниз полоснул рукой по своей груди), — а они — предатели самые. Это и есть пятая колонна. И только дураки могут подумать, что вот это слава. Макака на макаке, лысые уроды, кретины и идиоты...

В зале смеялись.

Конкин:

— Я не о себе. Потому что в их возрасте сегодняшних макак я был красавец и простите, пожалуйста, талантливый артист. В отличие от сегодняшнего гнездилища бабил! Понимаете? Говорю это с сердцем, потому что люблю этого человека (Снова протянул руку в сторону Панина). Потому что я хочу, чтобы он при жизни здесь творил. Это моя публичная исповедь, простите, возможно, прямолинеен, но не глуп, и, как видите, Родину люблю не стуча себе в грудь...

Я сидел и слушал, затаив дыхание.

Конкин:

— Потому что всё его и мое творчество посвящено именно этому понятию... А то памятники отливают Шарапову и так далее. Приглашают меня с цветами. Это что, я на могилу себе, что ли, должен класть. Спрашивают: Где деньги? Где ордена? Где медали? Ведь другие-то получают. Куда ты! Уже всё присвоено. Даже моё присвоено другими. Это что такое?.. Я уж не говорю, что мы совсем не получаем денег с проката. Мы уже не получаем денег за лицензионные фильмы. Я бы озолотился, я бы все эти деньги отдал Панину, чтобы он снял кино. Потому что он умеет это делать. Потому что это художник, окунающий себя, как кисть, и он живописует. Потому что кинематограф — это не только светопись, где выстраиваются световые партитуры, но это и живопись, и музыка, и русская песня, и у него все это всегда кстати. Василий Степанович, как разбогатею, я тебе отстегну. Дай Бог тебе здоровья!

Вместе с бурей аплодисментов, взорвавших зал, раздались крики «Ура!».

Конкин прошел к Панину. Обнял.

И сел рядом на стул. Еще гремели аплодисменты, как к микрофону вышел Дюнин:

— Какие горячие, искренние, замечательные слова нам сказал выдающийся актер выдающемуся режиссеру. Спасибо, Владимир. А мы продолжаем нашу программу. Я хочу сказать, что Василий Степанович получил очень солидное профессиональное образование. Я перечислю названия учебных заведений, которые он окончил. Театральное училище имени Щепкина.

«Не удалось окончить», — вспомнил я постигшую Панина неудачу.

— ГИТИС. Высшие режиссерские курсы... И, может, именно поэтому сразу после курсов его взяли на «Мосфильм». И дальше путь в кино. Василий Степанович очень любит артистов. Я был свидетель этому, когда снимался наш фильм «Господа артисты». Он преклоняется перед талантом актера. И вот сегодня поздравлять Вас, дорогой Василий Степанович, выходят актеры Театра киноактера. Я приглашаю актрису театра Инну Выходцеву. Пожалуйста.

Когда в проход перед сценой вышла актриса Театра киноактера Инна Николаевна Выходцева, то не стала подниматься по ступенькам, а заговорила от первых рядов:

— Дорогой Василий Степанович, я представляю здесь еще живой государственный Театр киноактера, который Вас безумно любит. Все артисты с удовольствием снимались у Вас, и звонят, и любят, и надеются всегда встретиться с Вами. А сейчас, так как мне времени отпущено очень мало, там стоит огромная очередь артистов и в том числе замечательный актер Театра киноактера друг Василия Степановича Саша Пятков...

«Пятков почти во всех фильмах Панина снимался».

— Так вот, Василий Степанович, — сказала и стала декламировать Инна Николаевна:

— Все юбилеи — это бред.
Все юбилеи — это чушь.
Они бесцельны, и к тому ж
Они лишь тяжесть
Прошлых лет...

Пусть поздравляют,
Так и быть, пусть песни
В честь тебя поют,
Иначе скучно будет жить
И пропадет твой скорбный труд...

В зале захлопали и тоже закричали «Ура!»

На сцене одна другую сменяли певицы. Черновласая красавица Золотовская Дарья в ярком народном костюме запела «Воронежскую разнесуху».

Вышла певица Заряна в блестящем платье с ленточкой на голове:

— Дорогой юбиляр, с праздником тебя. Дарю тебе диск «Патриотам России». Ты у нас самый крутой патриот. Отдала диск и запела, пошла плясать:

— То не горе, а веселье
У меня в глазах:
Я справляю новоселье
На семи ветрах...

На душе у всех пело: хоть вставай, высказывай на сцену и с Заряной танцуй и пой!

Дюнин:

— Ну что ж, наш вечер набрал обороты, улыбки на ваших лицах не исчезают, это прекрасно. Вы заметили, что все воронежцы не только добрые, но и красивые люди. И вот сейчас выйдет на эту сцену еще одна очаровательная воронежская девушка. Она живет в Москве, она завоевала здесь признание, но она гордится своим краем. Это заслуженная артистка России Анна Седнина.

На сцене появилась молодая певица в золотистом платье:

— Василий Степанович увековечил любовь к русской песне. Ведь сценическая русская песня началась с Пятницкого. Митрофан Пятницкий вывел на сцену своих старушек... И это отнять, оставить в памяти, когда уже народ забывает, откуда народная песня. От воронежской земли, от себя лично, от моей семьи... Спасибо за все Вам, Василий Степанович. И пусть Господь Вас хранит. И следующая песня «Это ты, Россия».

Седнина запела.

Я бросал взгляд на Панина и видел, как они с Конкиным переговаривались. Им тоже было радостно! Панин поправлял на шее шарф и говорил, говорил. В нем тоже что-то зафонтирило.

Со сцены говорила ведущая Аня Данилова:

— У Василия Степановича поразительная способность привлекать к съемкам великих актеров. В фильме «Человек на полустанке» снимался Николай Крючков. В «Певучей России» — Юрий Соломин. В «Бульварном романе» — Вячеслав Тихонов и Анна Самохина. В «Исчадь ада» — Георгий Тараторкин и Кирилл Лавров... В «Господа артисты» целое созвездие выдающихся актеров: Георгий Вицын, Евгений Моргунов, Михаил Пуговкин, Лев Дуров и... Александр Пятков. Вам Виктор Дюнин расскажет одну историю.

Дюнин сменил Анну Данилову у микрофона:

— Картину «Господа артисты» на Ялтинской киностудии уже запустили в производство. Но по очень слабенькому, немощному сценарию, который был всего на двадцати страницах. Театральные сцены, а актеры выдающиеся. Василий Степанович обратился ко многим драматургам Москвы с просьбой написать настоящий сценарий. Все отказали. Никто не хотел связываться с этой историей. Наконец он все-таки меня уговорил. Но нужно это было сделать быстро. За неделю. А тут из Америки вернулся актер Пятков и по старой дружбе попросил у Василия Степановича дать ему роль в картине, а роли не было. Василий Степанович говорит ему: «Иди к сценаристу, он сейчас в кабинете. Я его запер на ключ. Я его не выпущу, пока он не напишет сценарий». Приходит ко мне Пятков — здоровый, грузный, симпатичный, веселый — берет меня за грудки и говорит: «Если не напишешь мне роль, я тебя побью». Я говорю: «Хорошо, я согласен. Но если напишу тебе роль, с тебя ресторан». Он: «О,кей!» Я ему написал роль. Картина получилась. Пятков сыграл. Ресторана до сих пор нет...

В зале засмеялись.

— Итак, внимание на экран.

Свет потух. И на экране показали кадры из фильма «Певучая Россия». У впадения реки Воронеж в Дон. Там снимался Пятков.

Когда свет вспыхнул, на сцене стоял Пятков:

— Мы с вами увидели речку, на которой родился Василий Панин. Там родился он, его предки, хоры. И певучая Россия. Панин, который своим рождением подарил рождение стольким талантам. Им рождены прекрасные русские фильмы. И россыпь чудесных голосов. Акторов. И это все он дарит миру. Своей душой, сердцем, которые сохранили все эмоции, все вибрации высочайшего смысла жизни. Я Вам, Василий Степанович, посвящаю песню «Берега». Вас несет мимо них течением. На этих берегах Вы встретили столько друзей. И сплели из них венок, который подарили России...

— Берега, берега,

Берег это и тот... — запел Пятков.

Я сотни раз слышал эту песню, и каждый раз во мне все как бы переворачивалось. А Пятков пел. Я в полной мере стал понимать значимость события, на которое попал в этот вечер. Его нельзя было сравнить с самым удачным адвокатским делом. Пусть бы я выиграл миллион, он все равно не стоил миллиона чувств, которые потоком пронизали меня. И я понимал, почему многие в порыве бросали миллионы в ноги исполнителей той или иной песни.

— Певучая Россия — вот она, — теперь говорил Пятков. — Вы посмотрите, какие звезды он собрал. И зажег. Звезда... она тогда горит, когда режиссура обрамляет любовью, чувством, мастерством... Художник жизни Василий Панин!

Аплодисменты перешли в овацию. Я испытывал величайшую радость за счастье Панина. Оно было и моим. Пусть мы и не сняли фильм о Крамском, о Хохольской земле, но ощущения съемки нами владело, когда работали над сценарием, и мы были счастливы даже этими минутами...

— Я хочу пригласить моего друга, — продолжал Пятков. — Здесь Павел Быков. Певец, композитор. Мы с ним в Театре киноактера делали «Остров сокровищ». Жаль, что гибель великой страны похоронила наши великие надежды...

«Как и мои. — Я вспомнил, как относил сценарий фильма «Ментовка» на «Мосфильм», как другой сценарий — «Канальские Острова» показывал на киностудии Горького сам Мережко. — Крах Советского Союза отразился и на мне».

Павел Быков сел за рояль и, подыгрывая себе, спел песню «Эта ночь шальная», а потом «Чему жизнь нас не учила...». Потом появилась Мария Любимова.

— Хочу поздравить нашего юбиляра. Я дружу с ним давно. Он взял меня в кино в девятнадцать лет и открыл мне этот волшебный мир... Он воспевал Россию, как преданный человек, который никогда не предаст ни друзей, ни страну. Он достоин огромного уважения и большой любви. Итак, песня «Россия» на музыку Доги...

Прошла за рояль и под свой аккомпанемент запела.

Одних певцов сменяли другие. Сергей Богза сел за рояль и пел «Где эти годы». Пел Сергей Джигурда. Крымская певица Енислава Черняева. В заключение на сцену вышел Игорь Славянов.

Он сразу как будто подхватил силой своего голоса каждого из присутствующих:

— Вот мчится тройка почтовая

По Волге-матушке зимой...

Зал загремел:

— Bravo!

Теперь заговорил Василий Панин:

— Дорогие мои коллеги, друзья, братья по искусству. Я искренне благодарен Вам что Вы скромно отметили вместе со мной... Всем Вам желаю счастья, любви, здоровья и долгих-долгих лет славной жизни. До встречи, братья!

Его переполняли чувства, и видно было, как трудно ему говорить.

Люди из зала хлынули на сцену и окружили Василия Степановича. Кто просил подписать книгу, оставить автограф на открытке, кто взалхлеб что-то рассказывал, кто слушал. Потом стали фотографироваться на память.

Кто оставался в зале смотреть фильм Панина, а кто перемещался вверх в зал, где собрался узкий круг друзей.

Василий Степанович Панин и Владимир Алексеевич Конкин

Когда Василий Степанович поднялся на лифте в зал, гости уже расселись по обеим сторонам длинного стола. Я сел напротив знакомого мне Игоря Славянова: мы тепло поприветствовали друг друга. Здесь я услышал многих режиссеров, услышал и Мстиславского.

Он сказал:

— И сегодня я хочу пожелать Панину только одно: хочу поблагодарить его... Я вообще, благодарен двум режиссерам, Андрею Арсеньевичу Тарковскому, с которым снимали «Андрей Рублев» (был вторым режиссером на съемках — от авт.), и Василию Степановичу Панину, с которым много «чего» плюс «Певучая Россия»... Я благодарен этим разным людям, которые живут на разных полюсах кино... Василий Степанович — это душа, я подтверждаю. Спасибо, что он открыл для меня двери России, хотя я здесь родился и жил... Он мне показал такую Россию, о которой я даже не подозревал. Помог не только увидеть, но и ощутить... Рядом с ним жить — это дышать на меловых отрогах Балдая...

Я понял: Балдай — это горы притоков Дона, где вырос Василий Панин.

Уходил из зала в числе последних. Шел по люминесцентным улочкам на вокзал, ехал в метро, ждал отправления поезда, и меня не покидали мысли о хороших людях, которыми держится земля русская, им и я отдал часть своей жизни, и только волновало, какая смена придет вместо Панина и с чем прорвется она в кинематограф.

Я бывал на юбилеях священников, депутатов, директоров, генералов, но юбилей кинематографиста выделялся своим особым настроением, который доставал до самых сокровенных уголков души.

Чем?

Песней?

Щемящей откровенностью?

Моим вгиковским прошлым?

Страстным призывом творить?

Или чудом жизни, которое явил Панин...

Оксана Карнович

*Интервью с князем Никитой Дмитриевичем Лобановым-Ростовским
и Юрием Александровичем Трубниковым*

Нина Вырубова. «Маленькая русская из Медона». Переплетение судеб

Нина Вырубова — одна из ярчайших русских балерин Франции XX века. Она танцевала с Роланом Пети и Сержем Лифарем, Юрием Алгаровым, братьями Сержем и Жоржем Головиными. По её словам, ей «выпала честь быть первой партнёршей Нуриева», «в чьих объятиях она оказалась спустя три дня после его последнего спектакля с труппой Кировского театра». ¹ Они танцевали в «Спящей красавице» (хореография Доллара, «Балет маркиза де Куэваса», Париж, 1961 г.), когда сотрудники посольства пытались сорвать выступление, бросая стеклянные бутылки от кока-колы на сцену под ноги артистам.

Борис Кохно, бывший секретарь и помощник Сергея Дягилева, участвовавший в создании труппы «Балета Елисейских полей» совместно с Роланом Пети, решил реализовать своё давнее желание возродить утраченную жемчужину эпохи романтизма — балет «Сильфида» (1832 г., хор. Ф. Тальони, муз. Ж.-М. Шнейцхоффера) и посоветовал Виктору Гзовскому пригласить Нину на эту роль (Ролан Пети — Джеймс). Спустя столетие, в 1946 году, этот прославленный шедевр XIX века вновь был показан французам. На гастролях в Лондоне Нину называли новой Тальони. Её парящая лёгкость исполнения, лиричность делали её героинь — Жизель, Сильфиду, Сомнамбулу (из одноимённого балета Джорджа Баланчина) романтически отстранёнными, воздушными и утончёнными. Ей был подвластен любой стиль танца — от строго академического до комического. Приглашённая Лифарем в качестве étoile в Парижскую Оперу (вопреки строгому правилу принимать в труппу только выпускников школы при Орега) она заменила балерину Иветт Шовере. Многие свои балеты Серж Лифарь создавал под Нину Вырубову, называя её Музой, балеринчиком. Несмотря на то, что Нина Вырубова в России не училась никогда, она танцевала именно «русский балет». Но как всё начиналось?

После триумфа «Русских сезонов» и успеха «Русских балетов» Сергея Дягилева бытовало мнение, что только русские могут хорошо танцевать классический балет. Поэтому многие западные артисты, вошедшие в пантеон мирового балета, брали русские фамилии: Хильда Маннингс стала Лидией Соколовой, Патрик Хей — Антоном Долиным, Лилиан Эликс Маркс — Алисией Марковой. Но Нина со звучной дворянской фамилией, прославившая французский балет, имела русские корни. Первая мировая война, революция 1917 года и гражданская война вынудили многих мастеров императорской сцены покинуть большевистскую Россию. Кто-то находил приют в труппе Дягилева. Старшее поколение, находясь за пределами сценического возраста, спасаясь от ужасов революционных событий, потеряв всё, имело единственное богатство — свою профессию. Пытаясь приспособиться к новым жизненным условиям, эти люди открывали собственные балетные студии, куда приходили дети таких же эмигрантов, как они сами.

Нина Вырубова родилась в Крыму в Гурзуфе 4 июня 1921 года. В 1924 году, когда Франция признала Советскую Республику, трёхлетней Нине с мамой Ириной Львовной Вырубовой, урождённой Ле Дантю, и бабушкой баронессой Верой Николаевной Фредерикс удалось покинуть Россию. По воспоминаниям Нины Вырубовой, «из Гурзуфа они отправились в Москву, потому что там жила одна из бабушкиных сестёр. Пробыли некоторое время в столице, чтобы уладить дела и оформить разные бумаги. Было много осложнений <...>. Но в результате мы смогли добраться до Риги, а от-

¹ Мейлах М. Эверта, ты? Художественные заметки. Беседы с артистами русской эмиграции. Том I: Балет. — М. Новое литературное обозрение, 2008. С. 389

Нина Вырубова. Из архива князя Н.Д. Лобанова-Ростовского

туда — до Бельгии. И наконец — Париж, где мы оказались, если мне не изменяет память, 11 ноября 1924 года. <...> Сначала мы поселились в Отее, где было много русских. Жизнь складывалась не просто. Мама была ещё молода — всего-то двадцать пять лет! Через некоторое время нам пришлось переехать в другую русскую колонию — Медон, где жить было гораздо дешевле. Атмосфера там сложилась истинно русская. Мы были бедными, но гордыми. <...> Когда мы приехали во Францию, мама разыскала Кострицкого — он прежде состоял зубным врачом при государе. Кострицкий (Сергей Сергеевич — *О.К.*) взял её к себе секретарём»¹.

В эмиграции женщинам пришлось утверждаться самостоятельно, без мужской помощи. Где в тот период был дедушка Нины по материнской линии, Лев Евгеньевич Ле Дантю, не упоминается. Во Франции Ирина Львовна, в прошлом чемпионка по плаванию, стала брать уроки у бывшей примы Мариинского театра Ольги Осиповны Преображенской (мадам Прео), приобщая к занятиям и дочь. Пытаясь прокормить семью, Ирина Львовна, по словам Нины, «невероятно одарённый че-

¹ Мейлах М. Эвтерпа, ты? Художественные заметки. Беседы с артистами русской эмиграции. Том I: Балет. — М. Новое литературное обозрение, 2008. С. 389

ловек», не имея профессионального хореографического образования, открыла Детскую балетную школу в пригороде Парижа Медоне. Возможно, увлечение балетом у Ирины Львовны возникло с детства. Поскольку до эмиграции Ле Дантю жили в Гурзуфе, можно предположить, что семья Ле Дантю общалась с мэтром петербургской сцены Мариусом Петипа, который в течение шести лет (кроме 1905 г.) приезжал в Крым. Ле Дантю также могли присутствовать и на прощании с великим балетмейстером, который скончался там же 1 июля 1910 года. Опытный педагог Ольга Осиповна, увидев способности у маленькой Нины, посоветовала ей заняться балетом. Но любовь к танцу у Нины проявилась после того как она в девятилетнем возрасте увидела Анну Павлову, выступавшую в Théâtre des Champs-Élysées в Париже. С этого момента начинается путь восхождения маленькой Нины к вершинам балетного Олимпа. Потом она училась у прославленных балерин старой императорской школы Веры Трефиловой и, уже будучи étoile Парижской Оперы, у Любови Егоровой — её «балетной мамочки». Лишь однажды взяла урок у Матильды Кшесинской. Занималась с Борисом Князевым, а вторым мужем стал однофамилец, танцовщик Аркадий Князев. Но лучшим своим педагогом Нина всегда считала свою маму.

Отца Нина не знала. По словам матери, он был убит «шальной красноармейской пулей» в 1922 году в Крыму, и где похоронен — неизвестно. «Сейчас появились сведения, что Владимира Сергеевича застрелил красноармеец и припугнул родственников, что говорить надо именно так, а иначе...»¹. Отсюда как под копирку повторяемая фраза о «шальной пуле». Почему меня заинтересовал вопрос отцовства? Однажды в одном из интервью князь Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский, прямой потомок царской династии Рюриковичей в 33-м поколении, сказал, что Нина Вырубова — незаконнорождённая дочь брата его деда. (Александр Васильевич Вырубов — супруг всем известной фрейлины последней императрицы Анны Танеевой-Вырубовой — был родным братом его деда Василия Васильевича). Подобные родственные связи известной балерины с аристократической семьёй произвели на меня ошеломляющий эффект. Я тут же бросилась проверять и сопоставлять доступные факты. Но подтверждения информации о незаконнорождённости Нины нигде не находила. На многочисленных генеалогических сайтах было указано, что отцом Нины был Владимир Сергеевич Вырубов, сын Сергея Александровича Вырубова и Марии Константиновны Трубниковой. Других данных об отце Нины найти не удавалось. Их отсутствие заставило меня обратиться к истории дворянских семей Трубниковых-Вырубовых. Но прежде чем разбираться в генеалогии рода Вырубовых, я решила изучить родословную семьи Ле Дантю. Открылось столько имён, биографий, совпадений, переплетений судеб, что их описание требует отдельных публикаций. Когда текст о родственных связях Нины наполовину был исследован, и стали появляться ответы на вопросы, неожиданно мной было получено письмо от князя Никиты Дмитриевича Лобанова-Ростовского о необходимости моей встречи с профессором МГУ Екатериной Сергеевной Фёдоровой, потомком декабриста Василия Ивашева, владимирских Вырубовых и Ле Дантю! Это ли не чудо?! Оказалось, прабабушка Екатерины Сергеевны Анна Сергеевна Вырубова (1885-1975) (в замужестве Покровская), была родной сестрой отца Нины — Владимира. Избранницей Владимира стала Ирина Львовна Ле Дантю, дочь обрусевших французских эмигрантов. Её мать, баронесса Вера Николаевна Фредерикс приходилась двоюродной сестрой последнему министру императорского двора и уделов России, в ведомстве, которого служил отец Нины. (Барону Фредериксу выпала печальная роль скрепить подпись Николая II под отречением от престола 2 марта 1917 года). Бабушка Екатерины Сергеевны Ирина Покровская-Гюнтер, очень дружила с Ириной Львовной. Дальним кузинам нравились совпадения: обе были Иринами, обе пианистками и спортсменками. В годы Гражданской войны, после того как Владимир Сергеевич был убит в Гурзуфе, и связи оборвались, о судьбе Ирины Ле Дантю московским родственникам ничего не было известно. Екатерина Сергеевна Фёдорова на основе архивных материалов издала книгу «Как в капле дождя», приоткрыв завесы прошлого своей семьи, надолго замалчиваемых из-за опасности политических репрессий. Таким образом, судьба самым удивительным образом преподнесла мне встречу с родственницей Нины Вырубовой. Только год назад Екатерина узнала, что Ирине Львовне удалось эмигрировать в Париж, и что она была мамой балерины Нины Вырубовой. Друг с другом они так и не встретились...

¹ <http://dekabrist.mybb.ru/viewtopic.php?id=2681&p=1>

Камилла Ле Дантю (отцовская линия Нины Вырубовой)

История семьи Ле Дантю начинается с приезда в Россию Мари-Сесиль Вабль (1773—1865) и её второго мужа Пьера-Рене Ле Дантю (1753—1822), антиквара и коммерсанта, преследуемого французскими властями за свои политические взгляды. С четырёхлетней дочерью от первого брака Сидонией (1799—1869) от первого мужа роялиста, погибшего на гильотине, они прибыли в Петербург в 1803 г. (Сидония де Вармон, выйдя замуж за симбирского помещика В.И. Григоровича, родила Григоровича Дмитрия Васильевича, будущего известного писателя). В Петербурге Мари-Сесиль стала именовать себя Марией Петровной. Забегая вперед, скажем, что Мария Петровна Ле Дантю — предок не только Екатерины Фёдоровой, Нины Вырубовой, художника Михаила Васильевича Ле Дантю, но и первой феминистки России Марии Трубниковой, дочери декабриста... Но все по порядку.

В 1804 г. у Марии Петровны родилась дочь Луиза (в замужестве Беккерс), в 1806 г. — Амели (в замужестве Рясковская), в 1808 г. — Камилла (в замужестве Ивашева), в 1810 г. — сын Шарль (по-русски Карл), а в 1813 г. — Эжен (по-русски Евгений). С началом Отечественной войны 1812 г. 60-летний Пьер-Рене и 40-летняя Мари-Сесиль с детьми покинули Петербург и обосновались в Симбирске. Мария Петровна Ле Дантю устроилась гувернанткой в семью Петра Никифоровича Ивашева (1767—1838), отставного генерала, проживавшего в имении Ундоры Симбирской губернии. Здесь начинается история романтической и трагической любви её дочери Камиллы Ле Дантю. Камилла (1808-1839) тайно влюблённая в сына помещика, блестящего офицера, ротмистра Кавалергардского полка Василия Петровича Ивашева (1797—1841), из-за разницы в социальном положении не могла признаться ему в своих чувствах. О браке не могло быть и речи. За участие в тайном обществе «Союз благоденствия» Василий, как декабрист, в 1826 г. был посажен в Петропавловскую крепость. Поскольку свою вину он признал, его причислили к преступникам второго разряда и приговорили к двадцати годам сибирской ссылки с последующим поселением. Когда из богатого и блестящего офицера он стал каторжником, девушка открылась родителям в своих чувствах и получила благословение от семьи Ивашевых разделить его судьбу. Преодолев многочисленные трудности дороги и ожидания встречи, на первом свидании с Василием Камилла упала без чувств. Добившись разрешения от императора, они смогли обвенчаться в остроге в Туринске. После медового месяца Камилла перешла в каземат мужа, разделив с ним все тяготы заключения. В 1838 г. в Туринск на постоянное жительство приехала её мать, Мария Петровна. В декабре 1839 г. Камилла простудилась и умерла при преждевременных родах пятого ребёнка, а Василий скончался ровно через год, в день её похорон. (Памятник на их общей могиле до сих пор является одной из достопримечательностей Туринска). Заботу о детях Ивашевых (пятилетней Марии, Вере и Петре) взяли на себя друзья Ивашева — Н.В. Басаргин и И.И. Пущин. Бабушке Марии Петровне в 1841 г.

*Мария Петровна Ле Дантю
(урождённая Мари-Сесиль Вабль,
в первом браке де Вармо).
Начало XIX в.*

*Камилла Петровна Ивашева (1808—1839).
Худ. Н.П.Козлов, 1831. Камилла Ле-Дантю.*

*Мария Константиновна Вырубова
с сыном Владимиром. СПб. 1880-е.
Из архива Е.С. Фёдоровой.*

с детьми было разрешено вернуться в Симбирскую губернию, где они поселились у сестры их отца княгини Е.П. Хованской под фамилией Васильевы. В 1856 детям Ивашева по манифесту по амнистии было возвращено дворянство и фамилия отца.

Трубниковы-Вырубовы

Старшая дочь декабриста Ивашева Мария Васильевна (1835—1897) вышла замуж за Константина Васильевича Трубникова (1829—1804) из Алатырского уезда Симбирской губернии. Он был инициатором первого русского телеграфного агентства, издателем и редактором ряда периодических изданий в Петербурге, в том числе «Биржевых новостей». Мария Васильевна вместе с Надеждой Васильевной Стасовой (1822—1895) и Анной Павловной Философовой (1837—1912) (тёткой антрепренёра Сергея Павловича Дягилева) составили «женский триумвират», став одними из первых русских феминисток и организаторов женского движения в России. В свою деятельность Мария Васильевна вовлекла своих дочерей Ольгу (в замужестве Буланова) и Марию Константиновну (1860—1898) (прабабушку Нины Вырубовой). По воспоминаниям дочери Ольги

Константиновны Булановой, роман «Что делать?» Николай Гаврилович Чернышевский (1828—1889) писал с их матери Марии Васильевны.

«Мужем этой кроткой красавицы был Сергей Вырубов, светский лев и кутила, что, однако, не помешало ему стать известным либеральным земским деятелем».¹ Но, по воспоминаниям Ольги Булановой, он был скромный юноша, даже менее светский, чем те, к которым привыкли в салоне Трубниковой. Сергей Алексеевич Вырубов (1858—1904), один из первых революционеров на российском военном флоте, «предтеча лейтенанта Шмидта», «в 1880-м вошёл в состав «Чёрного передела» — одной из народовольческих революционных организаций. (Мария Константиновна Вырубова, став членом этой же организации, в те времена постоянно находилась под полицейским надзором — *О.К.*). Для терактов народовольцев Вырубов, используя возможности офицера военного флота, добывал динамит. Дома он хранил запрещённую литературу и даже завёл ручной печатный станок, на котором печатал листовки. Подобная деятельность закончилась увольнением с флота, арестом и заключением в Петропавловскую крепость. И хотя Вырубов был уличён ещё и «в дерзких отзывах о государе», с учётом заслуг отца (штабс-ротмистр Алексей Гаврилович Вырубов в 1850-е годы возглавлял ковровскую уездную полицию в качестве земского исправника) и офицерского прошлого самого революционера Сергея Алексеевича, в конце концов, его отправили не на эшафот и даже не в Сибирь, а всего лишь в ссылку в родовое имение во Владимирской губернии, под надзор полиции. Там бывший моряк поступил на службу по земству. В либеральных земских кругах, находившихся в оппозиции к правительству, Вырубова избрали членом Владимирской губернской земской управы. <...> И если заключение в крепости не сломило Вырубова, то теперь Петербург действовал изошрённее. Сергею Алексеевичу предложили видный пост в министерстве внутренних дел — в том самом, которое прежде вело на него охоту! И революционер с 20-летним стажем не устоял перед соблазном...<...> Сергей из мичманов вскоре «вырос» до коллежского советника, гражданского чина, равного полковнику».² Но дело было не только в «соблазнах» карьеры — Сергей Алексеевич внутренне изменился. Он теперь видел благо не в революционных, но в эволюционных изменениях общества (он отдавал много сил земской работе, непосредственно участвовал в

¹ <http://www.liveinternet.ru/users/5114887/rubric/3810593/comments/page5.html>

² <http://www.liveinternet.ru/users/5114887/rubric/3810593/comments/page5.html>

государственном реформировании некоторых общественных институтов). Он был отправлен на службу в Варшаву, где довольно долго проживал на улице Шопена, служил крупным чиновником, занимался внедрением новой программы страхования. Его супруга Мария Вырубова, «самая красивая из всех дочерей Трубниковой и болезненная», умерла в возрасте 38 лет. После её смерти Сергей Алексеевич вновь женился на гувернантке детей. Прабабушка Екатерины Сергеевны Анна окончила Варшавскую гимназию. Помимо большого горя, потери матери в отрочестве, она не смогла вынести «мелких уколов»: после смерти Марии Константиновны новая жена, не имевшая никакого отношения к русскому дворянству, стала писать на визитке *de Vyuboff* — и Анна ушла из дома. Но вскоре в Варшаве в одном из домов познакомилась с архитектором Вл. Ник. Покровским (1864-1924), который влюбился в неё навсегда... Сергей Алексеевич неожиданно умер в 1904 году в возрасте 48 лет.

«Две Марии, мать и дочь, похоронены на Новодевичьем кладбище в Санкт-Петербурге. <...> Но в советское время на могиле осталась одна надпись: Мария Васильевна Трубникова. Инициалы другой Марии старательно соскоблили. Видимо, потому, что сама фамилия Вырубовой казалась властям одиозной».¹ В браке родилось трое детей: Мария, Владимир (отец Нины) и Анна, по мужу Покровская (прабабушка Екатерины Сергеевны Фёдоровой). По неизвестным причинам на генеалогических порталах Анна, как третий ребёнок, не указана. Однако, к счастью, сохранился документ — запись о рождении Анны в Дворянской книге, хранящейся в РГИА (СПб)². Афишировать дворянское происхождение было крайне опасно. Екатерина Сергеевна Фёдорова даёт совершенно объективное объяснение отсутствию информации: «Анне Сергеевне никогда не случалось попасть в тенёта постреволуционных иллюзий, она ничего не забыла из ужасающих времён гражданской войны и репрессий, и с годами трезвость взгляда на происходящее ничуть не затуманивалась, а лишь твердела в холоде и отстранённости. Единственный раз она опустила на колени — перед младшим внуком Игорем, узнав, что тот собирается после обязательной службы навсегда остаться в Красной Армии. Для неё это было оскорблением: она не забыла ни повешенного красноармейцами на глазах детей своего приятеля Сиверса (не имевшего отношения ни к белым, ни к красным, мирного управляющего имением), ни гибели его сына, жениха её дочери Ирины <...>, ни загадочной смерти от неизвестной пули своего родного брата Владимира...»³

*Сергей Алексеевич Вырубов с сыном
Владимиром Сергеевичем Вырубовым.
Начало 1900-х гг.
Из архива Е.С. Фёдоровой*

Карл Ле Дантю (материнская линия Нины Вырубовой)

Вернёмся к интересующей нас гурзуфской линии Ле Дантю, которая начинается с младшего брата Камиллы Карла Петровича Ле Дантю, сына Марии Петровны. В 1837 г. он женился, служил врачом, но рано умер. Его осиротевших детей вместе с детьми Камиллы несколько лет воспитывала бабушка Мария Петровна. Его сын Евгений Карлович Ле Дантю (1838-1915), племянник Камиллы, был чиновником Главного управления Российского общества железных дорог, жил в Санкт-Петербурге, был близок к музыкальным кругам, дружил с композитором М.А. Балакиревым. Женился он «на Баварской подданной Германии Эрмине Густавовне Рюбнер. <...> В свидетельстве о

¹ Фёдорова Е.С. Как в капле дождя. Общественная и частная жизнь России XIX – первой трети XX вв. в судьбах семьи декабриста Василия Ивашева (по эпистолярным, мемуарно-литературным и другим историческим документам). М.: Лабиринт, 2011. С. 137

² «Алфавитный список дворянским родам... по Владимирской губернии»: «Сергея Алексеевича Вырубова жена Мария Константиновна и их дети, Владимир, Мария и Анна» (РГИА, ф. 1343, оп. 51, д. 618, лл. 199-200, Сп. № 29).

³ Фёдорова Е.С. Как в капле дождя. Общественная и частная жизнь России XIX – первой трети XX вв. в судьбах семьи декабриста Василия Ивашева (по эпистолярным, мемуарно-литературным и другим историческим документам). М.: Лабиринт, 2011. С. 137

*Рудольф Нуреев и Нина Вырубова.
Париж, 1961 г.*

*Михаил Васильевич Ле Дантю.
Начало XX в.*

рождении имя жены Е.К. Ле-Дантю уже указано в русской транскрипции «Эрминия Александровна», здесь же: «вероисповедание Англиканское». Видимо, это вероисповедание уже в XX веке дало повод ошибочно говорить об её английском происхождении¹. На лето семья выезжала в Гурзуф, и в конце XIX века переселилась из Петербурга в Крым окончательно. У них был дом в Крыму, который впоследствии перешёл к его сыну Льву Евгеньевичу. В 1895 году Лев Ле Дантю женился. Его супругой стала баронесса Вера Николаевна Фредерикс. Их дочь Ирина выбрала в мужа Владимира Вырубова. У них была общая прапрапрабабушка Мария Петровна Ле Дантю. «По рассказам Ирины Владимировны Гюнтер (бабушки Екатерины Фёдоровой — *О.К.*), Владимир Вырубов был женат на дальней родственнице, Ирине Ле Дантю. Но судьба её, видимо, столь трагична, или на самом деле следы её безвозвратно потерялись, так или иначе Ирина Владимировна о своей тёзке, с которой была дружна, более ничего рассказать не захотела или не могла, при том часто вспоминая»²...

Немного о Михаиле Ле Дантю

Родственными узами Нина Вырубова связана с известным художником-авангардистом Михаилом Васильевичем Ле Дантю (1891—1917), трагически погибшим в поезде, когда возвращался с войны. В 1912 году Михаил, находясь в гостях у друга Кирилла Зданевича в Тифлисе, обратил внимание на картины художника-самоучки Нико Пиросмани. Благодаря Михаилу художественный мир узнал о Пиросмани, картины, которого прежде украшали стены грузинских харчевен и магазинов. Линия Михаила начинается от старшего брата Камиллы, Евгения Петровича, прапрадеда Михаила Ле Дантю. «Евгений Петрович, женившийся на Клавдии Окороковой и принявший в 1830 г. русское подданство, окончил Институт корпуса горных инженеров, служил по горному ведомству в Сибири, был удостоен многих наград, в том числе Ордена св. Владимира 4-й степени. По пути отца пошёл и его сын, горный инженер Василий Евгеньевич (1898—1902). Его сын Василий Васильевич Ле Дантю (1864—1897) был врачом. Михаил по заслугам прадеда был возведён в потомственное дворянское достоинство с правом внесения в III часть дворянской родословной книги».³

¹ <http://www.1-yalta.com/gurzuf-history-7.html>

² Фёдорова Е.С. Как в капле дождя. Общественная и частная жизнь России XIX – первой трети XX вв. в судьбах семьи декабриста Василия Ивашева (по эпистолярным, мемуарно-литературным и другим историческим документам). М.: Лабиринт, 2011. С. 354

³ http://www.nlr.ru/news/rnbinfo/2009/7_8-4.pdf

Рассматривая фотографии Нины, Михаила и Марии Петровны Ле Дантю (Сесиль), обнаруживаешь определённое сходство в чертах лица, передавшееся через поколение. Мария Петровна Ле Дантю могла бы гордиться своими потомками, каждый из которых вошел в мировую историю культуры.

Беседа с князем Никитой Дмитриевичем Лобановым-Ростовским

Несмотря на прояснившуюся информацию об отце Нины Вырубовой, я всё же решила пообщаться с князем Никитой Дмитриевичем Лобановым-Ростовским, по матери Вырубовым, и Юрием Александровичем Трубниковым, председателем Земско-городского комитета в Париже (Земгор), по вопросу о том, какими родственными узами они связаны с балериной. Тем более, Вырубов Василий Васильевич, дедушка князя, был председателем и членом этого же комитета в Париже в 1930-х годах. Это была организация, оказывавшая поддержку русским эмигрантам, игравшая видную роль во всех общественных предприятиях русской эмиграции, в том числе и культурных. Его брат Александр Васильевич Вырубов был супругом фрейлины последней императрицы Анны Александровны Танеевой-Вырубовой. Возник вопрос: почему Ирина Львовна не обратилась за помощью к деду Никиты Дмитриевича, уже проживавшего во Франции, и имевшего влияние в среде русской эмиграции?

О.К.: Никита Дмитриевич, является ли Нина Вырубова Вашей родственницей? И кем приходился Вам отец Нины Владимир Сергеевич Вырубов?

Кн. Н.Л.-Р.: Я всегда был уверен, что Нина — незаконнорождённая дочь брата моего деда. То, что Вы мне вначале указали на несовпадение дат смерти брата моего деда (1919 г.), и даты рождения

Князь Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский и Нина Владимировна Вырубова. Париж, 1980-е годы. Из архива князя Н.Д. Лобанова-Ростовского

Нины в 1921 г., заставило меня усомниться в правильности моих прошлых убеждений ещё до того, как меня разыскала Екатерина Фёдорова. Мой двоюродный дед тоже был расстрелян большевиками в Кисловодске лишь потому, что он дворянин и офицер, как и отец Нины. Какое совпадение... Екатерина, узнав о выставке, посвящённой моему дяде Николаю Васильевичу Вырубову в Доме Русского зарубежья, так вовремя меня разыскала, что нам с Вами не пришлось «водить читателей за нос». То, в чём я был абсолютно уверен на протяжении всей моей жизни, теперь к действительности не имеет никакого отношения. Но я поделюсь тем, что мне казалось, имело место быть. Я всегда был абсолютно уверен в том, что Нина Вырубова — внебрачная дочь кого-то из родственников по линии деда Василия Васильевича Вырубова, ибо это соответствовало отношению моего деда и его сыновей к Нине. Много лет не было в справочниках отчества Вырубовой. Её мать впоследствии указала отчество дочери. Вы посмотрите в энциклопедиях и словарях по балету ранее, чем 10 лет тому назад. Я помню, что с Клементом Крипсом (один из старейших балетных критиков Англии, друживший со многими артистами ещё со времен дягилевской антрепризы — *О.К.*) это обсуждал, и он это знал. И он ответил: чтобы узаконить её, мать прописала ей другое отчество. Тогда я ему рассказал, что мой дед её семью никогда не принимал, так как это было на моих глазах. Самое удивительное, что с Ниной мы эти вопросы никогда не обсуждали. Разобраться в этом деле я не могу. Я написал об этом двоюродному брату Юре Трубникову в надежде, что он скажет. К сожалению, тот, кто об этом знал, — это его мать. Но этого поколения уже в живых нет. Я рассказываю явные косвенные факты. Мой дед с ней не общался. И было какое-то эмбарго между ним и его семьёй, то есть детьми — двумя сыновьями и моей матерью. Когда мы с мамой вырвались из Болгарии во Францию в 1953 году, она тайно к ней пошла, чтобы отец не узнал об этом. Так как моя мать была по характеру другим человеком, очень добрым и набожным, то считала своим моральным долгом сказать Нине Вырубовой то, что против неё ничего не имеет. И она секретно к ней пошла.

О.К.: Вы когда-нибудь писали о Нине Вырубовой как о незаконнорождённой Вашей родственнице?

Кн. Н.Л.-Р.: Никогда. Никогда не хотел это затрагивать. Это было бы унижительно для неё. Я приходил к Нине как к родственнице, и она принимала меня как родственника и относилась ко мне как к родственнику, но мы говорили о ролях, о каких-то интересующих нас на тот момент делах. И это было само собой разумеющимся. Но те факты, которые Вы мне сообщили, что у неё теперь везде указан отец Владимир Сергеевич Вырубов, заставило обратиться к генеалогии Вырубовых, составленной Жаком Ферраном, где родство с отцом Нины я никак не мог найти. Надо бы расписать родословную Вырубовых более подробно.

О.К.: Это две разных ветви семьи Вырубовых: владимирская и московская. И Ваш дед с братом являются пятиродными или шестиродными кузенами Владимиру Сергеевичу Вырубову, отцу Нины. В 2005 году на вопрос Михаила Мейлаха Нине Вырубовой «как связана ваша семья со знаменитой Анной Вырубовой? И еще: у меня есть друг — Никита Лобанов-Ростовский, — его мать тоже Вырубова...»¹ она неопределённо ответила: «Должно быть, у нас общие корни, потому что Вырубовых не так уж много. Это фамилия моего отца. Папы давно нет — он скончался, когда мне не исполнилось и года. Он был очень красивым человеком»². Василий Васильевич, Ваш дед, рассказывал что-то о своём брате, как об отце Нины? С кем Нина общалась из Ваших родственников?

Кн. Н.Л.-Р.: Нет. Ничего не рассказывал. И я тогда в силу молодости не интересовался. В Париже она общалась с Александром Александровичем Вырубовым (1882-1962), в прошлом актёром МХАТа, который был женат на Марии Чеботари (Чеботарёвой). Помню, как он приходил к нам, и дед просил его прочитать что-нибудь из Пушкина, Гоголя или Бунина. Он прекрасно декламировал, артистично!

О.К.: Как Вы думаете, почему Ваш дед Василий Васильевич не считал должным принимать семью Нины у себя дома?

Кн. Н.Л.-Р.: Не могу сказать. Может, это заключалось в его мировоззренческой позиции. Он был человеком страстным, всегда открыто выражал свои взгляды. Для него важны были традиции не только в жизни, но и в убеждениях, которые он сам воплощал в жизни. Порой был нетерпим в

¹ Мейлах М. Эвтерпа, ты? Художественные заметки. Беседы с артистами русской эмиграции. Том I: Балет. — М. Новое литературное обозрение, 2008. С 389.

² Там же.

утверждении справедливости. Ему сложно было признать, что кто-то может жить вне норм, по-своему. Но духовная свобода для него была превыше всего. Он был масоном.

О.К.: Однажды Ваш друг, болгарский писатель и поэт Любомир Левчев рассказал маленький сюжет, который показателен для характеристики Василия Васильевича Вырубова. В 1953 году, уехав из социалистической Болгарии и обосновавшись в Париже, Вы хотели обрести новых друзей и решили подружиться с денщиком. На что дедушка ответил: «Никита, не пристало пить чай с прислугой».

Кн. Н.Л.-Р.: Шутка Левчева! Лакей, служивший у деда, вначале был конюхом у князя Георгия Евгеньевича Львова в Париже. У князя до революции там была квартира и поэтому лакей Иван (для французов Jean) после кончины хозяина «по наследству» перешёл к деду вместе с квартирой. Иван из конюха дослужился до лакея. Позже он женился на кухарке моего деда. Дед купил им домик как раз напротив своего дома в деревне Fleury. По-французски говорил он очень плохо. Мой дед был холерик, эдакий барин! По утрам — до кофе или чая — он орал на него. Меня всегда удивляло, почему тот спокойно стоял и слушал, когда его ругали. Только после его смерти мы увидели, что пол в комнате заставлен бутылками сидра. Он выпивал по четыре литра в день и постоянно находился в «облачном» состоянии, поэтому воспринимал брань вполне спокойно. Оставив своих друзей в Болгарии, я хотел подружиться с Иваном. Но дед сказал, что есть социальные привычки, которые нельзя нарушать. В этом случае нарушается баланс работодателя и рабочего.

Для характеристики моего деда приведу ещё один эпизод. Летом 1967 года я обедал у Луи Камю, председателя Коммерческого банка (Banque de Commerce), в его имении под Брюсселем. Я сидел справа от Марго Фонтейн, prima ballerina absoluta Королевского балета Англии, много лет танцевавшей с Рудольфом Нуреевым, несмотря на то, что она была значительно старше его. Узнав, что я русский, живущий в Париже, она спросила, не знаком ли я случайно с Николаем Вырубовым (которому была посвящена выставка в Доме Русского зарубежья — *О.К.*). «Да», — ответил я и добавил, что он младший брат моей матери. Фонтейн объяснила, что задала этот вопрос, ибо я очень похож на Вырубова, которого она хорошо знала в Лондоне до войны. Больше она ничего о нём не сказала. У моего дяди был бурный роман с ней, и он хотел на ней жениться, но мой дед считал, что не подобает русскому дворянину жениться на балерине и запретил брак. Похожая участь постигла моего дядю в желании жениться на дочери первого премьер-министра Индии Джавахарлала Неру Индиры. Может быть, мой дед был прав, ибо в сорок два года мой дядя женился на Сабин де Ноай (Noailles), дочери герцога де Муши, на 20 лет моложе его, и более полвека прожил с ней в счастливом браке.

Об Анне Александровне Вырубовой

О.К.: Часто указывают, что Нина Вырубова — родственница фрейлины Анны Александровны Вырубовой, подруги последней российской императрицы Александры Фёдоровны. Урождённая Танеева, Вырубовой она стала после брака с братом Вашего деда Александром Васильевичем Вырубовым (1880-1919). По её воспоминаниям, участие в Цусимском сражении, плен, наложило отпечаток на психику её супруга. После развода она вернула девичью фамилию, и общение с Вырубовыми прекратилось. Но фальшивый дневник тенью лёг на фамилию Вырубовых.

Кн. Н.Л.-Р.: К счастью, информация об Анне Танеевой-Вырубовой основана на письменных данных, оставленных моим дядей Николаем Васильевичем Вырубовым, а также на моём личном знакомстве с Александром Галперном, адвокатом А.А. Танеевой и мужем Саломеи Николаевны Андрониковой (Андроникашвили). Здесь лучше привести воспоминания моего дяди Николая Васильевича Вырубова из моей книги «Эпоха. Судьба. Коллекция»: «Не Танеева своим поведением вызвала молву, а советская пропаганда, публикуя в 1927 году на страницах журнала «Минувшие дни» фальшивый дневник за подписью Вырубовой, зная, что, находясь за границей, она не сможет его опровергнуть. Целью публикации интимного дневника якобы руки Танеевой, которую молва обвиняла в позорном поведении, было желание опорочить царскую семью. Сочинили фальшивый дневник и легенду его появления. Утверждалось, что Танеева, находясь в заключении, боялась, что подлинник её дневника будет найден и захвачен, и якобы попросила знакомую его переписать и сохранить копию. Именно эта копия и была будто бы найдена, а подлинник, которого на самом деле никогда не существовало, Танеева взяла с собой при бегстве. Для сочинения дневника обратились к

Алексею Толстому, знавшему образ мышления людей придворного круга и способного найти подходящий тон. Благодаря его таланту, дневник получил широкое распространение, а молва разнесла наше имя. Толстой назвал фрейлину Вырубовой, а не Танеевой, не зная, что она после развода в 1908 году вновь стала носить свою девичью фамилию, которая тогда была очень громкой ввиду высокого придворного чина отца. Толстой, вероятно, не знал и о том, что оригинал воспоминаний Танеевой был напечатан в Париже на страницах журнала «Русская летопись» в 1922 году с подписью А.А. Танеева. По-видимому, мало кто в стране обратил внимание на публикацию А. Кочетова в Москве в 1991 году, в которой он доказывает, что фальшивый дневник — не более чем литературная мистификация. Это опровержение прошло незамеченным, и люди по старой привычке продолжают Танееву хулить.

В нашем роду Анна Танеева оказалась случайно. Она была дочерью управляющего царской канцелярией А.С. Танеева. В их семье эта высокая должность передавалась от отца к сыну в трёх поколениях. Следует иметь в виду, что Танеева и Вырубов были женаты всего один год. Танеева с ранних лет была приближённой Государыни и стала её любимицей. Государыня решила назначить её фрейлиной. При штабе Государя находился морской офицер Александр В. Вырубов (брат ВВВ). Он понравился Государыне, и она их поженила. На этом статус фрейлины оборвался. На редкость скромная свадьба состоялась в Царском Селе 30 апреля 1907 года: присутствовали царские особы и Вырубовы. Вырубов запретил жене устраивать у себя дома встречи Государыни с Распутиным, и развод был неизбежен: через год брак был расторгнут. Затем Александр Вырубов подал в отставку, уехал в своё имение, вновь женился и обзавёлся детьми. Отношений у семьи с Танеевой не было. Мой отец (дед Никиты Дмитриевича — Василий Васильевич Вырубов — *О.К.*) был видным противником Распутина, и, находясь в Ставке, где готовился заговор, который должен был привести к её аресту, открыто критиковал Государыню. Однако никто в семье не обвинял Танееву в позорном поведении. Нам, как и другим, не поведение Танеевой мешало, а её роль при дворе. Любимица Государыни, Танеева стала её посредницей при общении с внешним миром, пользовалась её доверием и имела к ней доступ. Люди напрасно воображали, что Танеева вмешивалась в дворцовые интриги. Она была мистической поклонницей Распутина, видела в нём святого человека, способного спасти больного наследника и принести духовное успокоение Государыне. Сближение Государыни с Распутиным, возникшее при её помощи, имело губительное последствие для престола. За этот грех Танееву следует призвать к ответу перед историей, но время для этого наступит только тогда, когда в России взгляд на прошлое станет беспристрастным. Следует напомнить, что Танееву дважды арестовывали, и её поведение при дворе дважды подвергалось тщательному расследованию. Временное правительство хотело обнаружить её участие в политических интригах дворца, препятствовавших ходу государственных дел. Но никаких доказательств не было найдено. Советская власть Танееву подвергла тяжёлому заключению и продолжительному допросу в присутствии людей, полностью настроенных против неё. Суд старался доказать её участие в разгульном поведении в окружении Распутина, в котором её обвиняла молва. А.Я. Гальперн потребовал на суде подтверждение её девственности, чтобы доказать, что она не участвовала в разгулах, что было сделано, и её девственность подтверждена. Итак, не найдя никаких улик, её отпустили. Прибавлю, что В.М. Руднев, следователь советского суда, производивший расследование о безответственном влиянии Танеевой на Государыню, в своих воспоминаниях о ней дал умеренную характеристику, обратную молве (опубликовано в Париже на страницах «Русской летописи»). Он писал о ней как о поклоннице Распутина, женщине глубоко религиозной и полной доброты. Её дважды судили за поведение при дворе и дважды оправдали. Однако имя её до сих пор остаётся как бы воплощением чего-то предосудительного. Оказавшись на свободе, Танеева с матерью, не скрываясь, прожили в Петрограде три года вплоть до бегства в декабре 1920 года. Танеева скончалась в 1964 году в Финляндии, где скромно, достойно и молча хранила память царской семьи. Не позорное поведение очернило впоследствии имя Танеевой, а клевета фальшивого дневника, рассеянная молвой, которую ничто не прекратит, тем более что есть причина повторять уроки пропаганды, не ставя их под сомнение. Ещё недавно парижский журнал решил опубликовать «поддельный» дневник. Я предупредил редакцию, как он был составлен и что содержит клевету, и по соображениям этики публикацию отменили.¹

¹ Лобанов-Ростовский Н. Эпоха. Судьба. Коллекция. М. 2010. С. 411-412.

Беседа с Юрием Александровичем Трубниковым

О.К.: Встречались ли Вы с Ниной Вырубовой?

Ю.Т.: С Ниной Вырубовой я никогда не встречался. Почему? Трудно ответить. Когда мне было лет пятнадцать-шестнадцать, я с упоением ходил на балеты маркиза Куэваса (через знакомую, дружившую с Головиной, супругой Сержа Головина, мы получали билеты), но о Вырубовой ничего не слышал. Отношения моей семьи с Василием Василевичем Вырубовым, дедом Никиты, были непростые. Отцу было лишь три года, когда его родители развелись, и мать вышла замуж за Вырубова. Это, безусловно, может оставить следы у ребёнка. Мой отец был «правый» (За Веру, Царя и Отечество!). Вырубов был «левым», к тому же масон. И он славился «сильным» характером... Нас родители возили два раз в год нанести визит дяде Васе, как мы его называли, но и всё, по крайней мере, до приезда Никиты.

О.К.: Вы родились в Париже. Почему эмигранты предпочитали селиться в Медоне? Потому что это местечко было бедным?

Ю.Т.: В этом городке я провёл первые 20 лет моей жизни. Город совсем не бедный, однако там находилась крупная русская колония: Дмитрий Мережковский и, естественно, Зинаида Гиппиус, Марина Цветаева, Иван Лукаш и много других... Например, великий князь Андрей Владимирович жил одно время в Медоне и, конечно, Матильда Кшесинская. В ту пору Медон — это был свежий воздух, леса высоко над рекой. В прошлом — остановка по дороге из Парижа в Версаль: наследник престола имел там дворец, в остатках дворца Mme de Pompadour была школа, в которой я учился. Настоятелем храма был когда-то сам Франсуа Рабле, где им была выпущена четвёртая книга «Пантагрюэля»! А ближе к нам было соседство заводов «Рено», где работало много русских. Но Нину Вырубову я не встречал. Она либо не ходила в церковь, либо ходила в другую (в Медоне их было две).

О.К.: Василий Васильевич Вырубов возглавлял Земгор, теперь возглавляете Вы. Как Вы полагаете, почему мама Нины Вырубовой не обратилась за помощью в эту организацию?

Ю.Т.: Земгор помогал и продолжает помогать нуждающимся русским беженцам, но по мере возможностей не своим, не родне. Забавная связь между Вырубовыми, Трубниковыми и Ле Дантю. Долгое время Ле Дантю («зубчатый» по-французски) для меня был художник авангардист Михаил Ле Дантю. Однажды, в 1994 году, работая в Тюмени, я решил посетить Туринск на Урале, куда были сосланы декабристы. Приехал в Дом-музей Василия Ивашева. Посетителей мало, стали спрашивать о том, кто я, откуда? Я назвал свою фамилию, и меня тут же зачислили в VIP-персоны. Мне объяснили, что у Ивашевых была дочь, которая вышла замуж за Константина Трубникова. Как будто он был скучный человек: вряд ли разговор с издателем «Журнала для акционеров» или «Биржевых Ведомостей» увлекателен по вечерам! Не это ли объясняет, что его жена оказалась первой русской феминисткой? У них родилась дочь, которая впоследствии вышла замуж за революционера Вырубова. У Марии Константиновны и бабушка, и невестка (мать Нины) носят ту же необычную фамилию Ле Дантю. Тот Трубников, очевидно, не из нашей линии (тверской), вероятно, из новгородской. Вот что я могу ответить на Ваши вопросы.

Заключение

Удивительное переплетение судеб, кружева биографий, имён, фамилий, сеть родственных связей и взаимоотношений... Колесо фортуны сделало свой круг. Мария Петровна (Сесиль) Ле Дантю, бежавшая от французской революции, нашла приют в России. Она так и не выучила русский язык и в письмах подписывалась «Сесиль». Судьба распорядилась таким образом, что через столетие её прапраправнучка Ирина Львовна, убегая от русской революции, вернулась на родину своих предков. Её дочь Нина своим предкам вернула причитающийся им пьедестал по праву рождения, несправедливо отнятый Провидением. Вопреки обстоятельствам, она стала одной из ярких звёзд не только французского, но и мирового балета. Если Михаил Васильевич Ле Дантю остался на страницах истории русской и грузинской культур, то Нина Владимировна Вырубова вписала своё имя в историю французской культуры. Во Франции Нина нашла то, что не было в отечестве — дом, семью, будущее признание... В 1999 году она впервые посетила Россию — Гурзуф и Санкт-Петербург.

Посещение Мариинского театра, на сцене которого она никогда не танцевала, вызывало горечь изгнания, возвращало к прошлому утраченной царской России, к блестящему веку Императорского балета, с его педагогами, великими русскими балеринами и танцовщиками, и, конечно же, к великому Мариусу Петипа, в балетах которого она танцевала столько раз... Французский кинорежиссёр Доменик Делуш (Dominique Delouche) снял фильмы о балерине «Le Spectre de la danse» («Видение танца», 1960), «Les cahiers retrouvés de Nina Vyroubova» («Забывшие дневники Нины Вырубовой», 1996 г.), запечатлев репетиции с учениками, рассказ о её знаменитых партнёрах, сохранил кино и фотосъёмки выступлений Нины...

Екатерина Сергеевна Фёдорова: Знаете, моя бабушка время от времени вспоминала Ирину Львовну, ведь она с ней была очень дружна. При полном отсутствии информации ей всегда казалось что-то ужасное. Я только год назад узнала, что Ирине Львовне удалось выехать в Париж, и она мама балерины Нины Вырубовой. Когда я это узнала, Нины уже не было в живых, бабушки моей тоже, она так и не узнала, что Ирина Львовна с дочерью спаслись. И вот, прочитав о Нине, я мысленно воскликнула: «Бабушка, я её нашла!» А оказалось, Нина уже умерла в 2007 году в доме престарелых. Для меня это было потрясением. Ведь нет уже никаких родственников нашей огромной и когда-то «родственной» семьи. Её знаменитые тетради выбросили на помойку! Я полагала, что волны печальной истории наших семейств окаменели, но оказалось, что нет. Если бы знать! Огорчению моему не было предела... Я страшно рада, что есть Никита Дмитриевич.

Людмила Яцкевич

Людмила Григорьевна Яцкевич (Калачёва) — доктор филологических наук, профессор. Родилась в Череповце в 1944 году. Училась в Череповецком педагогическом институте, аспирантуре и докторантуре Ленинградского педагогического института им. А.И. Герцена. Работала в Гомельском университете в Белоруссии, затем в Вологодском педагогическом университете. Автор 170 публикаций по языкознанию и вологодскому краеведению, в том числе девяти книг («Структура поэтического текста», «Поэтическое слово Николая Клюева», «На золотом пороге немеркнущих времён: Имена собственные в поэзии Н.А. Клюева», «Слово о родной деревне» и другие). Подготовила словарь «Народное слово в произведениях В.И. Белова» (2004). Участвовала также в составлении «Словаря вологодских говоров», школьных словарей «Вологодское словечко» и «Золотые россыпи», «Поэтического словаря Николая Клюева». Её книга «Очерки морфологии вологодских говоров» (2013 год) на областном конкурсе «Книга года» признана лучшим научным изданием. Автор сборника рассказов «Вологодская нива», на которую В.И. Белов откликнулся рецензией «Книга с вологодским характером» (Газета «Красный север» 2005, сентябрь)

«Слова лежат в глубинах русских рек...»

В наше время все жалуются на утрату смыслов, на пустоту и никчёмность наших речей. Но эта беда настгла нас не сейчас. Русский мыслитель о. Иоанн Шаховской ещё около пятидесяти лет назад с горечью замечал: «Люди создают вокруг себя пустыню слов и отгораживаются ею друг от друга, уходят друг от друга в эту пустыню». Беда пустословия ведёт за собой другие беды: с одной стороны, так называемый «плюрализм» понимания самых ключевых для жизни слов, а с другой стороны — *тиранию* их толкования.

Распространённое в наше время модное словечко *плюрализм* фактически обозначает такую ситуацию, в которой беснование смыслов не допускает взаимопонимания и согласия в обществе. В связи с этим К. И. Вальков, наш земляк, ныне живущий в Петербурге, пишет: «Знания и способности все парализованы изнурительной, бесплодной взаимной борьбой». Этот автор посвятил разоблачению данной болезни языка книгу «Азбука для самых грамотных» (СПб., 2006). Пожалуй, самыми поражёнными болезнью плюрализма словами являются СВОБОДА и ДЕМОКРАТИЯ. Сколько крови пролито из-за них! А внутри пустота! Инфернальная пустота!

Другая болезнь нашей речи — тирания понятий и слов, их обозначающих. Проще говоря — навешивание словесных ярлыков. В свое время А.А. Блок в статье «Краски и слова» с большой иронией писал: «Критика очень много толкует о «школах» символизма, наклеивает на художника ярлычок: «символист»; критика охаживает художника со всех сторон и обдергивает на нем платье; а иногда она занимается делом совсем уж некультурным, извинимым разве во времена глубокой древности: если платье не лезет на художника, она обрубает ему ноги, руки, или — что вовсе неприлично — голову». Особенно вредоносно и болезненно навешивание ярлыков в научной, социальной и политической сферах. Сколько «выдающихся учёных», «заслуженных художников» «вождей народа», «героев» с одной стороны, и «неудачников», «сумасшедших», «врагов народа» и «террористов», с другой, со временем поменялись местами!

Словесная пустота разоблачается перед лицом смерти, а «все, истинно ценное, значительное и священное, утверждается перед лицом смерти, победоносно выходит из огненного испытания и является в своем истинном сиянии и величии» (И. А. Ильин). Это особенно ярко проявилось в истории христианского мученичества, когда люди не боялись назвать себя последователями Христа даже перед угрозой мучительной смерти.

Иначе относятся к пониманию слова и заключённого в нем знания люди постхристианской культуры, проповедующие плюрализм знания и слова. Ницше считал: «Чем больше чувств говорит нам о какой-либо вещи, чем больше глаз, разных глаз мы умеем направить на эту вещь, тем полнее наше «понятие» этой вещи». По мнению философа, такой способностью в полной мере может обладать только сверхчеловек. Близкие мысли высказывает современный его последователь М. Эпштейн: «Не держаться определённого взгляда на вещи — это, пожалуй, и есть подлинное мировоззрение. Видеть — значит менять точку зрения. Один взгляд на вещь — почти что слепота». В конце XX века, в перестройку, многие и многие прыгали с одной точки зрения на другую. Разве нашли они истину в этом прыгании?!

В христианской традиции существует установка *на соборное единство и простоту знания и слова*, которые основаны на *единстве мира в Боге как его Творце*. Истинное знание о мире человек получает только по благодати Божией — как откровение. Поэты и писатели это знают. Поверим А.С. Пушкину, который, в отличие от Ницше и Эпштейна, считал: «Гений с одного взгляда познаёт истину». О соборности русского слова, его сокровенной глубине и слитности «с могучим Словом, жидущим Дела», писал наш молодой вологодский гений Алексей Шадрин:

Слова лежат в глубинах русских рек,
Они не умерли, они заснули.
Их разбудить лишь может человек,
И оживет тотчас стозвонный улей.

Певучих, тяжких, как колокола,
Как монолиты каменные слитых
С могучим Словом, жидущим Дела ...
Пусть не молчит полуистлевший свиток,
Что молодость у Леты обрела.

Да, пусть не молчит искреннее русское слово! Но сколько мучений и боли душевной нужно пере-нести, чтобы отринуть беснование плюрализма и пустоту ярлыков и штампов:

Когда в трудах бессмысленных горю,
Я, ежечасно исторгая стоны,
Себе ли в утешенье говорю:
Минует день, печалью населенный!..

Хоть для меня слова мои — не бронь,
Пощада их ко мне не удержиима,
Но боли несмолкающий огонь
Горит в моей душе неистребимой.

(Алексей Шадрин)

Это хищное слово «проблема»

Известно, что существуют хищные животные и хищные растения. Например, когда ты путешествуешь по нашему любимому отечеству, твой взгляд повсюду печалит вид ужасного, могучего борщевика. Это хищное растение-мутант агрессивно захватывает территорию других совершенно мирных и красивых растений, оттесняет их и уничтожает. Но оказывается, в наше время появился и ещё один вид хищников — слова-мутанты, агрессивно уничтожающие наши природные русские слова.

Речь пойдёт о вездесущем слове «проблема», которое в последние годы в речи наших современников стало употребляться на каждом шагу, о чём бы мы ни говорили. Приведу лишь некоторые примеры из бесконечного множества подобных:

У меня проблемы со здоровьем. В переводе на русский: *Я нездоров. Я болею.* Слово *проблема* заменило слова *нездоровится, болен, болею.*

На работе опять проблемы у него. В переводе на русский: *У него трудности на работе: не справляется.* Или: *Он не может управиться со своей работой.* Или в другой ситуации: *Он не ладит с начальством на работе.* Слово *проблема* здесь употребляется вместо слов *не справляется, не ладит.*

Проблем с английским у неё не было. В переводе на русский: *Она хорошо владеет английским языком.* Уничтожается слово *владеет.*

Гардеробщица отказалась взять головной убор у посетителя, и он, обиженный, в ответ ей: *«Я не знал, что у вас такие проблемы!»* В переводе на русский: *«Я не знал, что у вас такие странные порядки!»* Уничтожается словосочетание *странные порядки.*

У моей кошки опять проблемы! Куда теперь котят дену! Почему бы хозяйке кошки не сказать прямо: *Моя кошка скоро окотится.*

«Вы довезёте меня до Череповца?» — спрашивают таксиста. — *«Без проблем»* — отвечает он. В переводе на русский: *«Конечно, довезу!»*

«Свари мне борщ!» — просит муж жену. И она ему гордо отвечает: *«Не проблема!»* В переводе на русский: *«Обязательно сварю!»*

Вслед за словом *проблема* начинает набираться повадок хищника и слово *проблемный*, которое идёт напролом и уничтожает подряд многие другие имена прилагательные. Посудите сами:

У нас в классе есть проблемный подросток. Вместо — *трудный, шаловливый, озорной, хулиганистый подросток.*

У неё проблемная кожа. Вместо — *кожное заболевание, или -чувствительная кожа.*

Продаётся обувь на проблемные ноги. Вместо — *больные ноги, опухшие ноги* и т.п.

Это хищное слово *проблема* пришло к нам издалека. Сначала оно было заимствовано латинским языком из греческого. Затем немецкий язык взял это слово в свой лексикон из латинского. Потом полякам это слово приглянулось, и они тоже его стали употреблять. И, наконец, из польского оно попало в русский язык. Сначала оно вело себя скромно и использовалось лишь как синоним к русским словам *задача, вопрос, загадка, требующие исследования* (см. В. Даля). Употреблялось ограниченно — только в научном, публицистическом и деловом стилях. Пушкин и Лермонтов прекрасно обходились без этого слова, как и многие другие истинные поэты и писатели, даже и в XX веке. Например, в поэтическом словаре Н.А.Клюева его нет, в произведениях Н.М. Рубцова это слово только один раз встретилось в стихотворении «Фальшивая колода» и то в ироническом контексте.

Ещё слово *проблема* похоже на людей, которые считают, что они всё всегда знают и понимают, и всегда правы, что обычно говорит об их глубоком невежестве. Дело в том, что это слово самонадеянно вытесняет сотни, а скорее тысячи русских слов, но по существу **не заменяет** их. Ведь трудных ситуаций в жизни бесконечно много, и все они разные, неповторимые. И на каждый случай в русском языке есть своё точное слово или словосочетание. А слово *проблема* все нивелирует, стирает все оттенки смыслов, упрощает, извините, до идиотизма. Как хорошо! Думать-то и выбирать слова не надо! Это словечко тут как тут — само лезет на язык! Короче, на наших глазах хорошее слово *проблема* видоизменяется в свою противоположность. Этаким волк в овечьей шкуре!

Отрадно, что, кроме людей — носителей и распространителей этой «проблемной» заразы, есть и те, кто с ней борется, правда, пока робко. Так, в Интернете некие доброжелатели опубликовали список слов, которые помогли бы любителям упрощённой речи, минуя слово *проблема*, кратко, одним словом, выразить возникающие в жизни различные затруднения. Приведу этот список, распределив его по стилям русского языка. Для книжных стилей это такие слова: *альтернатива, апория, дилемма, материя, криптография, предмет обсуждения, предмет внимания, тайнопись, тема, теорема, узкое место, урок.* Для нейтральной речи возможны слова: *вопрос, дело, загадка, задание, задача, затруднение, осложнение, переделка, переплет, положение, препятствие, рана, трудность, засада.* В разговорной бытовой речи, как известно, даже и такие словечки используются: *закорючка, загвоздка, закавыка, закавычка, заковырка, заколупка, заморочка, сложнячка, геморрой.*

Конечно, это только полумеры.

Так хочется приобщиться к точной и не двусмысленной речи! Ведь все подмены в нашей жизни — от лукавого.

Не об этом ли писал Н.М. Рубцов в своём стихотворении «Фальшивая колода»:

*Четыре туза
И четыре внимательных дамы
Со мной завели,
Как шарманку, глухой разговор
О хлебе, о ценах
О смысле какой-то проблемы ...
— Эй, что ж ты, паромщик?
Затей свою песню, затей!
Терпеть не могу
Разговоров на общие темы
Среди молодых,
Но уже разжиревших людей!*

«Как бы русский как бы язык»

Не в силе Бог, а в правде. Таково издавна наше русское самосознание. Настоящие мужчины в России — всегда правдоискатели, а русские женщины отличаются искренностью. Но в конце XX века налетело новое смутное время и принесло с собой новое поветрие, заразившее души мутными образами и словами. Одним из таких мутных словес, заслоняющих правду, является частица *как бы*, прилипшая, подобно репейнику, к речи многих наших соотечественников. Словно болезнетворный микроб, эта частица делает бессмысленным любое высказывание, в которое она проникает. Посудите сами, читая следующие записи услышанных нами фраз:

— *Он как бы депутат теперь.*

Что имеется в виду? Он депутат или только играет в депутата?

— *Она как бы замуж вышла.*

Так вышла или нет? Ага! Наверно, «гражданский брак».

— *Поехали как бы на рыбалку, выпили да как бы и утонули.*

Поехали на рыбалку или куда-то в другое место и за другим делом? Утонули или все-таки вынырнули? Извините за резкость, но ведь фраза эта бессмысленна!

Над бессмысленностью этой вредоносной для нашего языка частицы довольно цинично смеются в Интернете: опубликовали повесть под названием «*Как бы женщина и как бы беременная*». Но горько делается от того, что ходят по русской земле эти *как бы женщины*, забывшие женское обличье и женские обязанности! Да и *как бы мужчин* что-то многовато мелькать стало.

Частица *как бы* прицепилась в основном к речи простого народа, обычно молодёжи. Больна этим словечком речь учащихся школ, колледжей и даже университетов. Вот некоторые образцы высказываний наших студентов:

— *Татьяна Ларина как бы написала письмо Онегину.*

— *Моя как бы любимая современная как бы писательница — Улицкая.*

Вздыхнем горько: откуда на нас такая напасть — этот *как бы русский как бы язык*?! Не влияние ли это компьютерных игр и Интернета, где всё понарошку, все *как бы*, а не в действительности? Ведь уже и многостраничный труд издан в Петербурге бывшим профессором МГУ, а ныне гражданином США М. Эпштейном — «Философия возможного: модальность в мышлении и культуре» (СПб, 2001). В книге на основе сложных философских построений возводится в ранг нормы это мутное сознание, выраженное частицей *как бы*. В статье нашего известного отечественного философа В.А. Кутырёва «Философия иного, или небытийный смысл трансмодернизма» идеи этой книги были критически рассмотрены и разоблачена их ложность (см. журнал «Вопросы философии», 2005, № 12).

Теперь обратимся к другому такому же прилипчивому выражению — «*на самом деле*». Оно встречается часто в языке людей солидных — чиновных, образованных. Часто в радио- и телепере-

дачах слышим подобное:

— *Запад, на самом деле, проявляет толерантность к нам.*

— *На самом деле, сельское хозяйство в северных регионах в последнее время активно развивается.*

— *ЕГЭ, на самом деле, предотвращает коррупцию в сфере образования.*

Чувствуется, что авторы таких речений не верят в то, что говорят, но пытаются убедить слушателей, что все, что они вещают, чистая правда — *на самом деле*. Но постоянно повторяемое, это словосочетание только выдает фальшь говорящего, а не прикрывает её. Поэтому только на первый взгляд выражения *как бы* и *на самом деле* противоположны по смыслу. Оба они — враги правдивой и ясной речи.

Известно, что болезни языка отражают болезни общества. Мы утрачиваем чувство духовной реальности: всё зыбко, неопределённо в наших мыслях, чувствах, желаниях. Мы теряем под собой родную почву ... И эту духовную смуту выражают, в том числе, и фальшивый обороты речи *как бы* и *на самом деле*.

«Мы живем, под собою не зная страны...» — писал когда-то О. Мандельштам. А ведь её чужать надо, надо ... Как чужали под собой родную русскую землю наши вологодские писатели и поэты В. И. Белов, В.П. Астафьев, Н.М. Рубцов, А.А. Романов. Потому и были великими мастерами слова.

Живая и мёртвая вода слова

(Читая Николая Рубцова)

Человеку дан священный дар Слова не столько для общения, сколько для понимания Божьего Промысла о нем. Особенно остро это чувствуют поэты и философы. Однако нередко мы зарываем этот дар — талант в землю и равнодушны ко всему, кроме страха за свою жизнь. Да, мы много общаемся, при этом много говорим и пишем — но наши слова, как мёртвая вода, часто убивают все живое в душах и сердцах. И настигает нас расплата:

Я забыл, что такое любовь,
И под лунным над городом светом
Столько выпалил клятвенных слов,
Что мрачней, как вспомню об этом.

И однажды, прижатый к стене
Безобразием, идущим по следу,
Одиноко я вскрикну во сне
И проснусь, и уйду, и уеду...

Поздно ночью откроется дверь.
Невесёлая будет минута.
У порога я встану, как зверь,
Захотевший любви и уюта.

Побледнеет и скажет: — Уйди!
Наша дружба теперь позади!
Ничего для тебя я не значу!
Уходи! Не гляди, что я плачу!..

И опять по дороге лесной,
Там, где свадьбы, бывало, летели,
Неприкаянный, мрачный, ночной,
Я тревожно уйду по метели...

(Расплата. Н. Рубцов)

Расплата и страдание пробуждают нас от смертельного сна равнодушия, и мы тогда начинаем слышать живое слово других и сами вдруг начинаем говорить по-настоящему — искренне, с покаянием и болью сострадания.

Но если нет
Ни радости, ни горя,
Тогда не мни,
Что громко запоёшь.
Любая тема —
Поля или моря,
И тема гор —
Всё это будет ложь!

(«О чём писать ...». Н. Рубцов)

Живое слово не умирает. Даже произнесённое более полувека назад, оно по-прежнему живо, и тогда мы говорим о таком человеке — пророк. Речь идёт о Николае Рубцове, который написал в 1960 году стихотворение «Видения на холме», где есть слова, которые, как мы думали, относятся к прошлому, но оказалось — к будущему. Они жгут нас сейчас — в 2015 году:

Россия, Русь! Храни себя, храни!
Смотри, опять в леса твои и доли
Со всех сторон нагрянули они,
Иных времен татары и монголы.
Они несут на флагах черный крест,
Они крестами небо закрестили,
И не леса мне видятся окрест,
А лес крестов
В окрестностях России.
Кресты, кресты...
Я больше не могу!

Около пяти тысяч убиенных в окрестностях России — в Новороссии! Голоса погибших — громче голоса живых! Они нас пробуждают от сна равнодушия, раскрывают фальшь мёртвых слов, которые рекой льются на всех конгрессах, ассамблеях и бесконечных заседаниях важных чиновных людей, множатся в газетах, на радио и телевидении.

А поэт чутко слышит:

Кто-то стонет на тёмном кладбище,
Кто-то глухо стучится ко мне,
Кто-то пристально смотрит в жилище,
Показавшись в полночном окне.

Да, тревожно и страшно! Но поэт знает тайну России, её сокровенную благодатную силу и утешает нас живым словом своей поэзии:

«Чудный месяц плывет над рекою», —
Где-то голос поет молодой.
И над родиной, полной покоя,
Опускается сон золотой!

Не пугают разбойные лица,
И не мыслят пожары зажечь,
Не кричит сумасшедшая птица,
Не звучит незнакомая речь.

И откуда берется такое,
Что на ветках мерцает роса,
И над родиной, полной покоя,
Так светлы по ночам небеса!

Словно слышится пение хора,
Словно скачут на тройках гонцы,
И в глуши задремавшего бора
Все звенят и звенят бубенцы ...

(Тайна. Н. Рубцов)

Каждое слово этого стихотворения живит, открывает правду истинной русской жизни. Но слышим ли мы это живое слово? За грохотом и шумом мертвых слов мы утрачиваем слух, перестаем понимать живые слова правды и поэзии. Нас тянет или к бесплодному многословию, или, наоборот, — к резким движениям и словам: *Короче! Супер! Не проблема! Реально! Круто! Блин!* Все эти слова — прелюдия к мату, смертельному оружию тёмных сил, которое разрушает чистоту нашей жизни и губит её. Ведь на целомудрии стоит мир: все неестественное губит нас. Удивительно: сквернословие так дорого некоторым современным деятелям культуры, что без него им и книгу не написать, и фильм не снять, и спектакль не поставить! «Коротенькие люди» — так метко назвал Ф.М. Достоевский тех, в кого вселились бесы, несущие духовную смерть. Это их мертвый язык!

А нам нужны слова Истины и Вечной Жизни. И ведь мы знаем, где их услышать. Стоит только немного помолчать в тишине и послушать собственную совесть, понять собственное сердце... А когда услышим, то поймём: за такие слова и умереть не страшно.

Всё я верю, воспрянувши духом,
В грозное своё бытие
И не верю настойчивым слухам,
Будто всё перейдёт в забвенье...
(*Матчты. Н. Рубцов*)

Слова, которые пора вспомнить

Когда душа припоминает звуки,
Неслышанные прежде на земле,
То зарастает след от чёрной муки
И зеленеют травы на золе.
Н.П. Сидорова

Во времена политического, а главное, духовного смятения человеку нужна твердая опора. Иначе он летит в пропасть, по пути цепляясь за сиюминутные мысли, слова и дела.

А поскольку человек — существо словесное, то всё в жизни начинается со слова и кончается словом, *ибо от слов своих оправдаешься, и от слов своих осудишься* (Мф. 12:37).

Ещё древние изрекли: «*Смерть и жизнь во власти языка*» (Притч. 18:21). Не пора ли нам вспомнить те спасительные слова, которые так бережно хранили жизнь Святой Руси? Это, конечно, молитва, Священное Писание. Именно из них русский человек черпал духовные силы и обогащал свой язык словами, нужными для полноценной жизни, а не для выживания кое-как и как бы... Напомним далее некоторые из этих слов.

СОБОРНОСТЬ. Во времена буйства «*прав человека*», которые уничтожают человека как Божие творение, давайте вспомним слово *соборность*, которое обозначает единство людей по своему естеству и в Боге. Оно проявляется во взаимопонимании, в сочувствии, в умении человека жить не только в себе, но и в других так же, как в себе. На соборности основаны семья, церковь, государство. Литературное творчество человека возможно только благодаря остаткам в нем древней соборности в её высшей грани. К сожалению, *соборность* нынче начинает подменяться *толерантностью*, то есть терпимостью, снисходительностью к кому-либо другому, как определяется значение этого слова в словаре. Всего лишь терпимость и снисходительность к неравным себе! Разве это можно сравнить, например, с тем чувством теплого единения и взаимопонимания с родными, которое испытывает ребёнок, носитель соборности, в дружной семье!

ЦЕЛОМУДРИЕ. В древнерусском языке это слово представляло собой симфонию смыслов. Оно обозначало и благоразумие, и чистоту помыслов, и телесную чистоту, и непорочность. Слово *целомудрие* служило для обозначения гармонии духовно совершенной личности. У нас, к сожалению, нет этой внутренней гармонии: ум с сердцем не в ладу, слово не соответствует мысли, а дело — слову. Это духовное переживание внутреннего разлада с удивительной силой выражено в поэзии А.А. Блока и стало основной его поэтической темой:

Вздыхаются светлые мысли
В растерзанном сердце моем,
И падают светлые мысли,
Сожженные темным огнем.

На смену *целомудрия* пришло в наше время модное слово *креативность*, образованное от латинского корня *creo*, что значит — творю, создаю, произвожу что-либо. Слово *креативный* применяется сейчас часто по отношению к людям предприимчивым, очень умным, рассудочным, но с холодным сердцем и душой. Еще в своё время Николай Рубцов пытался вразумить такого креативного философа в своих «Философских стихах». Привожу здесь в сокращении диалог между ними:

— Пускай всю жизнь душа меня ведёт!
— Чтоб нас вести, на то рассудок нужен!
— Чтоб мы не стали холодны, как лёд,
Живой душе пускай рассудок служит!
<...>
— Как в трех соснах, блуждая и кружа,
Ты не сказал о разуме ни разу!
— Соединяясь, рассудок и душа
Даруют нам светильник жизни — разум!

Лишенная целомудрия креативность способна создать Вавилонскую башню, свидетелями чего мы и являемся теперь. И тогда — забудем совсем о соборности. Ведь именно *креативные* личности, в современном понимании этого слова, разрушают семью, церковь и государство — все то, что стремится к соборности. Семейные обязанности им не нужны, в церкви они погружаются в еретические (зато новые, креативные) измышления, а из государства они просто эмигрируют.

БДИТЕЛЬНОСТЬ. Это слово в современном нашем языке сохранило только одно значение — настороженность, неослабное внимание. *Бдительный* — крайне внимательный, настороженный. И применяют теперь эти слова в основном различные органы государственной безопасности, что вполне естественно и закономерно. Вопрос — всегда ли они бдят? Однако исконно слово *бдеть* также, как и слово *целомудрие*, о котором говорилось ранее, по смыслу тоже было симфонично, то есть совмещало в себе несколько значений. *Бдеть* значило *бодрствовать* в самых различных смыслах: не спать, хранить, беречь что-либо, а беречь себя — значит жить благочестиво, праведно. Удивительно, как все это чувствовал писатель Василий Шукшин. Ведь мы хорошо помним его восклицание: «Ванька, не спи!». Поэтому мы не верим модному ныне и глупому выражению: *Все под контролем!* Мы не внемлем круглосуточному призыву телевизора: *Расслабьтесь!* Нет, нам пора вспомнить о старых русских словах — *соборность, целомудрие, бдительность!*

Если вспомним — спасемся!

Тотальное — это не всенародное

У моей деревенской бабушки была такая поговорка: «Дело — делай, да два — не гадь!» Сказано строго, но справедливо: если делаешь какое-то дело, то постарайся не навредить другим. Последние годы эта поговорка приходит мне на память весной, когда начинается кампания проведения «всемирного» тотального диктанта.

Ведь на первый взгляд, дело хорошее — обратить внимание тысяч людей на собственную безграмотность и призвать их к постижению русского правописания. Но, к сожалению, одновременно наносится вред культуре русской речи, поскольку предлагаемые из года в год для написания тексты притупляют языковое чутье к живому русскому слову. Думаю, что организаторы делают это неосознанно, а поэтому, уразумев собственный просчет, не обидятся на мою критику.

Во-первых, обратим внимание на название «*тотальный диктант*», которое, благодаря масштабности мероприятия, широко распространяется в народе и делается привычным, входит в обычай, что крайне нежелательно. Слово *диктант* давно используется в школьной практике и само по себе нейтрально. А вот слово *тотальный* отнюдь не безобидно. Сравнительно недавно, в XX веке, оно было заимствовано из французского языка. Французское *total* соответствует русским словам *всеобщий, всеохватывающий* и произошло, в свою очередь, от латинского слова *totus*, что значит *весь, целый*.

Таким образом, никакой необходимости в заимствовании слова *тотальный* не было: в русском языке соответствующие его значению слова есть. Получив распространение в газетных текстах, это слово сразу «полюбило» сочетаться с хищными и неприятными по содержанию словами: *тотальная война, тотальный контроль, тотальный надзор, тотальный запрет, тотальный досмотр, тотальный пересмотр, тотальный кризис, тотальный дефицит, тотальный недостаток, тотальный гнет, тотальный развал, тотальный страх, тотальный грабеж, тотальный обыск, тотальный хаос, тотальный деспотизм, тотальный шпионаж, тотальный разгром*. Этот вывод мы сделали на основе изучения данных Национального корпуса русского языка, размещенного в Интернете.

Таким образом, у слова *тотальный* появилось какое-то отрицательное эмоциональное поле. Это следовало бы учитывать организаторам всеобщего, всенародного диктанта и не называть его *тотальным*.

Однако действительно ли данное мероприятие является *всенародным*? Дело не только в количестве участников. Чтобы быть народным, текст диктанта должен был составлен писателем или публицистом, творчество которого известно народу и любимо народом. Действительно, с 2004 по 2009 год участникам предлагались для диктанта тексты писателей-классиков. Но потом ситуация резко изменилась. В 2010 году диктант был составлен хорошо известным писателем — Борисом Стругацким. Однако удивительно, как этот текст назывался — «*В чем причина упадка русского языка и есть ли он вообще?*» Кого хотел уколоть и кого рассмешить Стругацкий таким названием?... Правда, в этом произведении, где автор рассуждает об извечно ущербном и циничном характере русского языка и об его постепенном исчезновении, он совершенно неожиданно в самом конце с пафосом заявляет, что русский язык, сильный, могучий, никогда не умрет. Такой прием называется на воровском жаргоне: *и концы в воду*.

После этого сигнала с 2011 года на поприще тотального диктанта вышла плеяда писателей так называемой новой формации: Дмитрий Быков (2011), Захар Прилепин (2012), Дина Рубина (2013), Алексей Иванов (2014), Евгений Водолазкин (2015). Это писатели — имитаторы русской речи и русской жизни. Об их творчестве не скажешь словами Пушкина: «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет». В понимании некоторых из них, визитная карточка русского языка — это мат, который в их произведениях звучит нередко. Кроме этого, эти авторы любят смаковать в художественной форме различные физиологические подробности, к которым у настоящих русских писателей нет творческого интереса. Да и читателям это противно читать. Всему своё место должно быть. К счастью, соответствующие матерные и физиологические отрывки из своих произведений они пока не предлагают для тотального диктанта.

Горькое чувство вызывает тот факт, что единомышленники организаторов тотального диктанта, в частности упомянутого выше Бориса Стругацкого, публично издеваются над теми, кто писал этот диктант и обнаружил свою безграмотность. Так, например, в бесплатной информационно-рекламной газете «ВА-БАНКЪ», которую без спросу забрасывают в каждый почтовый ящик, действительный член Международной академии общественных наук Михаил Скляр досыта посмеялся над результатами тотального диктанта и над русской безграмотностью в своей статье «*Истчо немного, истчо чуть-чуть ...*».

Что же, видно, вся эта тотальная кампания взялась доказать правоту Сергея Довлатова, который ещё в 1982 году в своей рецензии на книгу Наума Сагаловского «Витязь в еврейской шкуре» высказал мысль о том, что писатели новой формации «возвращают российской словесности забытые предпочтения — легкость, изящество, тотальный юмор». Довлатов даже сравнивает этого неизвестного в России малоталантливого поэта с Пушкиным.

Упаси нас, Господи, от такого тотального юмора!

О русской удали и чужеродном слове адреналин

Что-то слышится родное
В долгих песнях ямщика:
То разгулье удалое,
То сердечная тоска.

А. С. Пушкин

Удаль — слово чисто русское, его нет даже в родственных славянских языках. Даже там несколько иные представления о жизненной силе и молодечестве. А **удаль** — наше, родное, как сказал А.С. Пушкин в приведённых выше строках из стихотворения «Зимняя дорога».

О русской удали создано много народных песен:

Поют про Волгу-матушку,
Про удаль молодецкую,
Про девичью красу.

(Н.А. Некрасов. Кому на Руси жить хорошо)

Удаль, как национальная черта нашего характера, воспета русскими поэтами и писателями от Пушкина до Рубцова. А.К. Толстой в стихотворении «Ушкуйник» поэтически изображает её как **непомерную жизненную силу**, которая требует обязательного освобождения, выхода, применения:

Одолела сила-удаль меня, молодца,
Не чужая, своя удаль богатырская!
А и в сердце тая удаль-то не вместится,
А и сердце-то от удали разорвется!
Пойду к батюшке на удаль горько плакаться,
Пойду к матушке на силу в ноги кланяться:
Отпустите свое детище дробное,
Новгородским-то порядкам неученое ...

Но сила эта не только физическая, но и духовная. Народный поэт И.С. Никитин именно так её понимал, противопоставляя заботе, то есть многопечительности и бессильному унынию:

УДАЛЬ И ЗАБОТА

Тает забота, как свечка,
Век от тоски пропадает;
Удали горе — не горе,
В цепи закуй — распевает.
Ляжет забота — не спится,
Спит ли, пройди — встрепенется;
Спит молодецкая удаль,
Гроном ударь — не проснется.
Клонится колос от ветра,
Ветер заботу наклонит;
Встретится удаль с грозой —
На ухо шапку заломит.
Всех-то забота боится,
Топнут ногой — побледнеет;
Топнут ногою на удаль —
Лезет на нож, не робеет.
По смерть забота скупится,
Поздно и рано хлопочет;
Удаль, не думав, добудет,
Кинет на ветер — хохочет.
Песня заботы — не песня;
Слушать — тоска одолеет;
Удаль присвистнет, притопнет —
Горе и думу развеет.
Явится в гости забота —
В доме и скука и холод;
Удаль влетит да обнимет —
Станешь и весел и молод.

Удивительно, как поэт смог высветить все многогранные смыслы этого ёмкого слова, вместившего в себе духовный опыт русского народа.

Смысловая и эмоциональная многогранность слова-символа *удаль* заложена подспудно в этимологии этого слова. Оно образовано от слова *удалой*, происхождение которого связано с глаголом *удаться*, что значит — завершиться успешно. Следовательно, прилагательное *удалой* (или *удалый*) обозначало черту характера удачливого, счастливого человека. Ф.И. Буслаев, выдающийся наш филолог, живший в XIX веке, подчеркнул это первоначальное значение данного слова, когда характеризовал былинного героя так: «Не зрелое суждение и опытность руководят его действиями, а удаль и надежда на удачу; потому он *удалой, удача-добрый молодец*» [Ф. И. Буслаев. Русский богатырский эпос (1887)].

Только удачливость, или по-современному — успешность, раньше на Руси понимали иначе. Она предполагала мужественную силу, храбрость защитников отечества, которые приводят их к победе над врагом, то есть к воинской удаче. Об этом свидетельствуют и герои наших былин — удалые добрые молодцы, богатыри Илья Муромец и Добрыня Никитич. Именно поэтому в дальнейшем за словами *удалой, удаль* закрепились соответственно значения — храбрый, смелый и храбрость, смелость.

Однако этические грани русской удали многолики. Удаль иногда переходит в вольность, а вольность в озорство, своеволие и буйство. Фольклорным воплощением такой удали был былинный герой Василий Буслаев, а затем и персонажи народных песен Степан Разин и Емельян Пугачёв, второй, правда, реже. Их удали сочувствовали иногда и наши поэты и писатели: Пушкин, Шишков, Цветаева (*Да за удаль несуразную — / Развяжите Стеньку Разина*), Есенин в поэме «Пугачёв» (*Пусть он даже не Пётр, / Чернь его любит за буйство и удаль*). Да и лирический герой Есенина, как и сам автор, обладал этой удалью:

Золотая, словесная грудa,
И над каждой строкой без конца
Отражается прежняя *удаль*
Забияки и сорванца.

Даже тишайший Николай Клюев в бурные годы молодости в начале XX века задумывался над разбойной удалью:

О мать-отчизна, какими тропами
Бездольному сыну укажешь пойти:
Разбойную ль удаль померять с врагами,
Иль *робкой былинкой* кивать при пути?

Подчеркнем, что с этим вопросом Клюев обращается к матери-отчизне и, видимо, к своей совести. В результате он не избрал ни судьбу разбойной удали, ни судьбу покорной робкой былинки. А выпала на его долю **сердечная тоска** по Граду Китежу, святой Руси.

Эта же дума мучает и некоторых современных поэтов и писателей.

Но что-то стали забывать в русских городах и весях и удаль молодецкую, и сердечную тоску. Всё заботы и заботы о хлебе насущном ... Да ещё о собственной плоти, о престиже, о власти. Без радости, без воли и удали! Вместо этих живых чувств души всё шире распространяется их имитация, заменители-фальшивки. Затопило молодецкое пьянство с его лживой удалью и тоской. А непьющим — в качестве компенсации вдруг в изобилии потребовался *адреналин* в сочетании с *экстримом, кайфом, шоком и стрессом*, а иногда и *наркотиком*. Слова-то какие всё чужеродные! Да и не жизнью от них веет, а пахнет какой-то медициной. И действительно, **адреналин** — заимствование французского слова *adrenaline*, которое в свою очередь образовано от латинского *adrenalis*, что значит *припочечный*. Этот первоначально медицинский термин, обозначающий гормон надпочечников и соответствующее лекарство, теперь часто употребляется и в устной речи, и в современной литературе, и в публицистике для обозначения острых ощущений, как правило, вызванных нарочито, искусственно в определённых ситуациях. В «Национальном корпусе русского языка», опубликованном в Интернете, представлено значительное количество примеров подобного использования этого слова в газетах. Обычно речь идёт о получении острых ощущений:

— у спортсменов (*Мода на экстремальный спорт выводит из строя профессионалов и косит ряды любителей выплеснуть адреналин*. [Наталья Барановская. // «Известия», 2003.02.03]; *Короче, это чистый адреналин, особенно учитывая, что травматизм на таких скоростях гораздо выше, чем у всем привычного скейта*. [Николай Ванин. Летние покатушки // «Хулиган», 2004.07.15];

— всевозможных игроков (*Причиной этих чувств является стимулятор адреналин, тот самый, который наполняет кровь играющих в казино*. [Артем Тарасов. Миллионер (2004)];

— сыщиков (*Ни один наркотик и рядом не стоит с ощущениями, которые дает сыскная работа. Вот где настоящий адреналин! Исаев был опером молодым, на Петровке служил недавно и не потерял еще чувства новизны.* [Александр Хинштейн. Бригада // «Московский комсомолец», 2003])

— и у других людей, озабоченных поиском острых ощущений, часто не отходя от телевизора (в сериалах) или от компьютера (в социальных сетях).

Самое печальное в нашей современной культуре, что с помощью слова **адреналин** писатели новой формации пытаются изображать всевозможные «сильные чувства». Конечно, тон задают тексты самых тиражируемых ныне русскоязычных авторов. Вот отдельные примеры:

А может быть, горе выбрасывает в кровь адреналин, а счастье— расщепляет и выводит из организма. [Токарева Виктория. Своя правда // «Новый Мир», 2002];

Весь адреналин переместился теперь в их нижние этажи. [Василий Аксенов. Таинственная страсть (2007)];

Предвкушение драки. Адреналин начинает бурлить. Будто врубился в розетку. [Евгения Пищикова. Пятиэтажная Россия (2007) // «Русская Жизнь», 2008];

— *Меня вчера трое сняли, — щебетала Ниночка, блестя глазами, — такой адреналин!* [Дарья Донцова. Уха из золотой рыбки (2004)];

— *Ты себе представить не можешь, какой кайф, — воодушевленно рассказывал Юра, — чистый адреналин!* [Дарья Донцова. Уха из золотой рыбки (2004)];

— *Охота на леммингов. Адреналин под кожу, это не то... Ледовое настроение...* [Людмила Петрушевская. Город Света // «Октябрь», 2003]4

В десятом классе любовь — это адреналин, гормоны и обязательный разлад с окружающим миром. [Татьяна Устинова. Большое зло и мелкие пакости (2003)];

Тебя сейчас отпустило, но потом станет хуже, когда схлынет адреналин. [Татьяна Устинова. Подруга особого назначения (2003)].

Какие скука и холод начинают тяготить душу от этой пристальной заботы о собственной физиологии, от нарочитой жажды острых ощущений! А мне так по сердцу стихи И. С. Никитина, которого вдохновляли не гормоны надпочечника, а душевный порыв:

Явится в гости забота —
В доме и скука, и холод;
Удаль влетит да обнимет —
Станешь и весел, и молод.

Духовная чужеродность некоторых современных писателей препятствует им проникнуть в русское народное самосознание, поэтому слово **удаль** вызывает у них злую иронию, как, например, у С. Довлатова в «Заповеднике» (1983): *Между делом я прочитал Лихоносова. Конечно, хороший писатель. Талантливый, яркий, пластичный. Живую речь воспроизводит замечательно. <...> И тем не менее, в основе — безнадежное, унылое, назойливое чувство. Худосочный и нудный мотив: «Где ты, Русь?! Куда все подевалось?! Где частушки, рушники, кокошники?! Где хлебосольство, удаль и размах?! Где самовары, иконы, подвижники, юридивые?! Где стерлядь, карпы, мед, зернистая икра?!».*

Другое дело — наши великие писатели, которые высоко ценили удаль как национальную черту характера русского народа. К их словам нам надо бы прислушаться, а не к лепету мнимо русскоязычных. Николай Васильевич Гоголь не только к своим современникам, но и к нам обращался, когда писал: *«Удаль нашего русского народа — то чудное свойство, ему одному свойственное, которое дает у нас вдруг молодость и старцу и юноше, если только предстанет случай рвануться всем на дело, невозможное ни для какого другого народа, — которое вдруг сливает у нас всю разнородную массу, между собой враждующую, в одно чувство, так что и ссоры, и личные выгоды каждого — все позабыто, и вся Россия — один человек»* (Н. В. Гоголь. Выбранные места из переписки с друзьями).

В защиту веры в жизненные силы русского народа, в его удаль Федор Михайлович Достоевский писал: *«Такая вера в себя не безнравственна и вовсе не пошлое самохвальство. <...> Вера в то, что хочешь и можешь сказать последнее слово миру, что обновишь наконец его избытком живой силы своей, вера в святость своих идеалов, вера в силу своей любви и жажды служения человечеству, — нет, такая вера есть залог самой высшей жизни нации ...».*

На том и стоим, тем и спасаемся даже в смутные времена русской истории.

Критика

Марина Струкова

Родилась в Саратовской области. Автор трёх книг. Публиковалась в изданиях: «Нева», «Наши современники», «Независимая газета», «Роман-журнал XXI век», «Аврора», «День литературы», «Завтра», «Русская воля», «Атеней», «Литературная газета», «Подъем», «Молодая гвардия», «Русский образ», «Огни Кузбасса», «Север», «Губернский альманах», «Волга», «Камертон», «Парус», «Голос эпохи», «Топос», «Артбухта», «Южное сияние», «Гостиный двор», «Дон», «Сура», «Южная звезда», «Советская Россия», «Трибуна русской мысли» и другие. Дважды лауреат журнала «Наши современники», лауреат конкурсов «Прекрасные порывы-2010», им. Н. Некрасова, им. Ю. Кузнецова, дипломант конкурсов им. С. Есенина, «Эврика», «Нонконформизм — 2010».

«Между небом и мной...»

О поэзии Владимира Шемшученко

Стихи, которые народ ценит и запоминает, всегда о любви: к Родине, Богу, человеку. Владимир Шемшученко распахнул ворота своей поэзии для простых людей и обыденных ситуаций. Но, как всякий талантливый творец, рассмотрел в образах обыденных приметы вечности, Божью искру и суть русской истории. Ранний опыт главного лирического героя суров и, кажется, автобиографичен. Впрочем, автор должен уметь смотреть на мир глазами выдуманных персонажей: «Любил я блатные словечки/И драки квартал на квартал./И жизнь не плясала от печки,/А волчий являла оскал». Водка, драка, осознание одиночества среди дикого размаха евразийских просторов — пульс реальной жизни: «Юность в отчете краю бесшабашной была —/наше вам... из карлаговских мест./Я из дома ушёл, закусив удила,/А очнулся — трелёвка окрест./ Я погнал своё время, пустил его вскачь —/Эка невидаль — лесоповал! —/Ел подёнщины хлеб, пил вино неудач,/Протрезвившись, ещё наливал». В упоминаниях о лагерях, татуировках, отсидевших родных и друзьях невольно замечаю интонации шансона. Поэт утверждает, что не любит блатных песен, однако стихи говорят обратное, может, просто признаваться в симпатии к шансону — дурной тон? Но в народе такие песни популярны. Тем более, что у поэта это лишь поверхностный слой рискованного опыта, скрывающий глубину философских смыслов. Мы прослеживаем путь лирического героя далее. Узнаём, что вырос он в Азии, но всегда чувствовал себя чужим на Востоке. Время раскола СССР отразилось на его судьбе, вынудив уехать в Россию. В стихах, где упоминается Восток, я не вижу ностальгии, скорее страх перед ним, подступающим к русскому миру. «Южный ветер хохочет в трубе водосточной,/по-разбойничьи свищет и рвёт провода.../все назойливей запахи кухни восточной,/но немногие знают — так пахнет беда». «А нечисть ползла и ползла,/душа цепенела от страха.../и вот — ни кола, ни двора, и русские верят в Аллаха». Но есть и «старый казах, который не выдал толпе иноверца». И констатация исторического возмездия: «Смейтесь, братья мои! Нам ли нынче стонать и сутулиться!/Смейтесь, сёстры мои! Вы затмили достойнейших жён!/Посмотрите в окно... Кто метёт и скребёт наши улицы?!/Это дети оравших до времени: «Русские вон!». Изображение коллизий повседневности, её конфликтных узлов, разрушаемых авторской строкой, придаёт творениям Владимира Шемшученко подлинную мудрость: «О высший смысл земного бытия —/в величии своём неповторимый,/и в низости своей необозримый,/в сравнении с тобой что значу я?». Столь возвышенное и вдумчивое отношение к жизни часто обрекает на скитание и непонятость окружающими, оглушенными материализмом: «Одиночество — оно страшнее плена,/ведь не каждому дано писать навзрыд./Не горит в печи намокшее полено —/Одинокое полено не горит». Порой поэт обречён на пожизненное заключение в виртуальной одиночке. Но лирический герой Владимира Шемшученко после испытаний находит любовь: «Ничего я тебе не скажу./Я тобой безудержно болею,/И желаю тебя и жалею/И дыханье твоё сторожу.../Чиркну спичкой — и станет светло,/И в оконном стекле отраженье/Передразнит любое движенье/И рука превратится в крыло». Семья — становится приютом души, где находит

отдохновение и силы для самоутверждения в мятущемся мире: «Вокруг Гоморра и Содом./Сегодня это многим нравится./А у меня жена и дом./Жена, как в юности, красавица». Многие стихи посвящены детям и женщине его судьбы. Мир семьи вдохновляет и даёт надежду. Замечается лирика в повседневности, в течении жизни с её очарованиями, разочарованиями, разлуками и воспоминаниями. Отдельно стоит упомянуть о том, что и о домашнем зверье — собаках и кошках Владимир Шемшученко пишет с есенинской теплотой и сочувствием. Кавказская овчарка, на которой остались шрамы войны, котёнок, подобранный сынишкой, бродячий пёс. «Пёс отскочил от протянутой мною руки —/Били, конечно, когда доверялся прохожим.../ Воет метель, беспощадно диктует стихи,/И наплевать ей, что псы и поэты похожи». «Жаль, что век твой недолог, —/ совсем уже морда седая/. Я прошу тебя, псина, от смерти беги со всех ног. /Ну, а если уйдёшь, ты достойна собачьего рая — /У меня на руках абрикосовый дремлет щенок». Но уют сиюминутных домашних впечатлений никогда не заслоняет великий и опасный путь страны. Традиционное для русской поэзии осознание связи поколений серьёзно осмыслено в стихах В.Шемшученко. У поэта — собственная судьба, но в ней — отзвуки судеб деда, отца, всего русского племени. Эти нити вплетены в полотно истории, в бескрайний гобелен с трагическими сюжетами былого: «Донос. ОГПУ. Расцвет ГУЛАГа./Руби руду! Баланду съешь потом... /Мой дед с кайлом в обнимку — доходяга. /А я родился... в пятьдесят шестом./Война. Концлагерь. На краю оврага/Эсэсовец орудует хлыстом... /Отец с кайлом в обнимку — доходяга./А я родился... в пятьдесят шестом». Раздумья о судьбах России не могут оставлять человека в стороне от знаковых для неё событий, ответственности за происходящее. Даже если ты — не представитель властной элиты, а винтик, на её взгляд.

Нравственные традиции русской классики, включающие в себя разграничение света и тьмы, добра и зла, вдохновляют авторскую волю к битве за свои идеалы, которые одновременно являются и идеалами народными. Любовь рождает ответственность за любимое. Поэзия такого типа помогает в сближении с религией, конечно, при условии, что читателю она изначально близка: «Бегут высоковольтные столбы,/За поездом, кочующим по свету./Восходит сердце к Новому Завету,/А разум ждёт возмездия судьбы».

Тема русских городов с их индивидуальной мистической аурой и исторической судьбой занимает заметное место в творчестве Владимира Шемшученко. Кажется, сердцем он выбрал северную столицу. Конечно, обращения к Москве и Петербургу, их описания не лишены печальных примет времени. Но всё же в стихах о Петербурге чувствуется больше романтизма: «Я завидую тем, Кто родился у моря./У людей в Петербурге особая стать./Я стою на мосту в одиночном дозоре/И учусь по слогам этот город читать/. Свирепеет зюйд-вест, и вода прибывает,/Застонали деревья в окрестных лесах.../Я представить не мог, что такое бывает:/Город в море выходит на всех парусах!» Бывает, проскальзывает горькая ирония в стихах о Петербурге: «...Приветствую тебя, моя столица,/шуршащем деревянного рубля./Сегодня ты на диво хороша./Большому кораблю — большая свалка». Но всё-таки в строчках о Москве больше отстранённости, поэт держит дистанцию: «Подкрался унылый трамвай,/загаженный свежей рекламой./Ещё не дописанный драмой разит из метро наяву,/И чтобы в сердцах не назвать /Столицу купринскую «Ямой»/Я сразу спасительно вспомнил,/Что в Санкт-Петербурге живу». Больше живого сочувствия в стихах, обращённых к северной Пальмире: «Дождь на Неву опустил с утра. /Пушка ударила в небо. /Дремлет страна, а в кармане — дыра, /Значит, не будет хлеба. Не удалось ничего накопить/Выходцам из барака.../Смирно «Аврора» сидит на цепи, /Словно больная собака».

А вот о Москве говорится, словно из чувства долга, но без ощущения душевной близости. Она, потерявшую былую святость матери городов русских, пронизанная враждебными энергиями, чужда простому человеку. Он согласен даже на её сожжение, веря, что на пепелище восстанет новый град: «Гуляй, Вавилон! Разбазаривай грады и веси! /Гони русский дух и поэта гони, аки пса, /Но помни о том, что бесстрастно грехи твои взвесит /Всесильный Творец, и падут на тебя небеса./... О, как ты был прав, поджигатель Москвы неизвестный. /Вернись сквозь века и сверши, что тебе суждено. /А люди придут, осеняясь знаменем крестным, /И стены поднимут, и в пепел уронят зерно».

Москва столь осквернена, что её нужно развеять пеплом и создать с нуля. А Петербург сохранил живую душу. У Владимира Шемшученко много размышлений о назначении поэзии и роли поэта в эпоху разочарований и эгоизма. Творческая личность у Шемшученко — сильная натура, взыскующая идеального мира, страдающая от несовершенств мира реального. Страстные, резкие обличения

бросает он современникам, обвиняя их, призывая к духовному возвышению. Но и себя не щадит. Обречённость талантливого человека, призванность его служить высшим истинам — беспощадна: «Была бы на то моя воля — /Ни строчки бы не написал!» Он прямолинеен и чеканит строки, как лозунги: «Всяк за своё ответит./Каждому — свой черёд./Слово, если не светит, —/Запечатает рот... Пуля — она не дура,/А провиденья рука./Да здравствует диктатура/Русского языка!». Позиция поэта-обличителя идёт от пушкинского «Пророка», от пушкинских укоров власти и толпе.

В стихах Шемшученко нет искусственной усложнённости формы, заведомой неясности выражения мысли. Как в стихотворении о казачьей песне: «Все так просто, по-русски, без глупых прикрас». А минорный фон многих лирических сюжетов создан трезвым пониманием безрадостной действительности: «Мысль превращается в слова, /Когда, безумием объятый, /Ты слышишь, как растёт трава /Из глаз единственного брата, /Когда ночей твоих кошмар /Впивается в неровность строчек, /Когда о край тюремных нар /Ты отобьёшь остатки почек, /Когда кружит водоворот, /Когда не объяснить событий, /Когда копаешь, словно крот, /Нору в осточертевшем быте». Но если ты поэт, то отвечаешь не только за себя, но за связь земли с небом. «Между небом и мной неразрывная нить». Поэт как жрец, как пророк, осознающий свою человеческую малость и слабость, но борющийся с ними. Сильный и трагический характер. Показывает мир погрязшим во грехе, но вновь и вновь пытается спасти его в творческом усилии, заклиная стихами: «Слышащий — да услышит./Видающий — да узрит./Пишущий — да напишет./Глаголющий — повторит». Слову придаётся смысл магический, нет, скорее молитвенный. Не всякий талант воюет на стороне Бога: «Не заглядывай в бездну, поэт — /Жизнь земная всего лишь минутка. /Расскажи, как цветёт незабудка, /Поднебесья вобравшая цвет». Не заглядывать в бездну — это очень по-христиански, но, на мой взгляд, излишне осторожно для вольного творца. Заглянуть и остаться прежним — это ли не испытание для сильного характера? Шемшученко много размышляет о судьбе слова в наше время: «Золотые слова растащило по норам ворьё,/И аукнулась нам бесконечная наша беспечность». «Позарастала жизнь разрыв-травой. /Мы в простоте сказать не можем слова. /Ушёл, не нарушая наш покой, /Безвестный гений, не нашедший крова». «Как в ржавых механизмах шестерёнки, /Скрипят стихи — поэзия мертва... /Мы днём и ночью пишем похоронки /На без вести пропавшие слова».

Он думает о других поэтах. О бунтарях, ушедших, «не умея служить и прислуживать» и их антиподах, в которых я узнаю некоторых патриотов, распинающихся о любви к России, не православных, а православствующих, действующих с оглядкой на власть и спонсоров: «Врачуем людские пороки/За предполагаемый грош./Нам влепят вселенские строки/ За вечную трусость и ложь». Показывает мир погрязшим во грехе, но вновь и вновь пытается спасти его в творческом усилии, заклиная стихами. Должен создавать альтернативу распаду, унынию, согласию толпы со злом: «До хрипоты с судьбою/Спорь, не теряй лица./За женщину — только стоя!/За Родину — до конца!» Слову придаётся смысл магический, нет, скорее молитвенный: «В урочный час последыши стиха/ Россию оправдают перед Богом».

Ценность родной речи тем выше для Шемшученко, что он вернулся на родину из чужого, ставшего враждебным, края. «Не то чтобы нас пригласили — /Скорее наоборот. /Но мы приезжаем в Россию/Из всех суверенных широт... Над мыслями нашими властвуй. /Пришли мы к тебе налегке... /Как сладко сказать тебе: «Здравствуй!» — /На русском своём языке». «Коль написано на роду /В Петербурге мне быть поэтом, /Не воспользуюсь я советом: /«Да пошёл ты в Караганду!»

Тема речи перекликается с темой молчания. Это две стороны одной медали для творческого человека, который изнемогает от борьбы с равнодушным миром и порой отчаивается. Разочарование прорывается на страницы: «Я на ночь не читаю нестихи, /И днём я их обычно не читаю — /Вместилищам словесной шелухи/Молчанье звёзд теперь предпочитаю». Или: «Переосмысливаю быт. /Переиначиваю строки. /Когда горланят лжепророки, /Поэт молчаньем говорит». Неоднократно встречается этот мотив у Владимира Шемшученко — констатация бессилия поэзии, которая не может изменить мир: «Стало страшно читать и писать, /К нелюбови людской прикасаться — /Потерявший желанье спасать/Обретает желанье спастись...»

Спит дочурка, спит маленький сын./Ночь звезду за звездой зажигает./Разжигаю стихами камин./Мне жена помогает». Но момент уныния проходит. Это как отступление на войне, после которого наступление ещё яростнее: «А я всё хмурю брови /И лезу напролом —/Поэзия без крови/Зовётся ремеслом». «Мне только бы мысль не спугнуть, /О главном поведать, о новом... /Сказать, а верней,

полоснуть/По нервам отточенным словом». Русское правдоискательство, жажда народной правды пронизывает монологи автора, чей взлёт пришёлся на времена кардинальных исторических перемен и социальных катаклизмов. Чувствуется в его строчках волевой напор и уверенность в своих силах. В чём сила? Сила его песен от матери-земли, от господнего неба, от песен, даже от печалей, которыми богат человеческий век. Нужно только уловить эту незримую энергию. И пусть экзистенциальные открытия поэта — следствие личных неурядиц и катастроф современности, нравственная и эстетическая ценность высоких порывов души от этого нисколько не уменьшается. Ведь главное — вывод, к которым приходит человек: «Не желаю стихи, как жаркое на блюде,/ господам подавать, демонстрируя прыть./ Если я упаду, ничего мне не будет, — /Между небом и мной — неразрывная нить». Взаимоотношения Поэта и Бога важны для Владимира Шемшученко, Бог этот — христианский, православный, чья природа сродни человеческой — рожденный от земной матери и распятый за людские грехи. «Блажен, кто по ночам не спит /И времени не замечает, / Кто сыт пустым недельным чаем, /

Кто знает — ДУХ животворит.../Блажен, кто верою горит /И в этом пламени сгорает, /Кто на путях земного рая/Взыскует скорбь в поводыри». Христос близок русскому поэту, потому что так же знает, что такое боль, оставленность, жертвенность. С Христом поэт чувствует себя способным защищать народ, справедливость, честь и славу Родины. «А за песней и к небу России/Кто-нибудь да поднимет глаза». О чём просит он — русский человек в безжалостном мире? «Проснусь среди ночи, как в детстве, луну отдышу/В замёрзшем окошке, и свет снизойдёт к изголовью... /У Господа я всепрощенья себе не прошу,/Я только молю, чтобы сердце наполнил любовью». «Мне такого народа не жаль!/И себя мне такого не жалко!/Я гордец, не умею молиться./Я умею лукавить и красть./ Богородица скорбно глядит,/и свеча разгорается ярко.../Дай мне, Господи, остановиться,/чтоб в неверьи своём не пропасть!» «Благодать» и «преображение» — эти сложные понятия можно отнести к некоторым состояниям, озвученным в стихах Шемшученко. «И сдержать не смогу подступающих слёз,/Что приносят прозреньё и очищеньё./Скоро вспыхнет звезда, и родится Христос —/Остальное уже не имеет значенья». Но поэт самокритичен и может смиренно констатировать несовершенство окружающих и себя самого относительно религии: «Вот и отшумело Рождество,/Утомив торговцев и таксистов./Боже, маловерья моего/ Хватит на десяток атеистов». Порой по-своему трактует отношение к добру и злу: «Дьявольский смысл обретает /непротивления грех:/жизни на всех не хватает./ Смерти хватает на всех». Автор знает, что гармония в земном мире, как и небесное царство, достигается усилием. И в своём творчестве сумел коснуться пределов души, где таятся воспоминания о том, что человек — образ Божий.

Молодые берега

Анастасия Устинова

Анастасия Устинова родилась в 1995 году в Оренбурге. В настоящее время студентка Самарского государственного института культуры. Руководитель народного литобъединения «Отчий Дом» Союза писателей России в городе Новокуйбышевск. Автор двух книг поэзии и прозы: «Я иду по солнечному лугу» (Самара, 2013г.), книги «Стерва или Эпоха по имени Люська», вышедшей в 2014 году в Санкт-Петербурге в рамках издательского проекта поддержки молодых писателей России «Молодой Санкт-Петербургу». Стихи и проза Анастасии публиковались в журналах: «Русское эхо» (Самара), «Молодёжная волна» (Самара), «Природа и человек» (Москва), «Гостинный Двор» (Оренбург), «Аргамак-Татарстан» (Казань), «Арина» (Нижний Новгород), «Новый Енисейский литератор» (Красноярск) и многих других. Стипендиат Всероссийского Фонда культуры Никиты Михалкова (2011г.). Лауреат Всероссийского фестиваля «Роза ветров — Хранители традиций». Лауреат литературной премии «Чаша Бытия» (Оренбург). Неоднократный лауреат самарского фестиваля молодых писателей. Живёт в Самарской области.

Два гения Серебряного века

Облюбовав для строк двадцатый век,
Не рассчитав по-богатырски силы,
Они гадали — что есть человек
В мятущейся растерзанной России.

Один прославил русскую деревню.
Другой лишь Революции был верен.
Один любил Россию, как царевну.
Другой в любви к России был умерен

Пусть кудри одного подобны злату.
Второй черноволос, горлан циничный.
На гениев Россия так богата,
Но судьбы их России безразличны.

Их было двое, двое слишком разных.
И в то же время двое, столь похожих.
Но образ той эпохи несуразной
Их волей и талантом подытожен.

* * *

А вы стояли на краю обрыва,
Где каждый вспоминает о своём?..
Осенний день — тоскливый и дождливый.
Листва вокруг, гори она огнём...

Ах, листья, листья, что огнём горите?
Кто, inferнальный, взором вас прожёт?
Кто профессиональный искуситель?
И совершил змеиный свой бросок?

Кто этот демон, властный надо мною,
Плеснул в бокал кровавое вино?..
Кто соблазнил, как яблоком, мечтою?..
Плевать, что вместе быть не суждено.

Бедою мне не быть! Вернусь с победой!...
Бесчестия не надо? Будь в чести!
Грешить боишься? Значит, исповедуй.
Моим не будешь. Значит, отпусти...

* * *

Валентину Устинову

Есть новости — от них спасенья нет...
Ты навсегда ушёл... И пепел
Всех недокуренных тобою сигарет,
С небес, как снег, летит, крылат и светел.

О чем мечтал ты в двадцать лет, отец?
О доблестях, о подвигах, о славе?
Ты теплоту остуженных сердец
Будил, я осуждать тебя не вправе.

За то, что был ты от меня далёк.
За то, что ты не знал мои печали.
Что от разлуки долгой ты продрог
И счастлив был в разлуке той едва ли.

И за стихи, что ты не дописал,
И за любовь, не ставшую судьбою.
За те слова, что ты мне не сказал,
За женщин, недолюбленных тобою.

* * *

«... У Лукоморья дуб зелёный...»

Вот ты какой — хваленый дуб зелёный!
Хоть неказист, зато весьма удал.
Там каждый кот — не просто кот учёный,
А прямо-таки интеллигент.

На каждом дубе — золотые цепи.
Под каждым дубом — чёрный мерседес.
Русалки оккупировали ветви —
У них там свой интимный интерес.

Там интеллектом гопота исходит,
По падикам сидя на кортанах.
И речи заунывные заводит —
Про космо-экзистенций тлен и прах.

Самарское лихое Лукоморье
На тридцать три версты сквозит окрест.
Там каждая берёза на просторе
Поистине — невеста из невест.

Там на кривых заснеженных дорожках
Тебе охотно прикурить дадут.
Пока ты оклемаешься немножко,
Айфон твой трижды перепродадут

Там восьмиклассницы, прекрасны ликом,
Вскрывают вены наперегонки.
Плейбои там исходят бабьим криком,
Их даже бить по морде не с руки...

Чего греха таить, и я была там,
С поэтами пила не только мёд.
И крыла всех пятиэтажным матом...
Кто был в Самаре — тот меня поймёт!

Признать и признаться

На кафедре так тихо и просторно.
А на душе печально и протяжно.
Я захожу к нему с улыбкой вздорной
И говорю невнятно о неважном.

Меня любовь к нему грызёт и греет.
Он тоже рад, хотя смущён немного.
Когда же, наконец, он осмелеет -
Его смущенье выглядит жестоко!
Я напоследок снова выдам колкость.
Он снова улыбнётся виновато
И снова не поверит мне нисколько,
Что я пришла не ради реферата...

* * *

Вдыхая нервно дым твоей сигары,
Я думала — ты гадко поступил,
Когда в своём прокуренном рок-баре
Ты на другую взгляд свой обратил.

А мне казалось, я почти влюбилась,
Пробившись через дружеский барьер.
Но почему и ты, скажи на милость,
Как все — банальный пошлый лицемер?

Пускай несётся в адрес новой дуры
Твоих словес любвеобильных дым...
Неужто безразличен вид мой хмурый
Тебе, кто был так нежно мной любим?

Моя любовь в душе перекипела...
Я пальцем покрутила у виска,
И новую дурёху пожалела,
Достойную такого дурака!

* * *

Азарт закипает в жилах.
Звон стали гудит в тебе.
Я больше уже не в силах
Твоей угождать судьбе.

Твоя не нужна мне милость!..
Я, как никогда, сильна.
Когда б пред тобой склонилась,
Кому б я была нужна?

Один из нас должен выжить.
Но я же тебе не враг:
Тебе позволяю вырвать
Победу, ныряя во мрак.

Ты вряд ли меня забудешь.
Себя победивший, живи!
Но вряд ли ты счастлив будешь,
Попавший в прицел любви.

Пустоцвет

Ответь мне — неужели, неужели
Вокруг тебя намёка нет на свет?..
Ужель глаза, что светом пламенели,
Теперь погасли, словно пустоцвет?..

Ты в полдень не отбрасываешь тени...
А в полночь ты на горестной земле
Лежишь один, обняв свои колени
Ребёнком, кем-то брошенным во мгле.

Ты моего прощения не чаешь,
Совсем один оставшись на земле...
...Но на исходе сумрачной печали
Я солнцем вспыхну на твоём челе.

* * *

Жизнь мимо несётся, как бурный поток,
Разбитое сердце — разбитое чудо.
Никак не смириться, что мир так жесток,
В нём кровь, как вода, проливается всюду.

Побольше души да поменьше злодейств -
И сердце, и разум об этом мечтают.
Столкнувшись с барьером людских лицедейств,
Надежды на счастье безжалостно тают.

Врагам и друзьям все лукавства прощу,
Попав в западню бесполезного круга.
Но снова ошибки-вериги тащу
И твари последней готова стать другом.

Улыбчива и безмятежна на вид,
Пройду сквозь огонь, сквозь обман и увечья.
И снова душа в небеса воспарит.
Ведь что есть добро? — не душа ль человечья?..

* * *

Мой дом родной, мой шлейф ребячьих грёз...
Я в нём познать способна Божье благо.
Здесь зябликов порханье, шум берёз,
И детворы влюблённая ватага.

Я в старенькую дверцу постучусь,
Остановлю часы — дыханье слушать.
Здесь слабой показаться не боюсь,
Очнувшись, в детство отворяю душу.

Прости меня, любимый дом родной.
Избавь от неизбежных тяжких мыслей.
Но всей энергией небесной под луной
Ты напои меня, росой в лучах умывший.

* * *

Швыряй на ветер, словно годы, фразы:
Ведь рокерам к тому не привыкать.
Кричи, что все вокруг — сплошные мрази,
Кричи про мать, а также перемать.

Из ничего трагедию раздуем...
Ведь ты вульгарной пошлостью пленён.
А я, увы, из касты чистоплюек
Из коей рокеры не выбирают жён.

Уж много лет, как длится эта пытка -
Попытка быть во всём самым собой.
Я только саркастической улыбкой
Могу тебе помочь, любимый мой.

Олимп для Гения

Олимп, где прочим бездарям на зависть
Пируют те, кто прославлял страну.
Здесь гении из праха возрождались,
И жизни их стояли на кону.

Не пощадил их век наш быстротечный.
Ведь жизнь не расположена к добру.
И современность ей важней, чем вечность,
И хэппи-энд всегда не ко двору.

Моя мечта — стать им своею в доску,
Хоть не поэт я, а простой придурок,
Поговорить с небритым Маяковским,
Терзающим свой тлеющий окурочок.

Есенину пожать покрепче руку.
Назвать его по-дружески Серёжей.
Есенинской лирической мукой
Все наши души русские похожи!

Со Львом Толстым поговорю о славе,
Она порой над смертными смеётся.
А повезет — сам Пушкин мне лукаво
И солнечно, как мачо, улыбнётся.

Ведь для меня они живее многих,
В убогой современности живущих —
Жующих, словоблудствующих, пьющих,
В пустопорожней суете снующих.

У них прошу совета и подмоги,
Хоть говорят — они не всемогущи.
Все гении, хотя порой и строги,
Но очень сострадательны к живущим.

Памяти Валентина Распутина

Воспоминания о Вас не подлежат забвению,
Пусть даже доживу я до седин.
Эпохи технотронной откровение,
Вы есть, вы будете, Распутин Валентин.

В литературе ничего не ново.
Но в мир иной ушли Вы столь некстати!
Побеждена негромким Вашим словом,
Я не найду вам равных в результате.

Я не прощалась никогда с Матёрой,
Урок французского сменяется английским...
Я думаю, что мы поймём не скоро -
Что к бездне не подходят слишком близко.

Чему Вы научить меня хотите?
Спасать Россию иль самой спастись?..
С укором из учебника глядите,
А тот учебник написала жизнь.

Молодые берега

Андрей Маменко

Маменко Андрей Юрьевич 1988 г. рождения. Родился и прожил всю жизнь в г. Калининграде. В 2010 г. окончил калининградский государственный технический университет по специальности инженер-строитель. Работаю в сефере дорожного и промышленного строительства. Стремлюсь изо всех сил к добродетелям через книги, писательство и общение с читающими людьми, в чём мне очень помогает замечательный проект — первый калининградский литературный журнал «Берега».

Сказка и ложь

Эссе

Сказка — заклинание к жизни и путеводитель. Совокупные образы олицетворяют суть мироздания и мироустройства в восприятии человеческого сознания. Большинство сказаний или сказок созданы нашими далёкими предками, которые гораздо гармоничнее жили в союзе с природой окружающего мира. Сейчас люди чаще взаимодействуют с цивилизацией, которую сами для себя создали. Общение с окружающим миром на сегодняшний день едва ли представляется без различных механизмов, приборов, девайсов, аксессуаров, гаджетов, от чего перемены в сознании людей со времён создания сказок до наших времён представляются глобальными и даже необратимыми. Я бы согласился, если бы свой путь познания не начал со сказок, тех же самых, что слышали в своём детстве мои бабушка и дедушка, их бабушки и дедушки, и так дальше до первого упоминания о сказках, дата которого не очевидна. Перемены внутреннего мироустройства человека не произошли с развитием цивилизации по причине невостребованности всего потенциала, заключённого в на столько реальном, на сколько загадочном явлении как человек. Наш мозг всего на 3— 5 % работает, говорят учёные, пробиваясь через гранитную стену к остальным семидесяти. Что меняется с течением времени на ваших наручных часах? Стрелки меняют направление, но сами часы остаются прежними.

Представьте, что вы идёте прямо на солнце, яркий свет слепит вам глаза, и вы надели кепку и солнцезащитные очки, чтобы как-то видеть путь, но стоит вам развернуться, и солнце вам осветит дорогу, а кепка с очками будет только мешать наслаждаться прекрасным видом в бесконечную малящую перспективу. Здесь прекрасные дали, леса и горы, реки и озёра живые, как окружающие их люди, животные, птицы: феникс, сокол, алканост, а здесь и птица-гамаюн, из чьих уст льётся сказка. Сказки создавались для младших поколений, начинающих своё просвещение с образов и явлений, частью которых они и мы все являемся. Сказка как карта, в которой человек может общаться на одном языке с миром стихий, животных и растений и принимать решения самостоятельно, приобретая свой статус в гармонии всех этих миров. Человек отнюдь не в главной роли, а перед постоянным выбором, от которого зависит его положение в гармонии миров. Способность отстаивать своё решение и добиваться успеха в условиях сказки со всем многообразием природных и стихийных проявлений характеризует героя, как личность сильную, с высоким авторитетом в социальной иерархии людей. Вот почему центральные герои сказок — царевичи, царевны.

Сказка — ложь, да в ней намёк. Никто из нас не поверит, что можно разговаривать с животными и природными явлениями, для нас это абсолютная ложь, но каждый из нас знает, что является

частью природы. Несостоятельность или нежелание взаимодействовать с ней означает беспомощность перед ней. Выходит, что способность героев сказок общаться с животными, скалами, ветрами и реками — это намёк на нашу примитивность. Что мы считаем в сказке ложью, таковой и является, но то, что выносим за торжество правды — следствие преодоления лжи, т.е. ограниченности человека, и в результате — духовный рост.

Для людей, сотворивших сказки, духовный рост был крайне важен и стоял в приоритете перед любым делом, так как они знали, что духовный мир — первичен, а материальный примитивен, подобен миру духовному и является только малой его частью. Оглянитесь вокруг: мода на вещи, на материальные ценности постоянно меняется, тенденции и различные течения, подходы к изучению, научные методы — меняется всё, но не меняются сказки. Звёзды шоу-бизнеса, крупные бренды, политики и писатели соревнуются в популярности и рейтинге, однако сказки по рейтингу оставляют позади всех вместе взятых. Вы знаете кого-либо, кто не знаком с сюжетом сказки о Красной Шапочке или о Белоснежке и семи гномах? Все помнят прекрасное детство! Беспечные и наивные годы приносят столько ностальгии сейчас, когда наша голова занята уже совсем другим. Мы занимаемся теперь «серьёзными вещами» и давно переросли своё беззаботное детство и неправдивые сказки вместе с ним. Насчёт первого я согласен, а вот второй аспект меня встревожил, когда я перечитал некоторые сказки в сознательном возрасте. Я вернулся в мир сказаний, чтобы разобраться в понятиях правды и лжи.

Рассмотрим сказку «Красная Шапочка», сюжетная линия которой разворачивается в лесу. Лес символизирует жизнь, полную опасностей для маленькой девочки, оказавшейся не надолго без опеки своей мамы. Перенесём своё воображение в условия современной жизни. Простой пример — ночной клуб, так же, как и лес, наполненный различными вселяющими ужас существами и пугающими из темноты опасностями. Волк — есть аллегория одного из таких существ, кому присущи все желания и качества зверя, т.е. половозрелого мужчину, который пришёл на дискотеку в выходной день «снять» молодую привлекательную девочку. Подобно зверю он голоден и чем свежее и моложе плоть, тем аппетитней, а значит и привлекательней жертва. Однако нужно проявить ловкость и заставить девочку добровольно отправиться в пасть. Много в лесу вы видели говорящих волков? Идите в ночной клуб, они там на каждом шагу, «торгуют лапшой». Волк в лесу не кидается на девочку, также как похотливый дядя не бросается на глазах у всех насилловать её на танцполе. Нужно хитростью брать. Как можно отпустить дочку одну в лес? Это же верная погибель! В сказке всё гениально и просто. Мама предварительно вооружила своё чадо знаниями, которые символизируют пироги. Кроме нас самих, никто в этой жизни нам не поможет, и опыт, переданный нашими предками — наша главная защита от ошибок. Сознательные родители стараются донести до своих чад знания, необходимые для взрослой жизни, например, нельзя спать с первым встречным. В сказке рассматривается одна из важнейших истин, которая передаётся испокон веков и присутствует у молодых людей на подсознательном уровне. Однако сказка повествует о хитром волке, применяющем всю свою звериную сноровку для получения желаемого. Сказка приводит нам образ главного носителя мудрости — бабушки. К ней стремится попасть Красная Шапочка. В данном случае сказка раскрывает суть постижения молодыми людьми добродетелей через связь поколений. Мы все учимся у наших пращуров, к ним мы стремимся, как к носителям первородных истин. Пока Красная Шапочка идёт твёрдой поступью по прямой дороге, ей ничто не угрожает. Задача волка — свести её с намеченного пути. Съедение бабушки и маскировка под её образ — это попытка обмана под прикрытием добродетелей. «Волк в овечьей шкуре». Молодые девушки часто говорят: «я уши развесила, а он...» «я ему поверила, а он...».

Итак, коварный замысел волка сейчас осуществится, потому что девочка пришла к зверю как к бабушке, и она обречена... В дело вступает дровосек! Часто девушки не замечают вокруг парней с чистыми намерениями. Обратите внимание, что в сказке волк первым оказался возле Красной Шапочки, а активность дровосека проявилась только в конце. Таким образом, сказка подразделяет мужчин на волков и дровосеков, при этом волки активны и хитры. Важно заметить, что в сказке Красная Шапочка сама выбирает путь и спутника, а герои, т.е. мужчины, предлагают своё участие. Согласитесь, что девушки часто бывают обмануты мужчинами, но только потому, что сами сделали неправильный выбор. Героиня сказки распознала обман и вовремя встала за спину благородного парня с топором, который развеял окончательно перед ней волчью шерсть и обнажил правду.

Итак, рассмотрим образ дровосека подробней. У него есть топор — символ силы и власти, многие боги, изображённые на картинах и изваяниях, держат его. Откуда взялся этот герой и кто он? В сказке всё взаимосвязано и по закону природы. Духовный мир мужчины начинается со стадии зверя, самого примитивного, затем он превращается в человека. Вспомните сказку, где герой обрёл голову медведя за своё горделивое поведение — наглядный пример неразвитой человеческой души. Затем после просвещения, осознания своей примитивности, обретения духовного опыта душа перерождается на ступень выше, и зверь обращается в человека. Дровосек как образ души молодого человека, и он с каждым срубленным деревом складывает в свою копилку духовный опыт, но для него всегда существует опасность — стать снова волком, если он поддастся звериным принципам.

Сказка о Красной Шапочке заканчивается встречей мужского и женского начала. Герои готовы перейти на новый уровень вместе, в другой сказочный мир, где слушатель узнает об особенностях их семейной жизни в новых красочных образах. Дровосек превращается в царевича или богатыря, верными атрибутами его становятся сакральные символы: конь, кольчуга, меч, щит — что свидетельствует о возросшей его силе. Его спутница становится прекрасной царевной или девицей-красавицей в кокошнике и ярких одеждах, для неё красная шапочка — символ девичьей лёгкости — уже позади.

Новая сказка повествует нам об известной причине всех семейных проблем — гордыне. Спустя много лет после рождения сказок отношения людей несколько не изменились. Наши предки проходили через те же стадии становления, что и мы. Гордыня-змея ворует любимую и прячет в темницу скорби и обиды. Знакомая для всех картина бытовой семейной ссоры молодожёнов. Капризы, прихоти, истерики, слёзы — всё образует огромного трезлого змея и обрушивается на мужские плечи. Что там три головы, в древней Греции сказки повествуют о 12-ти головой гидре, представляете, как мужчинам приходилось тяжело!? Не будем вдаваться в нумерологию, о священной для Руси цифре три и так все знают. Вспомните, как наши женщины терпеливо и гордо ждали от нас инициативы, сидя в своих «темницах», «башнях», а мы вновь и вновь успокаивали их, решали проблемы, осуществляли капризы, но гордыня-змея никак не хотел погибать. Головы отрастали снова, и опять всё по кругу.... Так до тех пор, пока мужчина не наберётся опыта и сноровки, чтобы найти способ усмирить её. Гордыня, пожалуй, самый сильный и коварный враг духовного продвижения, и не справиться — значит, скатиться вниз по иерархии сказок. Так тяжело победить «гордыныча», что проще бросить меч и уйти. Здесь всё зависит только от мужчины. Важно заметить, что по сюжету сказки змей старается вбить героя в землю, символизируя тем самым его моральное падение. О чём часто думает мужчина после скандала с любимой? У кого мелькают мысли о другой, той, что помягче, доступней, сексуальней. Кто-то сразу использовал ссору как оправдание внутри себя измены с другой женщиной. Змей искусен и хорошо знает слабости, схожие у всех мужчин. Чем глубже вы вбиты, тем труднее вам вылезти. Рано или поздно каждый схватится за голову и проклянёт свои подлые поступки, осознавая глубочайший «провал» из-за разовой слабости перед змеем.

Человек подвержен духовному упадку, забывает себя, слепнет душой. Возникает иллюзия того, что ты заслуживаешь лучшего, что ты достоин более тщательного внимания. Близкие и друзья «подливают масло в огонь», вот тогда-то и жди Горыныча. Подобное явления в нашу пору называют новым «фрейдовским» именем — эгоизм, но как, ни называй, змей страшен, и он приходит во время упадка мужской силы. Наши милые женщины просто так «концерты» не устраивают, они — есть индикатор мужского духовного развития на стадии становления семьи. Богатырь в сказке не уследил, как его царевну сцапал огнедышащий, а значит — за ним вина. Хорошо подумайте перед тем, как обидеть свою любимую.

В нашем греховном мире равновесие, как в себе, так и в союзе с кем-либо обрести можно только борьбой. В первую очередь нам, мужчинам, предстоит, вооружившись мечом — слово крепкое, щитом — смирение, облачившись в доспехи веры, вступить в очень трудную схватку. Если ты, мужчина, твёрдо решил, что тебе нужно найти другую «царевну», более покладистую, готовую сносить твои запросы, обусловленные твоим же телесным комфортом, то ты — проиграл: с поломанным мечом и разорванной кольчугой без шлема тебя будет ещё долго терзать «змей».

Душа стремится туда, где должна быть, ввысь, и чем дольше и туже гордыня держит её, тем темнее и труднее ей, а значит — вам.

Вот так наши далёкие предки посредством сказок учат нас с самого детства на своих ошибках

содержать свою жизнь в чистоте, стремиться к любви и духовной силе как единственному пути к ответам на вопросы: кто мы? зачем мы? в чём смысл жизни? По достижению порядка внутри себя вам может быть доверена другая душа для союза. Понятие союза в сказке есть основная движущая сила вашего авторитета, укрепляющая ваш образ главного героя на симбиозе всех миров. Ведь если вы сильны, на вашей стороне матушка-природа, в этом нет никаких сомнений, и потому ваш рост сопровождается встречей с новыми истинами. Как правда идёт навстречу к тому, кого она притягивает, так вы идёте к ней, не взирая ни на какие иллюзии и подмены.

Заключение

У увлечённого читателя может возникнуть вопрос: а дальше что? Есть ещё много сказок. Что означают они? Не все сказки посвящены участию человека в природе. Многие сказки олицетворяют природные явления, оказывающие ключевое влияние на жизни людей. Например, сказка о золотом яичке и Курочке Рябе повествует о солнце, имеющем несколько циклов, и о ночи, которая коротким мышинным хвостиком разбивает яичко, переводя солнце на иной цикл. Нам всем известно о дне летнего солнцестояния, но никто не задумывается, как это влияет на нашу жизнь. А наши предки, сказители очень хорошо знали, так как питались от солнца через плодородную землю. Они же передавали потомкам образы, которые до нас дошли в виде мультиков, реклам, или просто красивых картинок. Те, кого мы называем язычниками, проводили обрядовые праздники, посвящённые природным явлениям, при этом общались с ними на одном языке. Слово природа имеет корень Род с приставкой — при, что говорит о неизбежном присутствии языческого бога Рода-создателя в нашем языке, а значит и в нашей жизни. Убедиться в превосходстве духовного мира над материальным в представлении наших предков нам поможет ещё одно слово — «закон». Слово «кон» в русском языке означает определённый процесс, имеющий начало и завершение. Часто слово «кон» применяют для игр, но чаще для придания значимости результатов завершения какой-либо жизненной ситуации и даже самой жизни в виде словесного оборота — «на кону...» Наша жизнь — игра с началом и завершением, после которого бессмертная душа отлетает в иной мир, то есть за «кон». В современном понимании слово «закон» во всех сферах жизнедеятельности означает взаимосвязь между элементами, на которой строятся все явления нашей жизнедеятельности, а значит и сама жизнь. Наши пращуры, очевидно, считали, что все взаимосвязи берут своё начало за «коном», т.е. за пределами нашей осознанной жизни, и для того, чтобы понять, что скрывает наше сознание, нужно переместиться за него, или, как часто говорят, под него. На сегодняшний день, когда все усилия и мысли человека направлены на улучшения своего телесного комфорта, как главного пути к достижению душевного равновесия, понятие подсознания синонимично с интуицией, и в общем является пространством неизведанным и непонятным. Если представить нас в виде весов, где тяжёлая чаша застыла на стороне бытовой суеты в условиях современной цивилизации, то прикосновение к сказке приводит весы в действие: то восстанавливает равновесие, то причиняет перевес, наполняя нашу чашу подсознания гением творца. Для завершения мысли как нельзя подходит стихотворение А.С. Пушкина «Поэт», где сказано о том, что: «пока не требует поэта к священной жертве Аполлон, в заботы суетного света он малодушно погружён». Каждый человек — поэт и творец в душе, и до «слуха чуткого» каждого из нас «глагол Божественный коснётся» и «душа поэта вострепётся». Суетный свет слишком силен и одолевает нас. Однако он меркнет, когда наступает «свет Аполлона», и только «чуткий слух» его воспримет.

Молодые берега

Александра Адылова

Родилась в 2000 году в Калининграде, ученица девятого класса 50-й школы

Улыбка

Рассказ

По холодному снегу в сторону больницы шли дети ровным строем, парами. В начале строя шёл солдат в немецкой форме с автоматом, а замыкал движущихся молча детей мужчина в полосатой одежде и в потертом пиджаке. Он хромал на правую ногу. Хмурое, небритое лицо не выражало никаких эмоций, в руке мужчина держал палку. Он бил этой палкой отстающих от строя.

Вот он ударил по спине высокого, но очень худого паренька, шедшего без пары в самом конце строя. Мальчик двигался медленно, часто спотыкаясь, потому что у него на ногах были ботинки сорокового размера, он просто тонул в них, но в лагере не было детской обуви. Из-за своего роста он казался старше других детей, но ему, как и всем, было двенадцать лет, звали его Витя.

Десять лет своей жизни он прожил как в хорошем и добром сне. У семьи был дом, у отца — своё занятие: был хорошим художником, писал картины. Мама Вити занималась домашним хозяйством. Сколько Витя её помнил, она всегда красиво одевалась, от неё пахло духами. В его памяти она осталась доброй и нежной. А вот отца Витя помнил строгим и холодным человеком. Отец часто запирался у себя в кабинете, очень надолго, а когда выходил, он ни с кем не разговаривал, на вопросы детей: «Папа, какую ты картинку нарисовал?» — он никогда не отвечал. Однажды, когда родителей не было дома, Витя тайком зашёл в папину мастерскую, и то, что он увидел, поразило его. Посередине мастерской стоял мольберт, холста на нём не было, но за мольбертом стоял письменный стол, на котором лежали картинки с изображением человеческих органов. Витино лицо перекошилось от страха, в голове был вопрос: «Зачем?» — но, вздохнув поглубже, мальчик спокойно вышел из мастерской. Вечером, когда родители вернулись, Витя смотрел на отца с ужасом в глазах. Отец скоро заметил странный взгляд сына и спросил, в чём дело. Когда Витя объяснил, отец засмеялся и пояснил, что его попросил нарисовать один знакомый хирург для его работы. Но и после этого признания Витя побаивался отца. Старался избегать его. Об этом он потом часто жалел...

Человек вообще часто жалеет о том, что сделал или чего не сделал, или просто не ценил. Вот и Витя шёл и вспоминал свою жизнь и жалел о том, что ничего нельзя вернуть. Не доходя до больницы нескольких метров, он свернул направо. К нему сразу подошёл солдат и пошёл позади. Здесь нельзя было ходить поодиночке, только строем или с сопровождающим.

Витя двигался на работу в сторону огромного сарая, где находились мешки с цементом. Подростки должны были таскать мешки через всю территорию лагеря на площадку, где работали взрослые. Любое нарушение во время работы наказывалось расстрелом на месте.

Сегодня Витя работал, как обычно, но спустя час, когда все шли на обед, он наступил на битое стекло — ботинки были настолько старые и изношенные, что стекло свободно прошло сквозь подошву и вонзилось в ступню. Витя весь покраснел от боли и сильно стиснул зубы, чтобы не закричать на весь лагерь. Мальчик не мог идти дальше. Стоя на одной ноге, он засовывал шапку в ботинок, тем самым закрывая рану. Солдат, который стоял возле мешков с цементом, скоро заметил мальчика, стоящего на одной ноге в луже крови. Быстрым шагом он подошёл к Вите, несколько секунд он смотрел на него, оценивая ситуацию, а потом без какого-либо предупреждения схватил мальчика за шиворот и потащил его в сторону госпиталя.

Пока мальчика волокли по снегу, он задавал себе вопрос: «Почему меня не расстреляли сразу?» Нога сильно болела, Витя глотал слезы. Наконец, его притащили в помещение.

В лагере было два медпункта: в первом у заключенных брали кровь и кожу для пересадки немцам, именно туда повели детей, с которыми в строю шёл Витя, а во втором лечили солдат и ставили над заключенными опыты.

В кабинете сильно пахло спиртом. Мальчик сел на стул, солдат встал возле двери. Врач был низкого роста, очень худой, лицо бледное. Он внимательно осмотрел Витину ногу, покачал головой, вздохнул и пробормотал тихонько: «Как же ты так?»

«Вы русский?!» — вскрикнул мальчик. Витя уже несколько месяцев не разговаривал на родном языке. Полгода назад он случайно познакомился с одним русским заключенным, но того скоро расстреляли, поэтому наговориться они не успели.

Врач поднял брови и посмотрел на мальчика.

«Ну, скажите хоть что-нибудь! Я так давно ни с кем не разговаривал! всю мою семью убили... Я тут уже очень давно...» — глаза Вити наполнились слезами. «Скажите хоть, какое сегодня число?» Положив руки на колени, мальчик боролся с комком в горле от обиды, от боли и разочарования.

«Сегодня двадцать шестое февраля, тысяча девятьсот сорок третий год, пятница», — тихо сказал врач.

«Знаю, что пятница, в пятницу расстреливают взрослых, я слышал — сегодня утром стреляли», — также тихо ответил Витя. Врач поднялся из-за стола и, повернувшись в сторону стоящего солдата, стал что-то торопливо ему говорить на немецком языке. Солдат слушал, хмурия брови, а потом, совсем разозлившись, стал кричать на врача долго-долго, потом взял Витю за руку и вышел из кабинета, недолго думая, ткнул его в спину автоматом и направил его в сторону жилого барака.

Каждый раз, когда он наступал на ногу, в ней отдавалась резкая боль. Он сильно хромал и спотыкался, в конце концов, он со стоном повалился на снег.

Солдат пнул Витю ногой в живот, потом несколько раз ударил ногой по лицу, и, в конце концов, наступил ему на ногу, услышав хруст. От боли в глазах у мальчишки потемнело. Очнулся он в своём бараке. Витя вздохнул, приподнялся на локтях, стараясь встать, но ужасная боль в ноге заставила его лечь.

Он вдруг вспомнил, как много лет назад дома он лежал и смотрел в белоснежный потолок, на котором были синие звёзды. Он вырезал эти звёзды из бумаги, а мама, стоя на стуле, клеила их на потолок в детской. Потом пришли папа с Мишей, и папа поднял Мишу на руки, чтобы малыш восторженно потрогал пальчиком звёзды.

После их отправки в лагерь они с Мишей всегда были вместе. Витя, как мог, защищал братишку, отдавал ему часть своей еды, спал с ним вместе, подкладывая свою руку ему под голову. Но однажды пришёл солдат и забрал Мишу. Малыша не было весь день, а когда Мишу вернули, он рассказал Вите, что доктор брал у него кровь. Миша говорил, что доктор был очень добрым, пел ему песенки, и что Мише было совсем не больно. Это продолжалось в течение нескольких дней, малыша забирали и приводили обратно. Но однажды Миша не вернулся. Витя ждал его день, два, неделю, но Миши всё не было. Позже Витя узнал, что у малыша взяли всю кровь и сняли кожу для пересадки.

С каждой минутой Витя чувствовал, как сильно замерзает. Его нога немела, и боли почти не было. Витя лежал и вспоминал свою жизнь до лагеря. Он вспоминал родителей, друзей, школу. Сколько было всего хорошего в его жизни, а в один летний день началась война. Через месяц папа ушел на фронт. Немцы расстреляли маму. Детей отравили в концлагерь.

Здесь, в концлагере, можно было умереть, когда захочешь, просто упасть и не вставать, тебе выстрелят в спину. Витя рыл траншеи, таскал мешки с цементом, копал ямы, разбирал мусор. Каждый день, просыпаясь, мальчик знал, что сегодня может быть убит.

Его мысли прервал шум открывающейся двери. В барак вошли двое: солдат и тот мужчина в потертом пиджаке с палкой. «Встань», — сказал мужчина.

Витя попытался подняться, но резкая боль заставила его вскрикнуть. Солдат нацелил на него винтовку.

«Встань», — повторил мужчина. Витя глубоко вдохнул и стал подниматься. Нога сильно заболела, но он терпел. Его лицо покраснело, по щекам потекли слёзы, но он смог подняться на ноги. Держась рукой за верхнюю койку, он гордо поднял голову: «Подавитесь», — подумал он.

Мужчина протянул ему лопату. Витя взял ее и на нее опёрся. Солдат ткнул его винтовкой в спину.

Шли они минут десять, наконец, остановились, и мальчик услышал: «Копай яму».

Земля была твёрдая. Он опустился на колени, потому что на ногу было невозможно встать. Прошло полчаса, яма была уже приличная, мальчик выбился из сил. Ему приказали встать. Опираясь на лопату, Витя с трудом поднялся. Солдат нацелил на него винтовку, и мальчик сразу понял, для кого он копал яму. Выстрел не заставил себя ждать. Солдат посмотрел в мертвое лицо мальчика и прочел на нем улыбку.

Бережок

Александра Сулова

Родилась в 1952 году в г. Волхов Ленинградской области в рабочей семье. В 1955 году семья переехала в строящийся посёлок в Кустанайской области Казахстана. В 1975 году Александра Сулова окончила историко-филологический факультет Кустанайского педагогического института. Работала преподавателем кафедры педагогики пединститута, преподавала философию, культурологию и религиоведение в педагогическом колледже и Кустанайском гуманитарном институте. Отличник образования Республики Казахстан, Почётный член Академии педагогических наук РК, награждена медалями.

Александра Сулова пишет стихи, прозу, участвует в работе литературного консультационного центра области. Автор книг «Прикосновение», «Рябиновый привкус», «Давай дружить», «С кем поведёшься...». В её творческом багаже много стихов для детей. Дипломант международных поэтических конкурсов, проводимых в Москве, Красноярске, Дюссельдорфе, Крыму. Стихи и проза опубликованы в литературных журналах и альманахах Казахстана («Простор», «Нива», «На волнах Тобола») и России («Москва поэтическая», «Невский альманах», «Московский Парнас», «Русский смех»), в сетевой литературе.

В гостях у лошадки

* * *

Замесила бабушка тесто дрожжевое,
Запыхтело тестечко, будто бы живое.
Улыбалась бабушка, с ним поговорила,
Подойти на славу тесто попросила.

Я кладу начинку мягко на кружочки,
Бабушкины руки лепят пирожочки:
Листиком – с картошкой, беляши – кружочком,
Тесно в сковородке стало пирожочкам.

Пирожковый запах по квартире бродит
И в обед на кухню всю семью приводит.
И целуют бабушку взрослые и дети,
И смеётся бабушка, лучшая на свете!

* * *

Играли с дедом мы в футбол.
Он мне забил в ворота гол,
Потом ещё такой же гол —
Дед в нападеньи классный!
Я был на деда очень зол
И со двора домой ушёл.
Хотел забыть я про футбол,
Про свой позор ужасный.

А дед сказал: «Ты молодец,
Что рассердился, наконец,
Не каждый выдержит гордец
Такое поражение,
Но нет другого здесь пути:
Чтоб близко к славе подойти,
Спортсмену надо бы найти
Разумное решенье».

И я сказал: «Что зря стоим,
Прошу быть тренером моим!»

* * *

Сестричка любит телефон —
Ей только год и восемь —
И если вдруг трезвонит он,
Она его приносит.
На маму смотрит и молчит;
Быть может, папа там звонит?
А папин голос слышит —
Застыла и не дышит.
Потом закусит губку,
Погладит нежно трубку,
Тихонько сядет на пол
И ждёт с работы папу.

* * *

Я с бабулей лук сажал.
Желтокрылый жук жужжал,
Под жасминовым кустом
Кот лежал в тазу пустом.

Шумный шмель в траве гудел,
Звонко так комар зудел.
В желобке журчит водичка.

«Чик-чирик!» — щебечет птичка.
На крылечко я присел,
Вместе с птичкою запел,
Потому что в звуках лета
Нотки радостного цвета.

* * *

Вчера купили мы щенка.
И хоть он маленький пока,
Но жить он будет во дворе
В большой собачьей конуре.

Пришёл щенка я навестить,
Собачьим кормом угостить.
Смешно мотал он головой —
Так приглашал к себе домой.

Мы с ним все утро во дворе
Играли дружно в конуре.

* * *

Мне мама семечко дала.
Я посадила и ждала,
Я поливала и ждала,
Ну, скоро будет чудо?

И ровно через три денька
Вдруг появились два листка,
Два крепких кругленьких листка,
Как будто ниоткуда.

Потом от листиков резных
Тянулись плети, и на них
От бликов солнца золотых
Цветки раскрылись всюду,

И из цветочка, наконец,
Вдруг завязался огурец,
И я, наверно, молодец,
Что посадила чудо!

* * *

Я кошке хвостик прищемил,
Её я гладил и кормил,
Потом ревел, уснул от слёз.
Она меня лизнула в нос.

В гостях у лошадки

Я уже дружу три дня
С доброю лошадкой.
Для лошадки у меня
Есть подарок сладкий.

На ладошку положу
Мягкий ломтик хлеба
И лошадке предложу
Лакомство отведать.

Лошадь ласково слизнет
Хлебушек с ладошки
И губами соберет
На ладошке крошки.

Глазом искоса глядит,
Головой мотая, —
Мне «спасибо» говорит,
Тёплая, живая.

И приснилась мне во сне
Серая лошадка,
Покатала на спине,
На высокой, шаткой.

И с утра я сочинил
Про лошадку строчки
И в карманы положил
Сахарка кусочки.

Летняя ночь

У деда в деревне таинственно-звёздно,
По небу из бархата — россыпь огней.
Я звёзды хотел посчитать, только поздно:
Одна сорвалась и другая за ней.

Потом ещё две или три пролетело...
Я деду с испугом шепчу невпопад:
«А все не слетят?» — «Нет, обычное дело —
Как август наступит, у нас звездопад».

Мы ночью на сене в душистой постели
По звёздным мирам вместе с дедом летели.

Рябиновый клад

Горят в костреке облетевшие листья,
И горьким дымком переполнен наш сад,
И только рябинушки красные кисти
Беспечно, по-летнему броско висят.

И им не страшны ни мороз, ни метели,
А я вместе с ними с надеждою жду,
Что вновь прилетят снегири, свиристели —
Отведать рябинки в уснувшем саду.

И сладкою щедростью птицы согреты,
Уютна рябина для птичьих семей,
Их щебетом кисти рябины воспеты,
И хриплою трелью друзей-снегирей.

Про друга и карманы

У друга моего Романа
Есть в брюках два больших кармана.
Роману вот уже семь лет,
И лучше друга просто нет.
В карманах друга моего
Есть столько нужного всего:
Там две старинные монеты,
Красивый фантик от конфеты,
Штук десять скрепок, два болта,
Зелёный бантик для кота,
От шкафа кругленькая ручка
И из пластмассы закорючка.
Хоть я не знаю, это что,
Но всё полезное зато.
Всем этим можно поменяться,
И мне карманы ночью снятся:

Там две старинные монеты,
Красивый фантик от конфеты,
Штук десять скрепок, два болта,
Зелёный бантик для кота,
От шкафа кругленькая ручка
И из пластмассы закорючка.
Хоть я не знаю, это что,
Но всё полезное зато.
Хочу я взрослым стать, и вот
Прошу у папы — он поймёт —
Купить штаны, как у Романа,
Чтоб было два больших кармана.

Хорошо, когда семья

Мы идём втроём по улице,
Папа, мама, в центре я.
Папа надо мной сутулится.
Вместе мы одна семья.
Хорошо, когда семья:
Папа, мамочка и я.

Друг за друга крепко держимся,
Я качаюсь на руках,
И на солнце сладко нежусь,
Я летаю в облаках.
Хорошо, когда семья:
Папа, мамочка и я.

И спрошу у мамы смело я,
Как решается вопрос,
Чтобы аист, птица белая,
Брата мне весной принёс.
Хорошо, когда семья:
Папа, мама, брат и я!

Бережок

Иван Привалов

Иван Привалов — подполковник милиции, в отставке. Награжден орденом Мужества, медалями «За отвагу», медалями ордена «За заслуги перед Отечеством» 1 и 2 степени.

В апреле 2011 году за выдающиеся достижения в области патриотического воспитания объявлен победителем конкурса «Патриот Земли Российской» имени Великого князя Александра Невского (Калининград). Публиковался на сайте «Росписатель». В журнале «Берега», № 4-14, опубликована повесть «Следы на песке» о милиционерах, принимавших участие в контртеррористической операции на Северном Кавказе.

Самый западный день

Рассказ

А моя Виктория спит в кроватке, у окна. В самом западном городе великой страны. В самом западном детском саду. В новом и красивом. Уютном и добром. На улице героя Советского Союза Степана Дадаева. Утром, когда темный холод улицы еще не прогнал остатки сна, по дороге, огибая лужи и омуты грязи, бредем на его теплые огни. Бредем, если на ногах нет резиновых сапог. Но сапоги, одетые поутру, добавляют бодрости. И тогда вприпрыжку, с нетерпением, за руку и на улицу. Идем и идем. Улочка маленькая, но сапоги удлиняют ее вдвое. Сократить расстояние можно лишь упоминанием о своем опоздании на работу, ждущими детьми и воспитателем, лишением очередного сюрприза.

— А что, Марина Геннадьевна сегодня будет?

— Да!

— А Александра Евгеньевна, почему не приходит?

— Потому что она сейчас живет в Калининграде.

— А мы к ней поедem? А когда? А что — у нее другие детки?

А в раздевалке уткнется головой в грудь, потрется котенком, обнимет, закроет глаза и мурлычет песенку про кота. Тихонько — чтобы себя не разбудить. Помурлыкаем, наденем новое платье и танцем, кружась наверх, в группу.

В группе дети за столом, книги листают с картинками. Бежит к воспитателю, обнимет, поздороуется и назад. Целоваться со мной, обниматься. Махать руками на прощание. Одной: пока-пока, другой: китайским болванчиком — из стороны в сторону. И вдогонку воздушный поцелуй, отправленный детским дыханием с ладони. Серьезный и весомый, робкий и нежный. Осинovým дрожащим листком догоняющий и оберегающий: «Я тебя люблю».

Дела захватывают, отодвигают все в сторону. А все равно бросаю взгляд на часы: сейчас идут гулять; садятся кушать; ложатся спать. Вот уже и время — пора забирать. Немного задержался. Встречает, дергая за руку:

— А почему ты меня не забрал, как я поела?! Сразу!?

Начинаешь объяснять, но гнев уже прошел, она уже порхнула в раздевалку. Пытаюсь одеть, поймать ее курткой, но пока не пройдет по всем названиям шкафчиков — бесполезно. Лисоньки, паровозики, грибы, цветы. Тянет рукой поверх шкафчика, к плакатам за безопасность:

— А зачем этот дядя мальчика конфетой позвал?

— Этот дядя чужой, он с виду добрый, а сам очень злой. А конфетой заманивает, чтобы потом съест. Что надо делать, если тебя незнакомые схватят за руку и будут тащить куда-нибудь?

Вика замирает, делает страшные глаза и кричит на всю раздевалку:

— Отпустите меня! Я вас не знаю! Вы не мои папа и мама! Пожар!

Хочу уходить, но она требовательно тащит к другому плакату:

— А зачем детки спичками играют?! Это нельзя! Может случиться пожар, пожарные будут тушить. А детки могут сгореть. Это как у нас было! Когда дым был дома, а я у дяди Сережи сидела. Машины пожарные приезжали с огоньками. А потом дома пахло плохо. И мы окна открывали. А на окне бабочку я рисовала. Ей ничего не было, — тараторит воспоминанием.

— А почему в розетку ничего нельзя включать? Вот я ничего не включаю! Потому что может загореться и током ударить!

— А это что!? Эту дверь нельзя открывать? А почему? Потому что там плохие? А что надо делать? Вот я погавкаю как собака, и они уйдут, потому что испугаются!

Наконец, одевшись, уходим. Ага! Не тут-то было. Пока никого нет, тянет меня во дворик. Обходим здание сада, собирая и относя в беседку найденные игрушки, оставленные с утренней прогулки. Идет, мило ворча детством:

— Поразбросали, понимаешь! А им холодно. Они же обидятся и уйдут. А детки придут играть, а их нет. Что они тогда будут делать?!

И несет, и укладывает, и убирает. Ищет веник. И только когда все оказывается на своих — ее местах, дает себя увести.

Дальнейший маршрут выбирает сама: мы идем на море. Идет, щебечет. О том, что кушали, сколько, что рисовали. Начинает петь песенку, разученную с воспитателем. Сбивается. Замолкает. Выдумывает новые слова и поет снова и снова. Идем мимо парка, в который мы давно не ходим. В парке грязно и непролазно. В парке с одной дорожкой, разделенной пополам группой каменных медведей, разрисованных во все цвета радуги. Былая гордость балтийцев. С кинотеатрами и аллеями, скамейками и скульптурами, с кружками и занятиями. Все в прошлом. Там хорошо только, когда на море шторм. Тихо.

Вика тянет мимо древнего немецкого форта, окруженного глубоким рвом с водой, сурово смотрящим грозными бойницами кровавого кирпича прошедших войн.

— Ого-гоо-оо!!! — Это она кричит тут. Кричит всегда. Кричит, потому что здесь замечательное эхо. Но только после садика. После сна. Днем эхо куда-то прячется. Наверное, солнышка боится. Или спит. И просыпается к ночи.

А уточки боятся ее крика и, шурша крыльями, взбивая воду лапками, катерами уплывают подальше от опасного соседства. Дочь любит и тянет меня дальше. А я знаю, куда она меня тянет — на немецкое кладбище. Воинское захоронение немецких солдат. Когда кому-то рассказываешь, что у нас место прогулок — кладбище, все становятся какими-то серьезными. И смотрят так подозрительно. А что делать? Четверть Балтийска вырастили своих детей здесь, на кладбище. На берегу моря, среди песчаных, поющих и гуляющих туда-сюда дюн. Среди сосен, дурманящих своей чистотой, и шишек, хрустящих под ногами. По густому ковру, сотканному из мхов и травы, на которую и упасть-то не страшно — как в кровать, со всего размаху. Вырастили, сидя на добротных скамьях, среди ухоженных дорожек. Вырастили среди этой трагической тишины, слушая размеренное морзе дятла — единственного, кому разрешено ее тревожить. И дети с пеленок знают, что в этом месте нельзя шуметь и что-либо выносить за ограду. А что нам делать, если кладбище — единственное приличное и безопасное место?! Потому и ходим сюда. Да и еще, потому что здесь она задает вопросы о войне. Здесь, в тишине, она пытается понять про жизнь и смерть, про врагов и друзей, про добро и зло. Ну, место такое.

Надышавшись, набегавшись, с тихим стуком закрыв за собой калитку, услышав низкий гул корабля, торопимся к каналу. И вовремя. Мимо серо-свинцовой тенью скользит гордость нашего флота — боевой корабль, грозный и надежный. Он обжигает оранжевым рядом спасательных жилетов на матросах, оглушает командами командиров, шлейфом парящих чаек, он устремлен на защиту границ Родины. Машем ему руками и кричим, заглушаемые ревом двигателей и хлесткими ударами волн. Обласканные солеными брызгами и укутанные сизым дымком, неприятно щекочущим нос, бежим за ним: за дымком, за набегаящими волнами, за чайками, за пенным, исчезающим следом, за кораблем. Мимо стоящих на площадке машин, мимо приветливо улыбающейся девушки, торгующей янтарем, мимо остатков летнего кафе. Бежим по ступенькам вверх к памятнику императрице Елизавете Петровне, сидящей на коне. Она поставлена на высокую площадку с обязанностью — встречать и провожать моряков и матросов, военных и гражданских, жителей и гостей. Далеко ее видно. Да и с нее тоже: суда

на рейде; рыбаки, таскающие удочками серебряную салаку; красные крыши домов на другой стороне пролива; старую, потемневшую от времени зеленую немецкую башню; рыжие дюны, стыдящиеся темными пятнами песка; берег, атакованный молочными бурунами волн; краешек Северного мола — самую западную точку России, и огибающий ее, уносящий на боевую службу защитников, корабль.

— А куда они поплыли? А зачем? А что они там будут делать? А солнышко они догонят? А почему? — летят горохом вопросы. Вытираю выступившие от ветра слезы на ее лице и отвечаю, отвечаю, отвечаю. Отвечаю до заката, до загоревшихся огней в море, в домах. До маяка, все ярче и увереннее указывающего путь. До первых звезд. По звездам и идем домой, изучая созвездия и планеты.

— А это Большая Медведица?

— Да! Ведмедица!

Начинает сразу же поправлять:

— Папа! Не ведмедица, а медведица! Ты неправильно говоришь! Правильно надо: медведица! Ты понял!?

Киваю головой:

— Конечно!

— А почему звезд мало? А когда будут планеты? А почему солнышко в воде не шипит? А почему закат разный? А почему? Почему? Почему?

Так по звездам и домой. Ужин готовить. К приезду мамы с работы нужно успеть. Пока готовлю, что и из чего, Вика, окружив себя игрушками, начинает читать им книгу о космосе. Серьезно. Показывая картинки. Водя пальцем по строчкам. Это она воспитатель в детском саду. Занимается. А поиграв, прибегают и — обезьянкой по мне взбирается на кухонный стол:

— А что ты делаешь? А что ты готовишь? А можно я тебе помогу. А давай я посолою. А ты от лука плачешь? А как это называется?

— Это блюдо называется... — тут же придумываю — «Заблудившийся кальмар!»

— Кальмар?! А почему он заблудился? А где он заблудился? А у него папы с мамой нет, и мы его съедем, потому что он заблудился? А мне его жалко. А может, мы не будем его есть? А когда придет мама? А это будет вкусно? А я перец не люблю — он горький. Кушать хочу. Дай мне попить. Давай споем какую-нибудь песню, какую бабушка раньше пела. Про соловья.

И поем с ней украинские, и русские народные, и чьи-то. Она с детства знает, что от песен кушанье вкуснее становится. Она уже взрослая — ей скоро пять лет будет, а сейчас четыре.

Пришла мама. Покушали. Затрепали кальмаров.

— Не надо было из дома без родителей ходить! — набитым ртом прокомментировала Вика ужин.

Пошли собираться к садику. Гладиться и подбирать наряд. А я сажусь писать.

Прибегают:

— А что ты делаешь?

— Пишу!

— А о чем?

— О тебе!

— А зачем?

— На конкурс.

Думает. Ходит кругами вокруг. А потом:

— Ну, ты же не умеешь писать! Ты же совсем не умеешь писать! Ты же в школу не ходишь!

— Виктория! Вы меня обижаете!

— Нет, ну ты посмотри! Ну, ты же не умеешь! Давай я тебе помогу! Я тебя научу!

Садится рядом. Берет листы бумаги, ручку и начинает писать. На лист ложатся почти ровные волны зубцов. Строчками. С придыханием и с высунутым языком. Старательно и упрямо. Проговаривая вслух: «Вика Привалова приглашает вас на конкурс. Воспитатель Ирина Юрьевна. В феврале у нас будет конкурс, и мы в феврале пойдем на него с папой и мамой. Пусть они не уходят, чтобы посмотреть наш конкурс. Я не знаю, про чего будет конкурс. Скажи, как держать ручку, чтобы она писала. Мы придем на... ля-ля-ля. Мы будем петь... там-там-там».

Поет свою песню, отдает исписанный лист:

— Вот так, папа, это тебе рассказ. А мне спать нужно. Завтра рано на работу, к деткам...

Наши друзья

Советуем читать:

Дальневосточный журнал «Сихотэ-Алинь»: haos216@mail.ru Почтовый адрес: 690003, Владивосток, ул. Авраменко, д.17, кв. 65

Литературный журнал «Наш современник»: nash-sovremennik.ru

Журнал «Великоросс»: http://www.velykoross.ru/journals/all/journal_29/article_1253/

Журнал «Экоград» Москва: <http://ekogradmoscow.ru/novosti/novosti-press-sluzhb/zhurnal-berega-pobedil-v-konkurse-zhurnalistikogo-masterstva-slava-rossii>

Виртуальный салон искусств «Преголя-арт»: <http://pregolia-art.com>

Международный пресс-клуб: <http://www.pr-club.com/>

Русский народный дом: <http://rusnardom.ru/russkaya-literatura/poeziya/intervyu-yunnyi-morits/>

Журнал «Воин России»: voin-rossii.ru

Журнал «Новая Немига литературная»

Портал Переправа <http://pereprava.org/>

Общество Русско-Американской дружбы «Добрая Воля» в Вашингтоне www.raga.org

Русская народная линия <http://www.rusklina.ru>

Журнал «Подъем» — <http://www.podiem.vsi.ru>

Поддержка журналу

Дорогие друзья!

Помощь журналу, приобретение и подписка на журнал «Берега» осуществляется перечислением на карточку Сбербанка Маэстро на счет: **63900220 9003003076**.

Стоимость одного журнала — 400 руб.

Подписка на год — 2400 рублей.

Свой почтовый адрес после оплаты
выслать Лидии Владимировне Довыденко:

dovidenko_L@mail.ru